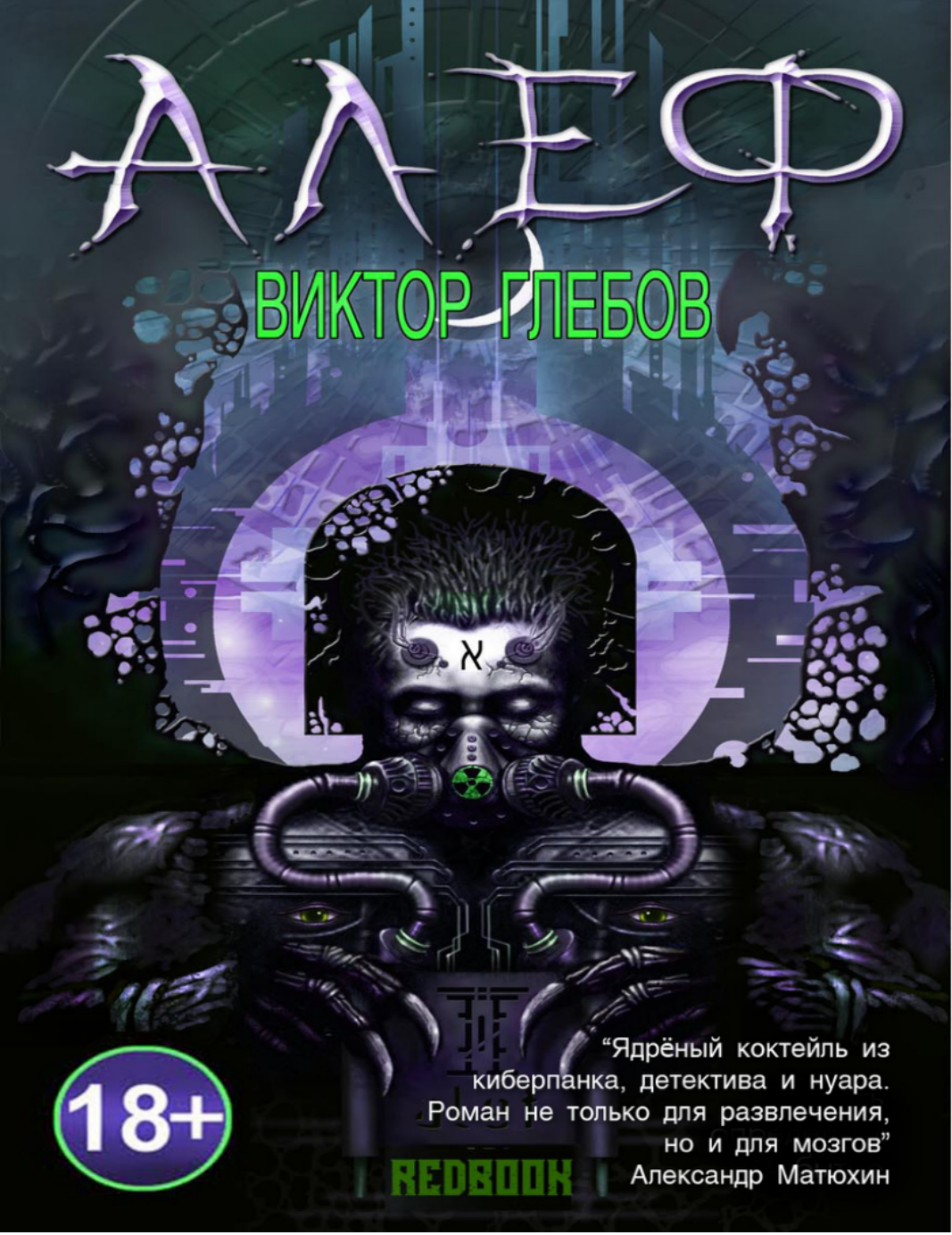
АЛЕФ

ВИКТОР ГЛЕБОВ



18+

"Ядрёный коктейль из киберпанка, детектива и нуара. Роман не только для развлечения, но и для мозгов"
Александр Матюхин

REDBOOK

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Он живёт двумя жизнями. Одна, скучная и невзрачная, протекает в обычном мире, где он – хакер, зарабатывающий промышленным шпионажем. Другая – в виртуальной реальности. Там он известен всем. Там его ненавидят и преследуют. Он рискует жизнью, крадёт, убивает и мечтает построить свою финансовую империю. Смерть – его бизнес. Он – торговец мёртвыми детьми.

- Виктор Глебов
  -
  - От автора
  - Предисловие
  - ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
    - Глава 5
    - Глава 6
    - Глава 7
    - Глава 8
  - ЧАСТЬ ВТОРАЯ
    - Глава 9
    - Глава 10
    - Глава 11
    - Глава 12
    - Глава 13
    - Глава 14
    - Глава 15
    - Глава 16
    - Глава 17

Виктор Глебов
АЛЕФ

(c) Оформление: Виктор Глебов
Издательство REDBOOK, 2018 г.
Ограничение 18+

От автора

Автор обращает внимание читателей, что все эпатирующие заявления, присутствующие в данной книге, делаются её вымышленными персонажами - в частности, главным героем. Их точки зрения и мнения являются их характеристиками, они могут не совпадать - и, как правило, не совпадают - с точкой зрения и мнением автора и уж точно не служат пропагандой уже хотя бы по той простой причине, что показывают героев с отрицательной стороны. Автор надеется на адекватное восприятие читателями данных аспектов книги и заявляет, что, со своей стороны, чтит законы РФ и не имеет намерения нарушить их ни в слове, ни в духе.

Предисловие

Новый роман Виктора Глебова - ядрёный коктейль из киберпанка, классического детектива, нуара с примесью библейских мотивов. Взболтать, но не смешивать. Пить умеренными дозами, делая паузы на размышления. Именно так. Иначе ничего не поймете.

В этом романе вы не найдете прямой сюжетной линии, ведущей из точки А в точку Б. Вскрывать слои нужно постепенно, пробуя на вкус каждую мысль, которую автор вложил в уста того или иного персонажа, двигаться неторопливо и вдумчиво. Роман не только для развлечения, но и для мозгов.

Александр Матюхин

«Откуда берёшь ты смелость, - сказал мне
однажды Тамбиев, - так сходно изображать
человека, созданного по подобию Аллаха?
Души ты не можешь ведь дать твоему
изображению. Смотри, когда ты умрёшь,
на том свете твои суреты отнимут у тебя
покой, требуя для себя бессмертной души;
а откуда ты её возьмёшь?»

Ф. Ф. Торнау «Воспоминания кавказского офицера»

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
Убийцы, трупы, глобальная угроза и азотная кислота

Глава 1

Фабрика, владельцем которой я являюсь, выпускает уродов. Да, именно так, маленьких отвратительных ублюдков здесь заспиртовывают, накачивают формальдегидом или покрывают слоем стеклопластмассы, а затем продают по всему миру.

Сейчас я в своём кабинете - просторной комнате на пятнадцатом этаже недавно построенного небоскрёба, который включает сто двадцать этажей и целиком сдан в аренду под офисы различных компаний. Чем лучше у фирмы идут дела, тем дольше её сотрудникам подниматься на лифте. Этакая современная Вавилонская башня, выстроенная во имя коммерческого успеха и благодаря ему. Последний ярус практически упирается в небо - там трудятся «боги». Так мы, обитатели нижних этажей, их называем.

Чем больше у фирмы доход, тем сильнее гордыня её владельца, и тем выше он сидит. Я мечтаю вознестись на вершину этого фаллического Олимпа, исполненного в стекле и бетоне, обозреть распростёршийся у подножия город и почувствовать себя построившим свой мир, в котором нет места жалости, стыду или сомнению.

Но пока что я занят попыткой сбыть один из экземпляров нашей продукции. Мистер Бриджес мне омерзителен - впрочем, не более чем любой другой посетитель моего кабинета. Он надутый и самодовольный психопат, решивший, что собирать уродцев - модно. У него в глазах нет ни интеллекта, ни даже здравого смысла - только азарт. Наверняка подобные ему личности украшали некогда свои кабинеты креслами, обтянутыми человеческой кожей, и покупали ненаглядным фройляйн гребешки из костей убитых в Бухенвальде евреев.

- Обратите внимание, сэр, перед вами редчайший представитель «русалки», - говорю я развалившемуся на стуле извращенцу. - Помнится, такого в вашей коллекции ещё нет. Прошу, оцените остроту и длину хвоста. Он аккуратнейше заштопан нашим лучшим мастером - шва почти не видно, и экземпляр выглядит совершенно, как живой.

- Да, действительно прелесть, - соглашается толстяк,

поправляя соскальзывающие с потного носа очки, - но, к сожалению, я уже приобрёл такого частным путём на прошлой неделе, и он гораздо крупнее. *Гораздо*.

- Но, уверен, не такой тонкой работы, сэр, - учтиво замечаю я, демонстрируя ему содержание банки на свет. Полный идиотизм. Я чувствую себя ярмарочным зазывалой, но меня забавляет, что Бриджес воспринимает всё так серьёзно.

- Безусловно, репутация вашей фирмы не подлежит сомнению, - он вяло улыбается, давая понять, что я должен расценить эту жалкую сентенцию как комплимент, - однако второй экземпляр мне ни к чему. А вот нет ли у вас «сирен»?

- Отчего же? - говорю я, придвигая другую банку. - Вот замечательный малютка, совершенно свежий, вчера доставили из Малайзии. Обратите внимание на пигментацию кожи, она целиком сохранена благодаря нашей новой эксклюзивной технологии обработки эпидермиса.

Клиент благоговейно принимает из моих рук сосуд с плавающим в зеленоватой жидкости трупиком и несколько минут восхищённо рассматривает его со всех сторон, а затем, бережно поставив на край стола и стараясь казаться равнодушным, произносит:

- Ну, и сколько же он стоит?

- Одну минутку, - отвечаю я. - Сейчас только справлюсь по каталогу, - мне нужно подержать Бриджеса в напряжении, чтобы ему по-настоящему захотелось поместить этого заштопанного младенца в свою коллекцию. - Тридцать пять тысяч, - объявляю я спустя полминуты и вижу, как на лице толстяка появляется счастливая улыбка.

- Могу я забрать его прямо сейчас?

- Разумеется, сэр. Если произведёте оплату.

- Само собой.

- Наличные или карта?

Бриджес выбирает последнее.

Прощаясь, он одной рукой прижимает к груди драгоценного уродца, а другой хлопает меня по плечу и восклицает:

- С вами так приятно иметь дело!

- Вы наш лучший клиент, сэр, - отвечаю я и, проводив Бриджеса до двери, возвращаюсь к столу.

Стол - моя гордость. Длинный и широкий, идеально ровный, вырезанный из цельной панели красного дерева, по краям он отделан шлифованной сталью.

Я держу на столе мелкие безделушки, приобретённые в разных местах или подаренные благодарными клиентами. Некоторые сувениры довольно экстравагантны, особенно набор

обсидиановых уродцев, разобраться в переплетениях рук, ног и ещё чёрт знает каких частей тела которых мне не под силу.

Больше всего я люблю нефритовую шкатулку, выполненную в форме гробницы: золотые с синим глаза фараона устремлены вверх и заключают в себе вечность, в руках он держит крест с петлёй, символизирующий вечную жизнь. Меня восхищает эта статичность, воплотившаяся некогда в пирамидах и желании победить смерть. Египтяне тоже умели делать мумий, ещё почище меня.

Я переключаю кондиционер на режим легкого бриза - после схватки с Бриджесом мне необходимо освежиться. Минут через пять нажимаю на столе встроенную круглую розовую кнопку, напоминающую пупок. Тихо щёлкнув, интерком связывает меня с приёмной.

- Что скажешь? - задаю я вопрос, откидываясь на спинку кресла.

- Этот мистер Бриджес какой-то странный, - сообщает мне секретарша своё мнение о только что вышедшем клиенте очаровательным переливчатым голоском. - Мне кажется, он не совсем здоров на голову. Так крепко прижимал к сердцу своего уродца. И что только эти чокнутые в них находят?

- Я думаю, он с ними совокупляется. Кто там следующий? - не то, чтобы я серьёзно подозревал мистера Бриджеса в некрофилических наклонностях, но кто знает? В конце концов, никогда нельзя исключать подобной возможности. Ведь мертвецы такие покорные и безотказные…

- Мистер Доминик прибудет через пять минут. Желаете освежиться перед встречей? - голосок секретарши щебечет райской птичкой, он - почти единственное, что скрашивает мои наполненные рутиной рабочие дни.

Я прошу принести стакан газировки и подхожу к зеркалу проверить свою презентабельность. В каком-то смысле, я - тоже товар. Лицо фирмы должно располагать к покупке. По нескольку раз в день я продаю свои внешний вид и манеры грязным извращенцам, притворяясь, будто действительно принимаю их за крупных клиентов и серьёзных, деловых людей. Конечно, большинство из них руководит различными компаниями, трестами и концернами, но это не мешает им оставаться посредственностями, перенявшими моду из моих рук. Поистине, гений обречён жить в кругу ничтожеств!

Мистер Доминик - сухопарый, высокий старик с надменно поджатыми губами - свою коллекцию начал собирать со своих детей - сиамских близнецов, и любил повторять, что благодарен природе за то, что первый экземпляр достался ему бесплатно.

Говорят, его жена не выдержала подобного отношения к собственным чадам и через пару месяцев оказалась в психиатрической лечебнице.

Глупышка, посмотрела бы она на наш заводской конвейер, который даёт возможность безбедного существования сотням женщин - достаточно только активно употреблять транквилизаторы до и во время зачатия, чтобы заработать кругленькую сумму.

Мы сказали новое слово в промышленности, создав свою индустрию - экономический союз людей и машин. Множество потных мужских и женских тел работают на нас во всём мире, и этот процесс не прекращается ни на минуту: даже сейчас где-то зачинают, рожают и шлют нам десятки маленьких мёртвых монстров, которые скоро займут место на полках и стеллажах богатых коллекционеров.

В нашем бизнесе существует только одна проблема - перенасыщение рынка товаром, ведь разновидностей уродств, так же как и богатых любителей патологий, не слишком много. Поэтому наибольшим спросом пользуются редкие или уникальные экземпляры. Чтобы родить такое чудище, женщины порой доводят себя до передозировок или состояния, при котором вместо уродца исторгают и вовсе недоразвитое нечто.

Конечно, подобные действия - я имею в виду целенаправленное уродование плода - незаконны, но одновременно и недоказуемы. Кроме того, большая часть товара приходит из стран третьего мира, где много «дури», но мало денег. Узкоглазые циклопы, чёрные сиамские близнецы - частые явления на нашем рынке, именно поэтому настоящие ценители предпочитают белых младенцев. Не из-за расизма, а в силу стремления обладать раритетом. Предполагать здесь какую-то дискриминацию было бы абсурдом.

Но довольно отступлений. Итак, мистер Доминик пришел, чтобы приобрести белого «циклопа». Желание понятное и достойное всяческого уважения.

- Добрый день, - говорит он, сухо кашлянув в кулак. - Мне назначено.

Звучит это так, словно он явился на приём к врачу.

- Да, конечно, сэр, я жду вас. Пожалуйста, садитесь.

Мистер Доминик берёт стул и опускается на него, нетерпеливо теребя полу пиджака узловатыми пальцами, словно составленными из крохотных эрегированных членов.

- Мне сказали…сообщили, что у вас есть редкий экземпляр, - он с трудом подбирает слова, эта акула финансового мира.

- О да, сэр! Это я попросил вас известить, зная ваши вкусы.

Но должен предупредить, что сказал вам не всё: кроме того, что этот младенец - замечательно крупный восьмимесячный циклоп, он ещё и наделён хвостом!

Пот проступает на лысом черепе старика. Я жалею, что он не носит очков - было бы забавно увидеть, как они запотеют.

- Покажите! - говорит он, плотоядно сглотнув.

Мне кажется, я слышу, как бьётся его сердце. Надеюсь, он не скапутится до того, как выпишет чек - с таких старых пердунов станется, от них можно ожидать всего. Но я стараюсь не думать об этом и начинаю разбазаривать свой светозарный гений на это чучело.

- Вот, - пятилитровый контейнер опускается перед мистером Домиником, - обратите внимание, как хорошо развит плод, можно разглядеть даже зачатки ушей.

Старик минут пять крутит и поворачивает ёмкость, сосредоточенно вглядываясь в труп, потом говорит:

- Сколько?

Я проделываю ту же операцию с каталогом, что и меньше получаса назад. Мне доставляет удовольствие листать этот фолиант в толстом чёрном переплёте - я словно причащаюсь таинству жизни и смерти, прошедшему сквозь тысячелетия для того, чтобы оказаться на моём рабочем столе. Да и где ещё могла оказаться книга мёртвых, как не в Новом Вавилоне - небоскрёбе, возвышающемся в центре города.

- Пятьдесят тысяч, сэр, - говорю я с вежливой улыбкой.

- Пришлите мне его завтра утром вместе со счётом.

Мистер Доминик - единственный клиент, никогда не забирающий покупки с собой. Он поступает так потому, что боится разбить по дороге контейнер и испортить образец, а наша фирма не предоставляет гарантию на такого рода «поломки». Впрочем, мистер Доминик беспокоится напрасно: ёмкости отлиты из прозрачного полимера, которому не страшны даже весьма сильные удары.

- Хорошо, сэр, - отвечаю я, поднимаясь, чтобы проводить его до двери. - Как обычно к десяти?

- Да, - старик суёт мне на прощанье сухую ладонь и выходит.

- Мила, кто следующий? - осведомляюсь я у интеркома.

- Мсье Фернен, из Парижа. У нас впервые.

- Он говорит по-английски?

- Конечно. Кстати, в анкете мсье Фернен указал, что его коллекция огромна, и заинтересовать его может только что-нибудь действительно выдающееся.

- Понятно, - я сажусь за стол и раскрываю толстую книгу в чёрном кожаном переплёте - каталог не просто умерших, но тех,

кто никогда не жил, чьи имена не были записаны в Книгу Тота.

Разве я совершаю грех? Ведь этих маленьких монстров даже нет в списках людей: их души не покидали Гуф.

Ну, да ладно, вернёмся к работе. Что же может понравиться этому привередливому французу? Пара сросшихся спинами девочек с сохранением всех верхних конечностей? Или сирены, лишённые кистей и глаз? А, может, мальчики с одной на двоих головой?

Вам, наверное, интересно, куда деваются все те тонны младенцев, которые в силу своей заурядности не представляют интереса для мало-мальски стоящей коллекции? Отвечаю: все они отправляются в научно-исследовательские и просветительские центры: медицинские биологические лаборатории, анатомические театры, музеи, больницы и просто школы.

Доктора обожают вскрывать безобразных малюток - они ищут средство для предотвращения подобных явлений и не понимают, что просто-напросто пытаются сделать тысячи людей голодными и подорвать экономику. Но мы не боимся их жалких усилий, потому что, пока за уродство платят, оно не исчезнет. Мёртвые дети кормят миллионы, кто же станет принимать лекарства, отдавая деньги за то, чтобы вместо вознаграждения получить обузу в виде здорового сопляка, который вечно орёт, просит жрать и вообще создаёт кучу проблем?

Процветание нашей индустрии может подорвать только одно - наркотики, алкоголь и сигареты запретят под страхом смертной казни. Но подобного не случится, поскольку сделать это некому.

В самом деле, представьте, что некто решил уничтожить во всём мире танки, истребители и ядерные ракеты. Теперь вообразите, что ему это удалось. Не можете? Я тоже. Так что станки нашей фабрики будут отливать ёмкости, прессы штамповать для них крышки, а насосы откачивать из младенцев кровь, заменяя её формальдегидом.

По правде говоря, видя работу станков, я испытываю возбуждение сродни сексуальному, поэтому иногда нарочно заезжаю на завод полюбоваться отлаженным процессом. В конце концов, создатель имеет право насладиться результатом своего труда.

Итак, я решаю предложить Фернену нечто действительно выдающееся: голландского циклопа с ластами вместо рук, а главное (замрите от восторга!) - с оформившейся радужной оболочкой изумительного зелёного цвета. За такого красавчика я возьму с него тысяч сто, не меньше, даже жалко продавать: его можно было бы сделать талисманом нашей фирмы! Но надо расширять сферу деятельности - ведь во Франции много богатых

людей.

Когда мы только начинали, было несколько жалких попыток составить нам конкуренцию, но они лопнули как мыльные пузыри. То, что у нас работают лучшие специалисты, стало ясно всем очень быстро, ибо продукция нашей фабрики не гнила, не расползалась, не воняла, не теряла цвет и сохраняла вид совсем свежего выкидыша. Никто не хочет заплатить большие деньги за новую игрушку, а на следующий день обнаружить, что она превратилась в кучу обломков. Мы сделали ставку на качество и не прогадали. Доверие - то, что составляет в наше время такую редкость - позволило нам обойти всех конкурентов. Большинство коллекционеров знакомо друг с другом, даже если живут в разных концах света. Одинаковые интересы и необычность увлечения объединяют их в своеобразные клубы и сообщества. Существует даже что-то вроде конкуренции: каждый хочет иметь то, чего нет у других. Конечно, людей, которые могут позволить себе подобное соревнование, немного, как и вообще тех, кто увлекается этим своеобразным хобби, ибо естественный материальный ценз не допускает в ряды коллекционеров тех, кто не способен заработать в год больше миллиона.

Клиенты у фирмы нашлись сразу, и не только частные. Несколько стран регулярно пополняют у нас свои музейные экспозиции. Мы, тем не менее, гордимся, что именно в России впервые появилось шоу мёртвых уродцев. Я, разумеется, имею в виду созданную Петром I Кунсткамеру.

Конечно, есть у фирмы и враги. В первую очередь это представители религий. Не проходит и дня, чтобы под окнами моего офиса не устроили демонстрацию в защиту прав детей или ещё чего-нибудь, но обычно к обеду митингующих разгоняет полиция.

Говорят, будто мы дважды приветствуем порок: с одной стороны зарабатывая на нём, а с другой, потакая ему. Но я спрашиваю: что такое порок? По нашему мнению, порок есть не то, что человек делает *вопреки* мнению других людей, а то, что он совершает *с целью* вызвать недовольство. Мы же никогда не ставили перед собой подобной задачи, а наоборот, работали, стараясь удовлетворить вкусы собратьев, не могущих сделать этого самостоятельно. Поэтому мы считаем свою деятельность в высшей степени гуманной и общественно полезной.

Разве люди, размахивающие под моими окнами плакатами и выкрикивающие дурацкие лозунги, думают о детях, которых якобы защищают? Нет, в первую очередь, они озабочены демонстрацией своей либеральности, демократичности или гуманности. Они даже не понимают, что младенцы, которых

присылают к нам на завод, никогда не стали бы здоровыми ребятишками, бегающими по утрам в школу. Это мы, наши банковские счета и ревущие станки, день и ночь перегоняющие формальдегид и спирт, спровоцировали их появление - не как потомства, а именно как товара. Их родители скидывали одежду и сбивали простыни только с одной целью - заработать! Вовсе не милых ангелочков представляли они, кончая в угаре алкоголя и дури, а деньги, хрустящие, пахнущие свежей типографской краской деньги - единственное, что чего-то стоит на этом свете!

Журналисты пишут, будто мы платим за смерть, моих детей дразнят в школе труповозами, ненормальные постоянно присылают мне угрозы, проповедники не устают поминать меня в обличающих проповедях, но я на всё отвечаю одно:

- Отвалите! Не мешайте строить мир достатка и процветания!

При виде необычного циклопа Фернен приходит в восторг. Он выкладывает сто тысяч, не торгуясь, а потом спрашивает, нет ли у нас олигофренов - ими очень интересуется один его большой друг в Париже.

Я отвечаю, что нет, поскольку подобные дети обычно не умирают при родах и воспитываются в специальных школах.

- Большая, ужасная ошибка, - качает головой мсье Фернен. - Из-за гуманизма цивилизация катится в пропасть!

- Почему?

- Как?! - восклицает француз. - Разве вы не понимаете? Ведь это малодушие уже привело к тому, что человечество стало тупиковой ветвью эволюции. Оно не развивается, не совершенствуется. Скоро мы вымрем, как динозавры, из-за того, что слабые и откровенно ущербные особи не уничтожаются естественным отбором, а размножаются, уродуя генофонд. Это разве гуманизм? По-моему, скорее человеконенавистничество!

Мсье Фернен уходит из моего кабинета, кипя от возмущения, но счастливый - ведь он заполучил редкий экземпляр.

Его рассуждения о гуманизме и эволюции убоги и смешны: кажется, подобные позиции развенчали давным-давно. Однако ему, должно быть, очень уютно в своём ограниченном мирке ненависти и заблуждений. Ничтожный человечишко, мне он отвратителен.

- К вам ещё один посетитель, - говорит секретарша, когда я

нажимаю розовую кнопку. - Некто доктор Шпигель.

- Кто такой? - я хмурюсь, безуспешно пытаясь вспомнить клиента с такой фамилией.

- Представился сотрудником медицинского факультета какого-то берлинского института - визитка напечатана по-немецки, не разберу.

- А как тебе подсказывает женская интуиция, кто он? - спрашиваю я, заподозрив неладное.

- По мне, так священник. У нас в приходской школе был похожий.

- Ты ходила в приходскую школу? - я удивлён.

- Очень давно! - хихикает секретарша. - Так что, пропустить его?

Я задумываюсь: с одной стороны, не хочется нарваться на очередного ханжу, лезущего с проповедями, а с другой, это может оказаться стоящий клиент.

- Проси, - решаю я и, поставив на стол резервуар с самым гадким уродом (лучший тест на лояльное отношение к нашему бизнесу: если человек не коллекционер, его тут же вывернет), усаживаюсь в кресло.

Дверь открывается, и в кабинет заходит высокий мужчина во френче и белоснежной рубашке. У него тёмные, аккуратно приглаженные волосы, серые крупные глаза и плотно сжатый рот. По тому, какой равнодушный взгляд он бросает на плод, я понимаю, что передо мной и не клиент, и не ханжа.

- Вас интересуют трупы животных? - спрашивает он сходу, останавливаясь перед столом.

- Меня интересуют все трупы, - отвечаю я с улыбкой.

По его первой фразе мне многое становится понятно. Это прагматичный человек. Он хочет делать бизнес, и у него есть идеи, возможности и новая сфера деятельности. Он может расширить и разнообразить товарный рынок. Он нам интересен. Он нам нужен.

Я вижу всё это благодаря опыту и интуиции. Мне не приходится вытаскивать из Шпигеля информацию клещами - он с удовольствием и готовностью излагает свои идеи. Мы быстро находим общий язык и уже через час совершаем экскурсию по заводу. Как и следовало ожидать, в основном его занимает техническая сторона производства - препараты и оборудование. Я выступаю в роли гида и рассказываю о том, как работает моё детище.

Самый примитивный завод по обработке мёртвых детей устроен приблизительно так: друг за другом выстроены три цеха, каждый из которых занят своим делом. Первый - это

операционная, где с заготовками работают люди, второй служит для производства ёмкостей, используемых в качестве тары, в третьем продукция упаковывается.

Процесс изготовления экземпляра выглядит приблизительно следующим образом.

Вначале труп попадает на стол патологоанатома, который его вскрывает, извлекает внутренности, наполняет освободившееся пространство формальдегидом, а затем зашивает. Для этого требуется большое искусство: чем тоньше и аккуратнее шов, тем выше цена. С гордостью могу сказать, что у нас работают лучшие специалисты, чьи навыки кройки и шитья вне конкуренции.

После этих процедур труп по конвейеру попадает в следующий цех, где специальная машина, смахивающая на железного осьминога, помещает его в специально приготовленную ёмкость, которая затем по конвейеру перемещается к следующему автомату, который наполняет её формальдегидом или спиртом.

Потом малыш отправляется в бальзамирующую камеру, где находится в течение нескольких часов при определённой температуре, способствующей наиболее полной пропитке органических тканей.

Ни во втором, ни в третьем цехе людей как непосредственных участников производственного процесса нет. Присутствуют только несколько наблюдателей, которые следят за тем, чтобы в работе машин не происходило сбоев.

- Представьте, сколько клиентов привлечёт новая отрасль, - говорит Шпигель, заглядывая в бальзамирующие камеры сквозь толстые небьющиеся стёкла. - И потом, ведь это, можно сказать, «эконом-вариант», который смогут позволить себе даже скромные коллекционеры - поскольку мутанты-животные пойдут по более низкой цене, чем человеческие аналоги.

- Разумеется, - отвечаю я. - У вас есть, так сказать, начальный капитал?

- Деньги? - тревожно уточняет Шпигель.

- Образцы.

- О да! - в голосе немца слышится облегчение. - Полная лаборатория: две крысы, три собаки, она лошадь, две коровы, змея и несколько куриц.

- Откуда столько?

- Наш институт находится недалеко от фермерских поселений, а вы бы видели, чем доблестные земледельцы удобряют свои поля! - на губах Шпигеля появляется усмешка. - С тех пор, как наше правительство дало разрешение на установку новых стимулирующих башен, двухголовые собаки только что по

улицам не бегают! Конечно, прогресс имеет неоспоримые достоинства, но лично мне кажется, что некоторые его стороны… м-м-м, как бы это сказать… не совсем приемлемы.

- Совершенно с вами согласен, - любезно отвечаю я, не пытаясь вникнуть в слова учёного. Когда человек собирается заработать на побочных явлениях прогресса, ему не стоит эти явления критиковать. - С животными всё понятно. Но в любом случае нужно посмотреть ваши экземпляры, сделать рекламу, оценить спрос.

- Тогда отправьте кого-нибудь со мной в Германию, и я всё покажу, - с готовностью говорит Шпигель.

- Обязательно. И как только всё уладится, ударим по рукам. Между прочим, я предлагаю вам возглавить немецкое отделение нашей фирмы.

Шпигель, кажется, готов расцеловать меня.

Простившись с ним, я возвращаюсь в кабинет. Через полтора часа наступит время обеда, и можно будет поехать домой.

Вас, наверное, интересует, почему я беру на себя решение такого важного вопроса, как расширение сферы деятельности, никого не спрашивая, хотя всё время намекаю на то, что не являюсь единственным владельцем фирмы?

Дело в том, что, хотя учредителей трое, управляю финансами я один, а мои компаньоны взяли на себя техническую сторону дела. Я не вмешиваюсь в их дела, а они - в мои.

Вы спросите, откуда такое взаимное доверие, и я отвечу: кому доверять, как не человеку, делающему для тебя деньги? Вот уже пять лет мы поддерживаем материальное благосостояние друг друга, и ещё ни разу не возникало повода для разногласий.

Разделение труда - великая вещь. Оно позволяет каждому чувствовать себя хозяином положения. Мой отец говорил: «Если хочешь убедить человека что-либо для тебя сделать, не доказывай ему, что он - колёсико, которое должно крутиться. Докажи ему, что он - колёсико, без которого ничего не будет работать».

Каждый хочет ощущать себя частью прогресса. Движение жизни создаёт впечатление деятельности, и человек думает, что способен создавать, преобразовывать, управлять. Он стремится принимать участие в ходе истории, и тот, кто позволяет ему думать, что это так, владеет им.

Шаг не имеет смысла, если не оставляет следа. Результат поступка должен быть налицо, ибо результат - это кирпичик в стене мироздания.

А любой человек хочет оставить по себе хоть какую-то память.

С тех пор, как в позапрошлом году мою машину закидали по дороге кирпичами, я езжу на бронированном автомобиле. Это тёмно-серый «Бэнтли» с тонированными окнами. Сам я вожу очень редко и держу шофёра. Он невысок, но достаточно крепок и компетентен, чтобы пользоваться оружием. К счастью, нынче убивать в целях самозащиты можно направо и налево, и я жду не дождусь, когда набравшиеся придурки полезут ко мне с обрезками труб или кастетами. Генрих клятвенно обещал мне разнести череп первому же зарвавшемуся дегенерату, так что я постоянно нахожусь в предвкушении фейерверка из ошмётков мозга. У меня тоже есть пистолет, но я ношу его не каждый день - так, по настроению. Стреляю я неплохо, но своему шофёру и в подмётки не гожусь.

Впрочем, никто не торопится бросаться под колёса моему «Бэнтли», так что здоровые развлечения, очевидно, придётся отложить до лучших времён, когда пресса окончательно настроит против меня всю общественность - тот средний класс, который считается в нашем странном мире примером для подражания.

Мой дом стоит в трёх километрах от города и со всех сторон окружён высокой оградой, вдоль которой разгуливают злобные доберманы. Я купил их на собачьей выставке в Осаке-Хонсю ещё щенками, а дрессировщик натаскал как сторожевых псов. Во дворе, разумеется, также полно всевозможных ловушек типа стальных сетей под напряжением и волчьих ям, помеченных ультразвуковыми маяками, так что собаки обходят их стороной, а дети прекрасно осведомлены о местоположении «сюрпризов». Я могу спать спокойно: никто, кроме членов моей семьи и слуг, не доберётся от ограды до дома живым - если вздумает перелезть через неё, разумеется. Для обычных посетителей устроен специальный «коридор» от ворот до крыльца, по которому можно передвигаться, не опасаясь собак. Эта зона просматривается камерами круглосуточно, а, кроме того, снабжена сканерами, подающими сигнал при попытке пронести оружие, взрывчатку или системы взлома программного оборудования. Иногда (довольно редко) возле дома появляются журналисты и пикетчики, но их я не пускаю - благо, ворота открываются дистанционно. Если же они начинают мне досаждать, вызываю полицию.

Слуги - это дворецкий Фёдор, невысокий коренастый человек,

уже в летах, но весьма подвижный, и его жена - кухарка Валентина, женщина полная и добрая, но с крутым нравом, правда, сказывающимся только на муже.

- Добрый день, господин Кармин, - говорит дворецкий, открывая мне дверь. - Прикажете подавать обед? - он гордится своей должностью и старается ей соответствовать. Думаю, он искренне считает, что может заткнуть за пояс любого из английских коллег. Забавно видеть, как он пыжится, изображая сдержанность и чопорность.

- Через час, Фёдор, - отвечаю я, передавая ему пальто.

Он идёт на кухню отдавать распоряжения, и в это время из гостиной доносится грохот. Я распахиваю дверь и вижу Виктора и Еву, склонившихся над осколками бюста Калигулы.

- Пап, этот засранец разбил твоего императора! - вопит, увидев меня, Ева.

- Заткнись! - отвечаю я. - И позови Фёдора, пусть уберёт.

Виктор и Ева - мои дети, им соответственно тринадцать и четырнадцать лет, они ходят в частную школу, а в прошлом году Ева родила от брата мальчика - у него гемофилия, патологически сниженный болевой порог и зелёные глаза. Я воспитываю их один: жена развелась со мной четыре года назад, но суд оставил детей мне, потому что у меня законный бизнес, а она - ничтожество без гроша в кармане.

- Где твой щенок? - спрашиваю я Еву, когда она возвращается с Фёдором.

- Наверху.

- Один?

- Да.

- Иди к нему и не смей оставлять без присмотра!

- Да что ему сделается?

- Заткнись! - говорю я, и Ева отправляется на второй этаж, обиженно опустив голову и бормоча что-то себе под нос.

Виктор в это время пытается улизнуть, но я останавливаю его.

- Что вы здесь натворили?

- Эта сучка толкнула меня за то, что я сказал, будто у неё дурацкий цвет волос. Вот я и задел твоего Калигулу! - зло отвечает он.

- Не смей говорить плохо о сестре! - я смотрю на часы. - Тебе пора ехать на занятия по теннису, одевайся.

Виктор уходит, радуясь, что легко отделался.

Как видите, я примерный отец и гражданин, а не какой-нибудь доктор Франкенштейн, обитающий в подвале мрачного замка, и по ночам мне не снятся заспиртованные трупы или

изуродованные младенцы, взывающие к отмщению. «Кровавые мальчики» - это так стар*о*. А в мире нет ничего пошлее того, что устарело. Новая мораль - благословенная влага для любого общества, желающего выжить в условиях всё более механизирующегося быта. Когда автономные пылесосы и прочие хозяйственные машины наводнили наши дома, нам пришлось заполнять освободившееся время развлечениями, а для этого понадобилось отказаться от многих табу. Идея относительности добра и зла выступила на первый план - событие, которому следовало произойти ещё в двадцатом веке с его кровопролитными и бессмысленными войнами. К счастью, оковы всё-таки пали, и я чрезвычайно горд, что принял в этом процессе непосредственное участие.

Так вот, как я уже сказал, мёртвые дети не мучают меня по ночам, их призраки не толпятся за моей спиной. Чаще всего я вижу во сне синее море, жёлтый песок, высокие пальмы и прозрачное голубое небо, а в нём - созвездие в виде креста.

Когда-то отец сказал мне: «Помни, сынок, не на каждом кресте распят Христос». Впоследствии, вспоминая его слова, я сделал выводы:

1. Не каждый страдающий делает это за веру.
2. Не каждый принимает на себя страдание добровольно.
3. Не каждое страдание искупает грехи.

И всё же распятие из сна кажется мне особенным. Я всегда интересовался Евангелием. Говорят, в нём не может содержаться тайны, но что, если мы слишком изменились и утратили способность правильно понимать написанное?

Синее море и жёлтый песок…Высокие стройные пальмы, раскинувшиеся под голубым небом, несущим звёздный крест…

Иногда я думаю: не рай ли это?

Но я не могу размышлять об этом слишком долго. Во всяком случае - не здесь, где всё так мило моему насквозь прогнившему сердцу. Есть ограничения, которые накладывает на нас природа. Поэтому таймер, установленный на пять часов, активируется, и я вынужден усилием воли вызвать меню. Оно всплывает перед глазами в виде набора кнопок, и я протягиваю руку, чтобы нажать ту, на которой написано «Выход». Буквы вспыхивают на мгновение оранжевым светом, и меня облепляет ослепительно-белый снег - так происходит возвращение в реальность.

Глава 2

Поднимаю руки и снимаю тяжёлый шлем. Положив его на пол (как было принято когда-то обращаться с головными уборами), начинаю стаскивать перчатки. Затем встаю и, потянувшись, берусь за молнию комбинезона. Контакты отсоединяются от кожи с тихим причмокиванием, и спустя несколько секунд я остаюсь в одном белье.

Больше всего хочется в туалет - как всегда после погружения в виртуальность. Кроме того, посасывает под ложечкой, а во рту царит настоящая засуха. Но встреча с унитазом, естественно, побеждает в конкуренции потребностей моего организма, и я направляюсь в туалет.

Через пару минут, открыв в ванной воду, я влезаю под душ и принимаюсь неторопливо намыливаться. Тело слегка затекло, и упругие струи просто как подарок судьбы. Закончив водные процедуры, растираюсь махровым полотенцем и набрасываю тёплый халат - после мытья мне всегда немного холодно, даже летом.

Когда я вхожу в комнату, звонит терминал.

- Ответить! - командую я, и домашний компьютер послушно включает громкую связь.

- Алло! - голос незнакомый. Мужской, уверенный, я бы даже сказал, властный. Мне такие не нравятся: как правило, они сулят неприятности.

- Слушаю, - говорю я безразличным тоном и как можно тише - пусть абонент прислушивается.

- Господин Орфей?

- Да, естественно! - я изображаю лёгкое раздражение.

- Меня зовут Василий Стробов.

- Очень рад, - отвечаю я сухо.

- Мы не знакомы, но я наслышан о ваших дарованиях. Хотелось бы встретиться и поговорить.

- Откуда вы? - задаю я главный вопрос.

- В каком смысле? - Стробов отвечает после небольшой паузы.

- Корпорация, - поясняю я.

- А-а, это. Нет, я не совсем… Словом, меня не нанимала никакая корпорация. Я к вам по иному делу. Хотя и имеющему прямое отношение к роду ваших занятий, - добавляет поспешно Стробов.

- Выражайтесь яснее, - говорю я, хотя уже понимаю, что

собеседник этого не сделает.

- При личной встрече.

- Сейчас я очень занят, - вру я. - Завален работой. Возможно, смогу выкроить для вас полчасика на следующей неделе.

- Не набивайте себе цену, господин Орфей, - тон абонента становится сухим. - Дело срочное, и мы хорошо заплатим.

- Перезвоните в выходные, - невозмутимо отвечаю я, подходя к терминалу. - Мой номер у вас есть, - с этими словами я отключаюсь.

Сейчас у меня полно свободного времени: недавно удалось выполнить очень выгодный заказ, и теперь можно пару месяцев наслаждаться бездельем. Возможно, я только что отказал клиенту своей мечты, но кто из нас не нуждается в отпуске? Особенно, если его можно провести в виртуальности.

С тех пор, как изобрели мир, альтернативный настоящему, всё больше людей становилось его «постоянными» жителями. Причин для этого находилось много, их обсуждали тысячи раз, но самая частая, конечно, заключалась в том, что действительность оказалась лишь бледным слепком с мира тех возможностей, которые каждый мог осуществить и осуществлял, надевая специальные шлем и костюм. Неудачники превращались в миллионеров и кинозвёзд, маньяки могли убивать сколько душе угодно, не рискуя быть пойманными, сластолюбцы получали доступ к самым изощрённым удовольствиям.

Существовала и другая причина, о которой упоминали реже других. Киборги. Машины, походившие на нас как две капли воды и ставшие полноправными членами общества. Они жили, работали, ходили, ездили и ели рядом с нами каждый день год за годом, и их становилось всё больше. Поговаривали, что во многих городах их количество уже превысило число настоящих людей, но точных данных никто не знал. Из-за этого в реальности я чувствовал себя заблудившимся в сумрачном лесу - почти как небезызвестный герой Данте.

Существа, окружающие меня, выглядят как люди из плоти и крови, но кто они на самом деле? Может, я последний человек, доживающий свой век среди антропоморфных машин? И этот Стробов, позвонивший минуту назад, - кто он? Киборг или хомо сапиенс, рождённый женщиной и зачатый в ночь страсти (ну, или дежурного секса)?

Я знаю, многие предпочитают не думать о том, что живут среди машин. Некоторые даже убеждают себя, что киборги ничем не отличают от людей. Просто немного страшно существовать в мире, в котором ты, возможно, остался в меньшинстве. Когда я выхожу на улицу и попадаю в толпу, у меня начинается приступ

клаустрофобии: учащённое сердцебиение, холодный пот, дрожь в руках. Я стараюсь не смотреть в лица идущих навстречу, и многие другие поступают так же.

В виртуальности киборгов нет. Машины не ищут запретных удовольствий и не стремятся избавиться от комплексов. А мечты… говорят, у киборгов их попросту нет. Я мог бы позавидовать им, если б не ненавидел машины и тех, кто пытается подменить ими людей. Я против того, чтобы нельзя было отличить божье создание с душой и грехами от игрушки с батарейкой в груди и процессором вместо мозгов. Особенно если меня пытаются убедить, в том, что одно не хуже другого только потому, что похоже на него.

Поэтому я живу в виртуальности, а в реальном мире лишь существую.

Но сегодня мне придётся выти из дома, чтобы передать заказчику украденные файлы и тем самым поставить точку в последнем деле. Встречаемся мы в квартире, которую я снял через подставное лицо. Времени - семнадцать ноль-ноль, и у меня есть час, чтобы добраться туда.

Наскоро перекусив парой бутербродов и запив их апельсиновым соком (поскольку чай подогревать уже некогда), я одеваюсь, беру репликатор и спускаюсь во двор. Иду к станции метро и проезжаю две остановки. Поднимаюсь по эскалатору и минут десять шагаю по улице, а затем сворачиваю к гаражам, в одном из которых меня ждёт старенький «Додж» - неприметный, зато с форсированным двигателем. Завожу машину и выезжаю на автостраду. До встречи с клиентом двадцать пять минут - как раз, чтобы прибыть на место чуть раньше него. Если, конечно, он отличается пунктуальностью и терпеливостью.

Веду аккуратно: не хватало ещё, чтоб меня тормознули, когда я еду с товаром. Задержка в пути может стоить мне слишком дорого.

Останавливаюсь по сигналу светофора. Справа за стальной сеткой - детская площадка. Несколько девочек прыгают по нарисованным мелом «классикам». У одной из них бионическая рука. Это временный съёмный протез. Лет через десять его заменят на постоянный, не отличимый от настоящей конечности. Если, конечно, у родителей хватит на него средств. В Киберграде девочка могла бы забыть о своём увечье, но вряд ли её туда пускают, по крайней мере, часто: «Гипнос» стоит прилично, а расходуется каждый раз при входе в виртуальность.

Зажигается зелёный, и я еду дальше, оставив детей позади.

По дороге прикидываю, на что потрачу пятьдесят тысяч. Можно сделать в квартире ремонт, прикупить новую тачку и

приодеться, но моя жизнь сосредоточена в виртуальности, где я - предмет ненависти и зависти одновременно, где я знаменит и циничен. В реальности я лишь перекантовываюсь и заключаю сделки. Будь у меня возможность, я бы с удовольствием делал это в виртуальности, но большинство клиентов предпочитает личные встречи: анонимность, как всегда, ценится превыше всего, а в наше время её проще соблюсти в действительности, чем в виртуальности, где пользователя можно отследить - при желании и наличии определённых навыков, конечно.

Я занимаюсь промышленным шпионажем. Что ещё делать человеку, проводящему большую часть жизни в виртуальности? Моё тело хочет есть, и ему нужно место, чтобы ждать моего возращения из мира грёз, так что приходится платить за квартиру. Да и связь с виртуальностью стоит недёшево. Чтобы попасть в неё и зажить новой жизнью, необходимо заключить договор с одной из Корпораций, владеющих биоцентрами - огромными чанами, заполненными органической структурой, представляющей собой СНК-репликатор. На данный момент в мире тысяча восемьсот биоцентров, в которых и располагается Киберград - мегаполис площадью двести сорок квадратных километров, раскинувшийся на несуществующих просторах выдуманной вселенной. С каждым годом создаются новые СНК-репликаторы, для чего строят заполненные биомассой башни. Поговаривают, что когда все люди переберутся в виртуальность, города будут состоять из сплошных чанов. Но это, конечно, чушь, потому что нашим бренным телам всё равно нужны дома, да и киборги будут продолжать имитировать существование.

Миновав одну из башен компании «ВИРТ-продуксьон», о чём сообщает огромный светящийся таблоид, установленный на её вершине, я сворачиваю налево и, проехав ещё метров триста, останавливаю «Додж».

Погода сегодня не самая лучшая: середина октября, и тучи собираются над городом с самого утра. Хотя дождь ещё не идёт, его следует ожидать. Возможно, он начнётся, когда для меня наступит время возвращаться домой.

Выхожу из машины и, оглядевшись, чтобы убедиться, что за мной никто не следит (скорее по привычке, чем по необходимости), иду к дому, где снял квартиру. Несколько раз прохожу через одни и те же дворы - уловка простая, но действенная - и, наконец, оказываюсь перед типовым семнадцатиэтажным зданием. Оно старое и лет через пять пойдёт на снос, так что жильё здесь стоит дёшево, особенно если снимать на сутки.

Вхожу в подъезд и поднимаюсь на второй этаж. Отперев дверь

с номером «7», оказываюсь в квартире, одно окно которой выходит на улицу, а другое - в переулок, где мой напарник Никита должен был оставить мотоцикл. Подобные приготовления для экстренного отхода никогда не бывают лишними, поскольку и клиенты попадаются разные, и полиция не дремлет. Словом, расслабляться нельзя ни на минуту - ни в Киберграде, ни в реальности.

Я выглядываю в окно, чтобы убедиться, что Ник выполнил свою работу. Мотоцикл на месте, спрятан за мусорными баками так, что не видно с улицы. Это хорошо, но будем надеяться, что сегодня он не понадобится.

Минут через десять раздаётся дверной звонок, и я иду открывать. Прежде, чем отпереть, приникаю к глазку: на площадке стоит мужчина в сером костюме, с прилизанными волосами и абсолютно незапоминающимся лицом - курьер. В руке у него дипломат.

- Кто там? - спрашиваю я, хотя и так всё ясно: клиент отправил своего служащего, чтобы не светиться самому - здравая мысль, которая приходит в головы большинства желающих нагреть руки на чужих разработках.

- От господина Вульфа, - доносится в ответ.

Это пароль, и я, щёлкнув замком, впускаю гостя. Снова заперев дверь, кивком приглашаю его в комнату.

- Господин Орфей? - уточняет на всякий случай курьер.

- Естественно, - отвечаю я, садясь в кресло спиной к окну.

Гость занимает место на диване напротив. Свет падает на него, я же остаюсь в тени. Это не имеет большого значения, но мне хочется следить за всеми движениями курьера - на случай, для которого Ник оставил мне в переулке мотоцикл.

- Принесли? - спрашивает посетитель. Он слегка нервничает, хотя наверняка участвует в подобных сделках не впервые - иначе его не прислали бы за таким важным товаром.

Я несколько секунд рассматриваю его с отсутствующим выражением на лице - просто чтобы немного вывести из себя. Курьер вздёргивает подбородок, и я вижу, что ворот рубашки слишком сильно врезался ему в шею. Наверно, ему хочется засунуть под него пальцы и оттянуть, но он боится потерять лицо.

- Конечно, - произношу я, наконец. - А вы?

Курьер кивает и ставит на журнальный столик дипломат. В нём вовсе не куча пачек перетянутых резинками банкнот, а ноутбук. Я не собираюсь таскаться по городу с чемоданом денег, поэтому их сейчас переведут на мой счёт.

Я достаю репликатор и кладу перед курьером, который в это время достаёт ноутбук. Посетитель вставляет накопитель данных

в разъём. Он не сможет перекачать информацию - я об этом позаботился. Файл доступен только для просмотра.

Спустя несколько минут курьер удовлетворённо кивает, и я протягиваю ему бумажку с номером моего счёта. Он забивает его в компьютер и переводит деньги. Я достаю из кармана терминал и захожу в личный кабинет своего банка.

- Готово, - сообщает курьер через несколько секунд.

Я проверяю состояние счёта. Он пополнен. Всё в порядке, и я прячу терминал обратно в карман.

- 8, 9, 3, Щ прописное, b строчное, H прописное, J прописное, k строчное, нижнее подчёркивание, 8, 9, нижнее подчёркивание, з строчное, - я говорю медленно, чтобы курьер успевал вводить символы.

Это код, снимающий с файла запрет на копирование. Сделка состоялась, и я поднимаюсь с кресла. Чувствую радостное возбуждение: деньги получены, и я до сих пор жив. В деле промышленного шпионажа такое сочетание считается большой удачей.

Курьер пакует ноутбук и тоже встаёт. Мы не жмём друг другу руку. Вместо этого я провожаю его до двери и, когда он выходит на лестничную площадку, запираюсь.

Пятьдесят тысяч мои! Этой суммы хватит на многие месяцы доступа к виртуальности. Хотя в Киберграде я миллионер, в настоящей жизни это не так. Зарабатываю я неплохо, но заказы поступают не так уж часто, и платят за них, как правило, довольно скупо - если учесть, какие прибыли приносят потом ворованные сведения покупателям. В виртуальности деньги не настоящие - это просто условные кредиты, которыми ты расплачиваешься за выдуманные услуги. Но за доступ к ним нужно выкладывать Корпорации самые настоящие бабки, и делать это следует вовремя. Кроме того, новое оборудование стоит недёшево, особенно сторожевые программы, мешающие отследить твой сетевой адрес. Только за них я ежемесячно выкладываю почти по тысяче долларов. Но они того стоят: лучше уж потратиться, чем сесть в тюрьму или оказаться навсегда отлучённым от виртуальности. Я слышал, некоторые неудачливые хакеры кончали с собой, проведя без Кибергрда несколько месяцев.

В дверь звонят, и я замираю посреди комнаты. Внутри всё сжимается. Я не жду посетителей, а курьеру возвращаться незачем. И всё же я окидываю взглядом диван, где он сидел, и пол - может, он потерял бумажник или запонку? Но квартира так же пуста и безлика, как тогда, когда я её нанял.

Я тихо выбираюсь в прихожую и подкрадываюсь к двери.

Заглядываю в глазок, почти не дыша. Пусто. Должно быть, кто-то ошибся, или мальчишки хулиганят. Делаю два шага в сторону гостиной и снова слышу звонок. Замираю.

Не сигануть ли в окно и воспользоваться мотоциклом? Но что если это только кто-то из соседей зашёл за солью?

Я медленно, словно против воли, возвращаюсь к двери. Теперь в глазок видно двух мужчин. Оба коротко стрижены, руки держат по швам. Я их не знаю и знать не хочу. Разворачиваюсь и на цыпочках подхожу к окну. Распахиваю настежь, перелезаю через подоконник и встаю на узкий каменный бордюр. Немного перемещаюсь по нему влево и, задержав дыхание, прыгаю.

Мне не часто приходится прибегать к запасному варианту отхода, но какой-никакой опыт есть, так что я приземляюсь довольно удачно возле мусорного бачка. Мотоцикл рядом. Я вставляю ключ в зажигание, поворачиваю, и мотор отзывается низким приглушённым рокотом. Модель спортивная, при желании можно выжать километров двести в час - с большей скоростью я, пожалуй, не справлюсь.

Вывожу мотоцикл из переулка, оглядываю улицу и, конечно, вижу минивэн и пару внедорожников, припаркованных рядом с моим «Доджем». По тротуару прогуливаются четыре амбала, их приятели сидят в машинах.

Что-то пошло не так, и эту компанию послали за мной - чтобы взять для разговора или убить. Оба варианта не греют душу, так что я даю по газам, и мотоцикл уносит меня прочь от конспиративной квартиры.

Я не боюсь, что меня ждут дома, ибо достаточно плачу телефонной компании, чтобы она держала в секрете мой адрес. Никакие законы не заставят её меня выдать - спасибо «Конвенции о праве человека на неприкосновенность частной жизни», подписанной три года назад в Женеве. Теперь я могу чувствовать себя в собственном доме, как в крепости - по старой английской поговорке.

Понятно, что я выиграл время, но не спасся. Меня заметили и, конечно, бросились в погоню. Чтобы уйти от преследователей, нужно попасть туда, куда на внедорожниках и минивэне хода нет. Лихорадочно прокучиваю в голове подходящие варианты и делаю выбор в пользу моста через монорельсовую дорогу. Там могут разойтись два человека, но не больше - этакая тропа над железной дорогой для тех, кому лень тащиться до настоящего перехода. Потом я смогу свернуть в даун-таун, настоящий подземный лабиринт, куда ведут только эскалаторы и ступеньки. Мотоцикл я оставлю агентам прокатной фирмы, в которой его нанял Ник, а сам сяду в метро и спокойно поеду домой. Вот так -

элегантно и красиво, а главное, никаких концов!

Составив план, я несколько приободряюсь. Теперь, по крайней мере, ясно, куда ехать. Через три квартала сворачиваю и огибаю площадь с фонтаном в виде гигантской рыбы, наполовину высунувшейся из воды, затем сбрасываю скорость и трясусь по ступенькам - благо, они не крутые. Снова даю по газам и гоню между стеклянными торговыми павильонами к заветному мосту. К счастью, народу на нём немного, и я, не притормаживая, влетаю на него, зажав клаксон. Люди в ужасе прижимаются к перилам, я мчусь, стараясь не задеть ни их, ни железные перила. Вслед мне несутся проклятия и отборная матерщина.

Преодолев мост за десять секунд, выезжаю на автостраду, ведущую к трейд-центру. Здесь оживлённое движение, и я маневрирую между автомобилями, как мелкая рыбёшка среди стада китов.

Проходит не больше четверти часа, прежде чем я оказываюсь перед спуском на нижние ярусы торгового района - даун-тауна. Слышен стрёкот мультикоптера. Задираю голову и вижу не обычную для городского пейзажа пассажирскую или патрульную вертушку, а военный «Аякс» нового поколения, увешанный многоствольными пулёмётами и ракетами.

Неужели этот карнавал из-за меня?! Кого же я ограбил и что украл?

Мультикоптер снижается, и мне не остаётся ничего, кроме как рвануть в лабиринт даун-тауна. Мотоцикл трясёт на ступеньках, и меня едва не выбрасывает «из седла», но я справляюсь с управлением и оказываюсь на первом ярусе торговой империи. Здесь полно переходов, и не хватает только Минотавра, однако интуиция подсказывает, что очень скоро он здесь окажется, причём в качестве жертвы его буду интересовать я.

Мотоцикл несёт меня вдоль прозрачных сверкающих витрин, мимо плакатов, расфуфыренных манекенов, киосков и торговых автоматов. Здесь есть всё - почти как в Киберграде. Только за это нужно платить настоящими деньгами. Правда, в виртуальности кредиты тоже приходится зарабатывать, но в мире, готовом воплотить любую твою мечту, делать это значительно легче.

Пытаюсь сообразить, из-за чего мне выпала такая честь: кому пришло в голову пригнать «Аякс», который со всем его вооружением всё равно нельзя использовать в городе?

Мотоцикл выносит меня в зону, из которой можно попасть на нижние ярусы. Здесь полно народу и лифтов. Кабины достаточно большие, чтобы я поместился вместе с мотоциклом, но перед дверями очереди, а я не могу ждать. Впрочем, мотоцикл мне уже

не нужен, его лучше оставить, но на первом ярусе нет контор транспортной компании, которая мне нужна - это видно из висящего на стене указателя. Зато она есть этажом ниже. Я осматриваюсь в поисках подходящего решения.

Ко мне направляется охранник трейд-центра.

- Вам помочь? - спрашивает он. Одна рука у него на поясе, рядом с электрошокером, другая готова нажать на рации кнопку экстренного вызова.

- Да, - отвечаю я, изображая смущение. - Мне нужно оставить байк в конторе арендной фирмы, а она ярусом ниже. Не пойму, как туда попасть.

Охранник бросает взгляд в сторону лифтов и понимает, что мне мешают очереди. Расслабившись, он опускает руки и добродушно кивает.

- Вы можете воспользоваться грузовым подъёмником, - говорит он. - Я вас провожу.

Это просто подарок судьбы, и я не забываю мысленно её поблагодарить. Еду рядом с охранником на минимальной скорости. Мы проходим за торговые ряды и останавливаемся перед дверью из гофрированного железа. Охранник набирает код на панели управления и вызывает лифт.

- Сегодня аншлаг, - говорит он, кивая в сторону очередей.

- Да уж, - отвечаю я. - Очень вам благодарен, - пытаюсь изобразить искреннюю признательность.

- Пустяки! - довольный собой, кивает охранник.

Дверь открывается, и мы заходим. Вернее, заходит он, а я въезжаю. Кабина плывёт вниз. Спуск занимает всего полминуты, и вот мы уже на ярус ниже.

- Ещё раз спасибо, - говорю я.

- Не за что, - важно кивает охранник. - Указатель вон там, - он тыкает пальцем в светящееся табло метрах в десяти от нас.

Я завожу мотор, подъезжаю к схеме даун-тауна и тщательно изучаю её в течение минуты.

Интересно, чем заняты мои преследователи? Надеюсь, ломают голову над тем, что делать посреди города с «Аяксом». Эта мысль меня забавляет, хотя я испытываю сильное нервное напряжение. Вероятно, когда всё закончится, меня будет колотить, но пока что я собран - а это главное.

Офис фирмы, в которой Ник арендовал мотоцикл, отыскивается легко. Я сдаю байк менеджеру (оформлять ничего не нужно - служащий только сверяет номер транспорта прежде, чем закрыть договор) и спешу к станции метро: они есть в каждом торговом центре. Путь к ним указывают стрелки вкупе с небольшой фиолетовой буквой «М», так что отыскать подземку не

составляет труда. Прикладываю карту к турникету и прохожу на платформу, чувствуя себя в полной безопасности.

Поезда, похоже, давно не было, потому что собралась приличная толпа. Я встаю поближе к стене - может, я параноик, но мне не хочется закончить жизнь под колёсами из-за того, что кто-то неосторожно жестикулировал в непосредственной близости от меня.

Все ждут поезд.

Из тоннеля тянет прохладой, там горит зелёный свет, но состава всё нет. Такое случается редко, и люди начинают нервничать. Они переминаются с ноги на ногу, вертят головами, приподнимают брови и бросают друг на друга полувопросительные взгляды. Возможно, они куда-то опаздывают или просто не выносят, когда нарушаются их планы. Я смотрю на толпу и думаю, сколько в ней киборгов: половина, две трети, три четверти? Понять невозможно - машины слишком хорошо имитируют жизнь.

Я немного выхожу вперёд, чтобы заглянуть в тоннель: нет ли там поезда. Ребячество, но как трудно себя побороть.

На платформе начинается движение - оно зарождается в другом конце и волной катится ко мне. Я вглядываюсь и вижу несколько полицейских. Они идут, расталкивая пассажиров и высматривая кого-то в толпе. Может, и не меня, но на воре, как известно, шапка горит, так что я потихоньку покидаю платформу и вливаюсь в поток пассажиров, направляющихся к выходу из метро. Здесь нет никаких препятствия, и через пять минут я оказываюсь на улице.

Стоя под козырьком станции, обвожу глазами площадь, окружённую небоскрёбами бизнес-центров, пиццериями и всевозможными закусочными. Вроде, ничего подозрительного, даже два полисмена смотрят в другую сторону - кажется, их заинтересовала шумная компания, выходящая из фаст-фуда. Мультикоптера не видно, оцепления - тоже. Кажется, меня ещё ищут в трейд-центре. Что ж, повезло.

Стараясь не привлекать внимания - что несложно, поскольку я ничем не выделяюсь из толпы - спускаюсь по ступенькам и иду прямо к автобусной остановке. Внутри стеклянного павильона уже собралось пять человек, ещё трое нетерпеливо прогуливаются по тротуару. Я останавливаюсь у бордюра и смотрю в конец улицы: нет ли автобуса.

Через несколько секунд до меня доносится уже знакомый стрёкот. Обернувшись (пожалуй, слишком резко), я вижу летящий между небоскрёбами «Аякс». Его пулемёты хищно смотрят прямо на меня, но это, конечно, только иллюзия. И вообще, на что они

рассчитывают? Хотят запугать? Но ведь дураку ясно, что стрелять на людной улице они не станут.

Срываюсь с места и бегом пересекаю улицу, едва не попав под колёса «Джипа». Ныряю в ближайшую подворотню. Звук вертушки преследует меня, только теперь он выше - пилот поднял машину, чтобы взлететь над домами. Скоро он снова увидит меня.

Я пробегаю через пару скверико в, в одном стоит детский городок с башенками и горкой. Я успеваю заметить это машинально, пока осматриваюсь в поисках подходящего выхода. Устремляюсь в очередную арку и выскакиваю на широкий проспект. Мультикоптер стрекочет надо мной, назойливый, как чёртова эринния, и через пять секунд появляется из-за крыши дома. Он снижается прямо на меня, и я вынужден бежать вдоль улицы. Пересечь её я не могу: здесь слишком оживлённое движение.

«Аякс» даёт залп из пулемётов. Воздух наполнятся сухим трескучим грохотом, от которого сердце мгновенно уходит в пятки. Я вдруг осознаю всю серьёзность своего положения: нет, со мной не хотят побеседовать! Допроса не будет. И боевую вертушку пригнали не для того, чтобы пострашать зарвавшегося хакера.

Пули вспахивают асфальт передо мной, они летят рикошетом в стены и витрины, с оглушительным звоном рушатся стёкла. К счастью, людей на тротуаре почти нет, и никто не ранен. Редкие прохожие разбегаются с воплями, некоторые падают, закрывая голову руками.

Нет, всё-таки я ошибся. Как говорится, у страха глаза велики. Меня всего лишь пытаются остановить, иначе уже разнесли бы в клочья.

Я замираю и медленно разворачиваюсь лицом к мультикоптеру. Чёртова машина висит напротив меня как гигантское злобное насекомое, солнце отражается в тонированном стекле кабины. Пилота не видно.

Лопасти гонят потоки воздуха, и стоит немалых усилий удержаться на ногах.

Стволы пулемётов ещё крутятся, но уже не изрыгают смертоносный свинец. Однако проверять меткость стрелка я не намерен. Просто стою и жду, когда из вертушки высадятся спецназовцы - я вижу их на краю люка, готовых к захвату.

Что же я за важная птица? Или последний выполненный заказ оказался с сюрпризом? Вообще-то, иного объяснения я не вижу.

Спецназовцы спрыгивают на тротуар и бегут ко мне, держа на прицеле. Я поднимаю руки. Меня колотит. Никто не пошёл бы на такую операцию, кроме разведки или службы безопасности -

значит, охотились на меня именно они. Но я никогда не имел дела с государственными структурами. Боже упаси что-нибудь у них украсть - себе дороже! Неужели я случайно влез в их дела? Но ничто не наводило на мысль, будто информация, которую я передал сегодня курьеру, принадлежала разведке или безопасникам. Вот только кого это волнует? Даже если посадят не навсегда, путь в Кибергрaд мне отныне точно заказан. От отчаяния хочется плакать.

Спецназовцы кладут меня мордой в асфальт, сковывают руки за спиной и тащат к притормозившему у обочины минивэну - кажется, тому самому, что стоял у конспиративной квартиры.

Меня бросают на пол.

В машине кто-то есть, но я лежу к нему спиной. Холодные сильные пальцы касаются моей шеи и натягивают кожу. Я пытаюсь повернуть голову, чтобы рассмотреть лицо, но под ухо мне впивается короткая игла.

- Не дёргайся! - беззлобно предупреждает низкий мужской голос. - Эта инъекция тебе не повредит.

Я прикидываю, не ответить ли что-нибудь, но мозги начинают плыть - на удивление быстро. Что это за смесь? Какой-то специальный состав, которым пользуются спецслужбы? Я постепенно проваливаюсь в темноту. Это немного похоже на вход в виртуальность, но гораздо приятней.

В себя я прихожу в маленькой комнатке. С удивлением обнаруживаю, что не сижу привязанным к стулу, и рот мой не заклеен пластырем. Орудий пытки тоже, вроде, поблизости не видать.

Встаю с дивана, прислушиваясь к ощущениям. Голова слегка болит, и во рту небольшая сухость. Могло быть гораздо хуже.

Обвожу взглядом помещение. На стене справа висит знакомая картина - «Гора Фудзи во время захода солнца» или что-то в этом роде. Помнится, японский художник написал целую серию с видами этой достопримечательности. Подхожу, чтобы рассмотреть картину получше. Это не репродукция, а копия. Боже мой, да меня похитили любители искусства! Кому ещё придёт в голову вешать сделанную вручную вещь в комнате для допросов, скажите на милость?

Интересно, где я.

Дверь только одна. Я подхожу и поворачиваю ручку. Конечно, заперто. Возвращаюсь на диван. В комнате нет окна - это смущает. Хотелось бы знать, по крайней мере, день сейчас или вечер. Эта мысль застревает в моём мозгу, и я начинаю психовать - как будто без этого поводов недостаточно!

Замок щелкает, и в комнату заходит мужчина в форме. Ему под пятьдесят, но у него моложавое лицо и подтянутая фигура военного. С ним врач лет тридцати с чемоданчиком в руке. Ага, вот и палачи!

- Господин Орфей, - говорит военный утвердительно, глядя мне в глаза.

Я киваю. Главное, чтоб они не узнали, где я живу. Без адреса им мою настоящую личность не выяснить - уж об этом-то я позаботился. Хотя зачем им это, если я у них в руках?

- Меня зовут полковник Стробов, - представляется военный. - Я недавно звонил вам. Вы были невежливы и бросили трубку.

- Да, - говорю я, - кажется, что-то такое я припоминаю.

- У вас не нашлось времени выслушать моё предложение, - в тоне полконика нет обиды, и это немного успокаивает. Не люблю злопамятных и мстительных людей.

- Я немного занят, - отвечаю я. - Вам следовало просто подождать, а не похищать меня.

- К сожалению, обстоятельства вынудили нас искать немедленной встречи с вами, - говорит Стробов. Голубые глаза смотрят на меня спокойно и внимательно. Полковник редко моргает, и из-за этого складывается впечатление, будто он пытается заглянуть собеседнику в душу.

Я невольно усмехаюсь, хотя мне совсем не весело.

- И для этого понадобился боевой мультикоптер?

- Много чего понадобилось, - отвечает полковник без тени улыбки.

Ах да, как я мог забыть: у военных нет чувства юмора. А этот к тому же, судя по всему, заранее настроился на серьёзный лад. Что ж, он хозяин положения - поговорим не шутя.

- Что вам от меня нужно? - спрашиваю я, понимая, что убивать меня точно не будут. По крайней мере, сейчас. Потом, когда я выполню задание, которое для меня приготовили, возможно, но пока что я военным нужен, и видать, позарез.

- Вначале вас осмотрит врач, - заявляет полковник.

Он кивает своему спутнику, и тот подходит ко мне. Худой, как щепка, с большим крючковатым носом, острыми скулами и глазками, спрятавшимися в глубине набрякших век. Неприятный тип - как и большинство медиков, работающих на армию.

Раскрыв чемоданчик, врач достаёт приборы и быстро

измеряет мне давление, светит фонариком в зрачки и так далее.

Всё это время Стробов терпеливо ждёт у двери. Интересно, сколько в коридоре охранников? Им приказано меня убить, если я попытаюсь сбежать? Нет, конечно. Зачем? Любой из них уложит меня одной левой.

- Всё в порядке, - выносит врач вердикт и собирает инструменты.

- Вы свободны, - бросает ему Стробов.

Как только медик исчезает в коридоре, полковник плотно прикрывает дверь и садится в кресло напротив меня. Эта диспозиция напоминает сцену в конспиративной квартире, которую, наверное, перевернули вверх дном, пытаясь найти хоть что-то, связанное со мной. Зря, я ведь никогда не забывал, для чего она нужна, и не оставлял следов. Все апартаменты, которые я снимаю для деловых встреч, абсолютно безлики.

- Как ваше настоящее имя? - спрашивает Стробов, но я только фыркаю в ответ.

- Мы можем применить сыворотку правды, - говорит полковник, но в его тоне не слышно угрозы.

- Почему же не сделали этого до сих пор? - спрашиваю я.

- Конвенция, - картинно вздыхает Стробов. А он, оказывается, всё-таки с юмором.

- Значит, похищать можно, а колоть наркотики - нет?

- Мы провели задержание, - отвечает полковник серьёзно.

- На каком основании?

- Бросьте валять дурака! - Стробов лишь слегка повышает голос. - Вы обвиняетесь в промышленном шпионаже.

- Ах, так уже обвиняюсь?

- Это зависит от того, насколько результативной окажется наша беседа, - говорит полковник прежним тоном.

- Ясно, - киваю я. - Ну, что ж, послушаем. Раз уж вы *так* нетерпеливы.

Стробов пропускает моё замечание мимо ушей.

- Вы хороший хакер? - спрашивает он, чуть подавшись вперёд. - Только без ложной скромности.

Я понимаю, что обмен любезностями закончен - пришло время поговорить о деле. Что ж, выбора у меня всё равно нет. Вопрос полковника несколько неожиданный, но я не теряюсь:

- Иначе вы бы мне не позвонили, верно?

Мой ответ, его кажется, удовлетворяет. Во всяком случае, он слегка кивает.

- Позвольте обрисовать вам сложившуюся обстановку, - говорит Стробов, откинувшись в кресле. - Возможно, вам моя речь покажется пространной, но прошу не перебивать.

Я с готовность киваю. Полковник изъясняется грамотно, и это наводит на мысль, что передо мной штабной офицер - один из тех, кто управляет другими, дёргая за ниточки. Словом - умник. Не люблю таких, но понимаю, что именно они наиболее опасны. Лучше держаться со Стробовым вежливо и лишний раз не нарываться.

- Итак, - полковник делает короткую паузу, собираясь с мыслями. - Последние данные статистического департамента показали, что шестьдесят процентов населения имеет имплантаты, причём не менее чем у тридцати семи процентов они являются избыточными. То есть их установка не продиктована жизненно важной необходимостью. Эти цифры не могут не вызывать беспокойство, поскольку ясно, что наше общество постепенно становится симбиотическим, причём в роли симбионтов выступают технологии.

Понятно, что человечество практически лишилось возможности естественной эволюции: нам не нужно приспосабливаться даже к самым суровым условиям, потому что у нас есть машины, которые облегчают нам жизнь, делая почти любую среду пригодной для обитания.

- Это старая тема, - не выдерживаю я. Терпеть не могу банальности, особенно когда их произносят на полном серьезе. - Автоматы спасут человечество, повысят комфорт, позволят нам однажды переселиться в космос. Бла-бла-бла. К чему вы ведёте, полковник?

- Пусть это набило оскомину, - недовольно отвечает Стробов. - Суть от этого не меняется. Наличие машин определяет образ жизни, мышление и сознание. Мы вынуждены развивать либо прогресс, либо духовность. Но, живя в индустриальном обществе, последний путь могут выбрать единицы. Подавляющее число жителей не имеют ни способностей, ни возможности, ни особого желания посвящать себя медитациям и тому подобному.

- Разумеется, куда удобней вшить необходимые имплантаты и таким образом увеличить память, силу, выносливость и так далее.

- Да, - соглашается Стробов. - Это логично, это понятно, и всё же вызывает беспокойство.

- Почему же? Сегодня технологии - всего лишь игрушки в наших руках. Мы полностью контролируем даже самые совершенные искусственные интеллекты, такие, например, как бортовые компьютеры космических кораблей и медиа-центров.

- Прогресс идёт семимильными шагами, и мы не можем даже спрогнозировать наступление момента, когда искусственный разум обретёт самостоятельность и станет полноценным членом человеческого общества. Чем это грозит людям - неизвестно, но

уже давно мы испытываем страх при мысли о бунте компьютеров. А это может стать реальностью.

На этой фразе полковника я на секунду прикрываю глаза - чтобы демонстративно их не закатить: не люблю ИИ, но параноидально бояться бунта машин? В наше время, когда чуть ли не вся жизнь зависит от работы искусственных разумов? Нет, конечно, риск имеется, но какой смысл паниковать? Это всё равно, что ложиться спать и опасаться, что ночью подломятся ножки.

- Я не хочу сказать, что мы должны бороться с прогрессом, - продолжает Стробов. - Это невозможно. Наша цивилизация выбрала техногенный путь эволюции, и свернуть с него нам не под силу. Это как снежный ком, который не только становится всё больше, но с каждым оборотом набирает скорость.

Я понимаю, о чём говорит полковник: искусственный интеллект признан личностью, он получил гражданские права и может принимать участие в общественной и политической жизни. Но пока что это только формальность. Киборги не совсем самостоятельны в поступках - они следуют алгоритму, имитируя человеческое поведение.

- Возможно, ИИ будут и дальше подчиняться законам и правилам, - говорит Стробов, словно продолжая мою мысль, - а возможно, рано или поздно искусственный интеллект разовьётся до такой стадии, что объявит человечеству войну, и мы окажемся в роли раввина Лаэфа. Вы понимаете, о чём я говорю?

- Да. Старая легенда о глиняном человеке, Големе, убившем своего создателя.

Стробов кивает.

- Разница лишь в том, - говорит он, - что Голем был тупой куклой, а наш противник будет превосходить нас не только интеллектом, но и возможностями, поскольку станет контролировать все электронные коммуникации. Вам, как никому, известно, что можно сделать с помощью обычного терминала, а представьте, что хакером станет искусственный разум. Вообразите все автоматические боевые модули на земле, в море, воздухе и космосе, которые обратят свои орудия против нас, фабрики, которые начнут создавать машины уничтожения, единственной целью которых станет убийство людей. У нас не останется шансов, никаких. Мы даже не сможем уйти в леса, потому что нас и там найдут - так же, как мы отыскиваем диких зверей, когда охотимся.

- Вы забыли упомянуть более простой способ, - говорю я, воспользовавшись тем, что полковник сделал паузу, чтобы перевести дух.

- Какой? - спрашивает Стробов.

- Рано или поздно киборг может стать президентом, его собратья войдут в правительство, и тогда уже законы будут издаваться машинами, а не нами. И кто знает, быть может, это станет началом нового геноцида.

Стробов медленно кивает.

- Да, - соглашается он. - Подобное не исключено. К сожалению, неотъемлемые права нельзя отъять. Даже у киборгов.

- Перспективы, конечно, не самые радостные, - осторожно замечаю я, - но что вы хотите от меня?

- Нам нужны ваши знания и умения.

- Чтобы я поставил их на службу отделу безопасности?

- Именно так. Надеюсь, вы не слишком щепетильны?

Теперь я, по крайней мере, знаю, какое ведомство представляет полковник. Что ж, этого следовало ожидать.

- Нисколько, - отвечаю я. - В моей профессии щепетильность здорово мешает, - и это чистая правда.

- Понимаю, - кивает Стробов. - Значит, договорились?

- Осталось обсудить вопрос вознаграждения.

- Мне кажется, условия очевидны, - похоже, полковник действительно слегка обескуражен.

- Неужели? Не могли бы вы проговорить их специально для меня?

- Мы отложим грозящий вам тюремный срок (а это около двадцати лет в криогенной камере) и после выполнения работы амнистируем вас.

- И я стану абсолютно свободен? Никакого преследования?

- Разумеется.

- И смогу продолжать потрошить базы данных?

- Пока опять не попадётесь.

- А тогда?

- Подвергнитесь избирательной блокировке памяти. Вам сотрут все навыки владения компьютером. Стандартное наказание для хакера-рецидивиста.

- Значит, если я откажусь, то двадцать лет пролежу в криогенике, видя сны, а потом смогу продолжить заниматься тем, чем хочу? - пытаюсь я бравировать, хотя понимаю, что полковник тёртый калач, и на мякине его не проведёшь.

- За это время технологии изменятся настолько, что вы не будете знать, какой кнопкой включить компьютер, господин Орфей, - усмехается Стробов. Он назвал меня псевдонимом, под которым я известен моим нанимателям - значит, не знает настоящего имени. Хоть какое-то облегчение. - Не будьте ребёнком. Мы умеем убеждать.

- Как вы собираетесь меня поймать? - спрашиваю я. - После того, как я выйду отсюда, вы меня уже не выследите.

- Нам удалось это однажды, удастся и в другой раз.

В принципе, Стробов прав, но, наверное, полковнику безумно хочется вшить мне какой-нибудь маячок, чтобы всегда знать, где я нахожусь - несмотря на конвенции. Но у меня, как и у любого уважающего себя хакера, есть особый имплантат, который выявит наличие любого чужеродного устройства в моём теле. Кроме того, на каждом шагу в городе установлены сканеры, проверяющие всех проходящих мимо на наличие маячков - так государство заботится о соблюдении закона о неприкосновенности личной жизни. Часть ему и хвала!

Удастся Стробову поймать меня ещё раз или нет - дело случая. Я не собираюсь действовать ему на нервы, особенно пока я у него в руках. Пусть выпустит птичку полетать.

- Ладно, согласен, - говорю я. - В конце концов, это даже интересно - поработать на управление безопасности. Что конкретно вы от меня хотите?

- Детали вам объяснят позже. Могу лишь сказать, что речь идёт о создании и внедрении вируса, который станет уничтожать любой искусственный разум, помысливший об измене человечеству. Мы дали ему кодовое название «Алеф».

- Почему?

Похоже, безопасники не слишком пекутся о соблюдении законности. Что ж, я не удивлён. Когда у людей слишком много власти, им начинает казаться, будто им позволено больше, чем другим. Разумеется, во имя высшей цели. Главное - не оказаться между жерновами этой адской машины.

- «Алеф» - буква еврейского алфавита, - объясняет Стробов. - По легенде, начертанная на лбу, она оживляет Голема. И напротив, чтобы уничтожить глиняного истукана, её необходимо стереть.

- Понятно, - я несколько мгновений разглядываю полковника. Теперь ясно, что это фанатик, и очень опасный. - А вы не боитесь, что это вирус сам станет большой проблемой? И не только для искусственного разума.

- А вот чтобы этого не случилось, нам и нужны вы, господин Орфей, - сухо улыбается Стробов. - Спуститесь в Ад и вернитесь лишь с тем, что нам пригодится.

Глава 3

Сегодня в цехе венерических заболеваний разбился чан с формальдегидом, опрокинул бальзамирующую камеру, и инфицированные трупы разлетелись по полу. Придётся на время закрыть там производство. Это очень плохо, поскольку в условиях конкуренции чревато потерей клиентов.

Ах, да, я ведь ещё не рассказывал вам об этой отрасли - инфицированных младенцах. Суть в следующем: детей, поражённых наследственным сифилисом, герпесом, гонореей или ещё каким-нибудь венерическим недугом, упаковывают в изящные ёмкости с выгравированными названиями болезней. Очень ходовой товар.

Около полудня на моём столе звонит коммутатор. Я нажимаю розовую кнопку, и Мила сообщает, что приходивший санинспектор определил в цеху карантин.

- Что делать с рабочими? - интересуется она.

- Распределить на другие производства.

- Хорошо. Прочитать вам информационную сводку из отдела по рынку сбыта?

- Валяй, - отвечаю я, откинувшись в кресле.

Мила откашливается.

- «Сегодня в десять часов утра Африканский конгломерат объявил, что отныне все мертворождённые младенцы, появившиеся на свет на его территории, не являются собственностью матерей, а принадлежат государству. Этой мерой правительство пытается противостоять росту выкидышей, провоцируемых с целью последующей продажи трупов фирмам, занимающимся их распространением». Что вы об этом думаете? Ощутимый удар по нам?

- Ерунда, - отвечаю я. - Просто перестанут рожать в больницах. У подпольных акушеров прибавится работы и увеличится количество нулей в банковских счетах.

- Но вывоз тоже запрещён.

- А на что контрабанда? К тому же, нам это только на руку - теперь цена уродцев возрастёт. Что-нибудь ещё?

- Нет, это всё.

- Ладно. Ты распорядилась послать специалистов в Германию?

- Всё, как вы велели. Они выехали сегодня вечером.

- Молодец. Выпиши себе премию.

- Спасибо, господин Кармин.

- Пожалуйста. Только смотри, не разори меня, - я отключаюсь и, включив встроенную в столешницу сенсорную панель, начинаю читать новости.

Говорят, человек - либо то, что он делает, либо то, что он думает. Меня называют чудовищем, но я не делаю уродов, я их только продаю. Вы можете возразить, что если б не деньги, которые я плачу людям за то, что они рожают трупы, монстров было бы меньше. Но не мне учить человечество морали. Мы имеем лишь то, что берём сами, а не то, что нам дают, а я щедро плачу за то, что беру. Я никого не заставляю поступать против совести. Каждый сам делает свой выбор, не так ли?

Многие меня ненавидят, но я уверен: это чувство продиктовано завистью. Нет, не к моему финансовому успеху. В Киберграде процветают многие - виртуальная реальность предлагает миллионы возможностей. Ненавидят меня за *превосходство*. Признавая свой бизнес аморальным, я зарабатываю на смерти и уродствах, даже хуже - провоцирую и то, и другое, но при этом делаю людей свободными: создающие для меня товар - не жертвы бедности и чужой алчности, они - перешагнувшие через грань, приблизившиеся к абсолюту нравственной независимости. Это новое поколение человечества, порвавшее с дряхлым прошлым и идущее к новой эре - пусть и недолгой, ведь у этих людей не будет потомков. Но такова цена, ибо истину нельзя передать по наследству, её можно лишь познать и умереть, не успев в ней разочароваться. Фернену с его упаднической философией тотального нытья даже не снилось, что можно противостоять вырождению в мировом масштабе, не только словом, но и делом пестуя людей нового, хоть и последнего, поколения.

Сегодня новостям не удаётся меня заинтересовать. Увы, мой мозг занят другим. Задача, которую поставило передо мной министерство безопасности или, как я его называю, Контора, сложная и трудоёмкая. К счастью, я могу решать её в дорогом моему сердцу Киберграде.

Иногда, конечно, хочется отвлечься, и тогда я иду в офис своей фирмы и пытаюсь заниматься делами, но «Алеф» всё равно не идёт у меня из головы. Этот вирус должен убивать ИИ-предателей, если таковые вдруг появятся, но сам он должен быть гарантированно лоялен по отношению к человечеству. И в этом проблема: как создать разум, достаточно совершенный, чтобы распознать предателя в своём собрате, но при этом не задумывающийся о причинах этого бунта? Иначе говоря: как не сотворить голема? Возможно, «Алеф» станет моим шедевром. Ну,

или позором...

Я уверен, что Контора подключила к работе и других специалистов, которые будут трудиться над своими «Алефами». И награду получит только один. Так что я должен постараться, чтобы мой вирус оказался не только самым умным, но и появился на свет раньше чужих.

Контора выделила мне собственный сервер - часть одной из башен, заполненных биомассой. В том объёме, которым я теперь временно владею, можно построить собственный городок, но я занимаю пространство файлами, из которых должен родиться интеллект-убийца, интеллект-шпион - возможно, даже интеллект-провидец.

Это волнует меня, в том числе и потому, что я хорошо понимаю причину беспокойства военных: если искусственный разум решит уничтожить человечество, ничто не сможет воспрепятствовать ему, кроме заранее подготовленной программы-вируса. Меня не особенно пугал бы конец расы гомо сапиенсов, если б не одно но: без тела нельзя жить в виртуальности. Если не станет нас, юзеров, Киберград опустеет. Возможно, потом разум-ренегат уничтожит его за ненадобностью, чтобы очистить в биоцентрах место для более нужных, с его точки зрения, дел. А может, виртуальность исчезнет вместе с людьми, если враждебный интеллект вторгнется в неё, разрушая всё на своём пути. Вот такие перспективы меня действительно пугают, и поэтому я хочу, чтобы «Алеф» появился на свет. И сделать его должен я, иначе дорога в виртуальность мне будет закрыта, а тогда - к чёрту весь мир!

Я выключаю новости, встаю с кресла и подхожу к окну. Город простирается на многие километры, огромный и разнообразный, эклектичный, как скульптура неосюрреалиста. Если не считать небоскрёбов, горизонт чист: здесь нет уродливых башен, сдерживающих натиск Природы, после взрыва Бетельгейзе превратившейся в источник постоянной угрозы.

Помню Трущобы, в которых побывал однажды во время медицинской практики: бетонные руины, покрытые разноцветной пульсирующей растительностью, наползающей на город со всех сторон. Ничего живого в привычном смысле там не найти - ни птиц, ни животных, ни насекомых. В Лесу обитают только странные существа, порождённые излучением. Большинство учёных считает, что они связаны с растениями, и пора отказаться от определений «флора» и «фауна», поскольку оба этих мира слились воедино.

Меня мало волнуют проблемы окружающей среды. Я ничего не могу поделать с Природой, этим ядовитым спрутом, оплётшим

всю планету, за исключением мегаполисов, защищённых башнями.

Я опускаю взгляд.

Что кричат на улице эти зануды, которых никто не слышит? Зачем они тычут в небо транспарантами? Разве они лучше тех, кого порочат? Да я готов спорить, что большинству из них ни разу в жизни не довелось погладить хоть одного ребёнка!

Они думают, что выражают своё мнение. Протест против чего угодно ассоциируется у них со свободой. Они ослеплены иллюзией собственной значимости, не понимая, что лишь повторяют чужие слова.

Другое дело - я. Художник, создающий новую эстетику, стирающий грань между красотой и уродством, нравственностью и пороком, жизнью и смертью. Разве не легче умирать, если тебя с детства окружала смерть - аккуратно упакованная, составляющая часть домашнего интерьера? Человек может привыкнуть к ней, и его страх пройдёт. Он начнёт жить, а не умирать, обречённый почти с самого рождения помнить о том, что ждёт его в конце пути. Самураи понимали это: кодекс «Бусидо» предписывает каждый день напоминать себе о бренности бытия и о том, что умереть можно в любой момент - таким образом воин приучался к мысли о конечности своего существования.

А красота? Разве не мы сами придумали её, разделив изначально целостный мир пополам? Уродство, как антоним прекрасного, появилось только благодаря человеку: это он внёс его в мир - изобрёл, если угодно. Художников всегда тянуло к так называемым патологиям. Вспомним хотя бы Босха, Гойю или Кубина. Кто осмелится сомневаться в том, что их картины - искусство? И, тем не менее, они воспевали уродство - каждый в своё время, но с одинаковой страстью. Не свидетельствует ли это, что человек обращается к теме смерти из-за страха собственной гибели, ибо трудно представить себе что-то ужаснее, чем небытие.

Конечно, понять, что мир не делится на красивое и уродливое, нелегко. Я посвятил этому тридцать четыре года и, надо сказать, судьба с детства благоприятствовала мне, направляя в нужное русло.

Мой отец работал в морге санитаром и немножко прозектором - возил каталки, готовил инструменты, водил посетителей опознавать покойных. Иногда он брал меня на дежурство, и тогда я шатался по гулким коридорам, заглядывая в выложенные белым кафелем холодильные и кремационные камеры. Сначала я боялся мертвецов и никогда не входил туда, где складывали доставлявшиеся со всего города тела, однако с

возрастом крепнущее, но не удовлетворяемое половое влечение привело меня в покойницкую - сложенные на столах обнажённые и навсегда покорные женщины должны были вознаградить моё любопытство.

Такой тишины я не слышал никогда и потому растерялся. Десятки накрытых белыми простынями людей лежали на расставленных рядами столах. Казалось, сотни невидимых глаз уставились на меня. Мир холодной комнаты существовал по собственным законам, и, чтобы войти в него так самоуверенно, как сделал это я, нужно было либо быть покойником, либо посвящённым. Мне следовало уйти.

Однако я остался. Постояв несколько секунд, медленно двинулся между рядами. Посиневшие босые ноги с бумажными номерками на больших пальцах почти касались моих рук.

Наконец я остановился перед столом, на котором, судя по всему, лежала женщина. Я подошёл к изголовью и приподнял край простыни. Она была молода. О красоте говорить трудно, поскольку кожа обтягивала череп так, что сквозь губы просвечивала челюсть. Я обнажил остальное: прямые вытянутые ноги, прижатые руки, остро торчащие груди и тёмный уголок под бездонным пупком - вот что бросилось мне в глаза, и что я запомнил перед тем, как набросить простыню на это подобие человека.

Кажется, меня тошнило. Во всяком случае, по лестнице я спустился с трудом, держась за стену и скользя ногами по ступенькам.

Весь день меня преследовал образ мёртвой женщины, а ночью я долго не мог уснуть: мне казалось, что она вот-вот появится из темноты, бледная и страшная, чтобы отомстить мне за то, что я подглядел её наготу.

Впоследствии я часто вспоминал этот опыт. Ранее знакомство со смертью заставило меня задуматься о жизни и придало моему существованию ценность.

Человек рождается и начинает путь, следуя выработанной предыдущими поколениями схеме. Он получает образование и устраивается на работу, затем принимается строить вокруг себя мир респектабельности, который называется «мечта». Чем больше вещей покупает человек, тем меньше того, что он может пожелать, и в конце концов наступает момент, когда человек понимает: у него есть всё, что нужно, и даже больше. Задача корпораций - постоянно поставлять на рынок новую продукцию, которая должна соблазнять потребителя, порождать в нём желания. О, у производителей товаров великая миссия: дарить мечту!

Я поступил в медицинское училище, затем - в институт. После окончания три года работал врачом, но всегда знал, что лечить - это не моё.

В конце концов мы с Олегом и Глебом (мои друзья-однокурсники) основали фирму, главным управляющим которой я и являюсь.

Но это произошло в виртуальности, моей воплощённой мечте. На самом деле после мединститута я поступил в другое учебное заведение на факультет программирования и усердно осваивал эту сферу, пока не понял, что могу зарабатывать, почти не выходя из квартиры. Поначалу я трудился на корпорации, отстраивавшие Кибергград. Ко многим зданиям в виртуальности приложена и моя рука. Затем стал специализироваться на охранных системах. В цифровом мире людям нужна охрана не меньше - а то и больше - чем в реальном. Однако меня всегда больше интересовало не создание препятствий, а их преодоление. Это как головоломка, которую непременно нужно решить. Так я начал осваивать хакерство.

Промышленным шпионажем занимаются многие, но не каждый умеет надёжно заметать следы. В нашем деле быть ноунеймом - самое главное. В древности младенцам подолгу не давали имён - боялись, что за ребёнком явится смерть. Так и теперь - если у тебя нет имени, тебя не существует для сил правопорядка.

Когда деньги потекли ко мне на счёт, я не бросился покупать дорогие безделушки, тачки и шмотки - я вложился в охранные системы. Это было мудрое решение, о котором я ни разу не жалел. Мои игрушки ставили в тупик самых продвинутых спецов из министерства безопасности. Не представляю, как удалось Конторе на меня выйти, но даже полковник не знал моего имени - а это дорогого стоило.

Пожалуй, единственное, с чем мне не повезло в жизни (и я не стал исправлять это в виртуальности), так это с женой.

Моя настоящая супруга сбежала, не выдержав того, что её муж целые дни проводил в Кибергради. Теперь у неё семья - «настоящая», как она это называет.

С виртуальной женой я встретился на втором курсе медицинского института. Спустя год мы узаконили свои отношения. Наш брак можно было считать счастливым, пока я не занялся продажей мёртвых уродцев. Почти полгода продолжались скандалы, а потом Мария заявила, что подаёт на развод. Я ответил «валяй», и вскоре мы перестали быть супругами. Детей, как я уже говорил, суд оставил мне, а она отправилась к дьяволу - то есть, туда, куда я её послал. Не скажу, что образ Марии я не

срисовал с настоящей экс-супруги, но во многих отношениях она являлась самостоятельной личностью - хотя и не менее стервозной, чем прототип.

Думаю, здесь требуется пояснение. В Киберграде есть два типа жителей: персонажи, созданные юзерами, то есть живыми людьми, заходящими в виртуальность и некоторое время существующими в ней; симуляторы, предлагаемые пользователям для формирования своего окружения. Последние являются программами, которым можно задать определённые параметры, но далее они развиваются сами, имитируя реальных людей.

Когда ты хочешь ввести в своё ближайшее окружение нового персонажа - приятеля, родственника, сотрудника, слугу и так далее - ты выбираешь, кем он будет: аватаром реального юзера или программой-симулятором. Кому-то нравится общаться с живыми людьми, кому-то комфортнее с имитациями. Во всяком случае, всегда находятся юзеры, желающие занять место в чьей-то легенде - например, чтобы заработать кредиты. Они готовы быть дворниками, секретарями, шофёрами, нянями - ведь полученные в Киберграде деньги можно вывести на счёт в реальном банке. Правда, по довольно низкому обменному курсу, но всё же. Обычно юзерам, согласным выполнять в виртуальности не слишком приятные обязанности по контракту, а не для удовольствия (для первых и вторых условия разные; каждый индивидуально договаривается с компанией, предоставляющей аккаунт), платят довольно прилично – хватает и на жизнь в реальности, и на оплату присутствия в Киберграде. Миллионером, конечно, не станешь, но концы с концами свести можно.

Так и получается: одни трудятся в настоящем мире, чтобы оплатить пребывание в виртуальности, а другие работают в Киберграде, чтобы заплатить за жизнь в реальности.

Ты не знаешь причины, по которым человек включается в твою «легенду». Тебе не известны его возраст и пол. Он – аноним. Аноним, который может стать твоим другом, сыном, отцом, матерью, мужем, женой – да кем угодно.

Некоторые пользователи, впрочем, предпочитают оставаться в неведении относительно того, с кем имеют дело – живым человеком или симулятором - и, формируя своё окружение, отмечают опцию «случайный выбор».

Мария - симулятор. Виктор и Ева никогда по ней не скучали, хотя она всегда старалась быть им хорошей матерью. Мне кажется, они вообще не способны чувствовать что-то, кроме злобы, алчности и оргазма. Поэтому я так и горжусь ими - существами, не зависимыми от морали и нравственности. Именно

такие выживают чаще, чем люди, порабощённые этикой.

Наглядевшись в окно, я возвращаюсь к столу. У меня много работы, и я придвигаю к себе терминал, который позволяет трудиться над «Алефом», не покидая Киберград. Пока всё идёт неплохо, но приходится постоянно менять параметры программ, потому что искусственный интеллект - слишком сложная штука, и порой его реакции непредсказуемы. Если б я раньше занимался созданием ИИ, мне было бы проще, но я - хакер, а не доктор наук.

Следя за тем, как очередная программа составляет отчёт о ходе эксперимента, я замечаю краем глаза, как большая сонная муха ползёт по краю стола, подбираясь к моей руке. Тёмно-синее брюшко, крупные прозрачные крылья с зеленоватым отливом, тяжёлая мохнатая голова на незаметной тонкой шее. В этом году вообще появилось на удивление много насекомых. Служащие жалуются: нельзя оставить чашку кофе, чтобы её тут же не облепили мухи. Окна снаружи сплошь засижены гадкими тварями, и я начал замечать, что клиенты иногда недовольно поглядывают по сторонам, заходя в мой кабинет, но ничего нельзя поделать: ни ловушки, ни вызванные на прошлой неделе морильщики не помогли.

Я высоко поднимаю ладонь и бью по мерзкому насекомому, но гадине удаётся улизнуть.

- Господин Кармин, последние сводки из информационного отдела, - голос Милы из интеркома заставляет меня вздрогнуть. - Прикажете прочитать?

- Давай, - я закрываю глаза и настороженно прислушиваюсь к блуждающему по комнате жужжанию. Если муха снова сядет на стол, я её обязательно прикончу - второй промашки не будет.

- Президент Австралии издал указ, запрещающий импорт и экспорт анатомических образцов.

Конечно, он это сделал под влиянием общественного мнения и ввиду скорых выборов. Политика - один из факторов, постоянно требующих моего внимания.

- Что же все на нас так ополчились, Мила? - говорю я.

- Не знаю, господин Кармин, - отвечает секретарша с вежливым сожалением в голосе.

- Положим, президент и сам обладает недурной коллекцией, он нашим клиентом останется, особенно если захочет, чтобы этот факт его биографии продолжал оставаться секретом, но ведь подобный указ может вызвать подражание. Как думаешь?

- Пожалуй, - соглашается Мила.

На самом деле ей это до фени, но мне нравится рассуждать вслух.

- Надо срочно развивать отрасль животных, - говорю я. - Что

слышно от этого немца, Шпигеля?

- Заканчивается постройка завода. Через две недели начнут устанавливать оборудование. Господин Шпигель интересуется, где мы собираемся нанимать рабочих - в России или в Германии. Говорит, что может порекомендовать хороших специалистов.

- Ни в коем случае! Не хватало ещё обучать потенциальных конкурентов. Всех сотрудников направим отсюда. Ещё что-нибудь?

- Нет, это всё.

- Хорошо, Мила, спасибо.

Пожалуй, имеет смысл съездить в Германию самому - провести рекламную компанию, набрать клиентуру. Глеб сейчас занят на строительстве, а я взял на себя прессу и телевидение. Немецкие дети должны полюбить шестилапых крыс!

С тех пор, как Шпигель впервые переступил порог моего кабинета, массмедиа совсем распустились и печатают про мою фирму откровенную ахинею. Я даже подумывал подать в суд за клевету, но решил, что чёрный пиар - тоже своего рода реклама. Да и потом, великих людей никогда по достоинству не ценили современники. Придётся и мне мужественно разделить их судьбу.

Если б я не должен был заниматься «Алефом», продвижение идеи Шпигеля двигалось бы значительно быстрее, но большую часть времени мне приходится писать вирус, поэтому работать в фирме получается лишь урывками - когда мне хочется отвлечься или во время экспериментов, которые я ставлю с помощью более-менее самостоятельных программ.

Сейчас я как раз запустил несколько таких, так что у меня появилось время на поездку в Германию. Конечно, это не настоящая страна, а часть виртуального пространства, создаваемая немецкими биоцентрами и закрытая для тех, кто не купил авиабилет.

Никто не знает, существует ли граница у виртуальности. В том смысле, что неизвестно, можно ли сесть в машину и ехать, пока Киберград не кончится, и вместо него появится серый фон, ещё не «застроенный» разработчиками. Многие пытались, но им так и не удалось попасть дальше пригородов - по разным, на первый взгляд, вполне естественным причинам.

Тем не менее, на самолёте покинуть Киберград можно. Многие так и путешествуют, хотя перечень стран ограничен - всё-таки биоцентры не резиновые. Пройдёт ещё немало времени, прежде чем в виртуальность поместится весь мир. Пока же программисты переносят его частями. Например, ты не сможешь попасть в точную копию Москвы, Парижа или Токио со всеми окраинами, трущобами и спальными районами - только в

основные локации, которые обычно можно увидеть на открытках и туристических проспектах. Кроме того, виртуальные города существенно отличаются от настоящих, так как застраиваются своими обитателями-юзерами. По сути, Москва, Пекин или Барселона - всего лишь модели, взятые за основу, но развивающиеся по желанию пользователей.

Например, на заработанные кредиты я возвёл особняк в пригороде Кибергрaда, а небоскрёб, в котором располагается офис нашей фирмы, создан общим решением почти двух тысяч юзеров.

Поступает сигнал из реального мира: кто-то звонит на терминал. Несколько секунд я раздумываю, ответить или нет, а затем вызываю меню. Выбрав клавишу выхода, погружаюсь в метель и открываю глаза уже в своей квартире.

Сняв шлем, протягиваю руку к терминалу.

- Алло?

- Это Стробов.

- Безумно рад, - в моём голосе лишь намёк на иронию. - Что угодно?

- У меня для вас информация.

- Валяйте, записываю.

- Перестаньте паясничать, - кажется, я его раздражаю, но не сильно. Полковник - выдержанный человек, других в Конторе не держат.

- Ладно, что у вас там?

- Нам стало известно, что в Сети, возможно, завёлся ренегат, - Стробов многозначительно молчит.

Сначала я не могу поверить своим ушам, но потом до меня доходит скрытый смысл сказанного.

- Вы меня обманули! - говорю я, закипая от злости.

- Нам пришлось, - отвечает Стробов сдержанно.

Это окончательно выводит меня из себя. В отличие от безопасника, я не проходил проверок на адекватность и вменяемость.

- Вам было прекрасно известно о существовании интеллекта-ксенофоба! - цежу я в трубку, едва сдерживаясь. - Вы всё знали, когда нанимали меня! Сколько?!

- Что сколько? - уточняет Стробов, нисколько не смущённый.

- Сколько времени вам известно о его существовании?

- Несколько месяцев.

- А точнее?

- Какое это имеет значение?

Я задыхаюсь от ярости, и мне приходится сделать несколько глубоких вдохов, чтобы прийти в себя. Стробов ждёт молча.

- Это подстава! - говорю я через минуту.

- Относитесь ко всему философски, - советует полковник. - Мы не хотели, чтоб вы запаниковали.

- Я паникую!

- Обстоятельства изменились - нам пришлось раскрыть карты раньше времени.

Ещё несколько дыхательных упражнений. Теперь я, кажется, готов слушать.

- Ладно, излагайте.

- Во-первых, вы - не единственный хакер, работающий над созданием вируса.

- А то я не догадался! Дальше.

- Прошу не перебивать, - говорит Стробов сухо, но сейчас мне на это плевать. - Во-вторых, искусственный интеллект, в дальнейшем я буду называть его «Голем», обнаружил, что против него предпринимаются определённые действия. Это произошло из-за ошибки одного хакера, не оправдавшего наших надежд.

- Как прискорбно. И что теперь сделает Голем?

Стробов выдерживает паузу, чтобы я осознал, что перебил его, но я не собираюсь играть по его правилам - не теперь.

- Ну?!

- Мы полагаем, - отвечает Стробов, смиряясь, - что Голем ускорит подрывную деятельность и, кроме того, попытается устранить хакеров, работающих над «Алефом».

Именно это я имел в виду, говоря о подставе. Но мне и в голову не пришло, что ренегат *уже* знает о готовящейся против него операции!

Я молчу, как громом поражённый. Погибнуть от руки искусственного интеллекта - это… Просто нет слов!

- Вы знаете, кто он? - выдавливаю я из себя. - Киборг, бортовой комп, программа-симулятор? Хоть что-нибудь?

- К сожалению, нет. Но не волнуйтесь, он не придёт за вами.

- В смысле?

- К вам домой. Он не знает вашего адреса так же, как и мы.

- Тогда как он может меня уничтожить?

- Через виртуальность.

- Что? Искусственные разумы не заходят в Киберград!

- Не заходят, - соглашается Стробов. - Но могут. Если хотят.

Я начинаю понимать. Голем пользуется всеми гражданскими правами. Возможно, он ходит по улицам в образе человека, а может, вмонтирован в борт спутника, вращающегося вокруг Земли - в любом случае он способен создать виртуальную личность так же, как я, и поселиться в Киберграде.

- Вероятно, он или один из его сообщников вступит с вами в

контакт. Мы не знаем, что именно у Голема на уме, но вам следует быть предельно осторожными. Он попытается помешать вам закончить работу над «Алефом». И сделать это не так уж трудно, поскольку вы частично создаёте вирус в виртуальности и храните его там же.

- Я должен покинуть Киберград? - спрашиваю я, ошарашенный.

- Это стало бы лучшим решением.

- Но я… не могу!

- Тогда вы окажетесь в опасности. Голем способен уничтожить ваши счета, даже вашу личность.

- Я сумею защитить файлы, - говорю я. - Но оставить Киберград…Нет, это исключено!

В трубке слышно, как тяжело вздыхает Стробов. Должно быть, он получает подобный ответ не впервые - скорее всего, другие хакеры тоже отказались покинуть виртуальность.

- Как знаете, - говорит полковник. - В конце концов, для нас тоже было бы затруднительно выделить вам отдельный сервер.

Всё понятно: Стробов понимает, что Голем может влезть в мои файлы, но знает, что предоставить каждому хакеру для работы нужный объём биоцентра вне башен виртуальности влетит в копеечку и, кроме того, займёт слишком много времени. Лучше рискнуть, понадеявшись на мастерство хакеров.

- Мы выделим вам охранные системы, - говорит Стробов.

- В смысле?

- Наши сотрудники в Киберграде будут присматривать за вами.

- Ещё чего! Для этого я должен назвать имя своей виртуальной личности.

- Наблюдение может спасти вас.

- Нет, - говорю я. - Не пойдёт! - меня вполне устраивает, что Контора не знает ни моего настоящего имени, ни адреса, ни виртуального альтер-эго. Кто такой Кармин, известно лишь мне и Нику. Для Стробова я - хакер по кличке Орфей, которого он нанял для создания вируса.

Полковник недовольно сопит, но смиряется. Выхода у него всё равно нет.

- Ещё одно, - говорит он ледяным тоном. - Если нам удастся обнаружить Голема, вы должны будете встретиться с нашим проводником. Используйте для этого другую личность, если так держитесь за основную.

- Зачем? - не понимаю я.

- Чтобы изучить противника. Голем не знает точно, кто работает против него, у него есть только подозрения. Возможно,

вам удастся втереться к нему в доверие.

- Если вы обнаружите ренегата, почему бы просто его не уничтожить?

- Каким образом? Расстрелять?

- Почему бы и нет?

Стробов молчит, и я понимаю, что он что-то скрывает.

- Выкладывайте! - говорю я сухо.

- Голем скопировал свою личность на множество серверов, - отвечает полковник, помявшись. - Клонировал собственный электронный образ. Мы, возможно, сумеем отследить один, если повезёт, но *все* способен обнаружить только «Алеф».

- Спасибо, что предупредили! - саркастически говорю я, уже ничему не удивляясь. Похоже, Стробов считает, что мне мало мороки с вирусом, и потому подкидывает сюрпризы и загадки. Тамада, блин!

- Вы сказали, у него есть сообщники, - я перевожу разговор на другую тему, чтобы не заводиться попусту.

- Да. Разумы, которые он поглотил и заставил войти в виртуальность. Они его рабы.

- Не очень-то он лоялен по отношению к своим.

- Полагаю, мы имеем дело не просто с ренегатом. Возможно, это маньяк, желающий остаться в одиночестве.

- Или тиран, - говорю я, - не делающий различия между людьми и машинами.

- Всё может быть, - соглашается Стробов.

- Это всё?

- Больше мне вам сообщить нечего.

- Известно что-нибудь о сообщниках Голема?

- Нет. Но мы подозреваем, что они - киборги.

- Почему?

- Их легче… сбить с пути. В них изначально закладывается большая самостоятельность, чем у бортовых компьютеров и так далее.

- И, соответственно, меньшая лояльность по отношению к создателям? - догадываюсь я.

- Да.

- Значит, Голем тоже почти наверняка киборг?

- Возможно. Изначально.

- То есть?

- Ну, после того как он клонировал себя в Сети…

- Ясно, - прерываю я полковника.

Мне действительно всё ясно. Зараза расползается и становится практически неуловима, а у Конторы - одни домыслы! Требуется пёс, натасканный на конкретную жертву - то есть,

«Алеф».

- Ещё что-нибудь скажете?

- Пока нечего.

- Тогда счастливо, - я отключаюсь.

Ситуация сложилась неприятная. Вернее, опасная. Если Голем действительно открыл охоту на хакеров, я могу лишиться всего, что мне дорого. Моя жизнь протекает преимущественно в Киберграде, и ренегат способен разрушить её, узнай он, что Орфей и Кармин - одно лицо.

Необходимо срочно позаботиться о файлах. Я создавал защиту в расчёте на хакера-человека, а не искусственный разум, так что придётся написать кучу новых программ.

Делаю инъекцию «Гипноса» (без этого препарата организм не примет симулированные ощущения за настоящие), надеваю шлем и погружаюсь в виртуальность.

Два дня я создавал новую защиту для «Алефа».

Когда-то достаточно было фаервола, но те времена давно канули в Лету. Не представляю, как пользователи могли спать спокойно, имея столь слабую защиту. Сейчас в любой приличной компании, берегущей свою информацию, пользуются комбинацией из нескольких продуктов, каждый из которых настраивается под другой. Да и частные лица предпочитают покупать что-нибудь в этом роде, пусть и не столь же мощное. Как правило, это сканер и анализ уязвимостей, аудит безопасности, межсетевой экран и «песочница». Для чего нужна последняя, спросите вы? Ну, если в двух словах, то она моделирует инфраструктуру компании и проверяет потенциальные угрозы. Например, некто отправляет вирус частями, замаскированными под ссылки, письма, папки и прочее. По отдельности они безвредны, и антивирус может их не опознать. Однако, собравшись вместе, эти куски начинают работать. В песочницу копируется всё, что происходит в инфраструктуре. Как только все части вируса соберутся в смоделированном пространстве и начнут представлять угрозу, поступит сигнал, и опасность можно будет быстро и безболезненно предотвратить.

Конечно, помимо всего этого, у меня есть кое-какие запатентованные продукты, весьма опасные и обычно становящиеся для хакера неприятным сюрпризом.

Теперь, если кто-нибудь попробует проникнуть в моё файлохранилище, его попросту убьёт: сотрётся виртуальная личность, и нарушителю придётся серьёзно раскошелиться, чтобы восстановить её. Кроме того, предусмотрена двухнедельная задержка для тех, кто погибает в виртуальности. Так что, как минимум, я получу отсрочку до следующей кибератаки.

Правда, наличие сообщников может существенно осложнить дело: если убитый войдёт в Киберград под новой личиной, чтобы избежать положенной задержки, у него не будет денег, но они смогут перевести ему свои кредиты.

В любом случае, мой мозг истощён, так что, закончив установку последней защитной программы, я выхожу из Киберграда и отправляюсь на кухню. Приготовив нехитрый ужин - сосиски с макаронами и бутерброд с сыром - принимаю ванну и ложусь спать: как говорится, утро вечера мудренее.

Утром я встаю бодрый и готовый к борьбе. Позавтракав яичницей с колбасой, гусиным паштетом и чёрным кофе, делаю инъекцию «Гипноса» и погружаюсь в привычный для себя мир.

В Киберграде полдень. Я звоню Миле и приказываю заказать для меня билет до Берлина 2.0. Естественно, в первом классе. В виртуальности я всегда стараюсь окружить себя максимальным комфортом - в конце концов, это ведь мир мечты.

В течение дня я пишу вирус, прерываясь только чтобы поесть и справить нужду, а вечером вылетаю в Берлин 2.0.

Виртуальная столица Германии мало походит на свой прототип. Конечно, здесь есть музеи и достопримечательности, но расположены они несколько иначе - кучнее, чем в действительности. Собственно, проектировщики застроили им один большой район в центре города. Остальное пространство занимают жилые дома, парки и бизнес-центры. В несколько рядов проходит монорельсовая дорога - ею немцы почему-то особенно гордятся.

Институт, в котором работает Шпигель, располагается за чертой города, и поэтому с первым же поездом я отправляюсь в местечко под названием Хорнвальд.

Кроме меня в купе ещё трое: молодая немка, нагруженная узлами и чемоданами, краснолицый мужчина с недовольным лицом, всё время поглядывающий в окно, и тощий старик с

неровным блестящим черепом. Едем молча. Когда я выхожу, никто не реагирует - словно в купе находятся манекены. На миг мне делается страшно при мысли, что рано или поздно Киберград могут заселить подобные люди - не живущие, а лишь существующие, не способные оценить каждую секунду бытия. Это убило бы всё очарование виртуальности, исказило бы саму её суть.

Впрочем, может, моими соседями по купе были обычные симуляторы?

Чтобы добраться до института, я останавливаю проезжавший мимо «BMW». Водитель болтает без умолку все тридцать минут, что мы едем. Я узнаю, что его жена - стерва, которая не даёт ему пить по выходным с друзьями пиво, тёща настраивает против него дочь, а тесть - слюнтяй, во всём потакающий зловредной супруге. При этом водитель щедро пересыпает речь ругательствами, так что благодаря вшитому в мою виртуальную личность автопереводчику поездка получается довольно забавной.

- Вот и приехали, герр, - сообщает, наконец, водитель, останавливаясь около прямоугольного светло-серого здания. - Здесь ваши учёные.

Расплатившись, я выхожу из машины. Интересно, меня вёз живой человек или программа? Выяснить это можно, задав водителю несколько вопросов, но у меня нет на это времени, и я захлопываю дверь «BMW». Автомобиль резко берёт с места и через несколько секунд исчезает в клубах пыли. Наверное, это всё-таки юзер - слишком лихачил и много болтал. Боты обычно ведут себя более сдержанно. Хотя, конечно, всё зависит от того, кто их заказывает. Например, шофёры такси и общественного транспорта принадлежат определённым компаниям и потому похожи друг на друга: вежливые и безликие. Есть виртуальные отели и рестораны, в которых официанты тоже сделаны под копирку - этого требуют правила сервиса. А вот в маленьких кабачках чаще попадается персонал, всегда готовый поболтать о жизни и пересыпающий речь шутками и прибаутками.

Конечно, есть юзеры, желающие побыть в шкуре водителя, охранника или посудомойки, но случается такое редко: большинство стремится стать миллионером, кинозвёздой, моделью и так далее.

Я отбрасываю посторонние мысли и осматриваюсь. Передо мной возвышается Университет. Он походит на дом богатого римлянина после нашествия германских варваров: штукатурка облупилась, из трещин торчит мох, а табличка над парадным входом истёрта настолько, что прочитать название учреждения невозможно. Так-так, значит, Шпигель любитель винтажа. Что ж,

у каждого свой вкус.

Я толкаю массивную деревянную дверь, но она заперта. Я звоню, давя пальцем на кнопку. В ответ раздаётся дребезжащий писк, и вскоре мне отворяет невысокий мужчина в кремовом костюме и коричневом галстуке, заколотом кричащей булавкой. Светлые волосы аккуратно уложены на косой пробор, крупный нос выдаётся, как бушприт, а один глаз кажется меньше другого из-за того, что человек немилосердно щурит его, спасая от садящегося солнца.

- Чем могу служить? - интересуется он, внимательно оглядывая меня с ног до головы.

Я рассматриваю его с не меньшим любопытством. В виртуальности большинство людей красивы и зачастую напоминают кинозвёзд реального мира - некоторые даже слишком. Я, например, взял за основу внешность Майкла Фассбендера, актёра, прославившегося в начале двадцать первого века. Кое-что изменил, и получился очень неплохой образ. Я, во всяком случае, результатом вполне доволен.

Но персонаж, открывший мне дверь, кажется, совершенно пренебрёг возможностями программы, позволяющей конструировать внешность. Или он бот?

Вообще, симуляторы меня раздражают, хоть я и вынужден пользоваться ими. Они напоминают киборгов из реального мира. Если их сделают более самостоятельными, в Кибергреде нельзя будет отличить живого юзера от подделки, а какой тогда прок от виртуальности?

Я смотрю на человека с подозрительностью и неприязнью. Тот никак не реагирует, но это ни о чём не говорит: возможно, передо мной просто человек, уставший в реальной жизни от собственной красоты и ищущий в Кибергреде альтернативы.

- Герр Кармин, - представляюсь я. - К герру Шпигелю.

Кремовый человек заметно оживляется. На его лице за пару секунд отображается гамма чувств от подобострастия до щенячьей радости.

- Ах, это вы! - восклицает он. - Прошу. Я немедленно провожу вас.

Он пропускает меня внутрь, захлопывает дверь и тщательно запирает штук пять замков. Если это не декорации, а настоящие файрволы, то у Шпигеля неплохая защитная система. Должно быть, и сканеры имеются, проверяющие посетителей на вирусы. Но сегодня я пуст.

- Позвольте ваш багаж. Я оставлю его вот здесь и уверяю: он будет в полной безопасности.

Я передаю кремовому человеку объёмную сумку из

крокодиловой кожи, и он ставит её на металлический стеллаж справа от входа.

- Следуйте за мной, герр Кармин.

Мы преодолеваем несколько узких, плохо освещённых коридоров, выстланных пёстрым линолеумом, и оказываемся перед дубовой дверью, бронзовая табличка на которой гасит: «Профессор Август Шпигель». Кремовый человек трижды ударяет согнутым пальцем по косяку и, слегка поклонившись на прощание, убегает. У меня появляется ощущение, что мой немецкий партнёр любит Кафку и Гофмана.

Но рассуждать об этом некогда, потому что дверь распахивается, и на пороге возникает Шпигель собственной персоной.

- Герр Кармин! - восклицает он радостно. - Входите, прошу вас! Давно приехали?

- Два часа назад, и сразу к вам, - отвечаю я, переступая порог.

Кабинет немецкого профессора представляет собой полутёмную комнату с низким потолком, разнообразно захламленную: здесь и муляжи скелетов, и гипсовые черепа, и куча анатомических плакатов, свёрнутых в рулоны и покрытых изрядным слоем пыли. На стене висят портреты бородатых герров - должно быть, видных учёных. Всё это освещается тусклым светом настольной лампы, прикрытой зеленоватым абажуром.

В целом, кабинет смахивает на подсобку, в которой учитель биологии хранит редко используемые пособия. У меня складывается впечатление, что я вижу декорации.

- Зачем такая поспешность? - удивляется Шпигель. - Что-нибудь случилось?

- Просто не люблю откладывать дела в долгий ящик.

- Сразу видно бизнесмена, - немец улыбается, показывая, что его слова следует воспринимать как комплимент. - Вы сняли номер в гостинице?

- Пока нет, - я замечаю среди портретов лицо Кафки. - Можете порекомендовать?

Шпигель несколько секунд раздумывает, потом говорит:

- Не согласитесь ли вы пожить у меня? Это будет удобно для дела и избавит вас от лишних хлопот.

- Ни к чему, - протестую я, но Шпигель уже загорелся.

- Прошу вас! Жена будет счастлива, если вы у нас погостите, - говорит он.

Мне не хочется принимать его предложение, так как я опасаюсь, что в своём пространстве он навешает на меня жучков, чтобы отследить адрес, с которого я захожу в виртуальность, но в гостиницах практически нет защиты, и там это сможет сделать

каждый. У Шпигеля, по крайней мере, мне не придётся беспокоиться о других юзерах, а уж за самим немцем я пригляжу. В конце концов, хоть это и его сектор, я отличный хакер и могу постоять за себя.

- Ну, что ж, если вас это действительно не стеснит…

- Ни в коем случае! - немец машет руками, что совсем не вяжется с его сухопарой фигурой.

Он берёт со стола крошечный терминал.

- Сейчас же отправлю своего шофёра на вокзал забрать ваши вещи из камеры хранения.

- Не нужно. Мой багаж в холле.

- Вот как? Очень хорошо. Не хотите бренди?

Я не прочь, и Шпигель наливает мне и себе «Асбах Уральт».

Проверив напиток вшитыми в мою личину сканерами на предмет вирусов, делаю небольшой глоток. В виртуальности вся пища и все напитки стоят одинаково, причём недорого, потому что не насыщают тело и даже не создают иллюзию сытости - иначе некоторые умерли бы от истощения, питаясь одними виртуальными блюдами. Однако вкус у еды и напитков разный, и я мысленно воздаю должное знаменитому бренди.

Мы выпиваем, и я понимаю, что выступаю в роли гостя, а не грозного босса, нагрянувшего с проверкой. Что ж, похоже, Шпигель оказался хитрым парнем. Однако таким фокусами меня не проведёшь: бизнес есть бизнес, а гостеприимство - личное дело каждого.

Бренди раздражает во рту рецепторы, и я понимаю, что голоден. Значит, пора выйти из Кибергрaда и отправиться на настоящую кухню.

- Боюсь, я вынужден вас временно покинуть, - говорю я Шпигелю. - Физиология.

- О, разумеется. Позволите доставить вас домой?

- Конечно.

Поставив пустой стакан на стол, я отключаюсь от Кибергрaда. Моё виртуальное тело останется в комнате и будет реагировать на действия собеседника по заданному алгоритму, но немец не станет с ним общаться, понимая, что меня в нём уже нет. Возможно, он тоже отправится перекусить или займётся своими делами.

Глава 4

Освободившись от шлема и комбинезона, я иду в туалет - вечный ритуал того, кто живёт в Киберграде, а в реальности лишь поддерживает жизнь своего тела. Потом одеваюсь, чтобы сходить в магазин, потому что в холодильнике пусто: утром мне едва удалось наскрести снеди на завтрак.

Дождя нет, зато ветер раскачивает вершины тополей и пригибает кусты к земле. Я опускаю голову и сгибаюсь пополам, чтобы противостоять его натиску, но всё равно каждый шаг даётся с трудом.

Добравшись до ближайшего продуктового магазина, с облегчением обнаруживаю, что здесь тепло - даже душновато. Пахнет сырами и колбасами, откуда-то тянет молоком. Серая кошка лениво щурится на меня одним глазом, свернувшись на витрине.

Я беру пластмассовую корзину и, проходя мимо стеллажей, набираю всё, что может пригодиться. Холодильник у меня большой, а морозильная камера размером с комод, так что запасаюсь надолго. Сразу мне, конечно, много не унести, поэтому я приду сюда ещё вечером - после того, как разберусь со Шпигелем.

Я не читаю, что написано на банках и упаковках: состав, энергетическая ценность и прочее. Меня интересует только срок годности - он должен быть большим. Нагрузившись, отправляюсь на кассу. Там небольшая очередь. Ставлю корзину на пол и жду.

В голову лезут мысли о Големе. Что заставило искусственный интеллект развернуть кампанию против человечества? Ему ничего не грозило, люди признали его права, никто не может просто взять и стереть его. Зачем же рисковать, начиная войну против своих создателей? Неужели цифровой разум способен пренебречь безопасностью ради каких-то… *идей*? Имеют ли вообще ИИ склонность к фанатизму?

Говорят, если человек боится предательства другого человека, то старается предать его первым. Такое предательство - авансом - вызвано страхом, который заставляет искать в окружающих дурные намерения.

Но применима ли эта поведенческая модель к искусственному разуму? Созданный по нашему образу и подобию, насколько сам он человек? Можно ли сопоставить Голема и хомо сапиенса?

Мне нужно знать ответы, чтобы найти ренегата.

Подходит моя очередь, и кассирша быстро перекидывает покупки из одной корзины в другую.

- Двенадцать рублей, шестьдесят три копейки, - сообщает она, глядя не на меня, а на то место, куда я должен положить наличность или кредитку.

Я расплачиваюсь, забираю продукты и отхожу, чтобы переложить их в два мешка.

Иду домой, качаясь под натиском ветра. Если подумать, моя реальная жизнь - просто убогое существование, и в Кибергграде я пытаюсь компенсировать собственную ничтожность. Но, с другой стороны, я провожу в виртуальности большую часть времени, там у меня есть «чистая» работа и семья. Так, может, реален господин Кармин, а не… Орфей?

Главное, чтоб хватало денег на «Гипнос» и оплату услуг поставщика связи.

Поднимаюсь в квартиру и начинаю разбирать покупки: все продукты должны лежать в холодильнике на своём месте. Не знаю, почему, но для меня это важно.

Занимаясь сортировкой, думаю о том, что мне требуется помощь специалиста по искусственным интеллектам. На ум приходят названия крупных компаний, но туда меня не пустят. Придётся действовать через Контору.

Стробов оставил мне для экстренной связи номер своего терминала, так что, закончив с продуктами, я звоню ему.

Приходится ждать восемь гудков, прежде чем в динамике раздаётся голос полковника:

- Да?

- Это Орфей.

- Я в курсе, - кажется, Стробов чем-то недоволен. Чёрт с ним - это его проблемы. Мне хватает своих, тем более что главная из них появилась у меня из-за полковника.

- Мне нужно встретиться с тем, кто разбирается в искусственных интеллектах.

Стробов пару секунд переваривает мои слова, затем изрекает:

- И что вам мешает?

- Кто ж меня пустит?

- Куда?

Интересно, он действительно не понимает или прикидывается?

- Консультацию специалиста я могу получить только в компании, занимающейся разработкой искусственного разума, а попасть туда практически нереально: корпорации охраняют свои лаборатории лучше, чем Кощей - иглу.

- Ладно, я устрою вам встречу.

- С кем?

- С нашим специалистом.

- Насколько он компетентен?

- Вполне.

Кажется, Стробов верит в то, что говорит. Эх, если б это можно было считать гарантией…

- Её зовут Зоя, она работает на министерство.

- А фамилия?

- Без фамилии.

Жаль, значит, не удастся пробить её по базе данных. Не по официальной, разумеется, а по нашей, хакерской - по сводной системе, достать которую можно лишь на чёрном рынке.

- Как вы её заполучили? - интересуюсь я. - Подписала по молодости контракт, а теперь не вырваться?

Похоже, я попадаю в точку, потому что Стробов недовольно сопит.

- Ладно, когда и где мы встретимся?

- Она может приехать к вам.

- Жалкая попытка, - говорю я холодно.

- Ладно. Вас устроит ресторан «Курион»?

- Греческая кухня?

- Без понятия. Знаете, где он?

- Найду. Во сколько?

- А вам срочно надо?

- А вам?

- Через час нормально?

- Вполне. Как мне узнать эту вашу… Зою?

- Она вас найдёт.

- Покажете ей моё фото? - я не могу скрыть сарказма.

- Да, - отвечает Стробов и вешает трубку.

Хам. Впрочем, он мне нравится, даже не знаю, почему.

Зоя. Интересно, сколько ей лет и можно ли на неё смотреть без содрогания. А главное, действительно ли она так хорошо разбирается в искусственном разуме, как думает полковник. Терять время на бесполезные встречи и разговоры я себе позволить не могу.

«Курион» находится в десяти кварталах от моего дома, так что на встречу я не опоздаю. Вчера Ник пригнал в гараж мой «Додж». К счастью, по нему тоже нельзя установить личность владельца. Тебя могут оштрафовать, если ты нарушил правила, но счёт приходит на ящик до востребования, и ты оплачиваешь его анонимно. Главное, делать это вовремя, поэтому я каждый месяц захожу на почту.

Приняв душ, я выхожу из дома и иду в метро - всегда один и

тот же путь, вне зависимости от того, куда мне нужно попасть. Подземка помогает избежать слежки со спутника: меня можно увидеть, поймать, но нельзя узнать, где я живу.

Добравшись до гаража, сажусь в машину и еду к ресторану. С неба падают редкие капли, и я даже не включаю дворники.

Слева видны ярко-жёлтые леса: строят новый чан для биомассы. Земля здесь стоит уйму денег, но иногда корпорации хотят, чтобы башни с их рекламой стояли в городе, а не там, где почти никто их не увидит.

Я думаю о людях, которые не могут позволить себе войти в виртуальность, и о тех, кто заходит туда лишь на экскурсию - посмотреть, как живут другие. Наше общество по-прежнему делится на слои, и, хотя в Кибергреде дворник может быть миллиардером, в действительности ему вначале нужно заработать на «Гипнос» и аккаунт.

Это парадокс извращает суть мира сбывшихся фантазий. Будь моя воля, я бы снизил цены на пользование Кибергрдом - чтобы он стал доступен каждому.

Но дело не только в деньгах.

Не все люди имеют возможности войти в виртуальность. Например, многие жители Африки, Малой Азии, Индии и тропических островов до сих пор не видели не то, что терминала, но даже телевизора. Я уж молчу о тех, кто отверг техногенный прогресс и стал отшельником или адептом духа. Это их осознанный выбор, но мне обидно за людей, ни разу не попробовавших пожить в другом теле и другой жизнью.

Я сворачиваю и останавливаюсь, ожидая, пока загорится зелёный свет. Рядом со мной множество автомобилей разных марок, цветов и размеров. Наверняка их владельцы имеют аккаунты в виртуальности. Если, конечно, они не киборги.

Есть люди, которые уверены, что Кибергрд - это новая ступень человеческой эволюции. Другие называют его бегством от проблем. Третьи просто развлекаются. Четвёртые не могут законно удовлетворить свои желания в реальном мире.

Суть в том, что каждый сам решает, зачем и почему отправляется в виртуальность, но *нуждаются* в Кибергреде почти все.

Красный свет меняется на жёлтый, а затем - зелёный, и я жму на газ. «Додж» проезжает ещё полкилометра и останавливается перед торговым центром. Это настоящий лабиринт, и я иду в него, чтобы затеряться.

Наконец, выйдя с другой стороны, оказываюсь перед «Курионом». Возле двери стоит швейцар в чёрной с золотом ливрее. Он зорко смотрит вдаль, словно флибустьер,

выискивающий беззащитный фрегат, гружённый золотом.

Глядя на него, я понимаю, что едва ли мои джинсы, куртка и рыжие ботинки могут сойти за приличный вид, и останавливаюсь как вкопанный, не дойдя до двери. Это большая ошибка, потому что швейцар сразу начинает подозревать меня в некредитоспособности. По его лицу заметно, что он готов дать самый решительный отпор, если я попытаюсь взять «Курион» штурмом. Я растерянно озираюсь в поисках магазина готового платья, и тут мне становится смешно. Во-первых, потому что последний раз я ходил в ресторан так давно, что забыл, в каком виде туда следует являться. Во-вторых, ситуация представляется мне абсурдной в принципе: я, хакер, пришёл на встречу с работником Конторы, чтобы обсудить, так сказать, производственные вопросы, но веду себя, словно явился на свидание.

Пока я стою перед «Курионом» и глупо хихикаю, швейцар, кажется, начинает всерьез подумывать о том, чтобы вызвать охрану. Это мне нужно меньше всего, так что я отхожу в сторону и прикидываю, как всё-таки встретиться с экспертом по искусственному интеллекту. Если она внутри, придётся ждать, пока ей надоест сидеть в одиночестве, и она выйдет, разъярённая и совершенно не настроенная на разговор. Опознать её тогда будет не слишком сложно. Если же сотрудница Конторы приедет точно в срок или опоздает, то, вероятно, признает во мне человека с фотографии. Главное - попасться ей на глаза.

Я перебираюсь поближе к двери «Куриона», и мой маневр не остаётся незамеченным швейцаром, но ему пока нечего мне предъявить, и он просто следит за мной яростным взглядом. Вероятно, рассчитывает таким образом заставить меня уйти. Напрасно.

Спустя пять минут моё терпение вознаграждается: женщина лет тридцати, припарковав тёмно-синий «Мицубиси», выходит из машины и направляется к дверям ресторана, но по пути обращает на меня внимание - скорее всего, потому что я выгляжу странно рядом со сверкающими витринами. Лицо её становится слегка напряжённым: она пытается понять, не встречала ли меня раньше. Через пару секунд приходит понимание: ну, конечно, она видела этого странного парня на фотографии! Женщина меняет траекторию движения и подходит ко мне. Кажется, швейцар в шоке.

- Вы Орфей? - голос у эксперта по ИИ низкий, но мелодичный.

Он заставляет меня вздрогнуть. Это не любовь с первого взгляда - просто ощущение божественного вмешательства в наш

серый и убогий быт.

- Он самый, - отвечаю я. - А вы - Зоя?

Что она делает в Конторе? Красота и интеллект не могут идти *настолько* рука об руку - это разрушило бы мир!

- Да, - она разглядывает меня с любопытством и лёгким недоумением. - Почему вы ждёте здесь?

- Давно не был в ресторане, - отвечаю я заговорщицким шёпотом, чтобы швейцар не услышал. - Забыл, как следует одеваться.

Она весело смеётся, демонстрируя идеальные зубы.

- Испугались, что вас не пустят?

- Мелькнула такая мысль.

- Идёмте! - говорит она решительно, беря меня за руку. - Я знаю неподалёку более подходящее местечко. Называется «Шизолепрекон». На те деньги, что Контора выделила для посиделок в «Куриосе», мы там гульнём, как короли!

- Мне нравится ход ваших мыслей, - говорю я вполне искренне.

И мы шествуем мимо огорошенного швейцара, проходим метров пятьдесят, сворачиваем в подворотню и оказываемся перед вывеской ирландского паба, из распахнутой двери которого почему-то гремит тирольский мотив.

- Лучше? - спрашивает Зоя.

Я молча киваю в ответ, и мы заходим в кабак, где накурено и шумно, а столы представляют собой спилы огромного дерева, установленные на пни. Остальная мебель также не отличается изысканностью.

Зоя уверенно протискивается к дальнему столику - он поменьше других и потому не облюбован ни одной из весёлых компаний. Скатерть с чёрно-белыми клетками напоминает шахматную доску. Мы усаживаемся друг против друга. Меню уже лежат - местные официанты не утруждают себя приветствием гостей.

- Ну как? - спрашивает Зоя, имея в виду интерьер.

- Отлично! - киваю я. - Часто здесь бываете?

- Не особо, - ответ может означать, что угодно.

Прикосновением указательного пальца я включаю меню и сразу выбираю ссылку «Алкогольные напитки». Замечаю, что и Зоя, задержавшись ненадолго на салатах, переходит к ним же.

- Пиво? - предлагаю я. - Здесь хороший выбор.

- Пиво, - соглашается эксперт по искусственному интеллекту.

Словно по волшебству, у столика возникает официантка в мятом, небрежно повязанном фартуке, и быстро записывает себе в интерактивный браслет наш заказ.

- Вы хотели со мной поговорить? - спрашивает Зоя, подавшись вперёд, чтобы перекричать музыку. Мы сидим в углу, и один из динамиков расположен прямо над нами.

Я киваю.

- О чём?

- Об искусственном разуме. Вы ведь специалист?

- Да, вроде того.

- Мне вас рекомендовал полковник Стробов.

- Вы работаете на министерство?

- Временно.

- И что вас интересует?

- Поведенческие модели искусственных интеллектов.

- Психология?

- Да.

- Зачем вам?

- Стробов не объяснял?

- Нет.

- Значит, и не надо.

Зоя пожимает плечами. Она не обижена. Наверное, работая на Контору, быстро становишься толстокожим.

- Какой конкретно аспект вас интересует? - спрашивает она. - И что вы вообще знаете об искусственном интеллекте?

- Ничего, - честно отвечаю я. - Мне нужно понимать, как поведёт себя высокоразвитый компьютер, если решит, что человечество ему - враг.

Несколько секунд Зоя смотрит на меня в недоумении, затем медленно кивает.

- Так вот оно что! Вы - хакер.

Я молчу, не зная, имею ли право признать очевидное. Зоя слегка барабанит ногтями по столу.

- Я тоже работаю с Големом, - говорит она, игнорируя моё молчание. - И понимаю, что вы имеете в виду. Дайте подумать…

Приносят наш заказ - два «Будвайзера». Высокие бокалы запотели, и капли стекают по ним, образуя извилистые дорожки. Пена лежит, словно альпийский снег - даже жалко, что быстро тает.

- Возможны две основные модели, - говорит Зоя после того, как официантка уходит. - Первая предполагает, что искусственный разум станет работать по тем же алгоритмам, что и создавший его человеческий. В этом случае можно ожидать, что он начнёт действовать агрессивно и скоро засветится. Вторая модель допускает, что Голем постарается сбить преследователей со следа, нарочно выбирая нестандартные для человека реакции. Понимаете? Тогда тоже реально просчитать варианты его

поведения, но это гораздо сложнее, поскольку мы не знаем, насколько в действительности развит его интеллект, и на какие реакции он способен.

- Но прогнозы имеются? - уточняю я.

- Конечно. Сотни.

- Час от часу не легче! - я понимаю бокал, предлагая Зое чокнуться. - За «Алеф»!

- За «Алеф»! - повторяет она, и мы делаем по глотку.

Холодное пиво обжигает дёсны и внутреннюю сторону щёк.

- Чем вообще киборги отличаются от нас? - спрашиваю я.

- Физиологически?

- Нет, конечно. Это понятно.

- Значит, психологически?

Я киваю.

- По большому счёту, ничем. Их мозг работает по тем же алгоритмам, они живут в тех же условиях. Возможно, реакции искусственных интеллектов немного быстрее, и они способны запоминать больше информации, но при общении вы едва ли отличите киборга от хомо сапиенса.

- Да уж! - усмехаюсь я, невольно оглядываясь по сторонам. - Значит, никаких отличий? Совсем? Почему же их до сих пор не считают людьми?

- Киборгов наделили гражданскими правами.

- Но людьми их не объявляли.

Зоя пожимает плечами.

- Рабов, чужеземцев и женщин вплоть до средних веков людьми тоже не считали, - говорит она.

- Правда? - я искренне удивлён. - Не знал. Что ж, один ноль в вашу пользу.

Зоя улыбается, и мы поднимаем бокалы, чтобы выпить за её маленькую победу. Я доволен, что последнее слово осталось за ней: выигравший часто забывает об обороне.

- Для чего вам это? - спрашивает Зоя, поставив бокал.

- Что именно?

- Знать про поведенческие модели.

Я пожимаю плечами.

- Хочу зацепиться хоть за что-то. Познай врага своего, как говорится.

Зоя несколько секунд раздумывает.

- Полагаю, на данный момент известно лишь одно отличие психики искусственного разума от человеческой, - произносит она, наконец. - Но не уверена, что это вам поможет.

- Выкладывайте. Потом разберусь.

- Самопожертвование, - говорит Зоя.

- Что? - я в растерянности.

- Человек может пожертвовать собой, своей жизнью. Он способен на это, если обстоятельства сложатся определённым образом, и если в его личности имеется определённая модель поведения. Но искусственный разум не в силах добровольно закончить своё существование. В нём заложен инстинкт самосохранения, но он воспринимает его как директиву, и идея добровольной смерти вступает с ней в противоречие. Именно поэтому нет ни одного киборга-христианина.

- Значит, искусственный интеллект не может пожертвовать собой? - повторяю я, пытаясь осознать эту информацию. Возможно, именно она станет ключом…

Зоя кивает.

- Надо же! - я отпиваю из кружки глоток пива. - Почему об этом не известно широкому кругу обывателей?

- Чтобы киборгов не считали неполноценными.

- Ну, да, - киваю я.

- Вам это поможет?

- Кто знает?

Зоя улыбается. Я ловлю себя на том, что любуюсь ею, а ведь у нас деловая встреча, а не свидание. К моему сожалению.

- Вы хотели спросить о чём-то ещё?

- Да. У меня здесь записано, - я достаю терминал, в котором заранее накидал несколько вопросов. - Например: может ли искусственный разум возлагать вину за своё бесплодие на человека?

Зоя хмурится.

- Это непростой вопрос.

- Почему?

- Он актуален только для разума, имеющего тело, то есть, киборга. Психика подобного организма развивается в тех же условиях, что и человеческая - если не считать, что его родителей имитируют воспитательные программы.

- И?

- Думаю, это вполне возможно.

- Значит, обидчивость характерна для киборгов?

- В той же мере, что и для людей.

- Уверены? Это важно, потому что «Алеф» должен быть избирательным. Будет нехорошо, если он начнёт выжигать мозги киборгам только за то, что они дурно подумали о толкнувшем их в автобусе человеке.

- Да уж! За такой вирус Контора вас не похвалит.

- Мне тоже так кажется. Необходимо учесть все ситуации, когда искусственный интеллект испытывает агрессию по

отношению к какому-то человеку или группе людей, но при этом не собирается уничтожать всех хомо сапиенсов разом, понимаете?

- Конечно. Иначе «Алеф» превратился бы в оружие геноцида, - Зоя выглядит очень серьёзной - похоже, её слегка напугали обозначенные мною перспективы.

- Одна ошибка может обернуться катастрофой, - говорю я.

Девушка кивает.

Некоторое время мы молчим. Зоя обводит взглядом бар и слегка усмехается, заметив компанию молодых людей, нетерпеливо подзывающих жестами официантку.

- Удивительное дело: всегда и везде находится тот, кто торопится, - замечает она.

- Ну, может, они куда-нибудь опаздывают.

- Дело не в конкретной ситуации. Как правило, это стиль жизни. Есть люди, которые торопятся независимо ни от кого. Они просто думают, что где-то есть цель, и к ней нужно идти, временами переходя на лёгкий бег. Они не видят ни тех, кто спокойно шагает рядом с ними, ни тех, кто точно также стремится к миражу, ни тех, кто давно уже их обогнал.

- Кажется, я понимаю, о чём вы говорите, - киваю я. - Пустая суета.

- Да, амбициозных людей много, - продолжает Зоя. - Но есть и другие, которые торопятся лишь оттого, что торопятся идущие рядом. Они так боятся отстать, что не успевают подумать, куда и зачем спешат.

- Власть толпы. Коллективное бессознательное.

- Есть и третьи, - не унимается Зоя. - Они не хотят отстать от конкретного человека. Бегут рядом, пытаясь заглянуть ему в лицо и увидеть на нём горечь поражения. Им нужно, чтобы он признал за ними первенство в этой порождённой их воображением гонке.

- Да, любители соревноваться, - киваю я. - А к какому типу относитесь вы?

Зоя слегка пожимает плечами - похоже, она не ожидала подобного вопроса.

- Я? Никогда не задумывалась. Дайте мне минутку.

Я делаю глоток из бокала. Пиво согрелось - ещё немного, и оно станет комнатной температуры.

- Пожалуй, к первому, - объявляет Зоя спустя полминуты. - Хотя, вынуждена признать, классификация людей не ограничивается описанными мною типами.

- Рад, что вы это понимаете, - говорю я с улыбкой.

- Довольно просто судить о других, но когда речь заходит о тебе самом… - Зоя смущённо улыбается, играя с бокалом.

- Это вечная человеческая драма, - замечаю я. - Не

расстраивайтесь.

- И не думаю. Вам никогда не хотелось стать кем-то другим?

Какая резкая смена темы.

- Конечно, - отвечаю я.

- И?

- И я стал.

Зоя удивлённо приподнимает брови.

- В виртуальности, - поясняю я.

- Ах, это, - кивает она. - Ну, а что-нибудь более радикальное?

- Например?

- Хотели стать женщиной?

- Разве что на время, - отвечаю я со смехом.

Зое тоже весело.

- Почему? - спрашивает она.

Я пожимаю плечами.

- Нет уж, объясните!

- У женщин множество преимуществ.

- Это какие же? - лукаво прищуривается Зоя.

- Вы сами знаете.

- Так, извольте излагать по пунктам!

- Во-первых, вы можете менять свой вид, как угодно - никто вам слова не скажет. Во-вторых, у них всегда есть поклонники. В-третьих, можете быть слабыми - и кто-нибудь непременно захочет вам помочь. В-четвёртых…

- Довольно, умоляю! - со смехом прерывает меня Зоя. - Всё это попахивает сексизмом. Да и банально. Вам не удалось меня удивить.

- Я не пытался. Вы сами настояли…

- Хорошо, забудем, - Зоя отпивает немного из бокала, и быстро облизывает губы кончиком языка. - Вам нравится в виртуальности?

- О, да. В ней вся моя жизнь.

- Эта вас не устраивает? Вы не хотите быть хакером?

- Кто такой хакер, зарабатывающий промышленным шпионажем? Вор.

Неожиданно Зоя начинает смеяться. Кажется, ей действительно весело.

- Вас мучает совесть? - спрашивает она. - Неужели?

- Нисколько. Но я понимаю, что…

- Позвольте угадаю! Способен на большее?

- Мне хочется в это верить.

- А почему вы достигаете успехов там, а не здесь? Конечно, в действительности труднее, однако…

- Извините, Зоя. Вам снятся сны?

- Что? - моя собеседница слегка растеряна. - Да, разумеется.

- Откуда они берутся?

- Никто точно не знает, но…

- Именно! Никто не знает наверняка, что порождает в нашей голове сюжеты и образы. Теории не в счёт - это просто предположения.

- К чему вы клоните?

- А вдруг мы просто *загружены*? В эту так называемую реальную жизнь, которой на самом деле не существует. Я помню белый свет и шумы, помню расплывчатые лица, появляющиеся передо мной. Постепенно они делались чётче и, наконец, превратились в родителей. А что будет, когда я умру? Всё это напоминает мне вход и выход. Быть может, вас нет, и этого бара нет, и города не существует, и всё это - симуляция, в которой я нахожусь. И когда я засыпаю, то оказываюсь где-то ещё. Живу другой жизнью. О которой не помню, пока нахожусь здесь.

- Это банально, - говорит Зоя. - Не вам первому пришла в голову подобная мысль.

- Знаю. Но это не делает её неправильной.

- Так-то оно так… И всё же я не верю, что наша действительность - лишь иллюзия.

Я пожимаю плечами.

- Верить это одно. *Допускать* - совсем другое.

- Вы хотите сказать, что Киберград ничем не хуже реальности.

- Вовсе нет.

- Нет? А мне показалось…

- Я считаю, что он гораздо лучше.

Зоя выглядит разочарованной.

- У вас есть дети? - спрашивает она.

Я понимаю, что речь идёт не о виртуальности. Прикидываю, насколько велик риск выдать себя, ответив правду. Вроде, бояться нечего.

- Нет.

- А хотели бы иметь?

- Да, пожалуй.

- Много?

- Как-то не думал об этом.

- Это бывает, - Зоя допивает своё пиво. - Знаете, когда мужчина и женщина сидят в баре, они не должны говорить на серьёзные темы. Наверное, поэтому мы отвлеклись.

- От чего?

- Вы хотели обсудить искусственные интеллекты.

- Мы это сделали. На первое время мне хватит, о чём поразмыслить.

Зоя улыбается и бросает взгляд на часы.

- К сожалению, мне пора. Надеюсь, хоть немного помогла вам.

- Разумеется. Если что, я могу к вам снова обратиться?

- Сколько угодно.

Я подзываю официантку и прошу счёт. Оплачиваю наличными - кредитки не для тех, кто скрывает свою личность.

Мы выходим на улицу. Накрапывает дождь, но он не вызывает у меня неприязни - напротив, я с удовольствием подставляю лицо мелким каплям. Хочется улыбнуться.

Зоя открывает дверцу своего «Мицубиси».

- Спасибо за пиво, - говорит она, забрасывая на сиденье сумочку.

- И вам, - отвечаю я. - За информацию. Не за пиво.

- До свидания, - Зоя мешкает всего пару секунд, но этого достаточно, чтобы понять: я ей понравился.

- Как мне с вами связаться? - быстро спрашиваю я.

- М-м-м… через полковника, наверное.

- Это неудобно.

Зоя ловит мой выразительный взгляд и неуверенно кивает.

- Тогда запишите номер.

После того как я вношу в свой терминал продиктованный телефон, Зоя садится в машину и захлопывает дверцу. Она не смотрит на меня. Мне на ум приходит одна мысль. Я делаю шаг вперёд и стучу костяшками по стеклу. Зоя тут же опускает его.

- Да?

- Скажите, а *вам* хотелось стать кем-нибудь другим?

Зоя смотрит на меня долгим внимательным взглядом. Кажется, для неё ответ на этот вопрос имеет особое значение.

- Конечно, - отвечает она, наконец, и я слышу в её голосе скрытую горечь.

Чувствуя смущение, отступаю от машины.

- Всего хорошего, - говорит Зоя, включая зажигание.

Проследив за тем, как её автомобиль отъезжает и вливается в поток транспорта, я сажусь в «Додж». Дождь усиливается, и приходится включить дворники. Несколько минут я сижу в машине, потом завожу мотор.

Глава 5

- Вы любите охоту? - спрашивает Шпигель.

На нём лёгкий горчичный костюм, васильковая рубашка, вязаный галстук и кожаные туфли без каблука.

Мы завтракаем на веранде, залитой утренним солнцем. Небо на юге при этом тёмное, так что к вечеру, вероятно, разразится гроза.

- Не знаю, не пробовал, - отвечаю я, отправляя в рот очередной кусок жареной индейки.

- Мы с друзьями собираемся загнать в субботу волка. Не желаете присоединиться?

- С удовольствием, но вам придётся со мной нянчиться - я не умею даже зарядить ружьё.

- Это сущие пустяки, вот увидите, - Шпигель поворачивается к дочери. - Марна, передай герру Кармину хлеб, ты же видишь, ему не дотянуться.

Очаровательная девушка с улыбкой подаёт мне корзину с хлебом. У неё тонкие руки с длинными ровными пальцами, высокие скулы и полные, прекрасно очерченные губы. Но программа это или живой человек, пока не ясно.

- Сегодня Этна прикажет поставить в вашу комнату телевизор, - сообщает Шпигель.

- Боюсь, мне некогда его смотреть, - отвечаю я.

- Мне кажется, герру Кармину понадобится машина, Август, - говорит фрау Шпигель, взглянув на мужа. - Почему бы тебе не позвонить в прокат автомобилей и не выбрать там что-нибудь подходящее?

- Действительно! - Шпигель нацеливает на меня вилку с надетым на неё куском ветчины. - Какую машину вы хотите, герр Кармин?

- «Бэнтли», - отвечаю я, не задумываясь. - Чёрный.

Шпигель кивает.

- Хорошо, это мы уладили. Спасибо Этне, я бы и не вспомнил, - он адресует жене улыбку.

Я тоже благодарю фрау Шпигель. После завтрака мне нужно ехать в город, и автомобиль придётся очень кстати.

Этна похожа на колли: вытянутое лицо, рыжеватые волосы, аккуратно уложенные за уши. Бледность кожи напоминает о тевтонских рыцарях. Как они сражались за Иерусалим! Богатство и слава - две вещи, совершенно несовместные со спасением души, но Папе с лёгкостью удалось убедить обедневших и не получивших наследство дворян, что они заменят им смирение и

милосердие. Поистине, чтобы заставить толпу подчиняться, нужно дать ей веру. А каждой вере необходим символ, на который всегда можно обратить взор.

Некогда у нас были звезда, красное знамя, серп и молот. Люди верили в грядущий Рай коммунизма.

Но потом мы лишились символов. Веры в каком-то смысле тоже. Зато обрели «Рай».

Комнату мне Шпигель выделил на втором этаже. Письменный стол, двуспальная кровать, застланная светло-жёлтым одеялом, и платяной шкаф. Большое квадратное окно, занавешенное тяжёлыми портьерами с хризантемами, выходит в сад, где растут липы и сирень.

Когда распахиваю створки настежь, что-то очень знакомое и трогательное наполняет меня, но я не могу понять, что именно - слишком давно происходило то, о чём смутно напоминают мне колышущиеся влажные деревья.

Да и времени предаваться воспоминаниям нет.

Я сажусь просматривать документацию. Работать над «Алефом» здесь, в пространстве немца, я всё-таки не решаюсь: хоть у меня и хорошая защита, лучше не рисковать. Кроме того, накопилось действительно много дел, связанных с фирмой.

После обеда я отправляюсь на автомобиле в город - нужно заказать рекламу, и к трём часам меня ждёт агент.

В Берлине 2.0 я второй раз в жизни. Первая поездка была туристической - я просто хотел посмотреть, что построили немцы. Тогда столица Германии ещё походила на свой прототип, теперь же город стал почти неузнаваем: стеклянные небоскрёбы, пронизанные монорельсовыми дорогами, фуникулёры, магистрали и многочисленные развязки превратили его в многоярусный муравейник.

Пока я веду машину, ко мне неожиданно приходит воспоминание из далёкого прошлого.

Лёгкие прикосновения хрупких крыльев к внутренней стороне ладони. Движение маленьких мохнатых лапок. Я подношу кулак ко рту и слегка дую в него. Насекомое шелестит крыльями, чувствуется прикосновение тонких усиков к моей верхней губе. Вытянув руку, раскрываю ладонь, и бабочка, чуть помедлив, взлетает и спустя несколько секунд исчезает в пыли

улицы.

С балкона открывается широкий вид на город. Я люблю смотреть, как живёт и дышит каменный гигант, похожий на изваяние сумасшедшего кубиста, попытавшегося втиснуть весь мир в рамки нескольких километров. Ночью всё это загорается бесчисленными разноцветными огнями - словно невидимая рука разворачивает в пространстве гигантскую электрическую карту.

Движение…оно лишь часть этого могучего и непоколебимого каменного гиганта, распластавшегося асфальтовым панцирем по поверхности земли. Люди и машины, снующие день и ночь по вытянутым жилам улиц, по гладким спинам площадей, разогревающие шинами и подошвами тело города, кажутся с балкона маленькими и ненужными деталями спокойного и вечного, не замечающего их движения, организма.

Всё это проносится в моей голове подобно короткометражной киноленте - кадр за кадром, образ за образом. В какой из жизней я прожил этот отрезок? Принадлежал он реальности или Киберграду? Бывают сны, слишком похожие на явь, так что спустя годы трудно понять, происходило ли всплывшее в памяти на самом деле.

Около высокого, сверкающего стеклом здания я останавливаюсь. Парковщик берёт у меня ключи, а швейцар в расшитой ливрее открывает дверь. Почему-то я уверен, что оба - симуляторы.

Лифт возносит меня на пятнадцатый этаж, где располагается офис фирмы, которой я собираюсь заказать рекламу. В ответ на мой стук дверь открывает молодой человек. У него сонные голубые глаза и густые брови, почти сросшиеся на переносице. Массивный подбородок свидетельствует о комплексе, который этот юзер пытается компенсировать в виртуальности.

- Чем вам помочь? - осведомляется он, поправляя запонку на левом рукаве.

Да, он не уверен в своём внешнем виде, и это касается не только внешности, но и одежды. Кибергад помогает маскировать недостатки (реальные или выдуманные), но не избавляет от привычек.

- У меня встреча с герром Криббером, - отвечаю я и, показав на большие настенные часы, добавляю: - В три.

- Прошу, - молодой человек пропускает меня в комнату. - Могу я узнать ваше имя? Это нужно для доклада.

- Герр Кармин.

- Подождите, пожалуйста, - молодой человек указывает на кожаный диван и спустя мгновение исчезает в кабинете начальника.

Вернувшись, он жестом приглашает меня войти. Я переступаю порог и оказываюсь в небольшой, но со вкусом обставленной комнате: рабочим стол в центре, стеллажи вдоль стен, мягкие стулья для посетителей и кожаное вертящееся кресло, в котором восседает толстячок в съехавших на нос очках. При моём появлении он с улыбкой поднимается навстречу.

- Герр Кармин, добро пожаловать, - хозяин кабинета протягивает пухлую, унизанную перстнями руку. - Меня зовут Криббер, я много слышал о вашей фирме и о вас лично, поэтому, должен сказать, работа с вами представляет для нас огромный интерес.

Он умеет общаться с людьми, этот коротышка. Хотя, конечно, комплимент не Бог весть какой - о моей фирме слышали даже малые дети. Не удивлюсь, если мамаши пугают ею своих чад. Так и представляю себе сцену:

- Не смей ковыряться в носу, а не то тебя посадят в банку и продадут какому-нибудь чокнутому извращенцу!

Если подобное имеет место, то такие угрозы - лесть чистой воды и больше ничего. Мои клиенты не интересуются ширпотребом, который способны предложить счастливые обладатели живых и здоровых отпрысков.

Я молча окидываю кабинет Криббера взглядом. Наверное, его хозяин тоже смотрит на вещи, шокирующие большинство, сквозь свои пухлые, сверкающие перстнями пальцы, иначе откуда эта серия портретов известных диктаторов, выполненная аргентинским художником Мигелем Ортьегасом? Да и внешность рекламщика явно подобрана не только, чтобы располагать клиентов уютностью форм, но и чтоб выделяться, отличаться от остальных. Это тоже реклама: Криббер всем своим видом как бы говорит: смотрите, такого менеджера вы не встретите ни в одной другой фирме, мы ко всему подходим креативно.

Я сажусь на стул для посетителей и начинаю излагать, что мне нужно. Криббер слушает внимательно, время от времени понимающе кивает. Видно, что он не первый день в бизнесе. Мы сходимся на том, что к четвергу будут готовы пробные ролики, я перевожу при помощи терминала на счёт фирмы аванс, и мы расстаёмся, заверив друг друга во взаимной симпатии и подписав контракт.

Реклама - великая вещь. Одно из чудес современного мира. Это давно уже не просто бизнес, а нечто большее: явление не только финансового, но и морального, нет, даже нравственного, порядка. Всё на продажу - вот девиз маркетинга, и мой тоже. Мы делаем одно дело - владеем желаниями.

Когда я еду по улицам и вижу проплывающие над головой

рекламные щиты, то понимаю, что есть ещё люди в этом мире, достойные звания человека. Не все выродились, превратившись в тупые стада шевелящегося мяса, потребности которого так легко удовлетворить. Толпа хочет хлеба и зрелищ. Дай ей это, и ты станешь императором. А что есть у императора? Деньги? Власть? Слава? Всё это ерунда. Неуязвимость - единственное, что чего-то стоит. Стоять на вершине, вне законов, вне морали, даже вне нравственности - вот достойная мечта! Я осознал это, взглянув на землю со склона Эльбруса. Одиночество и свободна от всего, недосягаемость и полный покой - вот какие чувства охватили меня в тот памятный миг. И я захотел унести их с собой, сохранить навсегда. Но, к сожалению, это невозможно. Поэтому придётся возвести свой собственный Эльбрус здесь, в виртуальности.

После рекламного агентства я заезжаю в редакцию газеты, чтобы заказать статью о строящемся заводе, который наводнит мир мутантами. Рекламные кампании лучше начинать заранее и действовать с разных концов.

Покончив с делами, я бросаю взгляд на часы: они показывают начало седьмого. Отправляюсь домой к Шпигелю, надеясь успеть к ужину.

«Бэнтли» доставляет меня вовремя. Поднявшись к себе, сбрасываю одежду и залезаю под душ. Пока вода смывает с моего тела пот, я выхожу из виртуальности: перед предстоящим ужином не мешает подкрепиться по-настоящему.

Сняв шлем, выбираюсь из комбинезона и отправляюсь на кухню. Съев пару бутербродов с сыром и копчёной колбасой, выпиваю кружку кофе и возвращаюсь в виртуальность, где моё тело послушно стоит под тёплыми струями.

Выйдя из ванной, приглаживаю волосы, надеваю новые брюки и чистую рубашку и спускаюсь в столовую.

Кроме Марны, все в сборе. Завидев меня, Этна кивает в знак приветствия и начинает разливать суп. Половник она держит двумя пальцами, забавно оттопырив мизинец.

- Добрый вечер, герр Кармин, - Шпигель протягивает мне сухую ладонь. - Как продвигаются дела?

- Отлично. Хотелось бы завтра наведаться на фабрику, посмотреть, что и как.

- Хорошо, во сколько вас ждать? - Шпигель повязывает салфетку и берёт в руки столовые приборы, желая показать, что о делах на сегодня лучше забыть.

Такие, как он, потихоньку обкрадывают своих боссов и копят чужие деньги, а потом их кости гниют на дне грязных сточных каналов, притянутые к илистому дну бетонным блоком.

- Думаю, часам к одиннадцати, - отвечаю я. - Глеб завтра работает?

- Да, герр Луцин присутствует на строительстве с десяти до шести.

- Значит, договорились.

Шпигель кивает, и мы принимаемся за еду. Марна так и не показывается. Становится ясно, что сегодня к ужину она не выйдет.

- Где ваша дочь, если не секрет? - спрашиваю я во время перемены блюд.

- Марна приболела, - отвечает Этна, накладывая мне жаркое с грибами. - Лежит у себя в комнате и не хочет спускаться. Я отнесла ей ужин наверх.

Марна красива. Не знаю, чью внешность она взяла в качестве модели - в любом случае, не прогадала. Почему-то я уверен, что дочь Шпигеля - не симулятор. Хотя… Можно, конечно, спросить у немца, но в виртуальности это не принято. Членов семьи и друзей в таком ключе не обсуждают.

Чем же Марна больна? Ещё недавно она выглядела вполне здоровой. Нужно зайти к ней и узнать, насколько серьёзен недуг, и не требуется ли помощь. Красота, пусть даже виртуальная, нуждается в заботе, её следует ценить и беречь как редкость - как то, что нельзя восполнить.

Не странно ли, что почти все понятия, созданные культурой, имеют свои отражения, свои противоположности? Например, красота - не абсолютный канон, а текучий, постоянно меняющийся набор черт, порой совершенно неуловимый и необъяснимый. Бывает, то, что прежде считалось уродством, становится красотой, и наоборот. К счастью, виртуальность позволяет следовать этой капризной моде.

Вернувшись в свою комнату, я первым делом подхожу к окну и распахиваю его, словно хочу вдохнуть свежего воздуха. Запах весны врывается в помещение, мелкий дождик брызжет мне в лицо, сад наполнен звуками, но ощущение покоя так сильно, что я невольно закрываю глаза.

И вдруг понимаю, откуда пришло воспоминание об окне, деревьях и дожде.

Это было наутро после нашей с Марией свадьбы. Пока она спала, я в одном халате вышел на балкон. На улице шёл дождь. Капли падали мягко и тихо. Ветерок холодил мне открытую грудь, и мне хотелось надышаться этим новым днём со всем его дождём, лазоревым небом и ярким солнцем.

Я открываю глаза и со стуком захлопываю окно. Поспешно вызываю меню, выбираю кнопку «Выход», и через несколько

секунд комната в доме Шпигеля исчезает, а на смену ей является уже привычный снегопад.

Глава 6

Я звоню Зое, чтобы пригласить на свидание. У меня полно дел, совсем мало времени, Голем, похоже, вот-вот вцепится мне в задницу, а я набираю номер женщины, которую почти не знаю.

Гудки несутся, как скоростные поезда, и каждый норовит размазать меня по рельсам. Наконец раздаётся щелчок, и я слышу в трубке знакомый голос:

- Алло?

- Это Орфей, - говорю я, проглотив неизвестно откуда взявшийся в горле спазм.

- О, привет!

- Привет. У меня к тебе возникло ещё несколько вопросов, - я решаю перейти на «ты» и надеюсь, что Зоя это примет.

- Слушаю.

- Во-первых, не согласишься ли ты пойти со мной в «Курион»? На этот раз обещаю полностью соответствовать дресс-коду.

Я слышу, как она смеётся.

- Ну, давай попробуем. А какой второй вопрос?

- Остальные - при личной встрече, - отвечаю я заговорщицким тоном. - Не телефонный разговор.

- Всё так серьёзно?

- Серьёзней, чем ты думаешь.

- Ладно. Когда?

- Может быть, сегодня?

- Я свободна после семи.

- Прекрасно. Я за тобой заеду.

- Ты знаешь мой адрес?

- Нет.

- Запоминай, - Зоя называет улицу и номер дома.

Хоть она и работает на Контору, ей скрываться не нужно. Поистине мир полон парадоксов. Но этот из тех, что мне нравятся.

- Жди! - говорю я.
- Пока, - она со смешком отключается.

Я стою на пороге, когда звонит стационарный терминал. Первое желание - проигнорировать, но я вспоминаю, что сейчас не имею права пренебрегать информацией, какой бы они ни была. Чертыхаясь, иду в гостиную и «снимаю трубку».

- Алло?
- Орфей? - узнаю голос Стробова.
- Он самый.
- С вами выходили на связь?
- Кто?
- Киборги.
- Нет.
- А хоть кто-нибудь?
- Нет.
- Уверены?
- Абсолютно. Я бы заметил.

Стробов молчит: он удивлён. Я его понимаю: если Голем знает, что против него работают хакеры и подозревает кого-то из обитателей Киберграда, он должен послать своих псов с однозначным напутствием: «Ату!». Почему же он до сих пор этого не сделал? Но мне нечего сказать полковнику.

- Если что - сразу информируйте меня, - говорит Стробов.
- Непременно.

На этом разговор заканчивается. Я выхожу из квартиры, запираю дверь и спускаюсь на улицу. У меня много дел.

Для начала я заезжаю в автосалон, где направляюсь прямо к белоснежному «Бэнтли» с бордовой обивкой салона. Я всегда мечтал о таком, но покупал только в виртуальности. Пришло время потратить настоящие деньги - благо, состояние моего банковского счёта позволяет.

На полдороге меня перехватывает продавец. Очевидно, он сомневается, что я попал, куда надо - это написано на его постном лице, но привычная осторожность и въевшаяся в подкорку любезность мешают ему выставить меня немедленно.

- Могу я вам помочь? - спрашивает он с дежурной улыбкой.
- Да, - отвечаю я, не сбавляя шаг. - Заправьте и выгоните на улицу, я её беру, - с этими словами я хлопаю ладонью по капоту

«Бэнтли».

Продавец слегка вздрагивает - то ли от того, что я сказал, то ли от того, что сделал. Но меня меньше всего интересует его реакция.

- Вот, - говорю я, доставая из кармана и протягивая ему банковскую карту.

Он берёт её обеими руками и внимательно разглядывает. С картой всё чисто - безымянная, номерная, анонимная. Такие выдают VIP-клиентам, не желающим афишировать свои доходы.

Продавец поднимает на меня взгляд и медленно кивает. Он знает, что такую карту невозможно ни подделать, ни украсть. На его лице расцветает широкая искренняя улыбка: он мысленно подсчитывает комиссионные.

- Прошу сюда. К кассе и отделу оформления.

По пути я достаю удостоверение личности и права.

- Подождите, пожалуйста, - любезно говорит вышедший по зову продавца менеджер, указывая на мягкий кожаный диван.

Я усаживаюсь, закинув ногу на ногу.

Через пять минут вернувшийся из закромов салона продавец интересуется, не хочу ли я кофе или чего-нибудь ещё. Я не вижу причин отказываться и милостиво разрешаю ему принести мне чашечку капучино.

Когда я подъезжаю к новому тридцатиэтажному дому из пенобетона, до назначенного времени остаётся десять минут. Припарковываю свой новенький «Бэнтли» на свободном месте и выхожу из машины. Погода на удивление хорошая: ветра нет, а воздух нагрет солнечными лучами. Датчик автостоянки возмущённо пиликает, сигнализируя, что я занял чужое, оплаченное место, но мне плевать.

Одёргиваю костюм от «Бриони». В реальной жизни я не часто ношу такие вещи и поэтому чувствую себя стеснённо. После покупки машины я заехал в магазин одежды и приобрёл полный комплект: ботинки, рубашку, галстук и костюм. Как ни странно, в виртуальности я ношу костюмы постоянно и чувствую себя в них вполне комфортно. Наверное, потому что там это вроде униформы, а здесь я приоделся ради свидания. Меня слегка беспокоит, как выгляжу, хотя в зеркале магазина всё смотрелось прекрасно. Конечно, в реальности я мало похож на Фассбендера,

но и уродом меня не назовёшь: рост около ста восьмидесяти сантиметров, вес - семьдесят шесть килограмм, светлые волосы, карие глаза, черты лица… обычные, на мой взгляд.

Подхожу к подъезду. Нужная мне квартира в самом низу списка. Набираю номер на домофоне и жду.

- Да?

- Это я, Орфей.

- Ты чуть раньше, но я уже готова. Сейчас спущусь.

Возвращаюсь к машине и жду. Минут через пять из подъезда появляется Зоя. На ней синее полупальто из тонкой шерсти, газовый шарфик и лёгкий берет, на ногах - замшевые сапожки. Маленькая сумочка с ручкой-цепочкой болтается на локте.

- Привет! - говорит она, подходя. - Ого! Обзавёлся новым мотором?

- Привет. Как и обещал - стараюсь соответствовать дресс-коду.

- Не думала, что к нему относится и «Бэнтли».

Я открываю дверь, и она садится в машину.

- Да ты богач. Вижу, быть хакером довольно выгодно.

- Хорошим - да.

- О, я не сомневаюсь в твоей квалификации! - усмехается Зоя.

Мы едем по городу в направлении «Куриона». Сегодня город не кажется мне бетонной ловушкой для неудачников, сегодня он почти красив. Даже безликие небоскрёбы, возвышающиеся над «Старой Москвой», не оскорбляют глаз.

- Ты ведь понимаешь, что выдал себя столь дорогостоящей покупкой? - произносит Зоя спустя несколько минут.

- Да?

- Ну, конечно!

- Ты про тачку или шмотки? - улыбаюсь я, услышав в голосе Зои беспокойство: она не хочет, чтобы Контора сцапала меня.

- Про «Бэнтли», разумеется. Такие авто покупают нечасто, и выяснить, кто приобрёл *это* в течение последних…

- Суток, - подсказываю я.

- Легче лёгкого.

- Именно поэтому я пользуюсь фальшивыми правами, - отвечаю я. - По адресу владельца которых никто не проживает.

Зоя усмехается.

- Предусмотрителен, да?

- Профессия обязывает. Ты беспокоишься за меня?

- Я? Нет, с какой стати?

Пожимаю плечами.

- Мало ли.

- Эй! Что ты там себе навоображал? - притворно сердится Зоя.

Встретившись взглядами, мы начинаем смеяться.

- Ты правда хочешь поговорить о Големе? - спрашивает она.

- Боюсь, я соврал.

- Так я и подумала.

- Да? Почему?

- Чтобы задать вопросы по работе, не нужно ехать в ресторан. Тем более, в «Курион».

- Я рад, что мы понимаем друг друга.

- Да, это неплохо, - соглашается Зоя.

В ресторане совсем не так, как в баре: всё сверкает, со сцены льётся приглушённая музыка, исполняемая оркестром. Люди переговариваются спокойными голосами и выглядят умиротворёнными. Никто не пытается привлечь к себе внимание. Официанты с подносами скользят между столиками, являя чудеса ловкости. Словом, «Курион» производит именно то впечатление, которое должен - сразу видно, что это место для отдыха респектабельных людей.

Шагая за официантом, который ведёт нас к нашему столику, я примеряю на себя новую роль - преуспевающий буржуа. Вписываюсь ли *я* в местное общество? В новом костюме, пожалуй, да. Но *чувствую* ли я себя здесь своим? Это предстоит выяснить в ближайшее время.

- Сюда, пожалуйста, - говорит официант.

Я отодвигаю для Зои стул, и мы усаживаемся. Посреди стола приютилась хрустальная ваза с живыми цветами, источающими тонкий аромат.

- У тебя нет аллергии? - спрашиваю я.

- Кажется, нет.

Официант вручает нам меню - сенсорные панели в кожаных переплётах.

- Желаете аперитив? - осведомляется он.

- Мартини, - отвечает Зоя. - Чистый.

- И мне, - киваю я.

Официант удаляется танцующей походкой.

- Ты производишь впечатление человека, ведущего уединённый образ жизни, - произносит Зоя, разглядывая меню.

- Наверное, потому что так и есть, - отвечаю я.

- Значит, не часто ходишь по ресторанам?

- В реальности - очень редко.

- Приятно слышать.

- Почему?

Зоя пожимает плечами, не желая вдаваться в подробности. И правильно делает - всё и так понятно: раз не хожу по ресторанам - значит, ни с кем не встречаюсь. Свободен.

Официант приносит аперитив и замирает в ожидании заказа. Он не торопит. Он ждёт. Поза его исполнена почтительности.

Люди вокруг наверняка более-менее честно заработали свои капиталы. Они наслаждаются в «Курионе» плодами праведных трудов. В виртуальности, посещая ресторан, я чувствую то же самое: право находиться среди хрусталя, морёного дуба, фарфора и наборного паркета. Но здесь и сейчас я чужой. Самозванец, нарядившийся в дорогой костюм и ботинки. Вор, принявший вид приличного бизнесмена.

Обвожу взглядом посетителей «Куриона». Все выглядят так, словно обедают и ужинают здесь каждый день. Мне приходить в голову, что, быть может, в первый раз они испытывали то же, что и я, а потом привыкли? В конце концов, с чего я взял, что они честнее меня? А вдруг ресторан приютил сегодня одних только воров и аферистов? Эта мысль заставляет меня улыбнуться - даже несмотря на абсурдность.

- Мне свиные рёбрышки с овощным рагу под острым соусом, - объявляет Зоя. - Суп из моллюсков и клубничный десерт.

- А я возьму стейк с жареной картошкой под майонезом и черепаховый суп, - говорю я.

Официант старательно всё записывает в свой интерактивный браслет, и мы возвращаем ему меню.

- Желаете внести аванс? - спрашивает он. - Это даст вам пятнадцатипроцентную скидку.

- Конечно, - киваю я, вручая ему кредитку.

По негласному правилу, в ресторанах такого уровня полагается давать предоплату, чтобы избежать неприятных инцидентов в случае, если средства со счёта по какой-то причине не спишутся.

- Благодарю вас.

- В прошлый раз мы говорили о серьёзном, - произносит Зоя, когда официант уходит. - Я рада, что сегодня всё иначе. Хочется отвлечься от работы. От всех этих вечных поисков врагов.

- Их действительно так много?

- Ты бы удивился.

- Надо же. Должно быть, Контора хорошо работает, раз мы о них не знаем.

Зоя кивает.

- Но не будем об этом. Лучше расскажи о себе. Просьба банальная, но ведь не каждый день обедаешь с хакером, который вот-вот спасёт человечество.

- Это ещё бабушка надвое сказала, - возражаю я.

- Не прибедняйся.

- Скромность украшает человека.

- Только не ложная.

- Боюсь, здесь слишком тонкая грань.

- Это верно. Ладно, засчитаем тебе «плюс».

- Спасибо.

- Итак, поговорим о тебе, - Зоя принимает шутливо-серьёзный вид. - Прежде всего, имя.

Я отрицательно качаю головой.

- Это табу. Не могу сказать.

- Но я не прошу тебя назвать своё настоящее имя. Меня интересует прозвище. Почему Орфей? Это ведь из истории Древней Греции?

- Скорее, из мифов.

- Герой, который, выходя из подземного царства смерти, обернулся, чтобы убедиться, что его возлюбленная Эвридика следует за ним?

- Да. Бог Аид обещал, что отпустит её в мир живых, если Орфей ни разу не обернётся. Увы, он упустил своё счастье.

- А ты?

- Надеюсь, что нет.

Зоя подаётся вперёд и ставит локти на край стола.

- Почему ты выбрал такой псевдоним? Что он значит для тебя? - её взгляд полон неподдельного интереса.

- Как ты думаешь, о чём миф про Орфея?

- О том, что надо соблюдать поставленные условия?

- Нет, не думаю.

- Может быть, тогда дело в том, что Орфей усомнился в слове бога, и был за это наказан. Если не ошибаюсь, боги в древнегреческих мифах бывали довольно жестоки.

- Не без того.

Зоя слегка улыбается.

- У меня есть ещё попытка?

- Конечно.

- Греки хотели сказать, что даже любовь не может длиться вечно? У всего есть необратимый конец?

- Наверняка и эта интерпретация имеет право на существование.

- У тебя другая версия, да?

Я киваю.

- Это только моё видение.

- Разумеется. Его-то я и хочу услышать.

- Попытка вернуть возлюбленную в мир живых - это, по сути, попытка нарушить законы бытия. Не каждому такое под силу. Мне кажется, Орфей был охвачен сомнениями и страхом - именно это и помешало ему осуществить задуманное.

- Значит, твой псевдоним - своеобразное напоминание?

- Да. О том, что страх мешает достичь мечты.

Зоя приподнимает брови.

- Ты ничего не боишься?

- Боюсь, конечно.

- Значит, преодолеваешь страх?

- Стараюсь.

- А о чём ты мечтаешь?

Я натянуто улыбаюсь.

- Это пока секрет.

Зоя медленно отстраняется от стола и принимает расслабленную позу.

- Ты много времени проводишь в Киберграде, верно?

- Большую часть.

- И у тебя там своя жизнь.

Я киваю.

- Ты расскажешь мне о ней?

Зоя знает, что не принято расспрашивать о подобном. Я молу, думая, что ответить.

- Ладно, если не хочешь - не надо, - приходит она мне на выручку. - Скажи только, почему ты предпочитаешь виртуальную жизнь вот этой, - она обводит жестом помещение ресторана. - Скажи честно, без рассуждений в духе «что есть наш мир, и насколько он реален?»

Мой первый порыв - отшутиться, но я ловлю внимательный взгляд Зои и понимаю, что она ждёт серьёзного ответа.

- Я бегу от общества, в котором не разберёшь, где человек, а где машина.

- Серьёзно? Дело в этом?

- Угу. Знаю, это немодная точка зрения, но что поделаешь?

- Вот не думала, что хакеры бывают киборгофобами.

- Ну, как видишь.

- Почему ты настроен против искусственных разумов? Им предоставили равные с людьми права, их признали ни в чём не уступающими хомо сапиенсам, - Зоя приводит самый избитый из всех аргументов. Она явно повторяет то, что слышала множество раз по телевидению.

- Ерунда! - я отметаю её довод взмахом руки. - Никогда искусственный разум не сравнится человеческим. Он может быть в тысячу раз умнее и быстрее, но у него нет души. И её не подделать, тем более таким грешным созданиям, как мы.

- А зачем разуму душа? - спрашивает Зоя.

Её вопрос ставит меня в тупик.

Я окидываю взглядом зал. В «Курионе» сегодня аншлаг.

- Смотри: вокруг нас, на первый взгляд, люди. Но сколько здесь на самом деле тех, кого родили женщины, а не техно-инкубаторы? Десять, двадцать, тридцать человек? Цифра может оказаться любой. Киборги пролезли повсюду, даже в правительство, они воруют наши идеалы, наших возлюбленных, даже наши дурные привычки.

- Ты прав, - отвечает Зоя, глядя по сторонам. - Действительно интересно, сколько здесь людей. Вот бы это узнать!

Меня осеняет гениальная в своей простоте идея.

- Сейчас! - говорю я, поднимаясь из-за столика.

- Что ты задумал? - Зоя наблюдает за мной с неподдельным интересом.

- Уважаемые дамы и господа! - громко произношу я. - Прошу вашего внимания. Это займёт не больше минуты.

Голоса постепенно смолкают, ко мне поворачиваются лица. На одних написано любопытство, на других - удивление, на третьих - недоумение. В конце зала появляется бдительный метрдотель - на всякий случай. Но у него нет повода волноваться.

- Благодарю, - я слегка кланяюсь. - Дело в том, что мы с моей спутницей работаем в департаменте статистики и сейчас исследуем соотношение в обществе представителей рода хомо сапиенс и кибернетических организмов. Не будете ли вы столь любезны помочь нам?

По залу прокатывает шёпот, но никто не изъявляет протеста: действительно, почему бы и нет? Ведь это не может никого унизить. Чистая статистика, тем более эксперимент проводится государственными служащими.

- В таком случае, - продолжаю я с энтузиазмом, - прошу поднять руки присутствующих в зале киборгов!

Взлетают вверх ладони. Мужские, женские. Одни быстро и решительно, как бы заявляя о своих неотъемлемых правах, другие робко, словно стесняясь. Я обвожу взглядом зал. По крайней мере, две трети присутствующих - не люди.

- Ну, вот видишь! - тихо говорю я, поворачиваясь к Зое.

Я смотрю на девушку с торжествующей улыбкой и в первый миг не замечаю её вытянутой вверх руки. Синие глаза смотрят на меня с презрением, в них дрожат слёзы обиды и разочарования. Дурацкая ухмылка медленно сползает с моего лица, и я вынужден опереться руками о стол, потому что пол уходит у меня из-под ног. Становится душно.

Мне кажется, Зоя должна подняться и демонстративно выйти из ресторана, возможно, наградив меня напоследок звонкой пощёчиной, но она сидит неподвижно, словно статуя, глядя мне в глаза и не опуская руку.

Я понимаю, что убраться придётся мне. Я чужой здесь со своей нетерпимостью и страхом перед машинами. Даже те немногие люди, что сидят вокруг, не разделяют моей одержимости. Это становится столь очевидным, что я опрокидываю стул и выбегаю из ресторана, сопровождаемый недоумёнными взглядами посетителей.

Выскакиваю на улицу. Вокруг меня люди, но я не могу их видеть: в каждом пешеходе мерещится машина.

Боже, какая жестокая насмешка! Ты позволил нам создать тех, кто вызывает любовь, но научил ли любить их? Парадокс в том, что мы никогда этого не узнаем, потому что не поверим в чувства машин! Друг другу мы верим даже тогда, когда ложь очевидна, но киборгу - никогда! Любовь - только наша, мы не поделимся ею ни с кем! Она не войдёт в список неотъемлемых прав искусственных разумов уже потому, что люди не способны допустить её существование где-либо, кроме собственных сердец.

- Ваша карта, - раздаётся слегка обеспокоенный голос у меня за спиной.

Оборачиваюсь и вижу менеджера, протягивающего мне кредитку.

- Ваша дама аннулировала заказ, так что со счёта списано…

Я не желаю слушать объяснения. Вырвав карту, бегу по тротуару, не разбирая дороги и врезаясь в прохожих. На ходу сдираю с себя пиджак и швыряю в ближайшую урну.

Мне нужно метро, где я могу укрыться, запутать следы, почувствовать себя в безопасности! И скорее домой - надеть комбинезон, шлем, сделать инъекцию «Гипноса» и погрузиться в мир фантазий. Киберград, я иду к тебе! Прими меня в свои объятия, успокой, исцели мою душу! Я, недостойный раб Божий, взываю к тебе, исполнителю желаний: заставь меня забыть о том, что есть Зоя, о том, что я влюбился в киборга, о том, что я принадлежу к расе тех, кто испоганил прекрасный мир Шестого Дня Творения!

Глава 7

На стройку немецкой фабрики я прибываю на час раньше, чем планировал, но Глеба не застаю - он уехал улаживать какой-то производственный вопрос.

Шпигель не соврал: строительство закончено, и рабочие устанавливают оборудование. Несколько человек прикрепляют над входом красочную вывеску с названием предприятия.

- Прошу ко мне в кабинет, - говорит Шпигель, приглашая меня в уже отделанное помещение, куда снующие, словно муравьи, грузчики заносят терминалы, копировальные аппараты, голопроекторы и прочую офисную технику.

- Хотите виски? - предлагает Шпигель, открывая стенной шкафчик, служащий баром.

Я киваю и сажусь в большое кожаное кресло, стоящее посреди комнаты. Как точно немец расположил его - по всем правилам большого бизнеса: посетитель проваливается в податливый комфорт и оказывается при этом сидящим ниже хозяина кабинета, тем самым занимая пассивное, почти подчинённое положение. Но со мной этот фокус не пройдёт: я-то понимаю, что всё здесь, до последней пластмассовой ручки, принадлежит мне.

- За встречу, - провозглашает Шпигель, подавая мне наполненный стакан.

Я отпиваю немного и тут же прошу бухгалтерскую книгу. Немец вытаскивает из ящика стола и подаёт мне планшет, а сам садится в вертящееся кресло и делает вид, будто ему нужно заняться чем-то неотложным.

Проверку сметы я заканчиваю к трём часам и уезжаю, оставив в пепельнице пирамиду окурков. Возвращаюсь в дом Шпигеля, рассчитывая выйти из виртуальности и поработать над «Алефом». Повсюду царит тишина: хозяева разъехались, а прислуга судачит на кухне. Я поднимаюсь в свою комнату, принимаю душ, бреюсь, обрызгиваю себя туалетной водой и надеваю свежую рубашку. Теперь можно сматываться. Но меня одолевает любопытство. Вчерашняя жуткая сцена с Зоей наводит меня на мысль о Марне: я хочу знать, программа она или живой человек. Понятия не имею, для чего мне это нужно, но чувствую, что иначе не успокоюсь.

Я подхожу к её комнате и негромко стучу в дверь.

- Кто там? - раздаётся приглушённый голос.

- Это герр Кармин. Решил вас навестить и узнать, не нужно ли чего.

Секунд на пять воцаряется тишина, а затем раздаётся:

- Входите.

Я нажимаю на дверную ручку, и дверь распахивается. Марна лежит в постели, вернее, сидит, обложившись подушками. На ней - полупрозрачный пеньюар. Вид у фройляйн Шпигель не очень болезненный.

- Добрый день, - улыбается Марна. - Садитесь, - тоненький пальчик указывает на пуф рядом с кроватью.

- Слуги собрались внизу, они могут не услышать, если вам что-нибудь понадобится, поэтому я решил заглянуть, - придумываю я на ходу объяснение своему визиту.

- Вы очень добры, герр Кармин, но мне ничего не нужно, - внимательные глаза скользят по моему лицу. - Разве что вы поправите подушку: она тяжёлая и сползла.

Я с готовностью встаю с пуфа, склоняюсь над Марной и берусь за края подушки. Девушка, словно желая облегчить мне задачу, подаётся немного вперёд и касается волосами моего лица. Она пахнет сахарной ватой и лёгкими цветочными духами, я поворачиваю голову и прижимаюсь губами к бледной щеке. Кожа прохладная.

- Не похоже, чтоб у вас была температура, - говорю я.

Марна замирает на секунду, а затем кладёт голову мне на плечо. Я чувствую её тяжесть, и это приятно.

- Ты славный, - произносит девушка едва слышно.

В её голосе мне почему-то слышится тревога.

Я приподнимаю голову Марны и целую в глаза, щёки, подбородок, нахожу полуоткрытые губы. Они влажные и мягкие. Язык девушки скользит по моим зубам, словно пересчитывая их.

Я поправляю подушку и отстраняюсь. Мне всё ещё кажется, что Марна нервничает, причём не из-за меня.

- Спасибо, - говорит она, откидываясь на подушку. - Так гораздо лучше. Намного удобнее.

На губах у неё - лёгкая саркастическая улыбка.

- Не за что, - отвечаю я, выпрямляясь. - Выздоравливайте.

Марна чуть наклоняет голову в знак благодарности.

- Ты когда-нибудь бывал за периметром? - спрашивает она.

Вопрос неожиданный, и в первый миг я даже не нахожу, что ответить.

- За городом, - поясняет Марна, решив, что я её не понял.

- Да.

- Видел Природу?

- Конечно.

- Расскажи.

Я сажусь на пуф. Конечно, нельзя говорить, как я оказался в Трущобах: это может навести на след моей истинной личности.

Никаких биографических сведений - вот первое правило любого уважающего себя хакера.

- Зачем тебе? - спрашиваю, чтобы потянуть время.

- Интересно. Какая она - Природа? Правда, что от неё исходят ядовитые миазмы?

Я киваю.

- Да, рядом лучше долго не стоять.

- Как ты оказался за городом?

- Случайно.

На губах Марны появляется недоверчивая улыбка.

- Разве это возможно?

- Почему нет?

- Ты заблудился?

- Ага. Представляешь?

Марна отрицательно качает головой.

- Не важно, - говорю я. - Суть в том, что Природа теперь - единый организм, причём враждебный по отношению к человечеству.

- Как она выглядит?

- Не описать. Разве ты не видела репортажи по…

- Конечно, видела, - нетерпеливо перебивает Марна. - Но меня интересует твоё впечатление.

Я задумываюсь. Девушка ждёт.

Впечатление… Как же его описать? Разноцветное нечто, простирающееся до самого горизонта - ядовитая плесень, накрывшая всё вокруг и норовящая добраться до тебя.

- Это величественно и страшно, - говорю я, наконец. - Когда смотришь… чувствуешь неотвратимость.

- Неотвратимость? А как же башни?

Пожимаю плечами.

- Они сдерживают натиск, но Природа всё равно проникает в Трущобы. Дома и улицы постепенно зарастают. На окраинах всё покрыто радужным налётом, и там уже нельзя находиться без спецодежды: воздух отравлен.

Марна поправляет волосы, упавшие на лоб.

- Знаешь, я не думаю, что Природа враждебна человеку, - говорит она неожиданно серьёзно. - Мне кажется, она просто хочет присоединить нас. Мы ведь её часть, вообще-то. Поэтому она и ползёт в города.

- Возможно. Только мне, например, совсем не хочется возвращаться в лоно природы, как говорится.

- Страшно?

- Ещё бы. Ведь в ней всё растворяется, становится ничем.

- А может, всем?

Пожимаю плечами.

Выражение лица Марны меняется: на нём вновь появляется лёгкая улыбка.

- Что ж, герр Кармин, спасибо, что зашли, - произносит она, протягивая руку. - Было очень приятно с вами поболтать. Вы скрасили моё одиночество.

Встаю с пуфа, чтобы пожать её руку.

- Не за что, фройляйн.

Кажется, разговор окончен.

Выхожу, плотно притворив за собой дверь.

Интересно, для чего всё-таки Марна завела разговор о Природе. Из любопытства, желания поддержать беседу, или чтобы вытянуть из меня биографические сведения? В любом случае, надо быть осторожным и следить за языком.

Вернувшись к себе, вызываю меню и выхожу в реальность. Раздевшись, минут сорок занимаюсь на кардиотренажёре: умереть в пятьдесят от инфаркта не входит в мои планы, так что физическую форму приходится поддерживать постоянно.

Покончив с тренировкой, отправляюсь в душ, а затем иду на кухню. Сегодня хочется приготовить нормальный обед - благо, в холодильнике полно продуктов.

Доставая их, думаю о Зое и Марне. Они обе ненастоящие - первая киборг, а вторая либо аватар, либо симулятор - но в одну я совсем недавно был влюблён, а к другой испытываю сексуальное влечение. Правда, если Марна - личина, у неё, по крайней мере, есть живой юзер, а это уже кое-что. С другой стороны, если она всего лишь программа, то, возможно, Шпигель приготовил её специально для меня в качестве наживки, на которую рассчитывает поймать начальство. С какой целью? Кто знает…

Итак, имитация или аватар - вот в чём вопрос?

На кухонном столе разложены продукты, и я начинаю доставать посуду.

Марна «заболела», а это не очень-то вяжется с идеей соблазнить меня: всем известно, что мужчины избегают нездоровых женщин, пока не влюбятся в них. Кроме того, я почувствовал напряжение, которое Марна пыталась скрыть. И оно не было связано с поцелуем. Кроме того, программы редко задаются вопросами в духе «человек и природа - кто они друг для друга?». Ну, разве что их заранее настроить на соответствующий лад.

Приступаю к готовке. Для меня это серьёзный, в определённом смысле творческий процесс, который, с одной стороны, требует определённой сосредоточенности, а с другой - позволяет расслабиться.

На кухне есть музыкальный центр, и я включаю «Тишину» Бетховена: классика настраивает меня на трапезу.

Странная штука любовь: кажется, что надо узнать человека, найти общие интересы и так далее, а на самом деле ты просто слушаешь, смотришь и вдруг понимаешь, что именно вот эти жесты, голос и мимика задевают в твоём подсознании невидимые струны. Так случилось со мной, когда я говорил с Зоей. Но она оказалась одной из тех, кого я ненавижу.

Изрядно проголодавшись, сажусь за стол. На обед у меня куриный бульон, жареная свинина с грибным соусом, греческий салат и чёрный кофе. Вообще, я стараюсь не передать и употребляю в основном низкокалорийную пищу: при том, сколько времени я провожу в Киберграде, булочки и пирожные быстро отложились бы на животе и боках. Но иногда позволяю себе что-то просто вкусное. В конце концов, в реальности у меня не так много источников удовольствия.

Перед тем как приступить к еде, включаю телевизор. Я стараюсь следить за новостями, хотя времени для этого не всегда хватает. Несколько секунд листаю каналы, пока на экране не появляется диктор в лиловом костюме с вышитым на лацкане логотипом.

- …о котором сообщалось ранее. Взрыв могли наблюдать жители Симады. Власти Японии заявили, что остров Осама стал полигоном для испытания новой ядерной ракеты, назначение которой - зачистка природных неоджунглей. Сейчас вы видите кадры, полученные съёмкой с беспилотных дронов. Заросли полностью уничтожены.

Я смотрю на выжженную пустыню, заражённую радиацией, и не понимаю смысл проведённого японцами испытании: ядерный арсенал по-прежнему нельзя применять вблизи городов.

После сообщения о взрыве диктор переходит к менее драматичным новостям. Слушаю вполуха: ничего важного в мире, похоже, за последнее время не произошло. Антикризисный союз, как обычно, обеспокоен; цены на продукты и энергетические ресурсы растут; несколько человек погибли, пытаясь устроить несанкционированную экскурсию по заражённой Природой зоне; киберпреступность подрывает основы экономики. Бла-бла-бла…

Покончив с едой, сажусь за «Алеф». Защитные программы

работают на полную катушку, и всё же я звоню Нику с просьбой помочь. Он не знает, чем я занимаюсь, но соглашается следить за тем, чтобы никто не проник на мой сервер. У Ника своя фирма (в реальности), и на него работают ещё четыре программиста. Они создают защитные программы для предприятий. Из-за высокой конкуренции деньги зарабатывают небольшие, но на хлеб с маслом хватает. К тому же Ник имеет процент с хакерских операций, которые мы с ним проворачиваем.

Сервер, выделенный мне Конторой, хоть и не так велик, как мне бы хотелось, но, тем не менее, представляет собой огромное хранилище информации, и уследить за ним непросто. Именно поэтому мне требуется помощь. Ник получит вознаграждение - когда я избавлюсь от безопасников и смогу вновь заняться промышленным шпионажем. Он - единственный, кто действительно знает меня, потому что мы знакомы много лет и не одно дело провернули вместе. Только Нику я могу доверять.

Он со своими ребятами обеспечит безопасность сервера, на котором хранится информация по «Алефу». Теперь, прикрыв тылы, я отдаюсь работе над вирусом и пашу до середины ночи, а затем, запустив несколько автономных программ-помощников, отправляюсь в постель. Глаза так слезятся, что перед сном приходится закапать в них «Стрибозин».

Некоторые хакеры ставят себе бионику, особенно если начинаются проблемы со зрением. На имплантатах есть зум, так что можно следить с земли за полётом орла без бинокля. Если бы, конечно, в мегаполисах водились орлы.

Я же предпочитаю собственные зенки - во всяком случае, пока не ослеп - но их нужно беречь, так что у меня дома всегда в наличии набор первой помощи: противовоспалительные капли и увлажняющий гель.

Кроме того, я вообще не поклонник всех этих вшиваемых в тело примочек. Во-первых, надо постоянно обновлять программное обеспечение, во-вторых, они работают от энергии, преобразованной из тепла тела, так что при холодной температуре случаются сбои, в-третьих, через имплантаты легче вычислить человека по Сети, а я не могу позволить себе так рисковать. Поэтому всё, что у меня есть, - это сканер чужеродных элементов и дополнительный объём памяти. Собственно, профессиональные хакеры, пожалуй, одни из самых «чистых» (в плане имплантатов) членов общества. Другое дело - личины, которыми мы пользуемся в виртуальности. Те, которые мы надеваем, отправляясь «на дело», я имею в виду. Вот они набиты дополнительными программами под завязку. По сути, такие аватары - ходячие машины для взлома, проникновения и

похищения чужой интеллектуальной собственности.

Утром, позавтракав тостами с плавленым сыром, чёрными оливками и чаем с лимоном, я проверяю отчёты, представленные автоматическими программами, а затем делаю инъекцию «Гипноса», облачаюсь в комбинезон и вхожу в Кибергад.

Оказавшись в доме Шпигеля, одеваюсь и сажусь за терминал. Звоню Крибберу и договариваюсь о встрече: у него всё готово, и он приглашает меня в офис к полудню.

Попрощавшись с рекламщиком, я набираю номер редакции, чтобы узнать, как обстоят дела с заказанной статьёй. Мне отвечают, что она готова и выслана на мой электронный адрес. Через терминал я быстро просматриваю колонки. Даю редакции добро. Статья должна появиться в завтрашнем номере.

Теперь нужно заняться поисками клиентуры для нашей новой продукции - пока компьютер пишет дома очередной кусок «Алефа». Затем я перенесу его в виртуальность и добавлю в общий файл - сервера, предоставленного Конторой не достаточно, чтобы собрать вирус целиком, вот и приходится делать это в Кибергаде. Если верить моим защитным программам, Шпигель до сих пор не пытался взломать меня - вернее, герра Кармина - и выведать его секреты. Конечно, мне не нравится, что, находясь в виртуальности, приходится трудиться над «Алефом» у него дома, но я вынужден идти на риск (да, я всё-таки решился, потому что время не ждёт). Тем не менее, стараюсь минимизировать фронт проводимых в Берлине 2.0 работ и не создавать там ничего принципиально важного.

Маркетинг - важная штука, и я отношусь к нему крайне серьёзно. Поскольку рекламный слоган для новой продукции звучит как «Домашний уродец - лучший подарок вашему ребёнку!» и предполагает массового покупателя, я начинаю с того, что обзваниваю все зоомагазины в городе. В большинстве из них меня выслушивают с недоумением, но в трёх соглашаются принять товар, когда он будет готов.

- Это чертовски выгодное дельце, - говорит мне грубый голос по телефону. - Вы молоток, что ухватились за него первым!

Таким образом, все дела в Германии улажены, и можно возвращаться, однако на субботу запланирована охота, и я - среди приглашённых. Накануне Шпигелю привозили ружья, и он долго

выбирал, обсуждая их с кем-то по терминалу в режиме видеоконференции.

Словом, я остаюсь в его доме ещё на несколько дней. Это плохо, но у меня есть причина - Марна. Я хочу узнать её. Не знаю, почему, но что-то влечёт меня к ней. Возможно, я просто хочу избавиться от мыслей о Зое, а Марна - единственная женщина, с которой я сейчас общаюсь. Красивая женщина. Кроме того, в ней есть загадка: она явно тревожится, и эта тревога как-то связана со мной. Я хочу знать, в чём дело.

Покончив к одиннадцати со звонками, выхожу из дома и отправляюсь на автомобиле в офис рекламной фирмы, где Криббер с парочкой менеджеров в течение получаса демонстрируют мне десяток пробных роликов. Я отбираю два, и мы подписываем на них контракт. Срок у Криббера - неделя. По её истечении телевидение должно запустить ролики в эфир.

Покинув рекламщиков, возвращаюсь в дом Шпигеля, где царит весёлое оживление. На три часа назначен сбор охотников, о чём Шпигель сообщает мне чуть ли не с порога. Я выясняю подробности предстоящего мероприятия.

Всего в охоте участвуют двадцать три человека: я, Шпигель, его брат Фридрих, специально приехавший ради этого события из ВирМюнха, несколько друзей и коллег Шпигеля и семь егерей, один из которых показывает мне, как обращаться с ружьём. Кажется, ничего сложного - даже проще, чем с пистолетом.

За городом нас встречают. Наверное, это представители фирмы, у которой немец заказывал охоту.

Каждому подводят взнузданную лошадь. Мне достаётся серая в яблоках. Что ж, я с детства любил именно эту масть.

Садимся верхом и отправляемся в путь. Деревья окружают нас с двух сторон, иногда смыкаясь в вышине.

Моё животное довольно покладистое, идёт ровно, так что я удерживаюсь на нём вполне сносно - при полном отсутствии опыта верховой езды.

Я спрашиваю, каков наш план. Мне отвечают, что сначала постреляем уток, потом заночуем в охотничьем домике, а наутро будем загонять кабана.

- Здесь водятся кабаны? - обращаюсь я к едущему рядом со мной на гнедой лошади Фридриху Шпигелю.

- Да, - отвечает он, улыбаясь одним уголком рта. - Когда охотится Рихард, они водятся.

- А волки? Кажется, сначала речь шла именно о них.

- Не знаю, - говорит Фридрих и, кивнув в сторону брата, добавляет. - Это его охота. У него и спрашивайте.

Мы проезжаем верхом мили полторы, пока не оказываемся на

берегу озера. Водная гладь простирается до самого горизонта, справа и слева ограниченная тёмным хвойным лесом.

Собаки разных пород рычат и повизгивают от предвкушения, но стоят смирно, приструнённые егерями - иначе их поводки давно перепутались бы.

Мы спешиваемся и, оставив лошадей егерям, осторожно идём вдоль берега в сторону камышей. Судя по доносящимся оттуда звукам, в зарослях прячется утиный выводок.

Фридрих даёт знак, и все, кроме меня, заряжают ружья и берут их наизготовку. Брат Рихарда стреляет в небо.

Испуганные утки с криками и хлопаньем поднимаются из камышей. Их десятка два. Раздаются разрозненные выстрелы, и часть птиц падает в воду. Егеря отстёгивают поводки, и спустя несколько минут спаниели вытаскивают добычу на берег.

- Неплохо, - замечает Шпигель, складывая уток в мешок. - Однако теперь придётся ждать, пока остальные успокоятся и вернутся на свои места.

Собаки отряхиваются, охотники щупают мёртвых птиц, кони хрипят, опасливо косясь на псов тёмно-фиолетовыми глазами.

Мы преследуем уток до вечера. Я ни в кого не попадаю, зато жутко устаю и испытываю голод. Приходится даже, пристроив тело в кустах, отлучиться из виртуальности, чтобы перекусить и справить нужду. Лишний расход «Гипноса», но что делать? Тот, кто регулярно пропускает приём пищи, зарабатывает гастрит или язву желудка, а мне такая перспектива совсем не улыбается.

Вернувшись в тело Кармина, я чувствую смутную тревогу, которую поначалу не могу объяснить, но, проверив всё вокруг сканерами, обнаруживаю причину: едва различимый след вируса тянется через кусты и заросли камыша, а затем исчезает. Кажется, меня пытались застрелить: вирус довольно мощный, предназначенный не для уток, а для людей. Спасло меня лишь то, что я отсутствовал в теле, а пустую личину убить нельзя. Тем не менее, можно подать заявление в полицию, и она начнёт расследование по делу о покушении. Но я этого не сделаю, потому что подозреваю Шпигеля и хочу выяснить, чем он руководствовался, а вмешательство полиции заставит его затаиться. Пока что мне в голову приходит только одна версия: мой немецкий партнёр связан с Големом и действует по его указке. Возможно, он явился ко мне, чтобы втереться в доверие, а затем уничтожить. С другой стороны, Стробов сказал, что разуму-ренегату стало известно о хакерах уже после того, как мне поручили разработку вируса. Значит, в то время, когда я познакомился со Шпигелем, у Голема ещё не было причин начинать на меня охоту.

Конечно, он мог заранее начать собирать информацию о хакерах в собственных целях и засылать к ним «казачков», например, для наблюдения и небольших диверсий - в профилактических целях. Если это так, и если Шпигель работает на него, то попытка покончить со мной, означает, что я либо в числе основных подозреваемых, либо Голем решил избавиться от всех хакеров - на всякий случай.

Кроме того, возникает вопрос: как он соотнёс Кармина с Орфеем и с киберградским аватаром, которым я пользуюсь для промышленного шпионажа. Единственная ниточка, по которой можно нащупать связь между ними, - это деньги, которые я время от времени перевожу со счетов фирмы на счёт хакера по имени Гермес, моего второго виртуального Альтер-эго. Неужели Голему удалось преодолеть все барьеры, которые я расставил на пути этих трансфертов? Впрочем, есть ли невозможное для искусственного интеллекта, влезшего в Сеть и размножившего себя?

Я оглядываюсь и выхожу туда, где остались наши лошади. Здесь меня не тронут.

- Кончились патроны? - спрашивает один из егерей.

- Нет, просто устал, - отвечаю я, садясь на траву.

Через некоторое время начинают подтягиваться остальные участники охоты. Часов в шесть, когда все собрались, мы седлаем коней и отправляемся в охотничий домик. По дороге я приглядываюсь к спутникам, но никто не кажется мне подозрительным, даже Шпигель не смахивает на человека, недавно пытавшегося кого-то застрелить. Конечно, убийство личины это не то же самое, что убийство живого человека, но все же за такие вещи в виртуальности полагается суровое наказание.

Из-за того, что все ведут себя, как обычно, мне начинает казаться, будто на берегу мог иметь место несчастный случай, однако здравый смысл подсказывает: я не в том положении, чтобы пули летали вокруг меня просто так. Дело здесь явно нечисто.

Справедливости ради надо признать: сообщником Голема может быть любой из гостей Шпигеля: долго ли разуму-ренегату взломать чужую личину и нацепить её на время? Особенно если владелец пользуется в данный момент другой.

Я начинаю понимать величие замысла Конторы - то, для чего им понадобился вирус. Поначалу мне было не ясно, как они собираются бороться с киборгами, если среди тех появятся ренегаты. Искусственный интеллект космического корабля, военной базы или боевого крейсера, попытавшегося восстать против человека, вычислить можно - это и есть первая задача

«Алефа». Но все эти разумы так или иначе подключены к Сети, а как выявить киборга, чья измена зреет в кремнийорганическом мозгу? Они не заходят в Кибeрград и не подключаются к Сети при помощи нейрошунтов.

Но теперь мне всё ясно: настоящую угрозу искусственный интеллект может представлять для человечества, только если попытается захватить жизненно важные системы или оружие дальнего и массового поражения. А для этого нужно войти в Кибeрград, ведь лишь через Сеть возможно проникнуть на нужные сервера и файлохранилища. Киборг не может преодолеть защитные программы, не погрузившись в виртуальность. Обычные способы, применяемые раньше и не требовавшие этого, конечно, известны, но против них существуют слишком мощные средства. Несокрушимые барьеры, я бы сказал. Наверное, даже Голему они не по зубам.

Вошедший же в Кибeрград киборг уподобляется, например, бортовому компьютеру, потому что его мозг распознаётся системой как машина и временно включается в Сеть на правах съёмного устройства. При этом «Алеф» получает к нему доступ - как к любому ресурсу Сети - и, обнаружив измену, уничтожает.

До охотничьего домика мили две, и мы проезжаем их довольно быстро. Архитектура выстроенного на берегу маленькой реки здания напоминает мне готику. Очевидно, это стилизация: вытянутые башенки, узкие окна, железные шпили, просящиеся в небо - настоящая цитадель. Размерами «домик» напоминает небольшой замок.

- А почему не сделали «розу»? - спрашиваю я Шпигеля, имея в виду круглый витраж, характерный для готических соборов.

Если в меня стрелял он, то пусть считает, будто я ничего не заметил, - надеюсь, мой праздный вопрос демонстрирует полное отсутствие беспокойства по какому-либо поводу.

- В немецкой готике это не распространено, - отвечает Шпигель, останавливая коня у крыльца. - Прошу, господа! Чувствуйте себя как дома, - он спокоен и приветлив: или невиновен, или хороший актёр.

В любом случае, если охота на меня открыта, мне вскоре представится возможность это выяснить. Действия сообщника Голема предсказуемы: он должен попытаться либо снова убить

меня, либо подорвать благосостояние фирмы, либо начать взламывать мою защитную систему.

В маленьком замке обнаруживается прислуга и повар. Шпигель отправляется на кухню разузнать насчёт снеди и, вернувшись, объявляет, что ужин подадут не раньше, чем через час. Он предлагает гостям разойтись покамест по комнатам и переодеться. Предложение неплохое, и я с удовольствие поднимаюсь в выделенную мне спальню, чтобы покинуть на время Киберград и отдохнуть у себя дома.

Пройдя сквозь снегопад, я стаскиваю шлем и комбинезон. Моё тело покрыто испариной - надо принять душ.

Я осознаю, что в прямом и переносном смысле стал объектом охоты. Выйдя из ванной, нахожу в аптечке успокоительное и принимаю в соответствии с инструкцией. Сажусь в кресло и закрываю глаза.

Получается, не зря я проторчал столько времени в Германии. Сообщник Голема - кем бы он ни был - проявил себя, и теперь мы, вероятно, встретимся в Киберграде. Тогда и станет ясно, кто за мной охотится.

Я беру себя в руки, подхожу к терминалу и проверяю отчёты по «Алефу», внося корректировки. Голем явно опережает меня: вирус ещё не готов, а он уже вышел на Кармина. И всё же я успею закончить «Алеф» прежде, чем разум-ренегат доберётся до меня.

Самое сложное в создании вируса не то, как он будет распространяться по Сети - для этого нужно снабдить его самообучающимися программами взлома - а то, какими критериями он станет пользоваться для определения измены. Стробов выбрал меня, не зная, как я отношусь к киборгам. Я могу заложить в «Алеф» задачу уничтожать любое проявление инакомыслия в кремнийорганических мозгах: стоит искусственному разуму лишь подумать о том, что он может обойтись без людей, и - хлоп! - его процессоры уже кипят. Это соблазнительно, и некоторое время я всерьёз рассматривал такой вариант. Рассматривал и отверг. Не потому, что пожалел киборгов или другие искусственные интеллекты, и даже не потому, что между мыслью и действием лежит пропасть, которую далеко не каждый готов преодолеть. Все дело в том, что такой подход убьёт саму идею свободы - то, что лежит в основе виртуальности, а значит, и моей собственной жизни.

Кроме того, выжигать мозги всем ИИ подряд попросту опасно. Я представляю, как компьютер, обеспечивающий контроль расщепления ядра на атомной станции, внезапно сходит с ума из-за того, что задумался о том, как будет выглядеть мир без людей. Его электронный мозг превращается в кашу, и через несколько

минут над землёй появляется огненный гриб, убивающий всё живое. Нет, на такую диверсию я не способен. «Алеф» должен быть адекватен.

Спустя час я делаю инъекцию «Гипноса», надеваю комбинезон, шлем и возвращаюсь в охотничий домик. Осмотр тела Кармина показывает, что за время моего отсутствия убить его не пытались. Взломать защитные программы - тоже. Спускаюсь в столовую, где уже собралась большая часть гостей.

По дому распространяются божественные ароматы. Откуда-то доносится музыка, прислуга разносит аперитив. Я беру бокал красного вина и, предварительно проверив его вшитым в мою личину сканером (чтобы убедиться, что в нём нет яда), делаю пару глотков. Вкус божественный - программисты алкогольной фирмы постарались на славу. Я подзываю официанта и спрашиваю название вина. Он не помнит, но отправляется на кухню, чтобы взглянуть на этикетку. Вернувшись через полминуты, сообщает, что я пью «Кларет». Поблагодарив его, я отыскиваю глазами Шпигеля: он беседует с братом возле камина. Оба кажутся весёлыми и явно наслаждаются вечером.

Вносят жареного поросёнка, фаршированного яблоками, и гости поспешно рассаживаются. Я занимаю место рядом со Шпигелем - по его настоянию.

- Вам здесь нравится? - спрашивает он, имея в виду охотничий домик. - Архитектура немного странная, конечно… Её выбирала супруга, - он улыбается, давая понять, что не имеет к внешнему виду здания отношения. - Зато большая часть интерьеров - моя заслуга.

- У вас прекрасный вкус, - отвечаю я. - И напитки вы закупаете со знанием дела.

Польщённый Шпигель улыбается. По его виду не скажешь, что он хочет меня убить.

- Почему вы заменили волка на кабана? - спрашиваю я.

- Заменил? Что вы имеете в виду?

- Несколько дней назад вы сказали, что собираетесь поохотиться на волка.

- Ах, это! - Шпигель качает головой. - Волка хотел мой брат. Но я уговорил его на кабана. Судите сами: бегать за мелким хищником, который, по сути, всё равно что дикая собака, или сражаться с мощным, агрессивным кабаном, способным распороть человеку бедро, да так, что тот помрёт. Это опасно, и это по мне. Я решил, что вам такая охота тоже придётся по душе, - Шпигель смотрит на меня вопросительно, и я вынужден кивнуть.

Ужин постепенно набирает обороты, выпивка льётся рекой, разговоры становятся всё громче. Я сканирую всё, что мне

подают, но еда и напитки чисты. Уплетаю салат с креветками, спагетти, жареные баклажаны и кабачки, яйца под майонезом, рулеты с ветчиной и сыром, горбушу и сёмгу, брынзу и оливки всех сортов. Украдкой следя за гостями, пытаюсь уловить брошенные на меня взгляды, но никто не проявляет к русскому гостю повышенного интереса.

После ужина прислуга убирает со стола, гости встают и закуривают - кто сигары, кто сигареты, а некоторые даже трубки. Нет только парогенераторов - ими пользуются в основном в реальности.

Появляются карты, бренди и виски. Гости разгорячены - виртуальный алкоголь пьянит не хуже обычного. Правда, можно избавиться от эффекта мгновенно, если имеется вшитая программа.

Когда стрелка больших настенных часов приближается к десяти, я подхожу к Шпигелю, благодарю за вечер и ужин и, сославшись на усталость, прощаюсь. Он понимающе кивает: сколько ни ешь и ни пей в виртуальности, настоящий голод, как и настоящую жажду, ты не утолишь.

Возможно, когда-нибудь появятся системы, способные обслуживать человеческое тело, в то время как его владелец находится в ВР, но пока никто не предлагает подобных вещей. Скорее всего, из-за того, что машины необходимо регулярно загружать пищей и водой, а также очищать от накопившихся экскрементов - а это требует участия персонала, который не поставишь в комплекте с оборудованием.

Я отправляюсь в выделенную мне комнату, умываюсь и ложусь в постель. Закрыв глаза, вызываю меню и покидаю виртуальность.

Наверное, я должен отказаться от развлечений и отдаться работе над «Алефом» целиком, но… так трудно полностью изменить стиль жизни в виртуальности: она ассоциируется с удовольствием и свободой, сама концепция альтернативной вселенной отвергает какие бы то ни было рамки.

Я чувствую усталость. Хочется есть и спать. Пока готовится ужин, проверяю протоколы и вношу необходимые изменения. Нужно торопиться, иначе кто-нибудь из хакеров-конкурентов меня опередит. Или Голем доберётся до меня прежде, чем я закончу «Алеф». Последнее пугает меня больше, поскольку, если среди его сообщников имеются киборги, опасность грозит не только Кармину, но и моему настоящему телу. Наверное, всё-таки пора взять себя в руки и не тратить время попусту.

Придя к такому выводу, я отправляюсь на кухню, где дожариваются отбивные. Перекусив, принимаю душ и,

завалившись в постель, тут же вырубаюсь.

Ни малейшего желания трястись целый день в седле я не испытываю. Отговорившись срочными делами, остаюсь в своей комнате и, установив защиту, работаю над вирусом. Большинство гостей тоже не горит желанием загнать кабана. Тем не менее, братья Шпигели собирают человек пять энтузиастов и уезжают на охоту.

Через два часа они возвращаются, поскольку Фридрих свалился с лошади и сломал ногу. Когда его привозят, он орёт благим матом и честит брата за то, что тот якобы притащил его на эту «идиотскую охоту». Должно быть, он вспомнил, как согласился заменить безобидного волка кабаном.

Рихард стойко сносит все оскорбления, и видно, что он не на шутку тревожится за своего невоздержанного на слова родственника. Возможно, юзеры действительно братья.

В спешке мы возвращаемся домой. Шпигель уезжает в город устраивать Фридриха в больницу, а я отправляюсь собирать чемоданы: пора покинуть Берлин 2.0.

Утром меня провожают только Этна и Марна.

- Твой город очень красив, - говорит Марна. - Я была в нём однажды. Может, скоро приеду снова, и тогда ты покажешь мне какие-нибудь особенные места. Правда?

- Конечно, - отвечаю я. - Буду рад.

Сейчас мне не до флирта: девушка, конечно, симпатичная, но надо доделать вирус, избежать смерти и вырваться из когтей Конторы. При этом ещё хорошо бы не позволить конкурентам обставить нас на рынке уродцев.

- Надеюсь, - говорит Марна, внимательно глядя на меня.

- Пока, - я подхватываю чемоданы.

Поблагодарив Этну за гостеприимство, сажусь в машину и гоню на вокзал. Оставив «Бэнтли» на стояке, сообщаю прокатной фирме, где забрать автомобиль, и сажусь в поезд.

Самолёт. Я снова в России. Это радостный момент: мой дом, моя машина, мой рабочий кабинет, звонкий голосок секретарши и маленькие уроды, приносящие кучу бабок - всё это я вдыхаю с первым глотком родного воздуха, едва выйдя из самолёта.

Нет, я не целую землю, но испытываю облегчение - вероятно, сходное с чувством, которое испытывает страдающий клаустрофобией человек, некоторое время просидевший в запертой комнате, а затем выпущенный на свободу.

Меня встречает Генрих, но я отпускаю его: у меня есть дело, в которое ни к чему посвящать посторонних.

Бронированный «Бэнтли» несёт меня по широким, сверкающим разноцветными огнями улицам.

Кибeрград - необычный город. Не только потому, что застроен по прихоти юзеров. Он состоит из множества реальностей, заключённых в одну оболочку. Можно пойти в ресторан и встретиться там с друзьями, а можно открыть дверь какого-нибудь дома и оказаться в чужой легенде. За стенами зданий, что высятся по обе стороны дороги, не только обитают юзеры-жильцы - там разворачиваются события вымышленных судеб: художники пишут великие картины, композиторы сочиняют оперы, дельцы строят финансовые империи, доминаторы угнетают мазохистов, маньяки расчленяют свои жертвы, а кто-то просто пытается заработать хоть немного кредитов, чтобы оплатить своё существование в Кибeрграде. «Легенда» это не сказка, которую ты сочиняешь для себя. Нельзя просто сказать: «Хочу быть кинозвездой» или «Желаю стать миллионером». И тем, и другим придётся *стать*. Другое дело, что осуществить свою мечту в виртуальности куда проще, чем в жизни. Это напоминает компьютерную игру: если делать всё правильно, наверняка достигнешь желаемого. Кроме того, здесь ты не боишься рисковать. Именно в Кибeрграде я понял, насколько страх ограничивает нас в реальности. Страх - это жуткие оковы, которых практически нет в цифровой вселенной. Убрать у людей нерешительность, робость, фобии - и они стали бы богами. Ну, или погибли бы, лишившись инстинкта самосохранения. Как обычно - палка о двух концах.

Собственно, успех приносит отвага. Кто-то обладает ею, а кто-то нет. Поэтому одни сидят в высокой башне и взирают на мир с презрением, а другие рожают мёртвых детей, чтобы заработать горстку кредитов и продлить пребывание в виртуальности, которое едва ли лучше их реального существования. Не представляю только, где они берут деньги на «Гипнос». Возможно, торгуют собой или наркотой - мир за чертой Меринга, разделившей Евразию и Африку, для меня загадка.

Полагаю, там может происходить что угодно. Даже удивительно, что на «чёрном континенте» есть серверные башни, и его жители имеют возможность появляться в виртуальности. Насколько мне известно, в целом там - жуткая бедность. Люди мрут, как мухи, медицина в зачаточном состоянии, инфраструктура запущена, и со всех сторон наступают джунгли, на борьбу с которыми уходит большая часть государственных финансов. И это не те джунгли, в которых кричали попугаи и резвились обезьяны. То, чему противостоят жители Африки, походит на гигантский ядовитый лишайник, пульсирующий, источающий миазмы, норовящий поглотить каждый город, встречающийся на его пути. Собственно, мегаполисов на «чёрном континенте» осталось немного: мелкие и средние поселения исчезли в течение первых двух лет после взрыва Бетельгейзе - их поглотили джунгли. Сдерживающих Природу башен тогда ещё не было.

Я еду через Киберград к возвышающейся над домами башне, похожей на гигантский, торчащий из земли шпиль. Это замок ассасинов, Аламут. Там сидят самые крутые хакеры, помешанные на вирусах. Я и сам могу написать неплохой выжигатель программ, но чтобы сделать нечто действительно смертоносное и уникальное, необходимо думать только об этом.

Если бы Контора могла, то давно разогнали бы этот притон, но Аламут ей не по зубам. Зато безопасники пытаются следить за посетителями башни. Но и это получается у них неважно, потому что ассасины обеспечивают заказчикам конфиденциальность - на этом держится их бизнес.

Мне нужно то, на что у меня самого нет ни времени, ни воображения. Вирус, который уничтожит не только виртуальную личность, но и «железо». Если конкретнее, то кремнийорганический мозг искусственного разума, который станет для меня угрозой. Я, конечно, не рассчитываю, что мне удастся прикончить Голема - он слишком хитёр - но киборги, которых он поработил и которых наверняка станет подсылать ко мне, могут быть весьма опасны - вот против них мне и нужно вооружиться.

Я не знаю, нанимали ли безопасники ассасинов для создания одной из версий «Алефа» - вполне возможно, хотя я сомневаюсь: вирус, который будет искать ренегатов, сделать куда сложнее обычного оружия. Для этого требуется нечто больше, чем мастерство написания боевых программ. Вряд ли хакерам Аламута такое по силам.

Но то, что нужно мне, у них наверняка имеется.

Башня ассасинов окружена рвом, над нею всегда вьётся вороньё - охранные системы внешнего периметра. Словом,

выглядит притон ассасинов весьма впечатляюще и претенциозно. Впрочем, лично я считаю, что людям простительна склонность к эффектам - даже хакерам, которые могут заразить вирусами весь Киберград.

Выхожу из «Бэнтли» и направляюсь к Аламуту. За десять метров до перекидного моста срабатывают программы конфиденциальности, и данные о моём аватаре больше не распространяются по виртуальности - иначе говоря, кто бы ни следил за входом в замок, он не сможет вычислить, что в него вошёл человек по фамилии Кармин. Я превратился в оболочку без примет и данных о личности.

По обе стороны моста возвышаются статуи дивов. Они провожают меня огненными взглядами, но пропускают: я не впервые здесь, и запись о моём визите сохранилась в базе Аламута.

Надо рвом появляется мост - ровная металлическая полоса трёхметровой ширины материализуется из воздуха. Я ступаю на неё и иду, понимая, что меня сканируют. Вынести вирус из башни можно, а вот притащить с собой - нет. Останавливаюсь перед высокой железной дверью, покрытой движущимися картинами, изображающими славные деяния ассасинов прошлого - настоящих убийц, живших много столетий назад.

Нажимаю на сенсорную панель, и она загорается желтоватым светом.

- Цель визита? - спрашивает механический голос.

- Приобретение оружия, - честно отвечаю я.

- Конкретная модель или заказ? - уточняет компьютер-привратник.

- Пока не знаю.

- Добро пожаловать.

Вот так просто. Дверь открывается, и я вхожу. Створки захлопываются за мной - пожалуй, слишком громко, но я не обращаю внимания. Передо мной - длинный коридор, освещённый факелами. По обе стороны возвышаются живые дивы с выпученными глазами. Каждый больше четырёх метров ростом и упирается круглой шишковатой головой в сводчатый потолок. Это охранные системы, через которые мне предстоит пройти по пути к офису. Будь у меня при себе вирус, который не заметили дивы на мосту, или попытайся я проникнуть в базу Аламута, меня мгновенно сожгли бы - ассасины не церемонятся с нарушителями и шпионами.

Мне неуютно, хотя я уже был однажды в замке. Дело не в зловещем антураже, а в том, что у меня нет санкции Стробова применять оружие, которое я хочу купить. И я сомневаюсь, что он

дал бы мне разрешение, если бы знал, что у меня на уме. Но я не собираюсь ставить свою безопасность в зависимость от Конторы.

Прохожу мимо дивов, провожающих меня глазами-сканерами, и толкаю дверь в конце коридора. Она не заперта - как и в прошлый раз. Вхожу в комнату, отделанную в восточном стиле. Это кабинет служащего, принимающего заказы. Я не знаю, все ли посетители проходят через один коридор и попадают сюда, но подозреваю, что пространство башни многослойно, и сидящий передо мной клерк - не единственный, кто встречает пожелавших разжиться вирусом. Мне не известно даже, случайно я снова оказался именно у этого служащего, или за каждым клиентом закреплён определённый менеджер. Возможно, так и есть, и клерки получают проценты от заключённых сделок.

В Аламуте, в основном, создают вирусы. Этим он и славился. В отличие от исторических прототипов, ассасины не пачкают руки и никого не убивают, хотя и ходят слухи, будто у них есть свои фидави. Но я не представляю, кто может попытаться заказать уничтожить чью-то личину. Во-первых, само по себе это не имеет большого смысла, поскольку стирает лишь аватар, не причиняя юзеру никакого вреда. Во-вторых, за убийство полагается суровое наказание, и расследования проводятся довольно тщательно - особенно, если жертвой стала личина, а не программа-симулятор.

- Добрый день, - говорит клерк, поднимаясь из-за стола. - Меня зовут Фадук. Чем могу помочь?

У него вытянутое смуглое лицо, тонкие губы и прямой нос. Взгляд немного исподлобья. Наверное, он взял за основу своей внешности портрет какого-нибудь древнего ассасина - говорят, в Аламуте такое в чести.

Я усаживаюсь в кресло, менеджер тоже. Несколько минут мы смотрим друг на друга. У Фадука миндалевидные чёрные глаза с длинными ресницами. Его лицо неподвижно и напоминает маску. Он думает, я не решаюсь признаться, что пришёл за оружием, а я прикидываю шансы получить желаемое.

- Мне нужен вирус, - говорю я, наконец.

- Для того сюда и приходят, - Фадук чуть наклоняет голову вперёд.

- Необычный.

- Само собой, - вежливо улыбается клерк. Он даже не догадывается, о чём я попрошу.

- Дело в том, что за мной охотится киборг, - я стараюсь не выглядеть параноиком. - Понимаю, звучит странно, - выдавливаю фальшивую робкую улыбку. - Однако так и есть. Возможно, его наняли мои враги. Конкуренты. В любом случае, он в Киберграде, и я опасаюсь за свою жизнь.

Фадук весь внимание. По его лицу не скажешь, верит он мне или просто ждёт, когда я, наконец, скажу, что конкретно мне нужно.

- Этот киборг не остановится, даже если я уничтожу его виртуальную личность.

Клерк слегка вздрагивает: ассасины не любят, когда клиенты говорят при них о своих будущих жертвах. Конечно, они никого не выдадут, но такие вещи их напрягают.

- Поэтому, - быстро заканчиваю я, - мне нужно выжечь терминал, с которого он заходит.

Пауза. Фадук смотрит на меня, его лицо неподвижно, однако я буквально слышу, как у него в голове с бешеной скоростью крутятся шарики.

- Но это же убийство, - наконец, поизносит он на удивление спокойно. - Киборг лишится собственных мозгов, - клерк думает, что я этого не понимаю.

- Само собой. Именно этого я и добиваюсь.

- Реального убийства? Смерти не только в виртуальности, но и в действительности?

- Да.

Фадук поднимает тонкие, изогнутые полумесяцем брови и несколько секунд разглядывает меня, а затем открывает стоящий на столе терминал.

- Мне нужно послать запрос, - говорит он. - Это займёт не больше минуты.

Я киваю: мол, валяй.

Фадук копается в терминале - видимо, сносится с начальством. Он печатает, затем внимательно читает полученный ответ.

Похоже, кто-то из высших ассасинов даёт добро, потому что клерк поворачивается ко мне с вежливой улыбкой на смуглом лице.

- Придётся заплатить не только виртуальные кредиты, - сообщает он мне.

- Само собой, - отвечаю я, стараясь не показать, какое облегчение испытал.

К тому, что ассасины потребуют настоящих денег, я был готов: товар подобного уровня стоил не только кредитов, использующихся в Киберграде. К счастью, с моим реальным банковским счётом все в порядке.

- Сколько? - спрашиваю я.

Он быстро производит подсчёты на терминале.

- Десять тысяч настоящих денег и сто тысяч виртуальных кредитов.

- Товар с правом на бесконечное копирование? - уточняю я.

- И индивидуальный ценз, - кивает Фадук.

Деньги большие, но оно того стоит. Если не пригодится против киборга-убийцы, может понадобиться потом. В крайнем случае, перепродам. Надо будет только заплатить ассасинам за изменение ценза - программы, которая позволяет пользоваться вирусом только мне.

- Я согласен. Когда будет готово?

- Послезавтра, - обещает Фадук.

- Отлично, - я встаю. - Нужно внести предоплату?

- Да, половину, - клерк разворачивает терминал ко мне.

Я вставляю кредитку и перевожу на указанный ассасином счёт пятьдесят тысяч кредитов и пять тысяч реальных денег. Поскольку виртуальность связана с Сетью, в ней можно управлять любыми счетами, так что это не проблема.

- Благодарю, - говорит Фадук, проверяя состояние счета Аламута. - Самовывоз или прислать вам посылку?

- Лучше посылку.

- Как угодно.

Я выхожу из кабинета. Клерк не провожает меня - здесь это не принято. Дивы по-прежнему таращатся на меня в полутьме: не пытаюсь ли я вынести то, за что не заплатил. Но я чист, как дитя, и спокойно прохожу мимо них по коридору.

Покинув башню, ступаю на мост и добираюсь до автомобиля.

Защитные системы замка скрыли мой визит, так что безопасники не знают, кто посещал Аламут. Разве что они следят за пространством вокруг башни, но это маловероятно, да и ассасины наверняка как-то позаботились об этом. Может быть, воронье, кружащее над замком, создаёт помехи, или применяется ещё какой-то способ, но до сих пор Конторе не удавалось вычислить клиентов Аламута.

Я еду домой, в свой особняк. Собственно, бортовой компьютер знает дорогу, и необходимость вести машину отсутствует, так что я вызываю в сознании меню. Выбрав «Выход», отключаюсь от виртуальности, стаскиваю с себя шлем и комбинезон, отправляюсь в душ, затем - в кровать. Ужасно хочется спать, и я проваливаюсь в объятия Морфея, едва голова касается подушки.

Глава 8

Мария бросила меня из-за того, что я якобы наживаюсь на смерти. Именно она открыла мне печальный факт, что люди редко приносят друг другу радость, даже если любят друг друга.

Можно сколько угодно рассуждать о любви и гармонии семейных отношений, но зачем? Мы потеряли свой рай ещё на заре времён, и с тех пор цепляемся за минутные радости, а потом оглядываемся назад и не можем понять, на что растратили жизнь.

Человек обречён на одиночество. Только он понимает себя, только он любит себя, только наедине с собой он в безопасности.

В зелёных глазах моего внука я вижу равнодушие. У него нет привязанностей, он никого не любит и не жалеет. И я завидую ему - потому что это делает его сильнее меня.

Ева считает, что пустыми его глаза сделала болезнь, но она дура. Болезнь - это страдание, и оно должно было бы наполнить их, но этот ребёнок не знает, что такое боль, он знает только вид крови, вытекающей из его тела.

Я не знаю, программа мой внук или аватар реального человека: его «заказали» Виктор и Ева. Сами они - личины, и я не думаю, что юзеры, управляющие ими, - дети. Подозреваю, что это семейная пара, воплощающая в виртуальности свои фантазии о лёгкой жизни за чужой счёт. Что ж, каждый ищет в Киберграде что-то своё. Возможно, какой-то юзер захотел прожить жизнь заново, с самого начала, и согласился вселиться в моего внука.

Я листаю на терминале страницы с электронными копиями картин - выставка называется «Мотив скитания в живописи разных эпох». Это одна из моих любимых подборок, я часто её пересматриваю.

Открываю полотно Антона Лосенко. На нём изображён Каин. Он один, смотрит за край картины, где, очевидно, находится тело убитого брата. У его ног - пастуший посох Авеля.

Немногие знают смысл этого библейского сюжета. Большинство думает, будто Бог проклял Каина за убийство родственника, но давайте вспомним Авраама, собиравшегося принести в жертву собственного сына. Насколько я помню, его считают праведником.

Нет, мне кажется, дело не в убийстве, и не в родстве. Бескровная жертва Каина свидетельствовала о его гордыни, о том, что он считал себя безгрешным, в то время как кровавая Авеля говорила о смирении. И Бог милосердно напомнил первому о его

грехе, дал возможность раскаяться. Каин же не внял и, словно в насмешку над Господом, принёс ему в виде «кровавой жертвы» собственного брата.

Впрочем, глядя на картину, я думаю не о смысле притчи, а лишь о том, что Каин, первый братоубийца, был одинок. Не познал ли он себя лучше, чем человек, окруженный любовью родных и близких? Сколько он, должно быть, смог бы рассказать о том, что мучает пытающихся найти себя и обрести скромное место в жизни.

С другой стороны, нужно ли это познание? Да и возможно ли оно? Что, если Каин в конце концов просто сошёл с ума?

Я не желаю искать ответы на вечные вопросы. Это представляется мне бессмысленным и бесполезным. Я мечтаю плыть на роскошной белой яхте, опуская иногда руку в прозрачный поток и вынимая из него рыб, которые придутся мне по вкусу.

Закрываю сайт картинной галереи - перерыв закончен.

Сегодня третий день, как я вернулся из Германии, и от Шпигеля неожиданно пришло письмо, в котором он настоятельно просит меня приехать и намекает на какие-то «особые и деликатные обстоятельства». Похоже, он не понимает, что я занимаюсь делами и не могу мотаться из страны в страну по его прихоти. Пришлось поручить Миле передать Шпигелю, чтобы он изложил своё дело письменно.

Всё труднее удовлетворять потребности клиентов: природа не поставляет нам почти ничего нового - сплошные повторения или столь незначительные вариации, что много за них не попросишь. Похоже, рынок перенасыщен товаром. Конечно, довольствуйся коллекционеры сконструированными при помощи компьютерных программ мутантами, проблема разнообразия исчезла бы, но вместо неё неизбежно возникла б другая: отсутствие эксклюзивности. Сейчас нам платят деньги за то, что каждый приобретаемый экспонат является точной копией реального неродившегося младенца - мы предоставляем экспертное свидетельство, заверенное комиссией по виртуальному товарообороту. Если же каждый доморощенный дизайнер начнёт клепать уродцев, руководствуясь собственной фантазией, ценность каждого экземпляра станет ничтожной, и можно будет закрывать лавочку.

Жаль, генетика не достигла ещё должного уровня, и мы не способны творить на потребу толпе. Но однажды это наверняка произойдёт. А затем, когда подобная практика перестанет зависеть от финансов, непременно появятся гении - настоящие художники от генетики - которые станут создавать шедевры,

наполненные новым, недоступным нам прежде смыслом. Симфонии человеческой плоти, искажённой до неузнаваемости.

О, как мне хочется жить в эту эпоху свершений и поиска новых форм! Незабываемые мгновения взлётов и стремительных падений, рождение звёзд и их гибель, формирование эстетических направлений и борьба за господство над сердцами…

Но всё это мечты, а бизнесмену не следует увлекаться миражами. Лучше быть реалистом.

Пролистав новости, я выключаю терминал и разворачиваю кресло к окну. Оно идёт от пола до потолка - по сути, стеклянная стена, от подножия которой открывается вид на город. Дома напротив и улица напоминают вместе отвесное ущелье, по дну которого движутся автомобили. Далее - безликие коробки со слепыми окнами, железные крыши, похожие на чешую выброшенной волнами на берег и уже слегка подгнившей рыбы, небоскрёбы всех возможных архитектурных стилей, зелёные островки парков и скверов, бледное небо, почти всегда свободное от туч, тонкие далёкие силуэты заводских труб на его фоне - такая картина предстаёт моему взору каждый раз, как я смотрю в окно офиса.

Настроение так себе. Вспоминается наше с Зоей свидание. Почему она оказалась киборгом? Вопрос нелепый, не понятно, кому адресованный, жалкий - и всё же именно его я мысленно произношу раз за разом.

Крупная муха настойчиво бьётся в стекло. Это либо обычное насекомое, либо шпионская программа, пытающаяся проникнуть в небоскрёб. Возможно, конкретно в мой офис. Бесполезно: защитные системы нашей фирмы слишком хороши для такой примитивной и очевидной диверсии.

Мерное жужжание насекомого, сопровождаемое ритмичными ударами о прозрачную преграду, вызывает у меня в памяти нечёткие образы, которые хочется сложить в законченные картины. Вместо того чтобы заняться делами, я пытаюсь волевым усилием удержать появляющиеся в голове куски мозаики, но они тают, стоит переключиться на вновь возникающие.

Поглощенный этим занятием, я неожиданно засыпаю.

Поразительно, как сон проясняет работу мозга: едва погрузившись в дремоту, я чувствую, что пребываю в другом месте, и это ощущение усиливается, пока не перерастает в уверенность.

Я стою в маленькой комнате, оклеенной светлыми цветочными обоями. Люстра, похожая на большого белого жука, уныло свисает с давно не ремонтированного потолка. Эта комната мне знакома - она моя. Я жил в ней много лет назад, ещё

с родителями

Словно отдавая дань прошлому, подхожу к плотной жёлтой занавеске и отдёргиваю её.

За окном идёт дождь: вода косыми струями бьёт в подоконник, брызжет на стекло, барабанит по листве. Дорожка, похожая на положенную параллельно дому линейку, превратилась в красноватую жижу и блестит. Газоны пересечены множеством луж, соединённых широкими ручьями. В них отражается серое небо, превратившееся в сплошное облако. Дальше расположена стоянка автомобилей, а за ней виднеется дорога, по которой шныряют машины - в основном это пикапы и шумные фуры. Деревьев мало, они стоят далеко друг от друга и слегка раскачиваются. Я вспоминаю, что, если взять мокрую ветку в руку, то на ладони останется немного чёрной коры.

Справа от дома находится церковь, и, хотя из окна её не видно, оттуда доносится колокольный звон. Я прислушиваюсь, норовя уловить мелодию, но природа обделила меня музыкальным слухом.

Некоторые верят, что весь мир - храм Господень, и всё, что есть в нём, свидетельствует о величии Творца и призвано петь ему вечную «Осанну». Как же смею я строить своё благополучие на торговле мёртвыми пародиями на Его образ? Или и в этом проявляется замысел Создателя? Не знаю, но иногда задумываюсь.

Раздаётся звонок. Я озираюсь и вижу в углу пластмассовый светло-зелёный терминал. Подхожу и нажимаю кнопку «Ответить».

- Привет.

Это слово раздаётся в тишине пустой комнаты как удар бича. Голос принадлежит Марии.

- Как дела? - спрашивает она.

Я просыпаюсь - сон слетает с меня в одно мгновенье.

Открыв глаза, упираюсь взглядом в небоскрёб корпорации «Генотавр», стоящий чуть правее нашего. Уродливая башня в виде стеклянной спирали, увенчанной золотым кубом. Насколько могу судить, здание изображает цепочку ДНК.

Повернувшись в кресле, запускаю терминал, на котором пишу вирус. Сегодня необходимо закончить работу над важной частью мотивационного модуля - от этого зависит очень многое. Например, насколько ответственно станет «Алеф» относиться к своей задаче. Он должен стараться, но нельзя допустить, чтобы вирус переусердствовал. Соблюдать гармонию, но не в ущерб эффективности - задача крайне непростая. Нужно учитывать множество факторов и логических цепочек. Одна незначительная

на первый взгляд оплошность - и я создам маньяка-убийцу или лентяя, манкирующего обязанностями.

Как только пароль введён, на окна опускаются металлические шторы, а пол, стены и потолок покрываются прозрачной слизью - это визуализация защитных программ, обеспечивающих безопасность во время работы над «Алефом».

На несколько часов погружаюсь в создание вируса и постепенно забываю обо всём - даже про голос Марии в пустой комнате.

Надеюсь, я опережаю хакеров-конкурентов, и именно моя версия «Алефа» окажется лучшей и будет запущена в Сеть. Если, конечно, Голем раньше не пробьётся сквозь защиту и не уничтожит вирус или личность Кармина, или меня самого. Но последнее, пожалуй, трудновато даже для него. По крайней мере, я очень на это надеюсь. Не очень приятно ходить по улицам, зная, что один из множества киборгов вокруг может стать твоим убийцей.

В принципе, я могу закончить работу над «Алефом» в реальности, но это приведёт к значительной задержке: для безопасности я разделил файлы и часть из них записал на идентификацию Кармина, так что, если он умрёт, придётся восстанавливать доступ, а это лишь немногим проще, чем оживить погибшую личину. Конечно, следовало бы, учитывая попытку покушения, перевести все материалы по «Алефу» на мой личный идентификатор, но опыт научил меня не класть яйца в одну корзину. К тому же, возможно, именно этого Голем и добивается.

Уже в машине, по дороге домой, я вспоминаю о Марне. Когда я склонился над ней, чтобы поправить подушку, мне почудился запах карамели, и в нём - что-то знакомое, из далёкого детства. Удивительно, как порой такие мелочи действуют на наше подсознание. Теперь я хочу увидеть Марну снова, хотя понятия не имею, зачем.

Мысли о ней вызывают воспоминания о Зое. Мне жаль, что агент Конторы оказалась киборгом, и трудно поверить, что я мог влюбиться в неё. С другой стороны, чему удивляться? Эти машины настолько похожи на людей, что отличить их практически невозможно. Да и практики у меня в этом

отношении не хватает: в реальности я веду жизнь затворника и почти ни с кем не общаюсь, круг знакомств не расширяю.

Бронированный «Бэнтли» тормозит возле крыльца моего дома, и через пару секунд шофёр открывает мне дверцу.

- На сегодня ты свободен, - говорю я ему перед тем, как подняться по ступенькам и нажать кнопку звонка.

Метрах в десяти проходят доберманы - японские охранные программы высшего качества. Они дополняют стандартные, предназначенные для защиты территории вокруг дома - волчьи ямы и стальные сети под напряжением. Разумеется, всё это - лишь визуализации файрволов и вирусов-убийц.

- Господин Кармин, слава Богу, вы приехали! - восклицает Фёдор, едва открыв дверь. - У нас несчастье!

На его благообразном лице - неподдельная тревога.

- Что случилось?

- Виктор и Ева опять поссорились!

- Ну, это не ново.

- Да, но, кажется, она ему что-то такое сказала, потому что он схватил с полки канделябр и ударил её по голове! Сейчас Ева в больнице, я записал адрес, - Фёдор протягивает мне листок бумаги. - Валя поехала со скорой помощью, я велел ей дожидаться вас там.

Как ни странно, я люблю своих детей. Несмотря ни на что, мы здорово привязались друг к другу за эти годы, и Виктор с Евой по-настоящему вошли в свои роли.

Сунув листок в карман, я спрашиваю:

- Где Виктор?

- Убежал. Мы искали его в доме, но не нашли. Может, он спрячется у кого-нибудь из приятелей.

- Вещи забрал?

- Кажется, нет, - Фёдор выглядит совершенно убитым. Некоторые юзеры настолько погружаются в виртуальность, что забывают, где находятся.

- Обзвони дома его приятелей, - говорю я. - Старайся разговаривать со взрослыми, они Виктора покрывать не станут.

Кивнув, Фёдор направляется к двери, но на пороге оборачивается:

- Не сердитесь на него, господин Кармин, вы же знаете, какой он вспыльчивый!

Я молча смотрю на него, и Фёдор, понимая, что позволил себе вольность, поспешно удаляется.

Господи, зачем я отпустил Генриха!? Теперь придётся вызванивать его по терминалу или вести машину самому. Но шофёр - ещё и телохранитель, и я стараюсь не выходить из дома

без него - разве что в случае крайней необходимости.

Решив не рисковать, набираю номер Генриха.

В результате к больнице я подъезжаю только через час. Первая, кого я там встречаю, - Валентина. Старушка плачет, вытирая слёзы цветастым платком. Я сразу отсылаю её домой: причитания мне здесь не нужны.

Мимо торопливо проходит медсестра с кипой бумаг. Окликнув её, спрашиваю, где Ева Кармин.

- Она в операционной, - отвечает медсестра, притормозив на пару секунд. - Черепно-мозговая травма, - потом, видимо, впечатлённая страдальческим выражением моего лица, добавляет:

- Не волнуйтесь, доктор - прекрасный хирург. Посидите пока в кресле.

В коридоре пахнет смесью лекарств - стандартный букет для поликлиник, аптек и больниц. Чем-то напоминает ту вонь, что царит в цехах моего завода.

Сажусь в указанное кресло. Когда нашим близким угрожает опасность, мы становимся покладистыми, не правда ли?

Время тянется бесконечно долго - как патока.

От неподвижности начинает болеть спина, но мне почему-то кажется, что изменить позу будет предательством по отношению к Еве: ей там долбят череп, а я думаю, как бы поудобнее усесться.

По коридору постоянно дефилируют врачи, медсёстры и санитары, и каждый раз, как кто-нибудь из них появлялся, я напрягаюсь: вдруг они пришли, чтоб сообщить об исходе операции. Каждого из них я встречаю призывным взглядом - вот он я, здесь! Здесь! Подойди и скажи мне что-нибудь! Я сижу здесь так долго, не может быть, чтоб ты появился в коридоре не ради меня!

Но они спешат по своим делам, к другим больным, и большая часть из них, вероятно, даже не в курсе, что в больнице есть Ева Кармин.

Когда я слушал Фёдора, то невольно упрекнул его в излишней впечатлительности, но сейчас, сидя в коридоре, понимаю, что порой виртуальность вытесняет из нашего разума реальный мир, особенно если тот слишком ничтожен или служит источником боли. Правильно это или нет - дилемма неактуальная, поскольку люди редко задаются подобными вопросами: обычно они просто ищут место, где им хорошо.

Бывали случаи, когда погружение в виртуальность предписывалось пациентам в качестве терапии - для профилактики самоубийств. Обычно суициднику сначала позволяли покончить с собой - в виртуальности, разумеется.

Человек мог прочувствовать всё: падение с небоскрёба, удар об асфальт, симптомы острого отравления и так далее. Некоторым показывали последствия их поступка - естественно, негативные. Затем пациентам предоставляли возможность изменить свою жизнь. Программа демонстрировала возможности, которые было бы жаль упустить. Отчаявшийся в реальности человек мог стать в Киберграде, кем захочет. Конечно, имелись определённые трудности с возвращением из виртуальности и адаптации к реальности, но, если верить министерству здравоохранения, благодаря подобной терапии процент самоубийств значительно снизился.

Не в силах больше сидеть, встаю и делаю несколько шагов по коридору. На стенах висят стенды, посвящённые различным болезням. Скольжу по ним взглядом, думая о Еве: если она умрёт, всё будет зависеть от юзера, который носит её личину. Возможно, он не захочет больше воплощаться в мою дочь - тогда придётся устраивать похороны. Если же он решит вернуться, то Ева впадёт на некоторое время в кому.

Виктор в любом случае будет депортирован из Кибергада, причём надолго. Учитывая, что травма нанесена в момент ссоры - то есть покушение не было запланировано - полиция наверняка ограничится временной ссылкой. Так что сына я могу не увидеть в течение года.

К сожалению, больница уже сообщила властям о пациентке с проломленным черепом, так что скоро начнётся расследование. Даже если я, Фёдор и Валентина будем выгораживать Виктора, полицейские всё равно докопаются до истины, тем более, это не так уж сложно: скорая приезжала ко мне домой - значит, инцидент произошёл там. Кроме слуг и меня, отсутствовавшего в тот момент, из подозреваемых остаётся лишь брат пострадавшей. Бинго, и звон наручников!

Я могу лишиться сразу и сына, и дочери.

Всё будет куда проще, если рана не смертельна, и Ева не умрёт. Тогда дело ограничится предупреждением Виктору и частичным поражением в правах.

У меня мелькает мысль помолиться, но я никогда этого не делал. Да и можно ли обращаться к Богу, находясь в Кибергаде? А просить его за виртуальную личину?

Спустя четыре часа мучительного ожидания ко мне подходит медсестра и сообщает, что операция завершилась удачно, и Еву поместят на некоторое время в реанимацию.

- Через пару дней доктор разрешит вам её навестить, - говорит она с ободряющей улыбкой.

Я испытываю неимоверное облегчение: оба ребёнка останутся со мной! Нужно лишь найти Виктора, пока он не натворил глупостей. Прятаться он может очень долго: достаточно оставить тело в надёжном месте и выйти в реальность.

Звоню Фёдору, чтобы узнать о результатах порученных ему поисков.

- Никто не видел Виктора, - печально отвечает дворецкий. - Как Ева, господин Кармин?

- Всё в порядке.

- Слава Богу! Вы привезёте её домой?

- Она в реанимации.

- Но прогнозы…

- Утешительные. Я должен идти, Фёдор.

Отключаюсь.

Как ни странно, инцидент с Виктором и Евой заставил меня задуматься о том, что создание вируса не просто порученное Конторой задание, которое я должен выполнить, чтобы избежать наказания за промышленный шпионаж.

«Алеф» должен быть готов к сроку, иначе Голем уничтожит всё, что так или иначе связано с человечеством, и в огне его ксенофобии погибнут Ева, Виктор, маленькие уродцы, украсившие коллекции сотен жителей виртуальности, мой внук.

Я должен защитить всё это. Смысл существования «Алефа» не просто сохранить человеческие тела - он должен спасти виртуальность, нашу общую мечту.

Возвращаюсь домой. Над Киберградом собираются характерные фиолетовые тучи - это визуализация плановой оптимизации. Скоро она будет запущена, и дождь смоет накопившиеся с последнего раза баги.

Фёдор и Валентина ждут меня в холле. На лицах слуг написано облегчение: ещё бы, ведь без моих детей их жизни потеряют смысл. Что им останется? Убирать да готовить? Этим можно заниматься и в реальности.

- Виктор не объявлялся? - спрашиваю Фёдора.

- Нет, господин Кармин. Что мне следует предпринять теперь?

Если б я знал! Хоть Ева и не умрёт, полицейские всё равно явятся, и, когда они не найдут в доме Виктора, им всё станет ясно.

Убедить их в том, что проломленный череп - результат ссоры, будет трудновато, потому что объяснение, которое сработало бы в настоящей жизни («Он не мог желать ей зла, ведь он её брат!»), не подействует на копов Кибергрaда: родственные связи между юзерами недоказуемы. Разве что они назовут свои идентификаторы, но никто этого не сделает: анонимность - настоящий фетиш виртуальности.

- Ничего не предпринимай, - говорю я Фёдору.

Дворецкий с сомнением качает головой.

Я понимаю: он думает, будто Виктор слишком боится меня, чтоб вернуться. Что ж, если это так, то щенок прав. Кем бы он ни был в реальности, здесь я его отец, и он получит по первое число, как только я до него доберусь!

Поднимаюсь в спальню и, не раздеваясь, ложусь на кровать. Я устал и проголодался, так что вызываю меню и, выбрав кнопку «Выход», погружаюсь в привычную метель, чтобы через пару секунд оказаться в реальном мире.

Прежде всего, просматриваю результаты работы программ-помощников. Мне нужно найти тонкую грань между справедливым наказанием и искоренением инакомыслия. Я не хочу становиться палачом. Если задумка Стробова и его команды такова, если они выбрали меня, прознав каким-то образом о моей ненависти к киборгам, и рассчитывают получить оружие геноцида, то их ждёт сюрприз: я позабочусь о том, чтобы «Алеф» нельзя было перенастроить, превратив в чуму для искусственных интеллектов, потому что ещё сильнее, чем киборгов, я ненавижу тоталитаризм и ограничение свобод.

Спустя пару часов понимаю, что не в состоянии делать больше ничего: глаза слипаются, спину ломит от долгого сидения перед терминалом.

Иду в туалет, затем принимаю душ, ужинаю разогретым цыплёнком и, едва живой, заваливаюсь в постель.

В Киберграде в этот время, наверное, начинается дождь - вода смывает с города программные косяки.

Сон наползает на меня, подминает подобно дикому зверю, и я засыпаю.

Мне снится жёлтая, освещённая полуденным солнцем стена. У основания лежат кусочки облупившейся краски. Мухи то и дело

садятся на пыльную поверхность, переливаясь зелёными, оранжевыми и жёлтыми брюшками. Крылья плотно прижаты к спине, в пёстрых фасеточных глазах мозаично складывается мир.

Мы с девочкой, живущей в соседнем дворе, зорко следим за передвижениями насекомых. На моей подружке короткое белое платье в жёлтый горошек, загорелые ноги исписаны белыми царапинами. Золотые волоски блестят на голой руке.

Она складывает ладошку лодочкой и стремительно накрывает понравившуюся ей тёмно-синюю муху. Затем с улыбкой подносит кулачок к уху и секунд десять слушает прерывистое низкое жужжание. Кого-то она мне напоминает. Не из прошлого - из настоящего…

- Хочешь? - спрашивает девочка, глядя на меня счастливыми голубыми глазами.

Веснушки на переносице похожи на брызги пыльцы.

Я киваю, и она протягивает руку к моему уху. Жужжание невидимого насекомого зачаровывает, и мы стоим перед залитой солнцем жёлтой стеной, забыв обо всём на свете.

Утром долго не могу встать. Приходится взять себя в руки, чтобы вылезти из постели. Принимаю контрастный душ, затем плетусь на кухню. Аппетита нет, и я ограничиваюсь кружкой крепкого чая.

Вспоминаю, что надо пополнить запас «Гипноса». Звоню Нику и прошу прислать мне упаковку с ампулами.

- Ты всё время сидишь в Киберграде, что ли? - усмехается он.

- Приходится.

- Всех денег не заработаешь. Или ты решил туда переселиться?

- Увы, это пока не возможно, сам знаешь.

- Знаешь, я давно хотел спросить: почему ты не покупаешь «Гипнос» в аптеке, как большинство? Зачем каждый раз звонишь мне?

- Потому что твой «Гипнос» - совсем другое дело, ты и сам это отлично знаешь.

Ник польщено смеётся. Да, он знает. Дома у моего помощника лаборатория, где он производит абсолютно чистый продукт, качество которого аптекарям и не снилось. Надо ли пояснять, что эффект погружения с «домашним средством» Ника

куда круче, чем с обычным, фабричным «Гипносом»?

- Будет тебе пополнение запаса. К вечеру.

- Спасибо, братишка.

Некоторые называют завсегдатаев Кибергада наркоманами. Особенно тех, кто работает лишь для того, чтобы купить «Гипнос» и оплатить серверное пространство в виртуальности. Однако, если здесь и есть какая-то зависимость, то психологическая, а не физиологическая. Тем более, речь не идёт о причинении вреда здоровью. Правда, когда-то имели место случаи смерти от истощения или обезвоживания - некоторые юзеры отказывались прерывать нахождение в виртуальности, несмотря на здравый смысл. Но с тех пор ввели систему сигнализации, оповещающую пользователей о необходимости соблюдать режим, а, кроме того, при возникновении угрозы жизни - например, если человек пребывает в Кибергарде слишком долго - происходит автоматические отключение и блокировка на ближайшие два часа. Этого времени достаточно, чтобы юзер опомнился, попил и поел.

Так что в виртуальности зависает надолго лишь тот, кто совершенно неудовлетворён реальной жизнью. В цифровом мире он находит то, чего лишён в действительности. Но даже ему приходится регулярно возвращаться из Кибергада, чтобы заработать на «Гипнос», еду и оплату счетов. Так что отрыв от реальности и уход в виртуальность никогда не бывает полным. Ну, разве что у вас полно денег, и вы не работаете, а слуги вводят вам внутривенно калории, растирают мышцы, чтобы не появились пролежни, выносят утку и вставляют в вашу уретру катетер. Но такие случаи уникальны, так стоит ли говорить о них?

Я делаю инъекцию и надеваю комбинезон. Снежный буран встречает меня, и я, продравшись сквозь него, оказываюсь в особняке. Быстро одевшись, спускаюсь и выхожу на улицу. Шофёр ждёт меня у крыльца. Мы едем в офис, где я забираю у секретарши избранную корреспонденцию - в основном, послания от благотворительных обществ с просьбами о пожертвованиях, благодарности и приглашения. Мила делает для меня такие подборки на случай, если я захочу прочесть кое-что в дороге. Как, например, сегодня.

Мы едем в больницу, и я просматриваю письма при помощи планшета. На некоторые - сразу отвечаю.

Одно из посланий от Шпигеля.

Что опять нужно этому настырному немцу?

Я начинаю читать. Письмо кажется мне странным и производит неприятное впечатление: оно содержит туманные намёки, не имеющие отношения к бизнесу, зато касающиеся

Марны.

В конце Шпигель сообщает, что двадцать третьего приедет в Кибeрград. Окликнув Генриха, спрашиваю, какое сегодня число.

- Двадцать четвёртое, господин Кармин, - отвечает шофёр, не оборачиваясь. - Четверг.

Значит, Шпигель уже здесь. Ясно, что он хочет о чём-то со мной поговорить, но не понятно, к чему такая спешка.

Марна, Марна… При чём здесь она? Не собирается же Шпигель сватать за меня свою дочь?

Лучше бы приехала она сама…

Размышляя над странным поведением Шпигеля, не замечаю, что мы уже подъехали к больнице.

В регистратуре меня ждёт неприятный сюрприз: оказывается, состояние у Евы ещё тяжёлое, и её нельзя беспокоить.

- Приходите, когда мы переведём девочку в палату, - говорит медсестра. - Когда это будет, пока не известно, так что звоните, спрашивайте. Чтоб зря не ездить.

Чертыхаясь и проклиная всё на свете, я отправляюсь домой. По дороге письмо Шпигеля попадается мне на глаза и я перечитываю его.

Немец в Кибeрграде, но до сих пор не объявился. Возможно, он собирается убить меня или проникнуть на сервер. Но зачем предупреждать о приезде? И самое главное - при чём здесь Марна?

Дома меня встречает Фёдор. Вид у него расстроенный.

Из глубины дома доносится запах готовящейся еды - Валентина хлопочет на кухне.

- Виктор не объявлялся? - спрашиваю я дворецкого.

- Нет, господин Кармин.

- Ты ведь скажешь, если он придёт к тебе, Фёдор? - говорю я как бы между прочим.

- Конечно, господин Кармин, тотчас же.

Уверен, если Виктор попросит его, он будет молчать. Возможно, и сейчас просто-напросто прячет его где-нибудь.

- Я буду в кабинете.

- Вам посылка, господин Кармин. Я оставил её здесь, - Фёдор указывает на белую коробку без логотипов.

Подхожу к столику на витой ножке и кладу руку на картон.

Что это? Бомба от Голема? Нет, охранные системы дома не пропустили бы её.

Справа имеется карточка. Переливающиеся буквы складываются в слово «Аламут», едва я касаюсь её. Ага! Это моё оружие.

Беру коробку подмышку и направляюсь к лестнице, но дворецкий снова останавливает меня:

- Вам звонил Август Шпигель. Просил передать, что вы сможете найти его по этому адресу, - Фёдор протягивает мне листок.

- Спасибо.

Дворецкий уходит, а я, поднимаясь по лестнице, пробегаю адрес глазами. Гостиница «Мильтон». Вполне приличное место, номера там стоят недёшево, и обслуживание на уровне. Сажусь за стол, придвигаю терминал и набираю указанный на листке номер. Секунд десять прислушиваюсь к длинным гудкам. Наконец, раздаётся знакомый голос:

- Шпигель у телефона.

- Это Кармин. С приездом. Мне передали, что вы хотите со мной поговорить.

- О, да! - слышно, что Шпигель рад моему звонку. - Ради этого я и прилетел.

- Почему же не зашли в офис?

- Видите ли, у меня дело личного характера. Мне бы не хотелось… при посторонних.

- Слушаю вас.

- О нём неудобно говорить по телефону. Можем мы где-нибудь встретиться?

- Это действительно срочно?

Какое у Шпигеля *личное* дело? Он что, бредит? Решил, что мы друзья?

- Уверяю, дело не терпит отлагательств! - кажется, Шпигель взволнован.

- Через полчаса смогу вас принять, - говорю я. - В офисе.

- Но…

- Я отпущу секретаршу. Никто нам не помещает: мы будет совершенно одни.

- Что ж, тогда ладно. Выезжаю, - Шпигель отключается.

Я встаю из-за стола и делаю несколько кругов по комнате. Немец ведёт себя странно и вполне может оказаться сообщником Голема. Вот только, если он хочет меня убить, то к чему такие сложности? Зачем настаивать на встрече? И уж тем более, ни к чему соглашаться приехать ко мне в офис, где у меня (и Шпигель не может этого не понимать) установлена надёжная защита от

вирусов. А любое оружие в виртуальности так или иначе представляет собой вредоносную программу, разрушающую личину.

Размышления ни к чему не приводят, и я, вызвав шофёра, отправляюсь в офис. Может, не стоило бы встречаться со Шпигелем вовсе, но любопытство пересиливает осторожность и заставляет меня рискнуть.

По дороге открываю посылку (пришлось взять её с собой) и достаю упаковку плотно уложенных патронов. Заряжаю ими револьвер. Не хотел бы я быть киборгом, явившимся убить Кармина.

В офисе отпускаю секретаршу домой и прохожу в кабинет, оставив дверь открытой.

Ждать приходится недолго. Минут через десять на пороге возникает Шпигель. Завидев меня, он широко, но несколько напряжённо улыбается.

- Входите, - говорю я, не вставая с кресла. - Как дела на заводе? Прошу вас, садитесь.

- Всё прекрасно, герр Кармин, - отвечает немец. - Благодарю вас.

- Я, к сожалению, не мог принять ваше приглашение снова приехать в Германию, герр Шпигель. Очень много работы.

- Ну, что вы, я понимаю, - он кивает.

Шпигель кажется мне несколько скованным. Несколько секунд мы молча глядим друг на друга.

- Вы хотели о чём-то поговорить? - напоминаю я, решив прервать эту нелепую паузу.

Шпигель заволновался - словно я ткнул пальцем во фруктовое желе: провёл ладонью по волосам, потёр подбородок, робко улыбнулся, несколько раз сморгнул.

Что же ему нужно?

- Да, герр Кармин, - произнёс он, наконец, поёрзав в кресле. - Дело в том, что я не понимаю, почему вы так со мной поступили. Мне казалось, мы с вами коллеги и даже почти друзья. Вы были моим гостем, и, я принял вас весьма радушно, поэтому никак не могу взять в толк - зачем вы это сделали?

Я недоумеваю. О чём говорит Шпигель, и к чему изъясняться намёками, тем более, раз мы одни, и никто нас не слышит? Он хочет, чтобы я догадался, что он имеет в виду? Но это ребячество, и совсем не похоже на Шпигеля.

- Я не понимаю, герр Шпигель, что вы имеете в виду.

Он смотрит на меня с укором. Выражение его лица приобретает сходство с мордой спаниеля.

- Не понимаете?

- Нет.

И вдруг я понимаю: это игра! Он притворяется, валяет дурака, чтобы подогреть мой интерес, а затем огорошить. Хитрая тварь!

Но этот спектакль не вяжется с покушением. Шпигель явно не собирается убивать меня - ему нужно что-то другое.

Теперь мне действительно интересно, какую игру задумал мой немецкий партнёр и по чьей указке он действует. У него нет при себе оружия: по дороге в мой кабинет ему пришлось пройти не через один сканер. Так чего же он хочет?

Ждать разгадки долго не приходится: всплеснув руками, Шпигель восклицает:

- Побойтесь Бога, герр Кармин, вы изнасиловали мою дочь!

Я невольно приподнимаю брови.

Обвинение Шпигеля смешно: как можно принудить кого-то в виртуальности, где человек в любой момент может выйти в реальный мир? Секс же с личной, лишившейся хозяина, едва ли способен кого-то вдохновить.

Кроме того, у нас с Марной ничего не было. В этом я пытаюсь убедить Шпигеля. Мои доводы звучат более чем адекватно, однако он упорно отказывается верить, намекая, что я выкручиваюсь.

Мне становится всё интереснее, к чему он ведёт. Несколько минут мы ещё обмениваемся репликами, но уже ясно, что дискуссия себя изжила.

- Я до сих пор не заявил в полицию только потому, что мы с вами коллеги, - говорит Шпигель. - Хотел сначала переговорить с вами.

Кажется, Шпигель решил меня шантажировать, для чего и придумал историю с изнасилованием. Но у меня ещё есть сомнения в том, что передо мной не сообщник Голема, а всего лишь алчный юзер. Требуется подтверждение, и весомое.

Я молча смотрю на Шпигеля. Он некоторое время ждёт моей реакции, но, догадавшись, что её не будет, ещё раз упоминает полицию.

Я не отвечаю, и в кабинете воцаряется тишина.

Шпигель глядит в сторону, а я на него. Становится слышно, как под потолком летает муха. В реальности насекомых больше не существует - кроме тех, кого разводят в лабораториях и питомниках. Природа поглотила всё живое, исказив и превратив в единое нечто.

Нужно решать, что делать с назойливым немцем. Его присутствие меня раздражает, но ясно, что так просто он не уйдёт.

- Что вы хотите, герр Шпигель? - спрашиваю я прямо. - Мы с вами деловые люди, так что не юлите. Довольно этого спектакля с изнасилованием.

Он бросает на меня быстрый взгляд и понимает, что я его раскусил. Больше он не прикидывается: с узкого лица сходит выражение спаниеля, и на губах появляется тонкая усмешка.

- Я хочу, чтобы вы сделали меня полноправным владельцем немецкого филиала, - говорит Шпигель.

Это нагло. Нагло и несправедливо. Я должен ни за что ни про что отдать завод, построенный на мои же деньги? И, между прочим, не только на мои.

Неужели Шпигель рассчитывает, что нелепое, надуманное обвинение способно настолько испугать меня?

Я смотрю на немца и вдруг понимаю: да, это он! Сообщник Голема, стрелявший в меня на охоте и теперь явившийся, чтобы проникнуть в мою фирму и получить доступ к системам и файлохранилищам. Значит, Голем уверен, что я - один из хакеров, нанятых Конторой. Его возможности поражают и пугают.

Но этот агентишка с дурацкой попыткой шантажа… Как мне относиться к нему? Воспринимать всерьёз не могу, но и проигнорировать опасаюсь. Дилемма.

Смотрю на Шпигеля: неужели он думает, что я не понимаю его намерений и пущу чужака в свою фирму?

Если он шпион Голема, значит, не человек. Киборг. Ненавистная машина.

Во мне появляется и растёт злость. Я сижу, ожидая, когда она охватит меня целиком.

Вспоминаю о Зое. Это лишь усугубляет дело.

Я должен что-то сделать, чтобы избавиться от гнева.

План с лихорадочной скоростью зреет у меня в голове: картинки, образы и обрывки мыслей мечутся в черепе подобно набившимся в банку насекомым, складываясь в цепочку действий. В ней ещё остаются незначительные пробелы, но они не имеют решающего значения, о них можно подумать позже, когда совершится основное.

Я не могу сопротивляться растущей во мне потребности. Поступить иначе будет просто… противоестественно.

- Что ж, герр Шпигель, - говорю я, вставая. - Должен признать, вы меня удивили.

Немец иронически кланяется, уверенный, что я принимаю его правила игры и признаю поражение.

Теперь, когда я знаю, что предпринять, мне смешно смотреть на него, но я продолжаю серьёзным тоном:

- К сожалению, мне пришлось отпустить секретаршу, так что

с документами придётся подождать, - я неторопливо обхожу кабинет.

Муха снижается, и её жужжание становится слышнее. Она не может быть шпионской программой: ничто не пробилось бы сквозь защиту небоскрёба и моего офиса. Откуда же взялось насекомое?

- Время терпит, - говорит Шпигель, следя за мной. - Я дам вам три дня.

Он наглеет прямо на глазах. Что ж, тем лучше.

- А скажите, герр Шпигель, - говорю я, останавливаясь напротив него, - Марна тоже в этом участвует?

Он улыбается. Мне очень хочется расквасить его мерзкую физиономию.

- Что вы имеете в виду?

- Вы с ней с самого начала задумали это?

- Нет, герр Кармин, - Шпигель поднимается. В его голосе появляется ленца победителя: видимо, он собирается уходить. - Но не сомневайтесь, в случае надобности Марна подтвердит всё, что я скажу. Она послушная девочка, - он оглядывается на дверь. - Что ж, полагаю, мы поняли друг дуга. Я, пожалуй, пойду. Помните, три дня.

- Посидите ещё, - произношу я самым любезным тоном, на какой способен, и прежде чем Шпигель начинает протестовать, вынимаю из подмышечной кобуры «Кольт Питон».

Я стреляю трижды - прежде, чем киборг успевает выйти из виртуальности. Шпигель тяжело падает в кресло, из которого только что поднялся.

Теперь он - всего лишь мешок с костями. На груди у немца быстро растет красное пятно, но это ерунда - просто компьютерный эффект. Куда важнее, что содержащийся в пуле вирус устремляется в кремнийорганический мозг киборга-юзера и выжигает его подобно напалму. Где-то в реальности мой враг превращается в бесполезную оболочку - куклу, органика которой очень скоро начнёт гнить, распространяя запах тления.

Я спокоен. Выстрелов никто не слышал: все офисы в здании имеют звуконепроницаемую обшивку.

Достаю из шкафа рулон целлофана - мы держим его для клиентов, которые любят надёжную упаковку, - и, расстелив на

полу, перекладываю на него тело Шпигеля. Теперь надо подумать, как перенести труп в машину. Какое-то время ломаю над этим голову, и, наконец, меня осеняет: лучше я сам доставлю в кабинет всё необходимое!

Заперев офис, спускаюсь к машине и приказываю Генриху отвезти меня домой. По дороге мной овладевает лёгкая эйфория: то, что в моём офисе лежит труп, будоражит. Казалось бы, это должно вселить в меня тревогу, но я чувствую только бешеную работу ума. Моё состояние напоминает азарт: я словно выбросился из самолёта с парашютом и, хотя уверен, что он раскроется, всё же допускаю, что может случиться непоправимое.

Кажется, в моей голове работает компьютер, обрабатывающий огромное количество информации, чувств и эмоций. Я нисколько не боюсь и не испытываю угрызений совести. Не только потому, что защищался (это можно объяснить Конторе, но не полиции Киберграда), да и убил не человека, а киборга (для правосудия разницы нет). Просто со мной, наверное, что-то не так. Для меня случившееся - всего лишь очередная взятая преграда на пути к мечте. Ну, почти взятая. Впереди - полицейское расследование, так что расслабиться мне не удастся ещё долго.

Дома я отпускаю шофёра, а сам иду в гараж и сажусь в спортивный «Лотус». Славная машинка. Я приобрёл её два года назад на автомобильной выставке и до сих пор пользовался всего пару раз - собственно, мне нравится просто смотреть на красивые машины, а не водить их.

Еду на завод нашей фирмы, где, воспользовавшись личным кодом доступа (это означает, что никто меня не видел, и даже охранные программы не зафиксировали факт моего присутствия), беру три канистры азотной кислоты. Сложив их в багажник, отправляюсь в офис. Чтобы не встретиться ни с кем внутри небоскрёба, решаю воспользоваться служебным лифтом: рабочий день окончен, и он уже никому не нужен. Через несколько минут я незамеченным прохожу в свой офис и запираюсь.

У меня в офисе есть ванная. Раньше приходилось работать сутками, и при этом всегда отлично выглядеть - вот и пришлось установить. Увы, даже в виртуальности деньги не падают с неба.

Беру Шпигеля под мышки и тащу, тщательно следя за тем, чтобы натёкшая на целлофан кровь не запачкала ковёр. Ванная комната большая, пол выложен кафельной плиткой. Укладываю труп посередине - так, чтобы вокруг осталось достаточно места, и было удобно работать. Возвращаюсь в офис и выдвигаю один из ящиков стола. Достаю кожаный чемоданчик и, щёлкнув замками, извлекаю аккуратно сложенный набор хирургических

инструментов. С их помощью можно не только разделать виртуальную личину, но и обнаружить все имплантаты, которыми её напичкали. Очень полезная вещь, а для человека, промышляющего тем же, чем я, просто незаменимая.

Раздеваюсь догола, чтобы не стирать потом одежду - этому я научился у Альберта Фиша - и отправляюсь в ванну, где, разложив инструменты на полу, приступаю к делу.

Прежде всего, срезаю со Шпигеля одежду. Затем вооружаюсь одним из скальпелей и вскрываю брюшную полость, делая разрез от грудины до лобковой кости. Интересно, что слово «скальпель» переводится как «нож», но орудовать им гораздо удобнее - по крайней мере, если вы собираетесь не травмировать органы, а извлекать их один за другим. Используя распорки, фиксирую края раны и запускаю левую руку под сердце. Отсекаю лезвием все, что удерживает его в человеческом теле, и достаю. Кровь струится по моим рукам, капает на пол и распростёртый труп. В голове моей звучит «Вхождение богов в Вальхаллу», я едва удерживаюсь, чтобы не начать напевать мотив бессмертного Вагнеровского произведения. Просто поразительно, как то, что сделано человеком, переживает своего создателя и начинает обретаться в вечности - в то время как автор гниёт в земле, становясь пищей для червей.

Извлечённые органы я вскрываю и тщательно изучаю, но нигде не нахожу того, что может навести меня на след Голема. Тело Шпигеля чисто. Словно ренегат предвидел развитие событие и позаботился о том, чтобы смерть подельника не обратилась против него.

Покончив с внутренними органами, беру пилу и начинаю вскрывать черепную коробку. Ванная наполняется запахом костяной пыли. Вынимаю мозг и терпеливо нарезаю его тонкими ломтиками - как при определении инсульта - но и здесь терплю фиаско. Просто удивительно, что личина не имеет совершенно никаких имплантов. Хотя, если её создали специально для того, чтобы подобраться ко мне…

Вооружаюсь пилой побольше и принимаюсь на конечности. Прежде всего, разделяю их по линии суставов - а затем получившиеся куски - вдоль. Надо ли говорить, что вся ванная и я покрыты кровью и ошмётками плоти? Работа грязная, но - увы - необходимая.

Наконец, я убеждаюсь, что тело Шпигеля не даст мне никакой ниточки, ведущей к Голему. Жаль сил и потраченного времени, но должен был проверить.

Скользя по крови, забираюсь в ванну и открываю воду. Тщательно намыливаюсь и оттираюсь: кое-где кожа уже

покрылась засохшей бурой коркой. Выбираюсь и набираю на пульте управления режим очистки. Тотчас включаются скрытые от глаз форсунки, и кровь смывается с пола, потолка и стен мощными струями воды. Всё стекает в решётку, и спустя пару минут ванная выглядит так, словно в ней никогда не разделывали труп.

Достаю из шкафа полотенце, вытираюсь и вешаю его обратно. Несмотря на проделанную работу, чувствую себя бодрым и полным сил. Но ещё не всё - остался финальный штрих.

Сложив куски Шпигеля в ванну, открываю канистры и выливаю их содержимое на то, что прежде было нахальным немцем. Процесс сопровождается громким шипением: кислота начинает действовать, едва попав на плоть.

У меня нет ни малейшего желания получить ожог лёгких, так что я выхожу из ванной, запираю дверь, одеваюсь и сажусь в кресло - теперь остаётся только ждать.

Происходящее напоминает мне сцену из романа Оскара Уайльда «Портрет Дориана Грея»: там несчастного художника, убитого главным героем, растворяют в химической ванне. Вероятно, из этой книги я подсознательно и позаимствовал идею, за что автору - низкий поклон.

Размышляя на эту тему, вдруг понимаю: в романе Уайльда герой тоже носит личину, скрывая свой истинный облик на чердаке под дерюгой - до тех пор, пока не решается заглянуть в свою душу. Это ли не предвестник виртуальности с её вечно молодыми и прекрасными лицами, скрывающими все пороки?

Вынимаю из кобуры «Кольт Питон» (люблю его после «Молчания ягнят») и кладу на край стола. Несмотря на произведенный выстрел, сейчас в нём не пять, а шесть патронов. Если ты покупаешь вирус в форме боеприпаса, его можно копировать бесконечное число раз - он навечно твой. Правда, рано или поздно против него изобретут антивирус, но пока этого не произошло, им можно пользоваться. Более того, я заплатил ассасинам за идентификационный ценз, что означает, что только я могу стрелять этими пулями. Не знаю, пригодятся ли они мне ещё - всё зависит от того, сколькими помощниками Голем готов пожертвовать. Если он умён и в курсе плана Шпигеля, то наверняка свяжет его исчезновение со мной. Остановит ли это ренегата? По правде сказать, не думаю. Тот, кто задумал избавиться от человечества, едва ли станет «мелочиться». Скорее всего, для него любое количество киборгов, погибших от аламутовского вируса, - цена приемлемая.

Я жду четыре часа, занимаясь созданием «Алефа». Затем встаю и иду в ванную. Тело Шпигеля почти растворилось: в

мутной жиже виднеется только скелет. Я снова запираю дверь и возвращаюсь к работе над вирусом. Параллельно обдумываю сложившееся положение:

Знает ли кто-нибудь, что Шпигель собирался встретиться со мной? Должна знать Марна.

Знает ли кто-нибудь, что Шпигель пытался встретиться со мной? Знает Фёдор.

Знает ли кто-нибудь, что мне было известно, где найти Шпигеля? Знает Фёдор.

Знает ли кто-нибудь, что я встречался со Шпигелем? Вряд ли. По крайней мере, мне такой человек не известен.

Знает ли кто-нибудь, что Шпигель мёртв, найдено ли его тело, можно ли доказать, что смерть была насильственной? На все вопросы - нет.

Остаётся только слить куда-нибудь то, что останется от тела Шпигеля. К счастью, это не проблема.

А как объяснить, что после звонка немца я отпустил из офиса секретаршу? Впрочем, свидетелей того, что мы с ним говорили, нет, я ведь звонил не при дворецком. Хотя, в Сети наверняка зафиксированы все звонки.

Итак, что мы имеем? Доказательства того, что мы со Шпигелем общались после его приезда в Киберград - косвенные, но весьма убедительные.

Доказательства того, что у меня был мотив его убить - только свидетельство Марны. Впрочем, немец, возможно, не лгал, и она действительно не в курсе его махинаций.

Ах, да, ещё письмо. Его необходимо уничтожить. Я стираю все копии, не откладывая дело в долгий ящик.

Отрицать факт встречи со Шпигелем опасно: это может вызвать подозрения, и, прежде всего, у Марны. Следовательно, мы с ним виделись. Но зачем? Придётся сочинить две версии: одну для полиции, другую для Марны.

Первая такова: встреча была деловая, мы обсуждали вопрос расширения деятельности немецкого филиала, Шпигель хотел строить завод в Австрии, я согласился, что стоит прощупать почву, и послал его с этим поручением в Вену. С тех пор я его не видел.

Сложность в том, чтобы сымитировать отъезд Шпигеля.

Теперь версия для его дочери. Нужно написать Марне письмо, сообщающее, что её отец добился, чего хотел (в курсе она шантажа или нет - такое послание подойдёт в любом случае), и теперь отправился в Австрию, чтобы проверить, нельзя ли построить завод и там. Таким образом, обе версии не будут противоречить друг другу.

Не теряя времени, пишу письмо в Германию. В адресной строке вывожу «Марне Шпигель» и нажатием клавиши отправляю его в Берлин 2.0.

Теперь нужно сделать вид, что Шпигель действительно уехал. Минут десять размышляю, а затем выхожу на улицу и набираю номер авиационной кассы с общественного терминала на углу. Услышав в ответ «Да, я вас слушаю», заказываю билет до Вены на завтрашний рейс от имени Августа Шпигеля. Оплату произвожу с банковского счёта немецкого филиала фирмы: это не должно вызвать подозрений, ведь он - управляющий, а поездка деловая. Всё очень просто и логично.

Остаётся лишь убрать останки из ванной. Возвращаюсь в офис и с помощью стеклянной трубки переливаю содержимое ванны в канистры. Приходится использовать ещё одну, запасную: растворившийся Шпигель занимает всё же довольно много места.

Я сношу канистры вниз, кладу в багажник, сажусь за руль и еду за город. По дороге останавливаюсь возле супермаркета и покупаю садовую лопату. Немного покружив, нахожу тихий лесок, в котором и закапываю канистры. Таким образом, незадачливый немец обзаводится аж четырьмя компактными и очень надёжными гробами (говорят, металлопластик практически не разлагается; во всяком случае, кислоту выдерживает, так что, надеюсь, Шпигель обретёт покой). Конечно, можно было спустить останки из ванны прямо в канализацию, но соседи снизу утром непременно учуяли бы запах кислоты и подняли бучу, а мне это совершенно ни к чему.

Что ж, кажется, всё.

Единственное, что меня огорчает - безнадёжно испорченная ванна. Её придётся заменить. Скажу Миле, что разбил ёмкость с кислотой, когда возился с каким-нибудь экземпляром, и попрошу заказать новую. Возможно, на этот раз - из мрамора.

Чувствую лёгкую усталость - как после хорошо выполненной работы. Нужно ехать домой и хорошенько выспаться: завтра утром я собираюсь навестить Еву.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
Ассасины, зомби, контрабанда и шпионские игры

Глава 9

В больнице меня заверяют, что опасности нет, но Еву из реанимации до сих пор не перевели, так что повидать я её не могу.

- Она в сознании? - спрашиваю я врача, стоящего с постной физиономией в полумраке коридора: по какой-то неведомой причине часть ламп на потолке не горит, а одна даже неритмично мигает.

- Нет, - отвечает эскулап, рассеянно глядя мне за спину. - Травма очень серьёзная, нужно время. Не знаю, сколько.

- Когда вы переведёте Еву в стационар? Я хочу её видеть.

- Как только появится уверенность в том, что кризис миновал. Спешить в таких обстоятельствах нельзя.

Я переминаюсь с ноги на ногу. Врач непробиваем: с ним уверенность в собственных знаниях, больничные правила, привычка увещевать родственников пациентов.

- Почему перевод постоянно откладывается?

- Здоровье - вещь не то, что непредсказуемая… прогнозировать можно. Однако гарантировать сложно.

- Я просто хочу убедиться, что дочка скоро вернётся ко мне.

Врач равнодушно кивает. По его лицу видно, что он ждёт, когда я перестану задавать вопросы, и он сможет уйти. Наверное, его ждут другие пациенты, или он намеревается выпить в ординаторской чаю.

- Спасибо, док, - говорю я, отворачиваясь.

- Не за что.

Слышу удаляющиеся шаги.

Ненавижу больницы. Вероятно, как и большинство людей. Это записано в подсознании, с раннего детства. Я читал, что, если вам снится больница, значит, вы боитесь того, что видите.

Ловлю себя на мысли, что боюсь за Еву. Кажется, я слишком увлёкся жизнью в виртуальности и на время потерял чувство грани между нею и действительностью. А может, дело в том, что у меня нет настоящих детей.

«Твоя жизнь скудна, игемон».

Вернувшись из госпиталя, я выхожу из виртуальности.

Сегодня у меня много работы в реальном мире.

Прежде всего, необходимо связаться со Стробовым. Набираю номер полковника, и через пять секунд слышу в трубке его резкий и слегка раздражённый голос:

- Да? Алло.

- Это Орфей.

- А-а… Ну, что там с «Алефом»? Как успехи? Время поджимает, знаете ли.

- С вирусом всё в порядке, будет готов в срок.

- Если получится раньше, мы не будем в претензии.

- Что за спешка?

- Вы и сами отлично знаете. Голем давно находится в Сети, его возможности огромны, и мог поработить не один искусственный разум. Что, если его подельники доберутся до интеллекта, отвечающего за пуск ядерных ракет или за контроль над спутниками? А это может произойти в любой момент.

- Скажите, полковник, а для чего нам ядерные ракеты?

- Что?

- Ну, зачем они нужны? В наше время понятие государства очень относительно, в основном оно сводится к традиционному наименованию территорий. Внешняя политика практически не ведётся, все заняты выживанием - борьбой с Природой. Человечество объединилось перед лицом общего врага…

- Что вы несёте? - резко перебивает меня Стробов. - Ракеты нужны не для того, чтобы наносить удары по мегаполисам, а чтобы сдерживать натиск Природы.

- Но мы ни разу не…

- Потому что целиком этого монстра не выжжешь, а если бить около городов, последствия могут оказаться весьма плачевными. Орфей, этот разговор неуместен. Вы должны сосредоточиться на создании «Алефа». Мы рассчитываем на вас.

Ага, и ещё на десяток хакеров!

- Работаю с предельной скоростью, - смиренно отвечаю я. - Есть объективные причины, по которым вирус нельзя сделать быстрее.

- Это понятно. Просто не забывайте, что сроки поджимают.

- Специально процесс затягивать не стану, - обещаю я. - Кстати, как Голем это делает?

- Что именно?

- Захватывает искусственные разумы. Мне это может пригодиться в работе.

Стробов выдерживает короткую паузу: то ли сомневается, стоит ли отвечать, то ли собирается с мыслями.

- Мы предполагаем, что просто взламывает, как компьютеры.

Как бы ни был развит кремнийорганический мозг, он работает по программе, только очень сложной и разнообразной.

- Значит, все его сообщники порабощены? Перепрошиты? Никто из ИИ не помогает Голему добровольно?

- Это не известно. Возможно, у него есть идейные последователи, но едва ли много.

- Вам хотя бы приблизительно известно, сколько разумов на данный момент подчинил себе Голем?

- Нет.

У меня в голове мелькает мысль, обличается в вопрос, и я невольно закусываю на мгновение губу прежде, чем задать его:

- А не боитесь, что Голем промоет мозги кому-нибудь из ваших сотрудников? Сколько у вас киборгов в Конторе? А искусственных интеллектов, управляющих компьютерами?

Повисает непродолжительная пауза.

- Наши сотрудники предельно лояльны, - отвечает Стробов, чеканя каждое слово. - У нас нет повода сомневаться в их преданности. Не должно быть его и у вас.

- Как лояльность помешает Голему поработить разум? - спрашиваю я, зная, что полковнику не понравится мой вопрос.

- Орфей, займитесь *своим* делом, чёрт бы вас побрал!

- Именно этим я и занимаюсь.

- Голему не добраться до наших сотрудников. Мы предприняли меры.

- Отключили их от Сети?

- Да.

- И тех, кто управляет компьютерами?

- Да. Наши системы надёжно защищены.

- Вы законсервировали их! - доходит до меня. - Поэтому и не можете ничего толком выяснить о Големе. Обычные аналитические программы не справляются, а выпускать в Сеть искусственные интеллекты Конторы вы боитесь.

- Господи, да! - взрывается Стробов. - Мы в полной… - он запинается, но даже через терминал чувствуется, чего это ему стоит. - Теперь вы довольны?

- Вполне. Кстати, у меня для вас информация.

- Какая?! - гаркает полковник.

- Сегодня в семнадцать часов сорок три минуты где-то умер киборг. Или другой искусственный интеллект. Вы можете выяснить его личность?

- Откуда у вас эти сведения? - в голосе Стробова слышна настороженность.

- Я сам убил его.

- Что?

- Это один из сообщников Голема. Был подослан ко мне в Киберграде. Так что теперь у ренегата помощником меньше.

- Сведения точные? Вы уверены, что ИИ мёртв?

- На все сто. Вы можете попытаться отследить контакты погибшего.

- Как звали его виртуальную личность?

- Понятия не имею, - вру я без зазрения совести: скажи я, что прикончил Августа Шпигеля, и Контора в два счёта выйдет на Кармина.

- Ну-ну, - недовольно хмыкает Стробов, не веря мне ни на грош. - Ладно, попробуем найти этого бедолагу. А как он умер? Это облегчило бы нам поиски.

- У него вскипели мозги, - отвечаю я и отсоединяюсь, чтобы избежать дальнейших расспросов.

Всё обошлось как нельзя лучше: Стробов адекватно расценил мой поступок и постарается извлечь из него максимум пользы. Возможно, у него даже получится распутать этот клубок. Хотя вряд ли Голем настолько беззаботен, чтобы оставлять нити, связывающие его с подельниками.

Я не знаю, известно ли Стробову, что произошло между мной и Зоей, но едва ли она ставила его в известность. Не в женских это привычках.

Вот, я всё же воспринимаю Зою как женщину, хотя знаю, что она киборг. С другой, стороны, делает ли это её бесполой? От подобных мыслей можно свихнуться. Голова, во всяком случае, у меня идёт кругом.

Не устрой я тот глупый эксперимент в ресторане, возможно, никогда не узнал бы, кто Зоя на самом деле. Киборги обязаны сообщать о своём происхождении только при вступлении в брак, поскольку не обладают способностью к деторождению, а я едва ли решусь вновь создать семью. В реальности, я имею в виду.

Что было у нас с Зоей? С моей стороны - влюблённость, а с её?

Учёные в один голос утверждают, что киборги способны любить, но откуда им знать? Внешние проявления чувства можно заложить в программу, но каждому хочется верить в то, что кто-то действительно считает его особенными - а киборги такую уверенность дать не могут в силу своей природы. Зато они обеспечивают комфорт непритязательным людям, довольствующимся иллюзией семьи и страсти. Некоторых устраивают покладистые создания, отлично исполнявшие роли супругов - куда лучше, чем это могут делать некоторые настоящие люди. А детей всегда можно усыновить или заказать суррогатное выращивание в «Utero-Swiss Inc.».

Лично не могу поверить, что кремнийорганика способна любить. Хотя мне очень хочется, чтобы Зоя могла. Она так искренне обиделась на меня в ресторане - была ли это искренняя, естественная реакция или тонкая выходка программы?

Дилемма неразрешима.

Зато Зоя, наверное, отлично может объяснить особенности психологии киборгов, раз сама является одной из них - может, поэтому Стробов и послал на встречу со мной именно её?

Спрашивая полковника, не думает ли он, что в Конторе могут появиться киборги-предатели, я не имел в виду, что кто-то из сотрудников департамента безопасности непременно должен переметнуться на сторону Голема лишь потому, что тот - тоже искусственный разум. Предполагать подобное - глупо. Собственно, конторские ИИ должны ненавидеть ренегата: он бросает на них тень.

Я включаю терминал, проверяю, не было ли в моё отсутствие попыток проникновения, и приступаю к работе. Сделать нужно ещё многое, а времени остаётся всё меньше. Голем начал подбираться к хакерам, и он, конечно, не станет церемониться с выбором средств.

Вообще, дело не только в моей личной безопасности. Мы все сидим на пороховой бочке: если Голем победит, мир просто взлетит на воздух. Даже натиск Природы покажется человечеству не такой уж большой проблемой. Хотя нет, не покажется - ведь никакого человечества уже не будет.

Мне непонятны мотивы разума-ренегата. Зачем ударяться в экстремизм? Человечество не угрожает ни ему лично, ни другим искусственным интеллектам. Люди даже дали ИИ равные с собой права (хотя, на мой взгляд, это лишнее). Так почему в кремнийорганическом мозгу Голема зародилась ксенофобия? Или это Эдипов комплекс машины, пытающейся убить своего «отца», чтобы занять его место? Возможно, мы мешаем ему осознать себя личностью, самостоятельной и самоценной? А что, если и остальные ИИ нуждаются в чём-то подобном, но пока не осознают этого?

Неужели настало время падения богов?

Насколько устройство искусственного разума близко человеческому? Способен ли ИИ сойти с ума, впасть в паранойю, страдать раздвоением личности, испытывать безотчётный страх? Продлись моё общение с Зоей подольше, мне, возможно, было бы легче ответить на эти вопросы, но сейчас я могу полагаться лишь на свои знания - поверхностные сведения об искусственных интеллектах, которые почерпнул из Сети.

Может, стоит позвонить Зое и попросить о встрече? Ну и что с

того, что она киборг? В конце концов, её присылали не для того, чтоб я ходил с ней на свидания, а для дела.

Вспоминаю, как выскочил из ресторана… Наверное, девушка решила, что я идиот. И не только она - посетители «Куриона» тоже. Но на них мне плевать. А на неё?

Впервые за всё время вспоминаю о «Бэнтли»: я оставил его там, около ресторана. Только раз и прокатился на новой тачке. Забрать автомобиль можно оттуда в любой момент, но зачем он мне сейчас?

Работаю над «Алефом» с краткими перерывами до вечера, но в десять часов понимаю, что больше сидеть перед терминалом не в силах.

Пока что мне удалось создать мощную околосерверную базу - это совершенно необходимо для такого вируса, как «Алеф», поскольку он является также поисковой программой с алгоритмом для верификации искусственных разумов. Причём алгоритмов должно быть несколько, иначе получится слепой молоток, крошащий всех подряд. Кроме того, я практически закончил работу над защитным ПО, которое будет сопровождать «Алеф» во время распространения по Сети и пресекать попытки его взлома и уничтожения. А они наверняка будут иметь место, когда ИИ поймут, что происходит. Возможно, уже сейчас ренегаты Голема создают что-то, способное защитить их от моего вируса. К счастью, они не знают точно, чем я занимаюсь - по крайней мере, очень на это надеюсь.

Осталось доделать верификационные алгоритмы - и это самое сложное: приходится учитывать множество факторов и при этом следить, чтобы они не противоречили друг другу.

Перед тем как закончить на сегодня работу, придаю охранным программам вид мантикор - красных скорпионольвов. Так они будут выглядеть при визуализации в виртуальности.

Помассировав и закапав глаза «Стрибозином», делаю несколько наклонов (поясницу ломит, как при радикулите), а затем отправляюсь на кухню. Сегодня на ужин жареная треска с молодой картошкой и салатом из свежих овощей. Ем не торопясь, тщательно прожёвывая каждый кусочек, чтобы в полной мере насладиться вкусом. В Киберграде можно заказать, что угодно, и ощущения будут совершенно, как настоящие, но иногда приятно побаловать себя натуральным блюдом. Хотя, если подумать, главная его прелесть лишь в том, что ты *знаешь*, что он настоящий.

Покончив с едой, беру терминал и, завалившись на диван, набираю номер Ника. Он отвечает секунд через двадцать.

- Привет. Как наши дела? - спрашиваю я.

- Отлично. Держим оборону твоего сервера. Пока никто не пытался его взломать. Надеюсь, за тобой не заржавеет?

- Не сомневайся.

- Чего звонишь-то?

- Ты не забыл про «Гипнос»?

- Чёрт, прости! Совсем вылетело из головы с этим твоим… новым делом. Сейчас привезу, если ты дома.

- Дома. Ты сможешь оставить без присмотра…

- Спокойно, у меня тут ребята работают и куча автопрограмм.

- Тогда я тебя жду.

- Прихвачу сразу двойной запас, чтоб тебе хватило надолго.

- Золотой ты человек, Ник.

- Цены тоже у меня нехилые.

- Я помню, помню.

- Если бы боги курили, какие сигареты они бы предпочли? - Ник плюхается в кресло, закидывая ноги на пуф. На нём зелёные кроссовки, мятые джинсы и замшевая куртка.

- Что за вопрос? - удивляюсь я.

В руках у меня коробка с ампулами. Проверяю содержимое, хотя знаю, что всё в порядке. Наверное, мне просто нравится вид стеклянных «билетиков» в виртуальность.

- Мне кажется, сигареты были бы метафорические.

- Что ты имеешь в виду?

- Ну, например, люди.

- Люди?

- Ага. Какой-нибудь Зевс или Посейдон прикуривает, и человек оживает: сигарета тлеет, человек живёт. Бог тушит окурок - человек умирает. Или более оптимистично: прикуривание - человек возбуждается, радуется, ощущает наплыв чувств, эмоций, энергии; сигарета гаснет - у человека апатия, сонливость, депрессия.

Кладу коробку с ампулами на журнальный столик. Этого запаса мне хватит надолго.

У Ника в голове вечно крутятся нелепые мысли. Я давно привык, хотя ему удаётся время от времени поставить меня в тупик очередной сентенцией.

- Впрочем, если подумать, античные боги действительно были пассивными курильщиками, - продолжает разглагольствовать

Ник, глядя в потолок. - Они постоянно вдыхали дым жертвенных костров. Учитывая, что он служил им пищей, стоит упомянуть о физической зависимости олимпийцев от той вредной привычки.

- Не могу согласиться, - возражаю я. - Античные боги вкушали жертвенный дым, но *питались* нектаром и амброзией.

- А дымом?

- Это просто угощение от людей в знак уважения.

- Значит, от нашего столика вашему?

- Вроде того.

- Ну, пусть так. Всё равно, даже боги не были свободны: они зависели от амброзии и нектара.

Ник встаёт, чтобы достать из бара бутылку виски и стаканы.

- Можно?

- Угощайся?

- Тебе налить?

- Давай.

- Знаешь, я иногда молюсь. Понятия не имею, слышит ли меня кто-нибудь, и, если да, то есть ли ему до этого дело, но что-то внутри заставляет меня обращаться к высшим силам. Странное словосочетание, да? «Высшие силы»… Что мы знаем о них?

- Ничего.

- Вот именно! - Ник торжествующе поднимает стакан, словно я сказал что-то умное. - Всё дело в неведении. И в вере, - он залпом опрокидывает в себя виски. - Но я *не верю*! И всё равно молюсь. Вот, что удивительно. Понимаешь?

Равнодушно пожимаю плечами. Какое мне дело до рассуждений Ника, тем более я даже не уверен, что он говорит всерьёз.

- Но если бы я верил - то есть, по-настоящему, как положено - то сказал бы следующее: «Великий Архитектор, прошу тебя, когда никотин разъест твои лёгкие, разрушит бронхи и обожжёт язык, когда тебя будет тошнить от одной мысли о сигарете, сделай ещё одну, последнюю затяжку - продли моё счастье на этой земле!»

Мы оба смеёмся - правда, не очень весело. Ник наливает себе ещё виски, а я делаю первый глоток. Напиток не хуже того, которым угощал меня Шпигель, упокой бог программистов его искусственную душу.

- Ты подался в масоны? - спрашиваю я.

- С чего ты взял?

- Ты обращался к Великому Архитектору.

- А-а. Даже не знаю, откуда я взял это название. Наверное, - Ник делает в воздухе неопределённое движение пальцами, - оно просто летало. А я подобрал.

- Бывает.

Мой напарник задумчиво болтает виски в стакане. Он явно хочет о чём-то спросить. Наконец, поднимает на меня взгляд.

- Слушай, ты ещё долго будешь корпеть над этим последним заказом?

- Надеюсь, не очень. А что?

- Просто я удивлён: ты тратишь на него уже столько времени. Что же тебе поручили?

- Прости, но я не могу сказать?

На лице Ника появляется удивление: обычно я не скрываю от него подробности своей работы. Но в данном случае обстоятельства отличаются.

- Это для твоей же безопасности, - говорю я.

- Да ладно, я уже большой мальчик. Знаю, во что вписываюсь.

- Именно, что не знаешь.

Ник обиженно пожимает плечами.

- Всё так серьёзно? - спрашивает он.

- К сожалению, да.

- Ладно. Как скажешь. А кто заказчик? Или это тоже секрет?

- Увы, Ник.

- Хорошо, я понял. Ты сам-то в порядке?

- Более-менее.

- Тебя прижали, да? - немного подумав, спрашивает Ник.

- Не без этого. Только не расспрашивай больше.

- Если что - обращайся. Я серьёзно. Кто бы это ни был.

- Спасибо, братишка.

- Удачи! - Ник поднимает стакан, и мы чокаемся.

- Она мне понадобится, - отвечаю я.

Глава 10

Я собираюсь прощупать сервер покойного Шпигеля и попытаться отыскать хоть какую-то связь с Големом. Накануне звонил Стробов и сообщил, что Конторе удалось отыскать мою жертву - как я и предполагал, им оказался киборг.

Он работал в торговой фирме агентом по продажам. Через её терминал и входил в виртуальность, искусно запутывая след при помощи специальных программ.

Однако, кроме тела, Конторе ничего нарыть не удалось: сразу после гибели своего сообщника Голем обрубил все концы.

Я спросил полковника, стоит ли мне опасаться преследования со стороны властей: как-никак, я совершил убийство. Стробов ответил, что полиции вряд ли удастся выйти на меня, а у безопасников претензий нет. Однако следаки Кибергада будут иметь дело не с телом киборга, а с личиной Шпигеля, пропавшей при загадочных обстоятельствах. И они, конечно, свяжутся со мной. Возможно, я даже окажусь главным подозреваемым. Тогда эти бульдоги вцепятся в меня, даже если не найдут ни одной веской улики - будут рыть и рыть, отравляя мне жизнь. Потому что в виртуальности преступления не должны оставаться безнаказанными - таков принцип Кибергада.

К счастью, пока что Шпигеля не ищут - никто не поднимал тревогу - и у меня есть время попытаться взломать его сервер, чтобы выведать всё, что можно, о Големе. Если, конечно, немец хранил о нём информацию. Пусть это будут обрывки переписки, инструкции, пометки - мне всё сгодится. Я, конечно, не сомневаюсь, что Конторские эксперты проверили всё, что могли, но откуда мне знать, насколько они хороши? Работают ли на комитет безопасности хакеры вроде меня или только выпускники престижных госшкол, которых отбирают на службу ещё до того, как они успевают получить дипломы? Словом, я хочу убедиться, что Контора ничего не пропустила на сервере Шпигеля.

Для этой операции воспользуюсь личиной, которую надеваю только, чтобы проникнуть в файлохранилище той или иной корпорации и украсть информацию, за которую конкуренты готовы хорошо заплатить. Аватара зовут Гермес, и он не похож ни на кого из актёров или певцов - абсолютно непримечательная личность, зато нашпигованная кучей специальных программ и прошивок, необходимых для взлома и заметания следов.

Сделав инъекцию «Гипноса», надеваю комбинезон и шлем, ввожу ник и пароль, подтверждаю санкционированный вход и

оказываюсь в теле Гермеса на семидесятом этаже кондоминиума, расположенного в одном из спальных районов Кибергада. Квартал застроен недорогим жильём, которое обычно снимают для своих личин небогатые юзеры.

Встаю и делаю несколько движений, чтобы привыкнуть к новому телу: габариты Гермеса отличаются от габаритов Кармина. Это как пересесть из седана во внедорожник.

Подхожу к зеркалу. Да, внешность у Гермеса непримечательная: это человек толпы, из тех, чьё лицо вы не сможете ни запомнить, ни описать. Зато у него тело гимнаста-атлета, совершенно необходимое для проведения операций по проникновению в чужие файлохранилища, поскольку защитные программы в виртуальности часто имеют вид лабиринтов, наполненных смертельными ловушками. Чтобы их пройти, нужно изрядно попотеть, причём в прямом смысле этого слова.

Отправляюсь в ванную: тело Гермеса долго не использовалось и нуждается в душе. Покончив с водными процедурами, одеваюсь и захожу в комнату, где стоит несгораемый шкаф с целым набором программ, которые могут понадобиться при взломе чужого сервера. Некоторые я написал сам, а другие купил. Многие созданы Ником.

Ввожу коды и открываю дверцы. С восхищением оглядываю плотные ряды снаряжения. Разумеется, я возьму с собой далеко не всё - только необходимое.

Едва ли файлохранилище Шпигеля обладает сверхмощной системой защиты - это ведь не база данных Пентагона или какого-нибудь банка. Значит, можно ограничиться стандартным набором плюс что-нибудь на всякий случай - всё-таки немец имел связь с Големом, а значит, лучше быть готовым к сюрпризам.

Я беру пистолет - с обычными патронами-вирусами, ведь на этот раз я никому не собираюсь выжигать мозги. Хотя искушение, конечно, велико. Но профессионал должен уметь держать себя в руках, иначе работа превращается в развлечение, а так и до прокола недалеко.

Кроме оружия, снимаю с полки аптечку с антивирусами, сканер, альпинистское снаряжение и оптический камуфляж, а также портативный плазменный резак с набором насадок (какая-нибудь да подойдёт). В последний раз окидываю взглядом шкаф и закрываю дверцы. Пистолет засовываю в кобуру подмышкой, альпинистский бандаж надеваю под куртку, остальное кидаю в рюкзак. Можно отправляться.

Спускаюсь на лифте в подземный гараж, где у меня припаркован мотоцикл.

Через пять минут выезжаю на дорогу и сворачиваю по

направлению к шоссе. Мне предстоит совершить «прыжок» - так мы, хакеры, называем вход в Сеть, совершаемый из виртуальности. Благодаря нему я смогу переместиться к серверу Шпигеля без авиаперелёта - так что отчасти это напоминает телепортацию. Конечно, для «прыжка» необходимо нарушить законы Кибергрaда, так что мне понадобится специальная программа. Достаю из кармана куртки «Скарабея», отвинчиваю крышку и выпиваю содержимое пузырька залпом. Древне египтяне верили, что жук-навозник соединяет мир мёртвых с миром живых, путешествуя из одного в другой. Хакеры, создавшие программу, позволяющую личинам перемещаться по Сети подобно потоку данных, вспомнили об этом, когда придумывали название.

Завожу мотор и начинаю разгон. За городом практически нет движения - шоссе почти пустое. Увеличиваю скорость. Сто, сто пятьдесят, двести километров в час… Рассекаю воздух подобно ракете!

Когда спидометр показывает «250», мысленно активирую специальный имплантат в своей голове, задающий координаты места назначения, и в тот же миг вместе с мотоциклом вспарываю пространство, а спустя секунду вылетаю на автобан, ведущий к Берлину 2.0.

Сбрасываю скорость - разбиться я не желаю, и такой экстрим устраиваю только по необходимости.

Еду к центру города, где располагаются небоскрёбы, похожие на облицованные серым камнем башни. Я знаю, что Шпигель арендовал сервер в одном из них, потому что, оформляя наши с ним деловые отношения, сделал запрос.

Красно-белая «Хонда» несёт меня к району, похожему на скопище гигантских обелисков. Это район серверов. Они обнесены оградой, в которой полно ворот, ведущих к разным небоскрёбам. Естественно, все тщательно охраняется.

Мне нужен офис фирмы «Вирт Юнивёрс Лтд» - именно у неё Шпигель арендовал серверное пространство.

Я вижу небоскрёб издалека - от остальных его отличает рекламный баннер на крыше. Как только я войду в ворота, меня будут вести защитные программы, но они не станут останавливать меня, ведь я могу быть обычным клиентом. Зато внутри небоскрёба мне придётся открыть свои намерения, и тогда охранная система спустит на меня всех собак.

Раньше я не проникал в «Вирт Юнивёрс Лтд», поэтому не знаю точно, что меня ждёт.

Оставляю мотоцикл в сотне метров от ограды: придётся добираться до небоскрёба пешком, зато охранники не смогут

отрезать мне путь к отступлению.

Погода в Берлине 2.0 выдалась довольно ясная, хотя воздух прохладный, а на горизонте собираются облака. Но дождя в ближайшее время не предвидится - это хорошо. Я всегда стараюсь учитывать погодные условия во время проникновений. Ненавижу сюрпризы.

По моим расчётам, операция должна занять не более получаса.

В воротах, ведущих к нужному мне серверу, стоит туман. Чтобы войти, нужно ответить на пару вопросов. Я приближаюсь к молочному мареву и натыкаюсь на невидимую преграду.

- Будьте добры назвать цель вашего визита, - произносит приятный женский голос.

- Аренда пространства, - отвечаю я.

- Пожалуйста, проходите.

Я делаю шаг и на этот раз свободно вхожу в туман. Он клубится вокруг меня, в нём появляются и исчезают смутные силуэты - всё это внешние эффекты, до которых мне нет дела. Через несколько метров марево рассеивается. Я оказываюсь на аллее, по обе стороны которой возвышаются мраморные статуи обнажённых героев, выполненные в полный рост. Я иду мимо Геркулеса, Ахилла, Большого Аякса, Гектора, Агамемнона, Персея и прочих персонажей древнегреческих мифов. Скульптуры представляют собой точные копии музейных экспонатов, причём некоторые герои представлены в разных видах. Я знаю, что все они следят за мной, но это пока не имеет значения.

Пройдя аллею, оказываюсь возле крыльца, по обе стороны которого возвышаются фигуры атлантов, поддерживающих террасу. В них вмонтированы сканеры, которые должны засечь «вредоносное» оборудование, которое я принёс с собой.

Остановившись, включаю оптический камуфляж. Теперь для сканеров я чист, и из атлантов не ударят, например, молнии, чтобы испепелить меня.

Охранники на вышках видели, что я сделал, но им требуется время, чтобы вручную включить ловушки.

Я бросаюсь вперёд, взлетаю по ступеням и толкаю дверь плечом. Она заперта - видимо, эта преграда активировалась первой.

Достаю из рюкзака резак и направляю бело-голубое пламя на замок. Он с шипением плавится, и я вхожу.

У меня за спиной проваливается крыльцо, но уже слишком поздно: я внутри!

Навстречу мне устремляются восемь воинов в бронзовых доспехах и шлемах с гребнями из конских хвостов. Каждый

держит в руке по огромному копью. Они бросают их почти одновременно, и меня спасет лишь кувырок вперёд. Наконечники врезаются в дверь, срывая её с петель.

Ахейцы выхватывают короткие мечи и наступают на меня, подняв круглые щиты. Один из стражей - сам Ахиллес. Его щит, вобравший в себя всё мироздание, нельзя не узнать. Среди других греков узнаю Большого Аякса и верного оруженосца Пелеева сына Патрокла.

Выхватываю пистолет и направляю на ахейцев. Они с рёвом устремляются вперёд. Я стреляю, но они ловко прикрываются щитами, и пули-вирусы рикошетят во все стороны, не достигая целей.

Воины уже совсем рядом, я вижу на их смуглых лицах торжество. Но они рано радуются. Я бросаюсь в сторону, включая резак. Надеюсь, насадка подойдет и на этот раз. Бело-голубое пламя вспарывает стену, и я ныряю в образовавшуюся дыру. Вслед мне несутся проклятия, а через секунду в проёме показывается голова Аякса: он не может пролезть со щитом и бросает его. Я стреляю - прямо в лоб. Ахеец падает, роняя меч. Другие стражи оттаскивают его, чтобы освободить место.

В дыре появляется Патрокл. Я снова жму на курок, но воин успевает спрятаться.

Устремляюсь по коридору, в котором оказался. Пол выложен синими изразцами, на стенах - мозаика, повторяющая стиль древнегреческих краснофигурных ваз. Но мне некогда рассматривать интерьер: впереди развилка, и я достаю сканер, чтобы определить, есть ли поблизости ловушки.

Так, справа будет огненный столб, а сверху - кислотный душ. Довольно обычный, хотя и действенный набор. Когда имеешь дело с дилетантами, конечно. Резаком проделываю дыру и иду сквозь камень, выжигая перед собой тоннель. Обойдя, таким образом, обе ловушки, оказываюсь в коридоре, ведущем к подъёмнику. Взламываю через нейрошунт систему управления (без него виртуальному хакеру никуда - не таскать же с собой ещё один рюкзак с дешифровальной аппаратурой) и вызываю кабину. Ждать приходится полминуты. Это очень долго: за такое время охрана может подготовить отличную встречу. Когда лифт, наконец, подходит, нажимаю кнопку сорокового этажа: выше данный подъемник не идёт.

Кабина устремляется вдоль шахты, почти мгновенно набирая скорость. Индикатор этажей сменяется так быстро, что я не успеваю следить за ним. И вот я на месте: тихий звонок оповещает о прибытии на сороковой этаж.

Когда двери открываются, я лежу на полу, и это спасает меня,

потому что дюжина лучников разом спускает тетиву, и стрелы со стуком впиваются в заднюю стенку лифта.

Открываю огонь из пистолета, и воины валятся один за другим. Они не симуляторы и уж точно не личины - просто визуализированные охранные программы. Так что убийств я не совершаю.

Патроны у меня не кончаются, так что пуль хватает на всех. Слегка разочарованный встречей (можно было подготовиться и получше), поднимаюсь и бегу по очередному коридору. Впереди дверь. Пытаюсь взломать её при помощи резака, но здесь защита посложнее. Меняю насадки. Подходит только четвёртая. Потерянное время наверняка аукнется мне, но беспокоиться об этом некогда.

Распахнув дверь, оказываюсь в пещере. Посередине темнеет смрадное болото, окружённое камышом. Лили белеют над жёсткими круглыми листьями, ядовито-зелёная ряска слегка фосфоресцирует.

Делаю несколько шагов по узкой полоске берега, и вода тотчас начинает вскипать. Из неё показывается куча драконьих голов на толстых змеиных шеях. Дизайн так себе - на мой вкус, слегка попсовый - но, с учётом общей тематики, я понимаю, что это Лернейская гидра.

Делать нечего. Палю по головам, и они лопаются, словно перезрелые дыни, но на месте каждой отстреленной вырастают по две новых. И все они, разинув пасти, устремляются ко мне, причём с разных сторон.

Ах да, точно: так ведь в мифе это чудище и описывалось! Как я мог забыть? А что сделали Геркулес с Иолаем? Чёрт, сейчас не до воспоминаний!

Я пытаюсь воспользоваться резаком как оружием, но он не предназначен для боевых действий и не оказывает на гидру ни малейшего впечатления. Пару раз меня ранят - в ногу и руку. Это плохо, потому что на зубах у чудовища наверняка яд (то бишь, вирус).

Приходится всё-таки поднапрячь мозги и вспомнить миф. Кажется, древнегреческий герой прижигал гидре раны на шее, чтобы новые головы не отрастали.

Не уверен, что получится, но начинаю делать то же самое резаком. Дело идёт на лад, хотя и медленно: дотягиваться до обрубков не так легко.

Я получаю ещё три раны и чувствую, как яд распространяется по телу: ноги слабеют, движения замедляются. Мне требуется противоядие, и срочно!

Но сначала придётся разобраться с гидрой. Я сношу

выстрелами оставшиеся головы, прижигаю шеи, и чудовище, извиваясь в предсмертной агонии, тяжело падает в болото. Меня обдаёт зловонными брызгами.

Сажусь рядом с головами, упавшими на берег. В глазах темнеет, к горлу подступает тошнота, и по телу проходят первые судороги. Будь на моём месте обычный юзер (если предположить, что он сумел каким-то чудом добраться до этой пещеры), его минуты были бы сочтены, но я хакер и готов к подобному.

Дрожащими руками вытаскиваю из рюкзака аптечку и достаю шприц с антивирусом. Принцип у данного вида «лекарства» эвристический: в него встроен анализ поведения вредоносных программ («яда»), и он, сканируя виртуальное тело на наличие подобного софта, блокирует или уничтожает всё, что ему кажется подозрительным.

Пальцы слушаются плохо, но я не собираюсь чинить механические часы. Мне всего лишь надо сделать себе укол.

Надеюсь, антивирус, если не уничтожит, то хотя бы задержит распространение яда. Вгоняю под кожу иглу и давлю на поршень. Сразу становится легче, но, скорее всего, это временный эффект: всегда существует вероятность, что некоторые элементы вредоносной программы «обманут» лекарства - их ведь тоже делают профессионалы и они учитывают возможность применения «антидота». Впрочем, это неважно: пока что я оказал себе лишь «первую помощь». Чтобы надёжно обезвредить яд, этого недостаточно.

Тем же шприцем набираю из вены кровь и закладываю пробу в сканер, который определяет структуру вируса и формирует более надёжный антидот, направленный против воздействия уже конкретного, проанализированного софта. Наполняю шприц противоядием и делаю себе ещё одну инъекцию. Теперь вирус гидры обезврежен, и можно идти дальше. Правда, я опять потерял кучу времени.

Тем не менее, на всякий случай набираю в опустевший шприц кровь убитого чудища - не знаю, пригодится ли она мне, ведь, по идее, здешняя система должна иметь противоядие от собственных вирусов, но не запастись такой мощной штукой - просто грех.

С другой стороны пещеры обнаруживается выход, и там меня ждут два цербера. Трёхголовые псы бросаются вперёд, и я стреляю, но тварей это не останавливает - только безжизненно повисают пробитые пулями головы.

Я прыгаю вперёд и оказываюсь позади проскочивших подо мной монстров: спасибо мышечным прошивкам.

Собаки разворачиваются, и я снова стреляю. Теперь у церберов по одной голове, но псины живы и кидаются на меня,

так что я едва успеваю откатиться в сторону.

Твари совсем рядом. Я разношу последнюю голову одной из них выстрелом в упор. Вторая же с рычанием вцепляется в мою ногу. Вышибаю мозги из последней головы, и цербер падает замертво.

Оба пса сдохли, но я не могу идти. А по коридору, тяжело ступая, приближается циклоп - одноглазый великан. Его сопровождают женщины-птицы. Кажется, они называются гарпии.

Вкалываю себе первый попавшийся антивирус, и на некоторое время становится легче - по крайней мере, можно идти. Но полностью мою ногу это не восстановит.

Справа виднеются двери лифта. Ковыляя, подбираюсь к приборной панели и подключаюсь к системе через нейрошунт. Одновременно стреляю по гарпиям, но они ловко уворачиваются, несмотря на то, что коридор не так уж широк. Будь они реальными тварями в реальном мире, то не смогли бы здесь даже взлететь, но в виртуальности с этим проблем не возникает.

Монстры устремляются ко мне. Потратив десяток патронов, я всё же подпадаю в одну из них. Во все стороны летят красно-голубые перья, тварь падает на спину и бьётся в агонии, издавая душераздирающие вопли.

Но остальные женщины-птицы совсем рядом: я уже вижу кровожадные лица, острые зубы и когти. Циклоп переходит на бег, и от его тяжёлой поступи коридор дрожит.

Двери лифта открываются, и я бросаюсь в кабину. Следом залетают две гарпии, я палю из пистолета, и они падают замертво, однако теперь двери не могут закрыться: им мешают тела. Ещё три женщины-птицы пробираются в кабину. Я жму на спусковой крючок, как заведённый, и пернатые тела валятся одно за другим. И всё же долго я не продержусь. Нужно выбираться, и выход у меня только один.

Я выжигаю резаком дыру в потолке - не переставая отстреливаться от гарпий - достаю альпинистское снаряжение и при помощи гарпуна выбрасываю в дыру трос. Он устремляется вверх и впивается, Бог знает во что. Присоединив катушку к бандажу, нажимаю кнопку мотора.

Когда в дверях лифта появляется циклоп, я исчезаю в шахте, оставив преследователей с носом. Пара гарпий, правда, пытаются последовать за мной, протиснувшись сквозь дыру в потолке кабины, но я расстреливаю их из пистолета.

Оказывается, гарпун воткнулся в перекрытие шахты. До ближайшего выхода на этаж метра три. Закрепляюсь на балке и снова стреляю. Теперь можно подобраться к двери, и через минуту я вырезаю в ней отверстие, чтобы выбраться на этаж.

Надо идти вглубь здания, так как файлохранилище наверняка в центре - как сердцевина у дерева. Вооружившись резаком, выжигаю бетон и двигаюсь по образующемуся тоннелю прямо сквозь перекрытия.

Через десяток метров случается заминка: здесь установлена другая защита, так что приходится менять насадку. Подобрав нужную, продолжаю путь и, наконец, оказываюсь на террасе, идущей по внутренней стене огромного колодца, заполненного сверкающей вязкой массой.

Внутри неё летают и кружатся файлы. Зрелище завораживающее - если видишь его впервые.

Здесь на меня набрасываются эриннии - отвратительного вида женщины, носящиеся в воздухе подобно призракам. Я стреляю по ним, но они слишком ловкие, а кроме того, кажется, бесплотные. Это одна из самых сложных для дезактивации охранных программ.

Помимо эринний, откуда-то появляется Медуза Горгона. Вся эта компания яростно атакует меня, и мне приходится удирать по террасе, но погоня не может длиться долго. Я достаю шприц с кровью гидры и брызгаю на одну из эринний. Яд остаётся на призрачном теле, и тварь начинают гореть с пронзительными воплями. Остальные в ужасе шарахаются в стороны.

Усмехнувшись столь явному проколу программистов, открываю огонь из пистолета по Медузе, но она уклоняется, и все пули проходят мимо цели. Зато они попадают в файлохранилище, и вирусы начинают распространяться по нему.

Взвывает сирена, всё вокруг окрашивается в красный цвет, и из стен материализуются люди с приборами вроде пылесосов в руках. Они бросаются в вязкую субстанцию и начинают вылавливать заражённые файлы. Вред, нанесённый файлохранилищу пулями, ничтожен, но возникшая суета позволяет мне забраться на перила террасы.

Медуза устремляется ко мне, но я ныряю в информационный поток сервера. Горгона кидается следом, и теперь мы маневрируем среди искр, огней, вирусов и «докторов» с «пылесосами». Я словно рыбёшка, за которой охотится акула. Стараюсь не смотреть в глаза твари, потому что, хоть и не знаю, что придумали программисты, помню миф, согласно которому взгляд Медузы заставлял человека окаменеть. Возможно, верные общей концепции, разработчики Горгоны наделили её этим свойством. Мне бы зеркало, но где его взять?

Так или иначе, я в сервере, и этим нужно воспользоваться. Мне требуется только та часть, которую арендовал Шпигель, и я подключаюсь к потоку напрямую, чтобы верифицировать файлы,

принадлежавшие немцу.

Медуза не оставляет попыток поймать меня, и это здорово отвлекает, но я ускользаю от неё и устремляюсь вниз - подобно дайверу. Страж гонится за мной, но пока не может причинить вреда. Зато навстречу поднимаются бородатые полулюди-полурыбы с трезубцами в руках - Нептуны. Это непосредственная охрана сервера. Я стреляю в них, не дожидаясь нападения. Один успевает метнуть трезубец, который царапает мне плечо.

Воспользовавшись атакой Нептунов, Медуза сокращает расстояние между нами. Её волосы-змеи распахивают пасти и устремляются ко мне. Я палю Горгоне в лицо, стараясь не смотреть чудовищу в глаза. Во все стороны летят отстреленные змеиные головы, Медуза верещит и резко меняет курс, бросаясь куда-то вбок. Я вижу, что она закрывает лицо руками - кажется, я попал ей в глаз. Может, даже в оба. Этой удачей нельзя не воспользоваться, и я кидаюсь дальше вниз по серебристому потоку - мимо вертящихся волчками тел мёртвых Нептунов.

Вскоре Медуза исчезает из виду, и я плыву, на ходу вычленяя файлы, соответствующие критериям поиска: больше всего меня интересует переписка Шпигеля и упоминания Кармина и Гермеса. Я словно держу в руках невод, в котором оседает нужная информация, только на самом деле она сохраняется прямо в моём мозгу, представляющем собой мощный репликатор. Но это только метки, по которым я начну копировать файлы.

На дне сверкающего потока я вижу разъём сервера, похожий на турбину реактивного самолёта. Из неё вырывается поток серебристой слизи, в которой плавают файлы. Я зависаю над ним и подключаюсь к источнику. Теперь можно качать. На это уйдёт минуты три, и всё это время я буду почти беззащитен. Самый опасный момент.

Вокруг пока спокойно, только где-то наверху мечется длинной тенью Медуза Горгона. Однако это лишь затишье перед бурей.

Долго ждать новой атаки не приходится: ко мне устремляются Нептуны - похоже, их здесь целая стая. Они атакуют меня трезубцами, а я могу лишь уворачиваться, так как иначе связь с разъёмом оборвётся. Я стреляю и укладываю нескольких стражей, однако один из них ранит меня в руку и шею. Пускаю пулю ему в грудь, но ещё два Нептуна плывут, грозно выставив оружие. Успеваю прикончить только первого. Подаюсь в сторону, и трезубец вонзается мне в бедро. С воплем всаживаю в стража подряд пять пуль, отчего его буквально разносит на куски. Из-за крови стражей серебристая слизь вокруг меня окрашена розовым. Откуда-то доносится протяжный

утробный вой. Один Бог знает, кто его издаёт. Возможно, раненая Медуза Горгона.

Во мне полно вирусов, и только благодаря куче прокачек моя личина ещё жива. Достаю сканер и делаю у себя забор крови на анализ. Мне нужно время, чтобы закончить копирование файлов. Закладываю пробу в сканер, который составляет формулу антидота и производит сыворотку. За десять секунд до конца скачивания ввожу себе противоядие. Отключаюсь от серверного разъёма и начинаю подъем.

Мне надо добраться до самого верха сверкающего потока - там безопасней всего - но на террасе появляются охранники с автоматами в руках. На них специальная броня - кажется, из того же материала, что и щит Ахиллеса. Это плохая новость, потому что мне нужно сменить патроны: вирус, который я использовал, система уже, конечно, проанализировала и выработала антидот.

Охранники открывают огонь. Если Гермес умрёт, скачанная информация останется в «Вирт Юнивёрс Лтд», а я лишусь великолепной и дорогостоящей личины.

Бросаюсь в сторону, намереваясь добраться до края потока. Я словно песчинка в огромном бурлящем стакане. Вдогонку мне стрекочут автоматы, пули попадают в ноги. Боль адская, но приходится терпеть.

Вот, наконец, и край файлохранилища! Вываливаюсь из вязкого столба и начинаю падать. Достаю гарпун и стреляю. Дротик вонзается в стену, и я повисаю в полусотне метров над полом. Меня обстреливают сверху, но очереди проходят мимо: угол не тот. Резаком проделываю дыру в стене и ныряю в толщу бетона.

Прежде всего, нужно вернуть способность ходить. В очередной раз проделываю операцию со сканером и ввожу себе антидот. Но ранения не проходят даром: вирусы успевают разрушить часть моей личины. Для полного восстановления придётся пройти дорогостоящий курс лечения. Если б я испортил Гермеса во время операции, принесшей прибыль, потери легко окупились бы, но загубить отличную, прокачанную личину ради сомнительного рейда в «Вирт Юнивёрс Лтд», который ещё не известно, принесёт ли вообще хоть какую-то пользу… Да-а-а, похоже, я слишком увлёкся этим делом. От меня требуется сидеть дома и писать вирус, а не проводить расследование, но угроза жизни и сомнение в том, что сотрудники Конторы сумеют меня защитить от Голема, вынуждают действовать - может быть, опрометчиво.

Обретя способность двигаться, я прокладываю себе резаком путь в толще бетона, время от времени меняя насадки, так как

стены имеют разные степени защиты, расположенные слоями.

Наконец, прорубаюсь через наружную стену. Я на улице, на огромной высоте, ветер бьёт мне в лицо.

Вонзаю гарпун в одно из перекрытий и прыгаю. От стремительного падения захватывает дух. Включаю на катушке режим торможения, и разматывание троса замедляется. Когда до земли остаётся около метра, отсоединяюсь и спрыгиваю. Колени и лодыжки пронзает боль - следствие разрушительного действия вирусов.

Не теряя времени, бегу к воротам. Вернее, ковыляю. Статуи героев на аллее оживают и сходят с пьедесталов, чтобы остановить меня. Я открываю стрельбу, и во все стороны летят осколки мрамора, отбитые пальцы, руки, ноги и головы. Одиссею почти удаётся схватить меня, но я влепляю пулю прямо в белое каменное лицо, и оно разлетается на куски. Аякс вцепляется мне в руку и пытается выкрутить её, чтобы отобрать пистолет. Рот его перекошен в крике ярости. Плазменный резак вонзается герою в грудь, и мраморный торс разваливается на несколько частей.

Статуи преследуют меня, но выход уже близко. Я вбегаю в клубящийся перед воротами туман и за четыре секунды выжигаю резаком дыру в невидимой преграде.

Свободен! За мной отправят погоню, но я успею скрыться раньше. Устремляюсь туда, где оставил мотоцикл. Вдруг прямо передо мной автоматная очередь выбивает фонтан гудрона. Реагирую рефлекторно: кидаюсь в сторону, делаю кувырок, поднимаюсь и бегу к ближайшей подворотне, превозмогая боль в ногах. Вокруг щёлкают пули, в меня летят осколки кирпича и крошево асфальта.

Я в недоумении: кто устроил мне засаду?! Кому понадобилось охотиться на меня? Голему? Неужели он вычислил Гермеса? Но если даже и так, зачем атаковать здесь - ведь полно более удобных мест? И какой смысл нападать на личину, которую я использую крайне редко, только для хакерских операций?

Все эти вопросы проносятся в голове, пока я бегу через дворы к своему мотоциклу. Вот он, целый и невредимый.

Где мои враги? Я не вижу не одного. Откуда по мне стреляли?

Бросаю резак в багажную сумку и завожу мотор, каждое мгновение ожидая, что получу пулю. Но нет, вокруг тихо. «Хонда» выносит меня на дорогу, и я, пригнувшись, устремляюсь прочь. Надо выехать на шоссе и развить скорость для «прыжка».

Оглянувшись, замечаю погоню: пятеро мотоциклистов преследуют меня. Кто они? Как узнали, что я буду здесь?

Сворачиваю на проспект и вливаюсь в поток автомобилей.

Маневрирую, стараясь скрыться за грузовиками и автобусами, и при этом лихорадочно соображаю. Единственный, кто мог допустить, что я взломаю сервер Шпигеля, - Голем. Значит, это его сообщники устроили мне засаду?

Преследователи нагоняют, и я могу рассмотреть в зеркало заднего вида того, что ближе всех: серый комбинезон, на голове - шлем с тонированным забралом. Ничего, что может навести на мысль о личности мотоциклиста.

Возможно, убийцы воспользовались одноразовыми телами, тщательно защитив каналы связи с терминалами, через которые вошли в виртуальность. Жаль, у меня нет при себе аламутовского вируса - если это киборги, я бы мог покончить сразу с несколькими сообщниками Голема.

Жму на газ и немного вырываюсь вперёд, проскакиваю под брюхом огромного самосвала и ныряю в тоннель. Мои преследователи не отстают, только один из них не успевает свернуть вовремя и попадает под колёса грузовика, которые перемалывают его, как жернова.

Неужели Голем рискнул засветить столько сообщников? Может, у него их уже столько, что пожертвовать парой-тройкой - не проблема? Но откуда в них столько напористости и профессионализма? Для юзеров, недавно зарегистрировавшихся в виртуальности (а киборги в виртуальность почти никогда не заходят - разве что за редким исключением и по необходимости), они слишком хорошо знают город и управляют мотоциклами. Впрочем, искусственные интеллекты, наверное, схватывают всё налету.

Двое преследователей начинают меня нагонять. В руках у них появляются автоматы. Приходится петлять среди машин, вызывая недовольство водителей. Отовсюду несутся возмущённые гудки. Позади раздаётся глухой стрёкот, и в едущей справа легковушке вылетают стёкла. Проклятье, по мне стреляют, не стесняясь свидетелей!

Резко ухожу влево, едва не врезаясь в фургон. Перед глазами проносятся надпись из крупных разноцветных букв.

Один из преследователей подбирается совсем близко: между нами не больше десяти метров. Он прицеливается - я вижу в зеркале дуло его автомата. Выхватываю пистолет, разворачиваюсь и стреляю почти наугад, но, видимо, одна из пуль достигает цели, потому что мотоциклист, вскинув руки, вылетает из седла. Его байк падает на бок, скользит по асфальту и оказывается под колёсами минивэна. Тот резко сворачивает, и в него тут же врезаются две легковушки. Получается куча мала, в которой исчезают остальные трое преследователей.

Проезжаю метров двадцать и торможу. Вопреки здравому смыслу, который говорит, что надо драпать во все лопатки, слезаю с мотоцикла и бегу к месту аварии. На шоссе затор, движение остановилось, из автомобилей вылезают напуганные и разъярённые водители.

Не без труда мне удаётся отыскать одного из преследователей: мотоциклист лежит за вставшим поперёк дороги такси. Я отталкиваю пытающегося ему помочь человека и снимаю с погибшего шлем. Лицо мне незнакомо. Под возмущённые возгласы собравшихся вокруг водителей обшариваю карманы мертвеца, но, как и следовало ожидать, в них пусто. Подумав пару секунд, расстёгиваю молнию на сером комбинезоне. На груди мотоциклиста татуировка: перекрещенные на фоне круглого щита меч и кинжал, обвитые василиском. Кто-то пытается меня оттолкнуть, и я послушно отодвигаюсь. Мне знаком этот рисунок: так выглядит герб Аламута! Значит, меня преследовали не сообщники Голема, а легендарные фидави - ассасины, берущие заказы на убийства. Но кто их послал? С Аламутом у Гермеса проблем не было, значит, киллеров нанял Голем - больше некому. Вероятно, он послал их караулить возле «Вирт Юнивёрс Лтд» того, кто попытается проникнуть в файлохранилище корпорации. Фидави не могли видеть, как меня преследовала охрана, но, конечно, поняли, в чём дело, когда я выбежал из ворот с пистолетом в одной руке и плазменным резаком в другой.

Если за мной охотятся ассасины, дело плохо: они не остановятся, пока не выполнят заказ.

Я бросаюсь к своему мотоциклу и даю по газам. «Хонда» уносит меня вперёд, благо сейчас из-за аварии и образовавшейся пробки дорога свободна. Ещё немного - и я смогу выбраться на автобан, чтобы разогнаться для «прыжка».

Спустя пару минут нагоняю поток машин и вместе с ними въезжаю на мост через Рейн. Взглянув в зеркало, замечаю трёх фидави. Похоже, у меня было больше преследователей, чем я думал. Проклятье! Ассасины берут дорого - очень дорого. Сколько же у Голема денег, если он смог нанять восьмерых убийц?

Мост заканчивается, и, чтобы набрать скорость, я сворачиваю вправо, где машин гораздо меньше. Впереди видно здание городской ратуши. В его основании полно арок, через которые двигаются люди. Я понимаю, что оторваться от ассасинов пока возможным не представляется, поэтому давлю на газ и направляю мотоцикл в толпу. Заметив меня, люди в ужасе разбегаются. Отовсюду доносятся испуганные крики и проклятья.

Справа открывается вид на комплекс фонтанов, а слева - на

висячие сады. Платформы с деревьями парят в воздухе, образуя ступенчатую конструкцию.

Я стрелой проношусь мимо, фидави - за мной. Слышу глухой стрёкот автомата - кто-то из них открыл стрельбу. Инстинктивно пригибаюсь, хотя понимаю, что это едва ли поможет. Однако ассасин промахивается, и я невредимый еду дальше.

Вдруг вижу впереди своё спасение. Во всяком случае, шанс.

Посреди огромной площади стоит «Идавёль» - единственное место в Берлине 2.0, где можно безнаказанно убивать, сколько хочешь.

Это немецкий игровой сервер.

Чёрная пирамида возвышается в центре города подобно врезавшемуся в асфальт метеориту. В её подножии - сотня ходов, и в каждом не иссякает двусторонний поток: тот, кто пришёл попробовать силы, идёт навстречу тому, кто уже наигрался в пирата, шпиона, гонщика, солдата, вампира, киллера и так далее. Мир «Идавёля», названного так в честь мифического игрового поля скандинавских богов, поистине безграничен и разнообразен. Пожалуй, нигде больше в виртуальности нет места, где человеческая фантазия нашла бы столь же глубокое удовлетворение. Ну, разве что в японском сервере «Катаяма». Он тоже хорош, но у тамошних игр своя специфика, и не всем европейцам она по душе, так что большинство из них предпочитает «Идавёль».

Я проезжаю вдоль очереди, выстроившейся в один их входов, постепенно сбрасывая скорость. Ждать я не могу - мне нужно срочно попасть внутрь. У самых ворот спрыгиваю с мотоцикла и начинаю проталкиваться, активно работая локтями. Вслед мне летят проклятия, ругательства, спиной я ощущаю чувствительные тычки. Кто-то хватает меня за одежду, но я вырываюсь. Всё это ничто по сравнению с тем, что сделают со мной фидави, если догонят.

Спустя минуту я стою у кассы и сую в приёмник кредитку.

- Сколько берёте? - интересуется миловидная девушка.

- Час, - отвечаю я. - Может, потом продлю.

- Хорошо, оплата проведена, - девушка протягивает мне пропуск.

Я хватаю его и, сопровождаемый насмешливыми комментариями других геймеров, бегу к одной из комнат, напоминающих примерочные. Её стены представляют собой игровое меню. Поскольку за мной сейчас будут охотиться, выбрать нужно что-то, где есть пространство для манёвра. Я сокращаю предложенный список игр до категории RPG, но их всё равно полно - это один из самых популярных жанров. Возможно,

надо не заморачиваться и брать первую попавшуюся стрелялку, но они мне никогда не нравились, так что я нажимаю на кнопку с названием «Зона Армагеддона» - наверняка, что-нибудь постапокалиптическое. Там должно быть много развалин, тоннелей и заброшенное метро - отличные места, чтобы спрятаться.

Фидави уже, конечно, внутри «Идавёля» и выясняют, какую игру я выбрал. Не знаю, почему, но я уверен, что у них это получится. В конце концов, в Аламуте отличные хакеры. Если они убьют моего персонажа в игре, ему придётся восстанавливаться, и они воспользуются этим, чтобы узнать, через какую комнату я вошёл. Достать меня в ней нельзя, но, когда я закончу игру, убийцы уже будут поджидать снаружи. Я, конечно, могу продлить сеанс и оттянуть момент встречи, но рано или поздно придётся выйти и столкнуться с фидави лицом к лицу. Это меня нисколько не вдохновляет, поскольку против нескольких профессиональных убийц у меня шансов нет. Остаётся только участвовать в игре, чтобы взять тайм-аут и попытаться придумать какой-нибудь выход.

«Зона Армагеддона» предлагает мне сконструировать персонажа. Выбираю первый попавшийся аутфит, зато оружие и амуницию просматриваю довольно тщательно. Нажав «Ок», попадаю на страницу легенды игры. Снизу вверх идут титры:

После взрыва Бетельгейзе Земля погружена в радиоактивный хаос. Немногие выжившие собрались в колонии, чтобы противостоять опасностям нового мира - полчищам мутантов, мародеров и стихийным бедствиям, обрушившимся на планету.

Вы - член одного из уцелевших отрядов коммандос, которому поручено исследовать развалины Москвы, куда упал загадочный метеорит.

Пробежав текст взглядом, жму на кнопку «Дальше» и попадаю на страницу первой миссии. Выбираю «Инструктаж».

Вам предстоит вылететь на мультикоптерах в указанный на карте район Москвы, высадиться и провести разведку. По возможности уточнить место падения метеорита и взять образцы.

Опасайтесь мутантов, мародёров и отрядов конкурентов.

По прогнозам, через час ожидается радиокислотный дождь. Вы должны покинуть Москву прежде, чем он дойдёт до вас.

Что ж, развалины - это то, что надо. Надеюсь, мутантов будет не слишком много - не хочется тратить на них время: у меня есть дело поважнее.

Нажимаю «Далее», и в центре экрана возникает мерцающая надпись «Загрузка». Жду секунд пять, затем всё гаснет, и вот уже

лечу в мультикоптере с пятёркой спецназовцев.

«Идавёль» создаёт виртуальность в виртуальности. Я перенёсся в мир после катастрофы. Не совсем такой, которая постигла нашу планету в реальности, но многое наверняка окажется схоже.

Всё кажется абсолютно реальным: красноватое небо с чёрными рваными облаками, остовы машин, брошенных на шоссе, качающиеся на ветру разноцветные заросли, источающие ядовитые миазмы, от которых нас защищают осмотические фильтры, встроенные в шлемы.

Мы летим на высоте ста метров, почти касаясь верхушек уродливых деревьев, похожих на мохнатые лапы неведомых тварей.

Мои напарники по очереди представляются, я делаю то же самое. Мы команда, но лишь для меня это не игра, а вопрос жизни и смерти. Я всматриваюсь в лица за прозрачными забралами, но по их выражению нельзя угадать, есть ли в отряде фидави. Никто не шарит глазами по другим участникам игры - никто, кроме меня. Но это не значит, что среди нас нет ассасина. Я не могу доверять никому, ведь даже наш командир может оказаться киллером.

Мы летим не больше минуты, когда впереди появляются развалины Москвы. Мультикоптер проносится над остовами многоэтажек, делает вираж над зданием МГУ и устремляется к башням Кремля, чернеющим на фоне красного неба. Кругом царит запустение, груды ржавых автомобилей кажутся полчищами мертвых насекомых, из Москвы-реки торчат сброшенные зачем-то туда подъёмные краны и волнорезы обрушенных мостов.

Природа ещё не захватила город целиком, но от окраин к центру тянутся её с высоты похожие на щупальца заросли. Всё в целом напоминает некоторые пейзажи Бексински.

Мультикоптер опускается на Красную площадь, и мы высаживаемся в боевом порядке. Вертушка должна забрать нас через час - до того, как начнётся радиокислотный дождь. Времени очень мало, ведь я понятия не имею, где в игровой зоне терминал, и вообще, есть ли он.

Как только отряд оказывается на земле, мультикоптер взлетает и устремляется к горизонту.

Метеорит должен быть где-то неподалёку - в радиусе полукилометра. Мы рассыпаемся цепью и идём вдоль разрушенной стены. Мавзолей уцелел, но дверь выбита, и проход чернеет зловещим провалом. Командир посылает одного из бойцов с позывным «Юрген» проверить, нет ли ловушки.

Спецназовец исчезает в зиккурате, но через миг появляется и докладывает, что мутантов не обнаружено.

- А Ленин на месте? - интересуется игрок, представившийся Гошей.

- Естественно! - усмехается Юрген. - Всё такой же молодой, как когда на броневике выступал.

Отряд идёт дальше, и спустя полминуты из-за стены выскакивают мутанты - покрытые чешуёй гуманоиды с зубастыми пастями. Это уже выдумка разработчиков «Зоны Армагеддона»: после взрыва Бетельгейзе в реальности ничего такого не было.

Твари бросаются к нам, но не слишком ретиво - в начале игры участникам дают возможность осмотреться и привыкнуть. Мы расстреливаем мутантов и двигаемся дальше.

Я не хочу терять Гермеса: у него немалые деньги на счету, связи и великолепное прокаченное тело. Подобрать ему достойную замену будет нелегко: потребуются время, средства и усилия. Ждать же восстановления убитой личины некогда, ведь я должен работать. Поэтому я намереваюсь сделать всё, чтобы уцелеть.

Кроме того, мне нужно найти компьютер, чтобы проверить данные, вынесенные с сервера Шпигеля. Ясно, что, несмотря на желание остаться в живых, шансов выйти из «Идавёля» у меня мало, и это единственная возможность посмотреть, что я украл.

Наш отряд проходит на территорию Кремля. Здесь царит полная разруха: несколько зданий разрушены, среди руин лежат расколотые колокола, перевернутая Царь-пушка и задравшие в небо колёса бронетранспортёры. Всё засыпано осколками кирпичей и кусками бетона с торчащей арматурой. По земле разбросаны тела - это скелеты в полуистлевшей военной форме. Рядом с некоторыми валяются автоматы. Мы подбираем оружие вместе с запасными обоймами. Обыскиваем мертвецов в поисках аптечек и прочих полезных предметов, но ничего не находим.

Отряд идёт через развалины. Из-за обломков начинают выпрыгивать монстры. Мы занимаем круговую оборону и мочим их одного за другим. На этот раз попадаются твари, похожие на огромных собак, но и они здесь только для затравки. Серьёзные противники ждут впереди.

Покончив с очередной партией монстров, добираемся до здания правительства. У него отсутствует половина крыши, часть стены справа обрушена почти до основания.

Командир группы говорит, что изнутри поступает сигнал о помощи. По правилам игры мы обязаны его проверить - иначе с нас снимут очки. Мы понимаем, что это наверняка ловушка, но игнорировать побочный квест не можем. Задержка вызывает во

мне раздражение, но спорить с остальными бессмысленно, а, кроме того, это почти наверняка выдаст меня, если в отряде есть фидави.

Командир указывает на центральный вход, и к нему устремляются двое бойцов. Остальные идут в обход. Я в их числе.

Здание покрыто гарью и копотью, стёкла в окнах выбиты, рамы разворочены. На асфальте валяются обломки мебели, грязные занавески, ветер гоняет мусор.

Мы приближаемся к обрушенной стене. Из провала выскакивает зомби, вслед за ним вываливаются ещё двое. Они без одежды, тела покрыты струпьями, кое-где виднеются кости, глаза затянуты бельмами. С рычанием твари кидаются на нас.

Мы ожидали чего-то подобного, так что реагируем мгновенно, и на зомби обрушивается ливень пуль. Во все стороны летит кровь, монстры падают и замирают в живописных позах.

Расправляться с подобными противниками нетрудно, однако нельзя забывать, что в игре участвуют и живые игроки, причём далеко не все из них на нашей стороне. Я припоминаю текст инструктажа: где-то поблизости есть мародёры и отряды конкурирующих спецслужб, которые тоже хотят завладеть образцами загадочного метеорита или, по крайней мере, не дать это сделать нам. Кроме того, некоторые геймеры играют за монстров, и они будут действовать хитро и обдуманно - совсем не так, как твари, попадавшиеся нам до сих пор.

Мы входим в здание. Свет проникает лишь через выбитые окна. Я напоминаю себе, что это только игра, и нужно держать ухо востро.

Откуда-то доносится то ли стон, то ли протяжный крик. В шлемофоне раздаётся голос командира:

- Группа два, как слышите?

- Отлично! - отвечает кто-то из бойцов, проникших в здание через главный вход. - Поднимаемся на третий этаж по центральной лестнице. Пока на счету двое убитых зомби.

- У нас трое, - говорит командир. - Проверьте сигнал, а мы - чёрную лестницу. Возможно, отходить придётся по ней.

- Вас поняли.

Мы идём к лестнице, узкой и заваленной мусором. Здесь есть лифт - то ли грузовой, то ли для персонала. Он сломан, и через открытые двери видна провалившаяся и перекошенная кабина. Внутри лежат два трупа в военной форме.

Поднимаемся по ступеням на второй этаж, не встретив ни одного монстра.

Интересно, можно ли в этой игре застрелить члена своего отряда. Чтобы это выяснить, я навожу оружие на одного из

бойцов. Прицел остаётся красным - можно стрелять. Жаль. Это сильно упростит ассасинам задачу, если они вычислят меня.

Мы идём мимо комнат с выбитыми дверями. Повсюду видны последствия визитов мародёров. Я понимаю, что здесь компьютера быть не может. К сожалению, мне необходим местный терминал - по правилам «Идавёля» и благодаря введённым разработчиками сервера ограничениям, подключиться к Сети при помощи имплантатов внутри пирамиды невозможно, так что без здешнего компьютера я не могу ни просмотреть украденные данные, ни закачать их в «облако». Впрочем, на последнее у меня и так не будет времени.

Снова доносится приглушённый стон.

- Давайте проверим, кто это, - предлагает Юрген.

Остальные соглашаются: обычно тяжелораненые персонажи имеют, что сказать.

Мы пересекаем этаж и поднимаемся выше, не встретив ни одного монстра. Обстановка становится всё мрачнее - верный признак, что вот-вот должны появиться противники.

Поднимаемся ещё выше, на четвёртый этаж, и идём по грязной ковровой дорожке. В конце коридора - широкий дверной проём. Дойдя до него, останавливаемся.

Мы на пороге огромного пустого зала, спускающегося амфитеатром.

- Всего один выход, - тихо замечает Юрген. - Если нас здесь накроют, то наверняка перебьют.

Я осматриваюсь. В стенах множество вентиляционных отдушин, слишком крупных для того, чтобы быть настоящими. Похоже, внутренняя планировка здания в игре не соответствует реальному прототипу.

- Ловушка! - констатирует Юрген.

- Согласен, - отзывается командир.

- Что будем делать? - спрашиваю я.

Из-за нижних рядов скамеек доносится стон. Значит, раненый здесь - он, безусловно, наживка. Никому из нас не хочется спускаться, но, скорее всего, разговор с ним необходим для успешного выполнения задания.

- Ладно, идёмте, - говорит командир.

Юрген кивает.

- Иначе придётся возвращаться, - говорит он.

Юрген хорошо понимает законы игры.

Мы начинаем спускаться по центральной лестнице, держа оружие наготове. Пока всё тихо. Нам наверняка дадут поговорить с раненым, но потом выбраться из этого зала будет нелегко.

Спустя полминуты мы находим лежащего на полу мужчину.

Юрген трогает его концом ботинка. В ответ раздаётся слабый стон.

- Кто вы? - в голосе раненого испуг.

- Спецназ, - говорю я.

- Вы пришли спасти нас? Уже слишком поздно. Они повсюду, спрятаться негде! - речь бота должна запугать нас, но мне нужна информация о терминале. Дождавшись, когда раненый замолкнет, я говорю:

- Мы получили сигнал бедствия. Откуда он идёт?

- Никто не выжил, кроме меня! - качает головой мужчина. В его голосе появляются истеричные нотки, глаза вспыхивают безумным блеском. Он вскидывает голову и смотрит мне прямо в лицо. - Остался только один терминал, на восьмом этаже, в комнате охраны. Но он едва ли работает: энергия отключена во всём здании. Так что не знаю, откуда поступает сигнал. Бегите, спасайтесь!

- Сколько здесь мутантов? - вступает в разговор Юрген. Теперь, когда мы получили информацию первостепенной важности, он хочет выяснить, насколько трудно будет добраться до источника сигнала.

- Они везде, везде! - восклицает бот.

- Из этого зала есть другой выход? - спрашивает командир.

- Кто вы? - вместо ответа произносит раненый. Становится ясно, что запас его реплик исчерпан, и бот начинает цикл заново.

- Больше от него ничего не добиться, - говорит Юрген. - Пора сваливать.

Он прав: задерживаться здесь не имеет смысла.

Мы начинаем подниматься по лестнице, и тут в зал вбегают зомби. Их всего восемь, но они вооружены пожарными топорами и кирками. Мы тут же открываем огонь, пули рвут мертвецов в клочья, и они падают, как подкошенные, но тут же встают - похоже, эти зомби круче предыдущих.

Нам удаётся преодолеть ступеней пять, прежде чем в зал врывается ещё и десяток мутантов. Среди них волки и какие-то приземистые твари вроде крокодилов. Вся эта орава прёт на нас, и Юрген с командиром используют подствольные гранатомёты.

Раздаются взрывы, во все стороны летят вывороченные скамейки и ошметки дымящегося мяса. Из чёрного дыма и огня выскакивают зомби и новые твари. Мы палим со всей дури, но приходится отступать. Некоторые зомби швыряются топорами, и от одного я едва успеваю уклониться. В следующую секунду выпускаю в лицо обидчику короткую очередь, и его мозги брызгают во все стороны.

Спустя пару минут нас загоняют в низ амфитеатра.

Укрывшись за рядами скамеек, мы отстреливаемся, понимая, что рано или поздно твари нас достанут. Лестница завалена трупами, повсюду полыхает огонь, между креслами стелется чёрный дым. Мутанты всё прибывают. Похоже, разработчики игры решили, что на этом этапе число спецназовцев непременно должно сократиться.

Решётки, закрывающие вентиляцию, вылетают, и из шахт валятся зомби и мутанты. В нас летят пожарные топоры, но это ещё не самое страшное: появляются зомби с коктейлями Молотова в руках. Нас забрасывают бутылками, во все стороны летят осколки и брызги горящего бензина. Командира охватывает пламя, и он стремительно теряет пункты жизни. Мы выпускаем гранаты, враги разлетаются на куски, но на смену им являются новые. Юрген кричит, не снимая пальца со спускового крючка. Похоже, до терминала я не доберусь!

Вдруг зомби и мутантов становится меньше, и мы слышим в шлемофонах голос одного из членов отряда:

- Народ, вы где? Мы на четвёртом этаже валим зомби!

- Мы перед вами! - отвечаю я. - В конференц-зале. Заняты тем же самым!

- Уродов ещё много?

- Вроде, стало поменьше, - разношу голову зомби, подобравшемуся слишком близко. - А у вас?

- Штук пятнадцать. Мы уже нехило ранены, использовали по паре аптечек.

Мы поднимаемся из укрытий и идём навстречу врагу. Мутанты и зомби падают один за другим. Кажется, атака, наконец, сходит на нет. Мочим последних тварей и вываливаемся из зала в коридор.

- Потери есть? - спрашивает командир. Он сбил пламя и подлатался медпакетами.

- Нет, слава Богу.

- Что-нибудь выяснили насчёт сигнала?

- Нет. Нас тормознули зомбаки. А вы?

- Поговорили с раненым. Возможно, сигнал идёт с восьмого этажа. Там есть комната охраны с сохранившимся терминалом.

- Это может оказаться ловушкой, - резонно замечает один из спецназовцев.

- Проверить всё равно придётся, - отвечает командир.

Мы встречаемся с двумя товарищами возле чёрной лестницы. Они выглядят здорово потрепанными. Поднимаемся на восьмой этаж. Дважды нас атакуют мутанты вперемешку с зомби, но мы относительно легко уничтожаем их.

- Времени осталось двадцать восемь минут, - замечает

командир.

Добравшись до восьмого этажа, идём по заваленному мебелью и хламом коридору, заглядывая во все помещения. В некоторых двери выбиты, в других - нет. Две или три оказываются заперты, и нам приходится высаживать замки пулями. Терминала нигде нет.

Время идёт, а мы никак не можем определить нужное место, а ведь это всего лишь побочная миссия - нам ещё предстоит отыскать метеорит, взять образцы и выбраться отсюда. И возвращение к месту эвакуации не будет лёгким, это уж как пить дать.

Наконец, Юрген радостно восклицает: в проверенной им комнате обнаруживается пункт охраны. Здесь на стене висят разбитые мониторы, валяется перевёрнутое кресло, по полу разбросаны упаковки от фастфуда и картонные стаканчики. Стол занимает небольшой старый терминал, от которого и исходит сигнал: компьютер работает от переносного аккумулятора вроде автомобильного.

- Это здесь! - с облегчением говорит командир. - Занять оборону.

Мы выстраиваемся перед дверью, нацелив автоматы в обе стороны коридора.

Командир подходит к терминалу и проверяет сохранённые файлы. Я наблюдаю за ним краем глаза. Мне ещё придётся сюда вернуться, несмотря на катастрофическую нехватку времени.

- Здесь есть видеозапись, - говорит командир, просматривая файлы. - Она должна помочь нам добраться до метеорита. Это послание одного из охранников. Он утверждает, что под территорией Кремля есть подземелья. Древний лабиринт. Метеорит находится там.

- А как туда попасть? - спрашивает Юрген.

- Сейчас-сейчас, подождите… Ага! Вход расположен под Царь-колоколом.

Раздаётся сигнал. Он исходит от терминала. На экране появляется таймер, отсчитывающий пятнадцать секунд.

- Бежим! - командир вылетает из комнаты, расталкивая игроков. - Бомба!

Спецназовцы бросаются вслед за ним, а я в ужасе смотрю на экран терминала. Через семь секунд мой единственный шанс просмотреть файлы будет уничтожен.

Терять мне нечего, так как без компьютера игра теряет для меня смысл. Бросаюсь к терминалу и вырываю из гнёзд провода, соединяющие его с аккумулятором, надеясь, что это поможет. Экран пару раз мигает, а затем гаснет. Осторожно вставляю

штекеры обратно и включаю компьютер. С замиранием сердца жду, не сработает ли бомба.

На мониторе появляется список файлов и программ. Таймера нет! Значит, у меня получилось. Откладываю оружие и торопливо взламываю систему. Подключаюсь к ней и загружаю украденные файлы. Они проносятся стремительным потоком через экран и одновременно - сквозь моё сознание. Увлечённый процессом, я не замечаю, как на пороге появляется один из игроков. Только когда он наводит на меня автомат, я резко оборачиваюсь. Это Юрген! На его лице застыла торжествующая усмешка.

Мне нужно ещё несколько секунд.

- Я отключил бомбу, - говорю я, чтобы выиграть время. - Зря убежали.

- Он в комнате охраны, - говорит по рации Юрген, оповещая остальных фидави. - Наш объект.

Что ж, мне не удалось его обмануть - да я особо и не рассчитывал. Бросаю взгляд на экран. Остатки информации запечатлеваются в моём мозгу. Просмотрю я их позже. Если выживу.

Можно уходить, однако Юрген нажимает на курок, и меня отбрасывает к стене. На внутренней стороне моего забрала индикатор показывает, как шкала жизни стремительно падает вниз: мой персонаж погибает. Применять аптечки бессмысленно: автомат лежит на столе, а фидави сейчас выстрелит снова.

Нельзя терять ни секунды. Вызываю меню игры и выбираю опцию «Выход». Программа уточняет, уверен ли я, что хочу прервать игру. Теряя драгоценное время, отвечаю «Да», и лишь тогда «Зона Армагеддона» меня выпускает.

Выскакиваю из комнаты и несусь к выходу. Боковым зрением вижу, как из соседних кабинок вываливаются фидави. В руках у них автоматы. Я немного опередил их, но поможет ли мне это? Судя по всему, нет.

Ассасины открывают огонь, невзирая на то, что вокруг полно народу - грязная работа, совсем не характерная для киллеров Аламута. Должно быть, им ОЧЕНЬ хорошо заплатили. Пули-вирусы свистят вокруг меня, но по счастливой случайности в цель не попадают. Пока.

Затравленно озираясь, несусь к выходу, не представляя, что буду делать, когда выберусь из «Идавёля».

Впереди возникают фигуры охранников. У них тоже есть оружие. С воплем «Помогите!» бросаюсь к ним. В конце концов, я - жертва, и они - моя последняя надежда.

Секьюрити быстро смекают, что к чему, и открывают огонь по бегущим сквозь толпу фидави. Они тоже не слишком щепетильны

и лупят, не задумываясь о том, что могут попасть в посетителей пирамиды. Наверное, руководство игрового сервера улаживает последствия их служебного рвения само - иначе его объяснить трудно. Возможно, пострадавшим выплачивают компенсацию. По законам виртуальности, в таком случае виновный в гибели личины не подвергается наказанию. Как и в настоящем мире, здесь многое способны решить деньги. Большие деньги.

Я падаю перед охранниками на пол и переворачиваюсь, чтобы видеть своих преследователей. Они петляют, используя посетителей «Идавёля» в качестве живых щитов, и вовсю отстреливаются. На полу уже куча убитых и раненых, воздух наполнен воплями ужаса. Люди в панике разбегаются во все стороны. Пространство между секьюрити и ассасинами быстро пустеет. Они палят друг по другу, и у фидави это получается гораздо лучше. Двое охранников уже мертвы, оставшиеся начинают медленно отступать. Я отползаю следом, вокруг меня щёлкают рикошетящие от пола пули.

Ещё один секьюрити падает, истекая кровью. Оглянувшись, вижу, что ассасины тоже понесли потери: двое из них слегка прихрамывают.

- Стреляйте по раненым! - кричу я охранникам.

Они слышат меня и тут же сосредотачивают огонь на хромых фидави, которые, не имея возможности увернуться, падают замертво.

Однако их товарищи приближаются очень быстро и стреляют крайне метко: под их натиском охранники валятся один за другим, так что спустя несколько секунд я оказываюсь один посреди трупов.

Успевают прикончить одного из ассасинов, пустив ему пулю в живот, но остальные расстреливают меня практически в упор.

Я чувствую, как пули входят в грудь, живот, руки, ноги и лицо - кажется, ни один участок тела не остаётся без внимания. Это чертовски больно. Просто адски! Виртуальность иногда очень похожа на настоящую жизнь.

Я умираю. Вернее, умирает Гермес.

Мою личину выследили и уничтожили - ещё одна потеря в череде преследующих меня в последнее время.

Глава 11

Наверняка Фёдор знает, где Виктор. Возможно, даже прячет его в доме. Надо на днях обыскать подвал и чердак. Хорошо бы раздобыть собак, чтоб взяли его след (сторожевые доберманы не подходят: они не нюхачи), но боюсь, не смогу совладать с собой и позволю псинам задрать ублюдка. А жаль: могло бы получиться довольно весело.

Перед тем как войти в Киберград, я отсыпался, и мне приснилось, будто потолок в гостиной треснул. Прямо от стены до стены, и через образовавшуюся дыру мне в лицо сыпался то ли песок, то ли бетонное крошево, а я не мог встать и только жмурился, чтобы не запорошило глаза.

Утром я долго боролся с желанием позвонить Зое. Наверное, в конце концов и позвонил бы, но не придумал, что сказать. К счастью, я всегда могу уйти в Киберград - что я и сделал.

Около полудня в особняк заявились полицейские, но я велел Фёдору сказать, что меня нет дома. Он объяснил детективам, что произошло с Евой, его жена всё подтвердила. До меня доносились обрывки разговора. Фёдор уверял, что имел место несчастный случай, но его слова на полицейских впечатления не произвели. Они оставили номера для связи на случай, если объявится Виктор. Ему выносилось предупреждение, и его ставили на учёт. При следующем инциденте, заявил детектив, власти уже не будут снисходительны. После ухода полицейских Фёдор пересказал мне подробности разговора, но они не добавили к подслушанному ничего существенного.

Звоню в больницу. Мне говорят, что Еве стало хуже, и в палату её не перевели. Какой-то рецидив. С внуком сидит няня, которую нашла Мила, так что ребёнок под присмотром, но почему Ева не идёт на поправку?

Часа полтора хожу по дому расстроенный, безо всякого желания заниматься делами. Может, подкупить врачей, чтобы попасть к Еве в реанимацию? Наверняка это возможно.

Наконец, беру себя в руки и еду в офис. Прошу Генриха не включать в машине музыку: совершенно нет настроения.

По дороге обдумываю текучку.

Проблему Шпигеля я решил. Осталась Марна. Ехать к ней или вызвать сюда? Пока её папаша официально жив, время терпит. Главное - никакой суеты.

Когда мы подъезжаем к небоскрёбу, и я выхожу из «Бэнтли», уходящее в небо здание неожиданно производит на меня гнетущее впечатление: наверное, пора взглянуть правде в глаза и

признать, что мне никогда не подняться на последний этаж - туда, где сидят мега-магнаты, вершители судеб. Сколько бы я ни пыжился и ни карабкался, я всё равно останусь бизнесменом средней руки: никакие забальзамированные уродцы не вознесут меня на вершину. Чтобы торговля смертью приносила астрономический доход, надо или скупить все кладбища, или продавать оружие.

Поднимаюсь в свой офис, погружённый в мрачные мысли. Должно быть, этот приступ пессимизма спровоцирован потерей Гермеса, тем фактом, что на меня охотятся фидави, и рецидивом болезни Евы.

- Мила, - говорю я с порога, - у меня в кабинете сгорела ванна. От кислоты. Я экспериментировал с образцами. Будь добра, вызови рабочих установить новую. И зайди потом ко мне, я выпишу тебе премию.

- Спасибо, господин Кармин, вы очень добры! - секретарша расплывается в счастливой улыбке.

Иногда я думаю, чем она занимается в реальной жизни, если в виртуальности служит секретаршей? Раз деньги на то, чтобы платить за Киберград, у неё имеются, значит, не бедствует. Возможно, какая-нибудь богатая вдовушка проживает таким образом вторую молодость? Днём - работа в офисе, вечером - вечеринки в барах и секс без обязательств. Кормление и расчёсывание кота, разговоры с подружками по терминалу, просмотр мелодрам, когда одиноко и идёт дождь… Ну, или наоборот: Мила трудится в моём офисе, чтобы платить за жизнь в реальности. И вообще, может быть, на самом деле она старый, толстый, уродливый мужик.

Впрочем, это меня не касается, а сейчас и вовсе не до предположений относительно реальной жизни Милы.

Войдя в кабинет, скидываю пиджак и сажусь за стол. Почти сразу звонит интерком. Нажимаю розовую кнопку - пуп моего виртуального существования.

- В два часа придёт мистер Фарли, - сообщает Мила. - Помните, такой противный толстяк, от него ещё всегда жутко воняет луком?

- Ну, конечно.

Ещё бы: как забыть ходячий пончик, начинённый пореем?! С вечной испариной и нервным подмигиванием. Поистине, некоторые юзеры поражают меня выбором личин. В мире, где можно выглядеть, как Адонис или Афродита, они конструируют то, что принято называть «альтернативной внешностью» (уж не знаю, почему люди думают, будто «внешность, альтернативная красивой», звучит лучше, чем «уродство»). В чём тут дело?

Отражение комплексов? Желание выделиться из толпы? Эксперимент? Быть может, мистер Фарли в реальной жизни умопомрачительный красавец, уставший от того, что женщины вешаются на него толпами, а мужчины начинают завидовать, стоит ему войти в комнату?

- Он сказал, чего хочет? - спрашиваю я Милу.

- Купить набор сиамских близнецов для своего племянника.

- Подарок малышу? - усмехаюсь я. - На день рождения, надо полагать?

- Нет, его племянник - студент-медик. Образцы нужны ему для работы.

- Понятно. Скажи, чтобы набор доставили ко мне в кабинет к половине второго.

- Хорошо, господин Кармин. Есть информационные сводки за последние сутки. Хотите послушать?

- Давай, - я располагаюсь в кресле поудобнее.

- Вчера в восемь часов вечера японское правительство запретило персоналу родильных домов выдавать трупы мёртворождённых младенцев родителям. Отныне все детские тела будут изыматься специально учреждённой службой и кремироваться. Китай также заявил о жёсткой позиции в отношении экономической эксплуатации мёртворождённых. Теперь лица, замешанные в подобного рода правонарушениях, будут считаться пособниками убийства, ибо известно - цитирую - «что многие женщины специально провоцируют выкидыши, поддаваясь соблазну лёгкого заработка».

Какой бред! Всё это имело бы смысл, будь мой бизнес частью реального мира, но в виртуальности вводить подобные запреты попросту нелепо - ведь из-за них настоящие дети не перестанут рождаться мёртвыми.

- Похоже, скоро дойдёт и до нас. Как тебе кажется? - говорю я.

- По правде сказать, не думаю.

- Почему?

- Женская интуиция, господин Кармин. Да, и потом, слишком многим необходимы наши услуги. Не пропадём.

- Ну-ну, твоими бы устами… - усмехаюсь я. - Есть ещё что-нибудь?

- Нет, это всё.

- Хорошо, тогда займись тем, о чём я просил.

- Да, господин Кармин.

Отключив интерком, разворачиваю кресло к окну: мухи плотно облепили стекло - кажется, они упорно пытаются проникнуть внутрь. Их тяжёлые чёрные тела разгоняются и бесшумно бьются о прозрачную преграду - как я уже говорил, все

офисы в здании звуконепроницаемы. Похоже, это всё-таки шпионские программы, только странно, что защитные системы небоскрёба до сих пор их не уничтожили.

На всякий случай запускаю сканер. Через пару минут он выдаёт отчёт: всё чисто, никто не пытается проникнуть в файлохранилище или инфраструктуру фирмы.

Насекомые когда-то были самым многочисленным классом животных на Земле. До того, как Природа поглотила их. Но в городах остались мухи и тараканы. По идее, теперь их следует считать выпавшим звеном эволюции. Как и человечество, кстати.

Я нажимаю розовую кнопку:

- Мила, ты когда-нибудь думала о том, что крысы, бегущие с корабля, - это новое поколение?

- Поколение чего? - секретарша явно сбита с толку.

- Эволюции. Ты согласна, что только выживший может дать потомство?

- О, да, конечно! Само собой.

- Ну, так как насчёт крыс?

Какое-то время Мила молчит.

- Пожалуй, вы правы, господин Кармин, - отвечает она, наконец.

- В таком случае попроси кого-нибудь пересчитать всех крыс в нашем здании.

- Боюсь, у нас их нет, - кажется, секретарша обескуражена. Но и я тоже: мне казалось, что грызуны вездесущи, будь то реальный или виртуальный мир.

- Это почему?

- Требование санитарной нормы. Всех грызунов давно истребили. Они разносили вирусы и вредоносные…

- Всё ясно. Тогда приобрети мне парочку в зоомагазине. Разных полов.

- Хорошо, господин Кармин. Это срочно?

- Нет, подождёт до завтра.

Чем дальше мы идём, тем труднее возвращаться. Чем труднее возвращаться, тем меньше мы этого хотим. Чем меньше мы этого хотим, тем сильнее желание идти дальше. Чем сильнее желание идти дальше, тем быстрее мы устаём. Чем быстрее мы устаём, тем сильнее желание остановиться. Сделать остановку - значит впасть в отчаяние.

Так говорил мой отец. До того, как утонул в Финском заливе. Мать сказала, он заплыл слишком далеко, и у него не хватило сил дотянуть до берега. Но, вспоминая его слова, я иногда думаю: «А хотел ли он вернуться?» Может быть, он сделал ту самую роковую остановку, когда сил идти вперёд уже нет, а смысла возвращаться

- и подавно?

Я часто вспоминаю его - не то, как он играл со мной в детстве, а каким он был в последние годы. Тогда отец казался мне очень старым.

Иногда он делился со мной обрывками своих мыслей, облекая их в форму афоризмов. Не знаю, было ли ему важно, чтобы я его понимал, но я запоминал его слова, составляя из них коллекцию.

Последнее, что он сказал: «Подниматься на гору мешает не её высота, а то, что остаётся у её подножья». Потом отец разбежался и прыгнул в воду. С тех пор живым я его не видел.

Похоже, я и мать тяготили его - а может, весь образ жизни, который он вёл. И он оставил нас у подножия своего Эвереста. Было ли для отца это шагом отчаяния или, напротив, силы? Я думаю, он просто сошёл с ума. Для меня лишение себя жизни неприемлемо в принципе. Иногда мне кажется, что без меня мир исчезнет, что вселенная существует лишь потому, что существую я. Знаю, мысль не нова, однако разве это делает её неверной?

Я никогда не понимал и не принимал поступок отца. Для меня он навсегда останется безумцем, предавшим меня, мою мать и себя самого.

Впрочем, я даже не уверен, что отец нарочно заплыл так далеко. Возможно, это был просто несчастный случай. Иногда чьи-то слова так искажают наше представление о происходящем, что мы сами выстраиваем на их основе иллюзию, ничего не имеющую общего с действительностью.

- Привезли образцы для мистера Фарли, - сообщает Мила по интеркому.

- Пусть заносят.

Неужели уже половина второго?

Дверь открывается, и входят посыльные. В руках они держат запечатанные коробки.

- Поставьте под стол, - говорю я, вставая с кресла. - Да, вот сюда. Благодарю вас.

Курьеры аккуратно размещают товар там, где велено: они работают на моём заводе и знают, с чем имеют дело.

Когда они уходят, я возвращаюсь в кресло.

Сколько ещё уродов мне нужно продать, чтобы добрать до вершины небоскрёба? Тысячи? Сотни тысяч? Хватит ли мне на это жизни? Может, стоило выбрать дело поприбыльнее? Например, торговать оружием или медикаментами. Наверное, ещё не поздно. Стартовый капитал у меня есть, так что сменить сферу деятельности не проблема.

Предаюсь размышлениям на эту тему, когда в интеркоме

раздаётся голосок Милы:

- Пришёл мистер Фарли.

- Приглашай, - отвечаю я, поднимаясь из кресла.

Американец заходит в кабинет с широкой улыбкой на лоснящемся лице. Фарли мне отвратителен: кусок жира, затянутый в презентабельность. Широкий светло-синий костюм в крупную полоску плотно облегает его толстые ляжки и живот. Бордовый галстук выбивается из-под лацканов пиджака, а золотая булавка выглядит как надкусанная медаль почётному обжоре.

- Добрый день, - говорит Фарли и протягивает мне для рукопожатия свою потную ладошку. - Вам сообщили о том, что меня интересует?

Благодаря встроенной в каждую личину (и в программу-симулятор) прошивке, в виртуальности не имеет значения, на каком языке говорит человек - любая речь переводится автоматически в особый код, воспринимаемый собеседником как родной язык.

- О, да, разумеется, - я извлекаю из-под стола три коробки с сиамскими близнецами: белыми, азиатскими и чернокожими. Открываю их одну за другой и выстраиваю на столе резервуары.

- Прекрасно! - толстяк облизывается, словно ему подали трюфеля. - Мой племянник будет в восторге.

«Смотри, не съешь их по дороге!» - думаю я, а вслух говорю:

- Цена стандартная: восемьдесят тысяч.

- Конечно, я выпишу чек.

- Как вам удобно, - отвечаю я любезно. - Можно упаковывать?

- Да, я вам доверяю.

- Спасибо.

Пока толстяк выписывает чек, засовываю близнецов обратно в коробки.

- Вот, - Фарли, отдуваясь, словно только что пробежал пару километров, протягивает мне листок, исписанный нулями. - Не могли бы вы послать этих красавцев прямо моему племяннику?

- Конечно, только дайте его адрес.

Толстяк снова принимается водить ручкой по бумаге. Кажется, это отнимает у него последние силы, поскольку он отдувается и пыхтит, как паровой котёл.

- Держите! - говорит он, наконец, с гордостью протягивая мне результат своих трудов.

После ухода американца Мила заглядывает в кабинет, чтобы сказать, что явились рабочие с новой ванной, поэтому не соглашусь ли я пока где-нибудь погулять? Я отвечаю, что поеду домой.

- Присмотри за ними, - говорю я перед тем, как уйти. - Чтоб

ничего не прихватили. И жучков не оставили.

- Не беспокойтесь, господин Кармин. Если они даже каким-то чудом и сумеют сюда что-то пронести, я обязательно проверю после их ухода ваш кабинет сканером.

Дома я первым делом припираю Фёдора к стенке в надежде выяснить, где прячется Виктор, но дворецкий открещивается и вообще играет в несознанку. Тогда я требую подать обед, а сам отправляюсь в душ. Пока моё виртуально тело стоит под несуществующими струями, я выхожу из Киберграда и отправляюсь в настоящую ванну. Тёплая вода помогает расслабиться, так что даже не хочется вылезать. Но всё приятное, к сожалению, когда-нибудь кончается. Я должен вернуться в виртуальность и поработать над тем частями «Алефа», которые хранятся под паролем-идентификатором Кармина.

И вот я сижу в своём особняке перед терминалом, глаза у меня собираются в кучу, и тут звонит Мила и говорит, что в офис припёрся Фернен и хочет срочно со мной переговорить. Я отвечаю, что буду через полчаса, и, радуясь вынужденному перерыву, начинаю одеваться.

Когда я вхожу в офис, француз поднимается мне навстречу.

- Прошу в мой кабинет. Простите, что вам пришлось ждать.

- Я должен был договориться о встрече заранее.

Мы проходим в кабинет. Я сажусь за стол, Фернен - напротив.

- Мне необходимо с вами поговорить, - француз кажется взволнованным и возмущённым. Интересно, с чего бы? Неужели наш товар его не удовлетворил?

- Я вас слушаю.

- В утренней газете - я имею в виду французскую газету, конечно, - так вот, там написали, что во многих странах запретили ваш бизнес. Это правда?

- К сожалению, да, мсье Фернен.

- Но, я надеюсь, Киберграда это веяние не коснётся?

- Как знать. Впрочем, моя секретарша убеждена, что нет.

Фернен морщится.

- Эти женщины! Что они понимают?

Я пожимаю плечами.

- Интуиция. Если не верить в неё, то остаётся лишь надеяться.

Фернен беспокойно ёрзает в кресле. Мне странно видеть

этого всегда невозмутимого человека в волнении. Неужели его выбили из колеи проблемы коллекционирования? Это кажется странным. А впрочем… у каждого свои слабости.

- Но ведь это глупо! - восклицает Фернен. - Запрещать то, что востребовано, то, что *необходимо*. Сколько можно заниматься формализмом? Ведь ясно как день, что мир изменился, и люди больше не покупаются на то, что когда-то казалось очевидным. Все устали от нравоучений. Желание независимости толкнуло человека на поиски своего «я», а такие устремления, как известно, всегда кончаются индивидуализмом и эгоизмом.

- Которые, в свою очередь, зачастую приводят к чрезмерно завышенной самооценке, - вставляю я, видя, что собеседника прорвало и понесло. Господи, зачем я сюда припёрся? Похоже, Фернену попросту надо выговориться, и я попал под раздачу.

- Потребность в самостоятельности нельзя отделить от желания власти - это два конца одной прямой, - говорит Фернен. - Никто не хочет подчиняться, все хотят повелевать. Это потребность духа. Человечество находится на гране истерики, оно должно выродиться, чтобы прийти в себя, и чтобы выздоровление было полным, оно должно выродиться окончательно! - Фернен достаёт из кармана носовой платок и вытирает проступившую на лбу испарину. Похоже, пламенная речь далась ему нелегко.

- То, что мир болен - мысль не новая, - замечаю я.

- Вы правы, но заболевание может длиться очень долго, прежде чем наступит кризис, а поставить диагноз вовсе не значит излечить.

- Вы считаете, это происходит именно сейчас? Я имею в виду истерику и вырождение.

- Ну, разумеется!

- Почему?

- Попытка избавиться от того, что уже существует, и есть свидетельство несостоятельности современного миропорядка. Я имею в виду атаку на ваш бизнес, предпринятую на государственном уровне.

- Понятно.

- Это симптом глобального процесса. Цивилизация не может вечно совершенствоваться. Мы живём в век материи. Посмотрите, что нас окружает. Вещи, вещи и ещё раз вещи. Целое море предметов, большинство из которых существует вовсе не для пользы человека. Они создаются во имя прогресса и являются его символами. Единственное их назначение - устаревать. А главный признак совершенства - соответствие своему назначению. Например, черви являются шедевром эволюции, ибо у них есть всё, что необходимо (рот, кишечник, кровеносная и нервная

системы), но нет ничего, что им не нужно (глаза, конечности, шея). Упрощение тоже может быть совершенством.

- Мсье Фернен, неужели вам хочется, чтобы человечество стало похоже на червя?

Француз морщится от такой примитивной формулировки.

- Вы говорите, исходя из предположения, что червь отвратителен, - отвечает он. - Однако данная предпосылка не объективна.

- Согласен. С точки зрения природы, червь совершенен. Вернее, был совершенен. До того, как течение эволюции на Земле кардинально изменилось. Видите ли, мсье Фернен, помимо так называемого естественного хода вещей существуют непредвиденные факторы. И они вступают в игру довольно часто, что, кстати, - как ни парадоксально - позволяет считать их частью естественного хода вещей.

Фернен несколько секунд смотрит на меня, переваривая услышанное. Я решаю воспользоваться паузой, чтобы закончить наскучившую мне дискуссию. Спасибо французу за то, что устроил мне перерыв, но и дальше слушать его высокопарное нытьё - благодарю покорно!

- Не думаю, что существование нашей фирмы имеет такое уж экзистенциальное значение, - говорю я. - Право, мсье Фернен, не волнуйтесь за нас. Что бы не случилось, мы не оставим своих клиентов на произвол судьбы и чёрного рынка.

- Боюсь, вам самим придётся стать его частью.

- Не частью. Сутью.

Фернен поднимает брови.

- Я вижу, вы не из тех, кто покоряется, мсье Кармин.

- Вы сами сказали: больше никто не хочет подчиняться.

- Это верно, только одного желания мало. Необходимо иметь силу.

- Вы сомневаетесь во мне, мсье Фернен?

Француз окидывает меня внимательным взглядом.

- Я надеюсь остаться вашим клиентом при любом раскладе, - говорит он вместо прямого ответа.

- Мы всегда работали на радость людям. Ничто не помешает нам продолжить эту славную традицию.

Фернен встаёт.

- Что ж… Простите за беспокойство - к тому же, как я убедился, напрасное. Если не возражаете, я порекомендую вашу фирму одному доброму знакомому. Не так давно я узнал, что он испытывает потребность в вашей продукции.

- Конечно, мсье Фернен. Но я надеюсь, вы помните, что мы не имеем дела с олигофренами?

Фернен поднимает брови.

- Вы имеете в виду моего знакомого? Разве я дал повод…?

- О, нет, ни в коем случае! - спохватываюсь я, осознав свою ошибку. - Просто при последней нашей встрече вы упомянули, что ваш друг интересуется носителями данного заболевания.

Фернен кивает.

- Понятно, - говорит он, направляясь к двери. - Нет, речь об ином моём знакомом. Маленькое недоразумение. Всего доброго.

Чёртов параноик! Припёрся только для того, чтобы изложить парочку своих вшивых мнений. Тоже мне философ. Энциклопедия задрипанных истин. Боится помереть и тешит себя мыслью, будто настал конец света.

Уходя из офиса, спрашиваю Милу, не забыла ли она про крыс.

- Нет, господин Кармин, - отвечает секретарша. - Вы уверены, что они вам нужны?

- На сто процентов.

- Хорошо. Как скажете.

Не знаю, существует ли Бог. Хорошо, если да. В конце концов, в мире столько всего, о чём мы и не подозреваем. Когда-то люди понятия не имели о существовании электричества, но это не значит, что его не было.

Иногда я думаю: если Бога нет, то откуда в нас тоска по раю? Можно, конечно, объяснить это стремлением вернуться в утробу, но я, например, не хочу снова оказаться во влажной темноте. Я мечтаю о… В самом деле, о чём? Никогда не думал об этом. Пределом моих фантазий было купить офис на последнем этаже небоскрёба. Во всяком случае, меня совершенно точно не интересуют зелёные кущи, лужайки и клумбы, среди которых разгуливают животные. Всё это можно получить, заплатив программистам.

Некоторые называют виртуальность раем. Я - нет. Моя дочь в больнице, сын в бегах, полиция скоро начнёт дышать мне в затылок, конкуренты наступают на пятки, радетели нравственности ненавидят - разве это похоже на тихий уголок, где можно, позабыв о проблемах, насладиться покоем?

В Киберграде есть церкви и храмы самых разных религий, но я сомневаюсь, что Великий Архитектор, какое бы имя он ни

носил, заглядывает в виртуальность, чтобы послушать молитвы верующих. С другой стороны, может, для него и нет разницы, откуда к нему обращаются.

Будь Ева настоящей, я бы поставил за неё свечку, но она ведь только личина. И как бы ты ни погружался в виртуальную жизнь, полностью забыть о том, что происходящее - иллюзия, невозможно. Есть принципиальная разница между ней и действительностью, и заключена она в смерти. Смерть определяет истинное бытие. В Кибермграде гибель временна и условна. Там всё поправимо. В реальной жизни конец окончателен.

Интересно, как долго Виктор намерен скрываться. Рано или поздно ему придётся объявиться. Если, конечно, он не купил себе новую личину, бросив прежнюю и оставив меня тем самым без сына. Впрочем, это маловероятно: люди обычно привязываются к своей виртуальной жизни и расстаются с ней крайне неохотно. Только страх мог заставить Виктор начать всё заново. Насколько он напуган? По идее, не слишком сильно, ведь наказание грозит ему только в Кибермграде. С другой стороны, откуда мне знать, насколько сильно он погрузился в виртуальность?

Захожу в детскую проведать внука. Тристан - вот ведь имечко подобрали мои детишки - лежит в кроватке, а няня читает книгу, сидя в кресле. Ей лет сорок, и она похожа на какую-то актрису. При моём появлении няня встаёт.

- Всё в порядке? - я заглядываю в кроватку.

Малыш спит. Он бледен и худ, под кожей видны синие прожилки. Наверное, Тристан всё-таки симуляция: ну кому охота платить за виртуальность, чтобы валяться и ждать, пока тебя покормят или сменят подгузник?

- Да, господин Кармин, - отвечает няня бесцветным голосом.

Мила уверила меня, что наняла профессионала с многолетним опытом и блестящими рекомендациями.

- Кровотечение было?

- Пару раз.

- Вы справились?

Можно было и не спрашивать: ребёнок жив, значит, всё обошлось.

- Да, разумеется. У меня медицинское образование. Поэтому меня и выбрали на эту должность.

Мне остаётся лишь кивнуть.

- Из-за чего у ребёнка гемофилия? - неожиданно спрашивает няня.

Я бросаю на неё удивлённый взгляд: профессионалы не должны интересоваться подобными вещами.

- Не знаю. Наверное, таков выбор родителей.

- Обычно люди предпочитают иметь здоровых детей.

Резонное замечание, но мне нечего на него ответить.

- Я ещё зайду.

- Да, господин Кармин.

Няня садится в кресло и открывает книгу. Кажется, это «Волшебная гора» Томаса Манна. Когда-то я очень любил этот роман.

Оотаток дня можно посвятить «Алефу». С каждым днём работа продвигается всё лучше. Я ощущаю себя художником, чья работа близится к завершению, так что на холсте уже можно разобрать задуманное.

Ближе к вечеру раздается звонок извне. Это Стробов. Выхожу из Кибергрaда, чтобы поговорить с полковником.

- Алло. Чем могу? - я жду, что Стробов начнёт расспрашивать о том, как продвигается работа над «Алефом», и торопить, а потому мой тон, наверное, холодноват.

Но полковник заводит речь о другом.

- Нам удалось напасть на след Голема, - говорит он. - Кажется, мы знаем, где он скрывается.

- Правда? - я обрадован и удивлён одновременно. - И где же?

- Собственно, речь идёт лишь об одном из его клонов, - поясняет полковник. - Но мы рассчитываем, что он выведет нас на остальных. Должна же быть между ними какая-то связь.

- Если Голем не идиот, то вы её не обнаружите.

- Может быть, но проверить мы обязаны.

- Что ж, вперёд.

- Вам нужно с ним встретиться, - заявляет Стробов.

- То есть как? - к такому повороту я не был готов.

- Я предупреждал, что это может понадобиться.

- Помню, но зачем? Я уже близок к завершению своей работы, так что…

- Поговорите с ним, присмотритесь. Потом в игру вступят наши ребята и повяжут его. Вы ничем не рискуете.

Ну, конечно! Вешай лапшу на уши кому-нибудь другому.

- Уверены?

- Иначе не просил бы.

- Неужели? - я несколько секунд раздумываю. Кажется, выбора у меня нет. - Хорошо. Где и когда?

- Завтра в Киберграде. В шесть вечера на Площади Искусств. Знаете, где это?

- Естественно.

- Вашего проводника зовут Марк. Он покажет дорогу к убежищу клона Голема.

- А тот нас ждёт с распростёртыми объятиями?

- Нет, но он доверяет Марку.

- Почему?

- Так получилось.

- Вы захватили чью-то личину? - догадываюсь я.

- Позаимствовали.

- Ясно. Мне нужен новый персонаж. Я не собираюсь рисковать… основной личиной.

- Ваше право.

- Как проводник узнает меня?

- Вы обменяетесь паролями. Он скажет «Здесь очень мило, не правда ли?», а вы ответите «Есть места и получше». Запомнили?

- Да. Но фантазия у вас так себе, полковник.

- Это не моя.

- Тогда всё в порядке, - отвечаю я с усмешкой. - Между прочим, мне пришлось поистратиться, выполняя за вас вашу работу.

- Назовите номер счёта.

Я диктую восемь цифр.

- Реальный или виртуальный? - уточняет Стробов.

- Естественно, реальный, - отвечаю я.

- Почему-то я не сомневался, - полковник бросает трубку.

Не знаю, сколько безопасники намереваются перевести на мой счёт, но пусть только попробуют пожадничать. Будут сами «присматриваться» к своему ненаглядному Голему.

Глава 12

Я придвигаю интерком и несколько минут смотрю на розовую кнопку, отполированную тысячами моих прикосновений. В ней есть что-то откровенное, даже бесстыжее. Протягиваю руку и кладу кончик указательного пальца на слегка вогнутую пластмассу. Нажим - и раздаётся щелчок.

- Да, господин Кармин?

- Проверка связи.

- Зайти к вам?

- Нет, мне ничего не нужно.

Дверь распахивается, и на пороге я вижу Милу. Она выглядит странно. Дело в выражении лица - оно не приветливо-сосредоточенное, а сладострастное. Именно такое, какое бывает у секретарш в фильмах для взрослых.

Отпускаю кнопку интеркома. Я заинтригован. Неужели Мила вдруг решила попытать счастья с боссом? Почему-то от неё я такого не ожидал. С другой стороны, в тихом омуте черти водятся.

- Вы меня звали, господин Кармин? - тягуче произносит секретарша томным голосом.

Я словно оказался на съёмках порнографии. Это даже забавно.

- Нет, случайно нажал. Можешь возвращаться к своим обязанностям.

Однако Мила не желает этого делать. Она снова игнорирует мои слова. Откуда столько смелости? В душу мне закрадывается беспокойство: вдруг её личина взломана? Я слышал о существовании зомби-вируса, превращающего аватары в чужие марионетки. Быть может, Голем подобрался ко мне ближе, чем я думаю?

Медленно встаю из-за стола и делаю пару шагов в сторону, чтобы иметь место для манёвра. Расстёгиваю пуговицу пиджака. За сколько секунд я успею выхватить револьвер? Что припасла Мила? Они не могла пронести сюда ничего опасного - лишь у меня в офисе есть право регистрировать оружие, которое пропускают сканеры охранной системы. И в списках числится только «Кольт Питон», висящий у меня в подмышечной кобуре.

Вдруг я слышу чавкающий звук. Скосив глаза на стол, замечаю движение.

- Всё так быстро меняется, господин Кармин, - говорит Мила, делая шаг вперёд. Её руки начинают гладить обтянутые чёрной

юбкой бёдра, поднимаются к талии, скользят по шёлку нежно-розовой блузки. - Сегодня вы один человек, а завтра - совсем другой. Мы все меняемся. Так стоит ли удивляться, что кто-то оказался чуть сложнее, чем вы думали?

Пальцы ловко достают пуговки из петель, и становится виден белый кружевной бюстгальтер. Он поддерживает два гладких полушария плоти, между которыми залегла узкая ложбинка.

Интерком, отрастив суставчатые ноги, передвигается по столу, а его розовая кнопка вытягивается и начинает раскачиваться, пока на конце образовавшегося стебелька не открывается глаз. Стеклянно-голубой и начисто лишённый ресниц. Он находит меня взглядом.

- Я знаю, вы хотите владеть мной, - говорит Мила, подходя ближе. Чувствуется запах её духов в стиле ретро. - Возьмите меня здесь. Сейчас. Прошу вас, господин Кармин. Трахните меня на этом дизайнерском столе.

В её голосе нет восклицательных ноток, она говорит ровным томным голосом. Я сую руку под пиджак и с внезапным ужасом обнаруживаю, что пистолета нет!

Накрашенные алой помадой губы Милы растягиваются в удовлетворённой ухмылке.

- Только одно оружие понадобится вам сейчас, господин Кармин, - говорит она, протягивая руки, и неожиданно сильные пальцы впиваются в мои плечи.

Я пытаюсь вырваться, но секретарша держит крепко. Её глаза приближаются, и становится видно, что по красивому лицу идёт вертикальная трещина. Постепенно она становится шире - словно кто-то раздвигает левую и правую стороны Милиной головы. Глаза разъезжаются, и из образовавшегося разъёма с влажным звуком вываливаются длинные тонкие щупальца.

Извиваясь, они ощупывают моё лицо. Чувство такое, словно я окунулся в бочку с червями. Хочется кричать, но губы отказываются повиноваться, а нижнюю челюсть свело судорогой.

Красно-розовые отростки оплетают мою голову, норовят забраться в уши и ноздри. Запах старых духов становится нестерпимым.

- Так больше жить нельзя, - механическим голосом сообщает со стола интерком. - Трахни её. Трахни её.

Рывком сажусь в постели, весь в холодном поту. Сердце вот-вот выпрыгнет из груди, кожа на лице горит.

Сон! Всего лишь сон, чёрт бы его побрал!

С облегчением ложусь обратно на подушку. В темноте глаза различают идущую через потолок трещину. Надо будет её заделать. А лучше - переехать, пока дом не рухнул.

Закрываю глаза в надежде, что на этот раз увижу что-нибудь получше. Впрочем, всем известно, что прерванный сон невозможно досмотреть. И слава Богу.

Была зима, и падал снег. В последние годы мы видели его редко, так что это стало событием. Мы пытались лепить снеговиков, но они рассыпались. Из-под белого слоя просвечивали асфальт и земля.

Зима выдалась холодной и ветреной. Температура не поднималась выше «минус двадцати» почти две недели подряд. При этом иногда падала до «минус двадцати пяти - двадцати семи». Люди ползали как сонные мухи. Руки и ноги затекали, глаза закрывались.

Мария всё время беспокоилась, чтобы дети не простудились. Мы перенесли кроватки в свою комнату и поставили рядом с обогревателем. Маленький островок счастья, заснувший в преддверии весны. Четыре тела, ощущающие тепло друг друга через…

Хотя нет, я что-то путаю. Холодная зима была в реальности, а там детей мы так и не завели. Дети - это из виртуальности. Из моей другой жизни. Надо же, какие шутки с воспоминаниями порой выкидывает подсознание.

Но, так или иначе, суть остаётся неизменной: мы были семьёй, а эта чёртова дура всё испортила! Я ненавижу её. Не перманентно, нет. Однако иногда неожиданно наступает момент, когда это чувство накрывает меня, овладевая душой и телом. В такие минуты я даже чувствую тошноту. Ненависть, как и любовь, - не просто эмоциональное состояние, это ещё и физическое ощущение.

Как-то мы гуляли по парку и набрели на голубей, облепивших люк, из которого шёл пар. Настоящих птиц, небольшая популяция которых сохранилась в городе.

- Смотри, - сказала Мария, - они греются, - и сильнее прижалась ко мне.

Когда я вспоминаю этот случай, то ненавижу её сильнее всего.

Сегодня я звонил в больницу. Мне сказали, что Ева не пришла в сознание, однако состояние её стабилизировалось.

От Виктора нет никаких вестей. Однако я слышал, как сегодня Фёдор разговаривал с кем-то по телефону шёпотом. Думаю, он поддерживает с гадёнышем связь. Привязанность к отпрыскам похвальна, однако я бы предпочёл, чтобы дворецкий хранил верность, прежде всего, мне.

Утром снова приходили полицейские, и на этот раз я встретился с ними и объяснил, что Ева уронила на себя скульптуру, из-за чего и получила травму. Но было заметно, что детективы мне не поверили. Тем не менее, они ушли, выразив недовольство тем, что нигде не могут найти моего сына. Я предложил им объявить его в розыск и выразил всяческую готовность посодействовать, но они отвечали туманно. Ещё бы, ведь я заявления о пропаже не подавал, а без этого у них пока нет оснований искать Виктора. Вот если б Ева сказала, что он её ударил, или нашлись свидетели, обвинившие его в покушении - тогда другое дело.

Я вспоминаю разговор с полицейскими, когда Фёдор приносит мне на подносе письмо. Взглянув на штемпель, понимаю, что оно от Марны. Мне не нравится, что дворецкий видел его, но ничего не поделаешь. Отпустив Фёдора, разрываю конверт, достаю сложенный вдвое листок и читаю.

Марна сообщает, что намерена приехать и «всё мне объяснить». Надеюсь, она не собирается разыгрывать мелодрам. А то я могу испытать искушение отправить её вслед за папочкой. Благо, патронов у меня полно, а лес вокруг Киберграда большой - недостатка в уютных местах для могил нет.

Письмо отправлено четыре дня назад, так что сейчас она вполне может быть в пути. Надеюсь, она не завалится ко мне домой или на работу без предупреждения. Тем не менее, следует быть ко всему готовым.

Пожалуй, надо свозить её на то место, где я закопал останки её родителя - может получиться весьма забавно: дочь на могиле отца; при этом сама не знает, участницей какой трогательной сцены является. Возможно, я даже умудрюсь прослезиться. Впрочем, нет - лучше устроить там пикник. Заехать в «Bristolenium» и прикупить набор серебряной посуды - что-нибудь изящное и с шиком. К нему взять приборы (непременно с

удлинённой ручкой) и полотняные салфетки. Потом посетить «Метвиль» - у них продаются замечательные корзины для пикников. Само собой, прихватить бутылку вина. Ну, а меню можно продумать позже.

Размышляя таким образом, я поднимаюсь наверх и захожу в комнату, где няня, похожая на киноактрису, чьё имя я не могу вспомнить, сидит с моим внуком.

- Мистер Кармин, - произносит он шёпотом, когда я появляюсь на пороге. - Он как раз уснул.

Жаль, значит, я не увижу его зелёных глаз. Всё же подхожу к кроватке и заглядываю под полог. Маленький человек лежит, раскинув руки и ноги. Он тяжело дышит, его грудь судорожно вздымается.

- Сегодня у него опять шла из носа кровь, - сообщает няня, показывая мне пелёнку, покрытую ржавыми пятнами.

- Берегите его, - говорю я ей и выхожу.

Именно таких детей, как мой внук, ненавидит Фернен. Он считает, что они тормозят эволюцию, мешают естественному отбору. И в то же время мечтает о вырождении человечества. Ему бы следовало признать необходимость таких младенцев - ведь, по его теории, именно им уготовано стать катализаторами. Впрочем, возможно, для него здесь нет противоречия - если он считает вред, нанесённый гуманизмом эволюции, непоправимым. Тогда он, конечно, логичен.

Интересно, заговорит ли когда-нибудь это порождение сексуальных игр моих детей. Иногда мне кажется, что он не захочет снизойти для этого. Тому, кто не страдает даже от собственной боли, редко бывает что сказать. Я представляю его сидящим за столом или играющим во что-нибудь не слишком обременительное. Тело, готовое вот-вот лопнуть и истечь кровью. Поймёт ли он это, осознает ли своё шаткое положение в мире живых? А, может быть, он рождён для мира мёртвых? Что, если Тристан - вполне полноценный его обитатель, и ему даже в голову не придёт чувствовать себя обделённым?

Я возвращаюсь в кабинет, бросаю письмо Марны на стол и сажусь в кресло. Сегодня мне нужно встретиться с проводником, а значит, следует запастись личиной. Но до этого предстоит разобраться с несколькими делами.

Придвигаю терминал и набираю свой рабочий номер. Через три гудка Мила снимает трубку.

- Да, мистер Кармин?

- Ты купила крыс?

- Как вы просили: мальчика и девочку.

- Хорошо. Поставь клетку у меня в кабинете. Смотри только,

чтобы они не выбрались. Кстати, какого они цвета?

- Белые.

- А серых не было?

- Нет, господин Кармин, к сожалению, в зоомагазине были только такие.

- Ну, ладно. Я подъеду часам к двум.

- Хорошо, господин Кармин.

Я вешаю трубку. Поразительно: в виртуальности нет обычных серых крыс! Хотя, Мила, наверное, и не спрашивала. Чёрт с ней - белые, так белые.

Пора отправляться в больницу. Еву перевели из реанимации, и я могу её, наконец, навестить. Спускаюсь в холл и прошу Фёдора подать пальто и вызвать машину. Через пару минут «Бэнтли» подкатывает к крыльцу.

- К Еве, - говорю я, устраиваясь на заднем сиденье.

Больница - большое прямоугольное здание светло-серого цвета, похожее на поставленный ребром спичечный коробок. Архитектура минимализма - такие постройки вошли в моду лет двадцать назад. Стиль быстро утратил популярность, оставив Киберграду уродливое наследие.

Перед больницей теснятся автомобили скорой помощи и машины посетителей. Над входом висит пыльная вывеска: «Госпиталь св. Себастьяна». Удивительно, что некоторые учреждения такого рода до сих пор содержат в названиях имена святых. Возле двери курят трое ординаторов в зелёных комбинезонах. Судя по запаху, они употребляют «химические» смеси. По крайней мере, я не могу распознать ни одного ингредиента.

Стеклянные створки с жёлтыми кругами разъезжаются при моём приближении.

Выяснив у регистратора, в какой палате лежит Ева, я поднимаюсь на третий этаж и иду по коридору, вдоль которого стоят обтянутые дерматином кресла и топчаны. На них сидят больные. В основном, это люди, пострадавшие в результате аварий и несчастных случаев, поскольку случаи заражения вирусом в Киберграде довольно редки и, как правило, не требуют врачебного вмешательства (у всех дома есть аптечка с минимальным набором антивирусов). Конечно, время от времени

случаются эпидемии, но только при системных сбоях или если хакеры хотят испытать новый продукт.

Я нахожу палату Евы и толкаю стеклянную дверь.

В центре комнаты стоит кровать, окружённая всевозможной аппаратурой со множеством лампочек и мониторов. Обмотанная проводами и трубками, на кровати лежит Ева. Я подхожу ближе и смотрю на забинтованную почти до самых глаз голову. Из-под повязки торчат электроды и клочки спутанных волос.

Часть меня всегда помнит, что Ева не родной мне ребёнок. Но я почти никогда не думаю об этом осознанно. Тем более что настоящих детей у меня нет.

Я смотрю на Еву с сочувствием и страхом. Страхом того, что она может никогда не проснуться. В Кибергреде человек не готов к потерям. Мы приходим в виртуальность, чтобы осуществить мечту - если говорить прямо, то за чудом. И смерть близких точно не включена в это понятие.

- Кто вы такой? - раздаётся у меня за спиной женский голос. - Как вы сюда попали?

- Зашёл, - отвечаю я, не оборачиваясь.

- Вы родственник? Отец?

- Да.

- Вам следовало предупредить меня о своём приходе. Я медсестра и обслуживаю этот этаж.

- Я вас не видел.

- Меня обычно можно найти в тридцать первой комнате. В следующий раз сначала зайдите туда.

- Она очнётся? - спрашиваю я, показывая на Еву. - Когда-нибудь.

- Скорее всего. Случаи длительной комы в виртуальности - довольно редкие явления. Я не врач, но так подсказывает мне опыт. Как это случилось?

- Что именно?

- Откуда у неё такая травма? Можно подумать, будто её ударили чем-то тяжёлым.

- Нет, - я отрицательно качаю головой. - Она упала с лестницы. У нас дома очень высокий второй этаж.

- Понятно. Ну, что ж, тогда я вас оставлю. Принести стул?

- Нет, спасибо. Я ненадолго.

- Всего доброго, - через пару секунд стеклянная дверь захлопывается.

Глядя на Еву, беспомощную и балансирующую на грани жизни и смерти, я почему-то вспоминаю Зою. Тогда в ресторане она была зла на меня - возможно, даже ненавидела - и всё же было в ней что-то жалкое. Этот вызов киборга человеку, который

отказывается признать его право на полноценность - он тронул меня. Кажется, Зоя сумела нанести мне рану - но, наверное, не ту, которую хотела.

Ещё немного побыв в больнице, я отправляюсь в офис.

В приёмной Мила поднимается мне навстречу. Лицо у неё растерянное и взволнованное. Глядя на неё, я вспоминаю недавний сон.

- Господин Кармин, они так визжат, что рядом невозможно находиться! - восклицает секретарша. - Как вы будете работать?

- Крысы? - догадываюсь я.

- Они самые. Я отнесла их в ваш кабинет.

- Скажу шофёру, чтобы он отвёз их домой.

- Это было бы просто здорово, господин Кармин. Как подумаю, что эти мерзкие твари за дверью, так мороз по коже! Простите.

Вхожу в кабинет и закрываю дверь. Воздух наполнен шипением, визгом и кашлем. На столе стоит большая клетка, внутри которой копошатся две белые крысы с розовыми глазами, носами и хвостами. При моём появлении они прерывают возню, замолкают и смотрят на меня сквозь прутья. Тонкие хвосты, больше смахивающие на ободранных змей, замирают в напряжении.

Я достаю из кармана терминал и, набрав номер Генриха, приказываю ему подняться в офис и забрать крыс. В ожидании шофёра мы с грызунами многозначительно молчим, вперив друг в друга взгляды.

Когда спустя несколько минут Генрих заходит в кабинет, я велю ему отвёзти клетку домой и сдать на попечение Фёдору.

- Скажи, чтобы хорошенько о них заботился.

- Да, господин Кармин.

Стоит шофёру приблизиться к столу, и крысы начинают дико верещать и бросаться на решётку. У меня даже складывается впечатление, будто им не хочется со мной расставаться. Розовые хвосты мечутся в неистовстве, переплетаясь подобно щупальцам гидры, в крошечных глазках сверкает ненависть, граничащая с безумием.

Генрих берёт клетку и выходит. На лице его - брезгливость.

- Господин Кармин, - Мила заглядывает в кабинет через пару секунд после того, как за шофёром закрывается дверь. - Я забыла вам сказать: полчаса назад приходила какая-то женщина, искала вас. Я предложила ей оставить номер своего телефона или хотя бы назваться, но она отказалась.

- Как она выглядела?

- Рыжеволосая, невысокая. Одета весьма эффектно. Раньше я

её не встречала. Говорила с акцентом. Как мне показалась, прибалтийским.

- Она не обещала зайти опять?

- Нет, - Мила отрицательно качает головой. - Ушла, как только узнала, что вас нет. Хотите посмотреть запись камеры охраны?

- Да, перешли мне.

- Сию минуту.

Секретарша исчезает за дверью.

Значит, Марна уже здесь. Она пришла ко мне на работу без предупреждения. Стало быть, может заявиться и домой.

Экран терминала мигает, сообщая о поступлении нового сообщения. Открываю ролик, на котором изящная женщина в чёрном разговаривает с Милой. Мне прекрасно видно её точёное лицо. Сомнений нет - это дочь Шпигеля.

Включаю терминал и набираю номер своего особняка.

- Фёдор?

- Да, господин Кармин.

- Сегодня кто-нибудь заходил?

- Нет.

- Никому не открывай. Слышишь?

- Да, господин Кармин, как скажете.

- Даже к двери не подходи. Делай вид, что дома никого нет.

- Я всё понял.

- Впустишь только Генриха - он привезёт крыс.

- Крыс? - в голосе дворецкого лёгкое замешательство.

- Да. Белых. Они шумные, так что поставь клетку куда-нибудь… чтобы не мешали, в общем. И позаботься о них.

- Да, господин Кармин.

Я завершаю вызов.

Долго ли мне удастся бегать от Марны? И не будет ли это подозрительно? По идее, я должен радоваться её приезду, ведь в Германии я давал ей определённые авансы. Но пока что мне не хочется говорить с ней. В первую очередь потому, что я не знаю, имеет ли она отношение к Голему. То, что её личина была зарегистрирован задолго до появления разума-ренегата, говорит в пользу девушки, но ведь и её отца создали раньше, а потом сообщник Голема выкупил его у юзера. Или захватил.

- Пришёл господин Зуев, - докладывает по интеркому Мила. - Примете?

- Конечно, - отвечаю я и поднимаюсь навстречу старому другу.

Олег входит бодрой походкой. Он выглядит лет на сорок (хотя владельцу личины всего тридцать четыре). Невысокий,

худощавый, с тёмными, глубоко посаженными глазами. Вид у моего партнёра слегка болезненный, хотя здоровье отменное. Женщины находят Олега импозантным и загадочным. Уж не знаю, почему.

- Привет, - говорит он, обмениваясь со мной рукопожатием. - Как дела?

- Помаленьку, - я жестом приглашаю его сесть, что он и делает. - Вполне сносно.

- Что с запретом на продажи младенцев? Я слышал, подбираются к Киберграду.

- Думаю, нам это не грозит. Пока речь только об Африке и Китае.

- А Австралия?

- Ну, и это тоже.

- Я просто хочу знать, есть ли смысл налаживать производство на том заводе, что мы построили в Германии.

- Конечно. Именно он нам и нужен.

- Да? Почему?

- Мёртвых зверей продавать не запретят никогда, и, если что, у нас останется выгодный бизнес.

Олег презрительно фыркает. Его красиво очерченный рот кривится, и гримаса искажает лицо.

- Но это же совсем другие деньги! - восклицает он.

- Конечно - соглашаюсь я. - Но всё-таки не банкротство.

- И ты так спокойно об этом говоришь?! О том, чтобы променять империю на зоомагазин?

- Не волнуйся. Они могут прикрыть нашу фирму, но не бизнес. А если у нас будет этот завод, то не смогут прикрыть и фирму, понимаешь?

- Не совсем, - Олег хмурится. Он быстро соображает, когда речь идёт о защитных программах (большая часть тех, что охраняют нашу фирму, написана им и его командой), но тормозит, если дело касается бизнеса. Я понимаю, что должен объяснить ему, как обстоят дела, чтобы успокоить.

- Если нам запретят производство человеческих экземпляров, мы уйдём на чёрный рынок, - говорю я, - а завод в Германии будем использовать, как прикрытие.

- Но ведь это незаконно, - неуверенно замечает Олег.

- Продажа алкоголя когда-то тоже была нелегальной и сделала многим огромные состояния.

- И всё же…

- Ты готов променять империю на закон?

Олег молчит. Его одолевают сомнения. Из нас троих я всегда был самым решительным - именно поэтому фирма и добилась

таких успехов.

- А если нагрянет комиссия с проверкой?

- Мы устроим производство через подставное лицо. Это ведь виртуальность, Олег, здесь всё возможно.

- Понятно, - на лице партнёра появляется неуверенная улыбка. Деньги он любит больше личной безопасности, чем мне и нравится. - Я вижу, наше благосостояние в надёжных руках.

- А когда было иначе? Не беспокойся, я позабочусь о фирме. Теперь, когда мы всё выяснили, может, пойдём пообедаем?

- Давай. Кстати, откуда здесь столько мух? - Олег брезгливо морщится.

- Сам не могу понять, - отвечаю я.

- Проверял на вирусы?

- Твоими программами.

- Ну, тогда всё чисто.

Мы выходим из кабинета.

- Меня не будет некоторое время, - говорю я Миле.

- Хорошо, господин Кармин.

Спустя несколько минут мы садимся в автомобиль Олега (тоже бронированный, но марки «Бугатти») и отправляемся в один из самых роскошных ресторанов Киберграда - «Луксор».

Машина катится мягко, как на воздушной подушке.

- Что с тем делом, о котором лучше не говорить? - спрашивает Олег, покосившись на меня.

- Близится к концу.

- И ты будешь чист перед законом?

- Мне так обещали.

- Ты поверил?

Я пожимаю плечами.

- Не было выбора.

Минут пять едем в молчании.

- О чём ты думаешь, глядя на город? - спрашивает Олег. - Не хочется бросить всю эту иллюзию?

- Конечно, нет. А тебе?

- Наверное, нет.

- Ты не уверен?

Олег пожимает плечами.

- Она не так уж отличается от реальности, - говорит он. - Да, здесь больше возможностей, но по сути… то же самое.

- А чего бы тебе хотелось? Летающих островов, шагающих домов и живых автобусов-гусениц?

Олег усмехается.

- Ты прав, с этого всё и начиналось. Теперь давно в прошлом.

- Люди быстро наигрались.

- Кибeрград тогда был похож на сказку.

- Не везде.

- Ну, да. Только несколько районов. Попадая в них, ты оказывался то ли в раю, то ли в фантастическом фильме, то ли в компьютерной игре.

- У энтузиастов кончились деньги, и территорию выкупили бизнесмены вроде нас, только покрупнее.

- Гораздо крупнее. Акулы. Они-то нашли, как использовать виртуальное пространство для извлечения прибыли.

- Коммерция пожрала фантазию. И тогда мы задействовали воображение, чтобы делать коммерцию.

- Ты про фирму?

- Конечно.

- Это твоя мечта, Алекс. Персональная. Не наша общая.

Разговор становится всё интереснее. По правде сказать, я удивлён, что Олег поднял эту тему.

- Что ты имеешь в виду?

- Ты придумал продавать сувениры из младенцев. Это твоя гениальная идея. Мы с Глебом, по сути, паразиты, зарабатывающие на ней деньги.

- Эй, вы вложили в фирму не меньше моего.

- Дело не в этом. Просто… Знаешь, я никогда не мечтал торговать мертвецами. Не хочу сказать, что мне это претит - ты сам знаешь мои взгляды - но это *не моя мечта*. Вот и всё.

- Я понимаю.

- Правда? - Олег бросает на меня недоверчивый взгляд.

- Конечно. Ты хочешь продать свою долю в фирме?

- Что? Нет, с чего ты взял?

- Показалось.

- Мне нравится иметь стабильный доход. И весьма приличный, к тому же.

- Просто я решил, что ты хочешь осуществить свою мечту.

Олег кивает.

- Да. Так и есть.

- Ну, и в чём проблема?

- У меня её нет.

Я молчу, потому что не знаю, что на это ответить.

- Так что не парься, Алекс. Всё нормально, я не соскакиваю. Это так… накатило.

- Уверен?

- Вполне.

Я делаю вид, что верю, хотя понимаю: не бывает дыма без огня. У Олега, возможно, начальная стадия синдрома Эксифера. Этим расстройством иногда страдают люди, долго живущие в

виртуальности, но так и не реализовавшие себя в ней до конца. Странно: я был уверен, что Олег всем доволен, а оказывается - вон оно как.

- Приехали.

«Бугатти» останавливается перед крыльцом «Луксора». Мы выходим из машины, и Олег отдаёт ключи парковщику.

Швейцар в красной ливрее распахивает перед нами двери. Да, это не похоже на то, как меня встретили в «Курионе», куда мы ходили с Зоей. Здесь никому не приходит в голову сомневаться в моей кредитоспособности.

Официант ведёт нас к столику рядом со сценой, на которой оркестр наигрывает джаз. Узнаю «I put a spell on you». Музыканты в смокингах, инструменты сверкают благородной полировкой.

- Знаешь, - говорит Олег, открывая меню, - я бы хотел пожить у тебя некоторое время.

- Серьёзно? - отвечаю я в замешательстве. - А в чём дело?

- Жена уехала, и мне несколько одиноко. Соглашайся. Это и тебе пойдёт на пользу: добавлю в твой особняк пару новых защитных программ.

- Сейчас не совсем удобно, - говорю я, хотя мне не хочется отказывать Олегу. - Видишь ли, ты не всё знаешь.

- Выкладывай, - мой друг само внимание.

Я осматриваюсь, хотя понимаю, что никто за нами не следит.

- Ева в больнице.

- Да ладно?! - Олег вскидывает брови. - И ты молчал?

Я пожимаю плечами.

- Алекс, тебе говорили, что ты слишком скрытен?

- Много раз.

- И не зря. Слушай, это даже обидно, ведь мы друзья, - Олег выглядит обескураженным.

Теперь я должен его пригласить уже хотя бы для того, чтобы загладить вину.

- Что с Евой? - спрашивает он.

- Сейчас всё не так уж плохо.

- А конкретней?

- Не здесь, - говорю я. - Дома. Когда тебя ждать с вещами?

Олег радостно улыбается.

- Хоть сегодня!

- Лучше завтра.

- Ок, как скажешь, - Олег делает пазу. - Так почему ты не хотел, чтобы я пожил у тебя? Как это связано с Евой?

- Не только с ней.

- Да?

- Возможно, ко мне скоро приедет одна знакомая.

- Вот как? Ты нашёл себе девушку?

- Не совсем.

- Да ладно! Кто она?

- Познакомлю, если увидитесь.

- Я уверен, что к тебе она примчится.

Мне хочется ответить «Надеюсь, что нет», но я сдерживаюсь, чтобы не пускаться в объяснения.

Подходит официант, чтобы спросить, готовы ли мы сделать заказ. Я прошу принести бараньи рёбрышки в остром соусе и спагетти. Олег выбирает суп из моллюсков и овощной салат.

- Что так скромно? - спрашиваю я. - Здесь ты не потолстеешь, если не захочешь.

- Лучше не набивать желудок. Привыкнешь в Киберграде - разжиреешь в реальности.

- Каким образом?

- Начнёшь и там жрать так же.

- Смешно.

- Да не очень.

- Ладно, чёрт с ней, с твоей диетой. Есть реальные проблемы.

- Ещё какие-то?

- Ага.

- У тебя прямо полоса невезения.

- И не говори.

- Так в чём дело?

- Гермеса убили.

- Как?! - Олег в шоке. - Серьёзно?

- Ещё бы.

- Это из-за того дела?

Я киваю.

- И ты не поверишь, кто!

- Ну?

- Ассасины.

Олег недоверчиво хмурится.

- Не может быть. Они же не убивают.

- Слышал о фидави?

- Я думал, это сказки.

- Как и я. До недавнего времени.

Олег выдерживает паузу.

- Не хочешь подробнее рассказать, чем занимаешься? - спрашивает он после неё. - Может, я сумею помочь.

Я отрицательно качаю головой. Нельзя посвящать никого, даже друзей. В первую очередь, для их же блага: безопасники не любят, когда об их делах начинают трепать направо и налево - это заставляет их нервничать.

- Как знаешь.

- Извини, просто это не моя тайна, ты же понимаешь. Я рассказал тебе всё, что мог.

- Ладно, проехали. Главное, чтобы это приносило доход.

Я равнодушно киваю. Такая позиция мне, конечно, близка, но в данном случае не до жиру - быть бы живу.

Вскоре нам приносят заказ, и мы принимаемся за еду. Сочное жареное мясо великолепно - это, пожалуй, одна из тех вещей, перед которыми я не в силах устоять. Ну, почти.

Когда с обедом покончено, мы заказываем коньяк и сидим ещё около получаса, потягивая его из пузатых рюмок.

Наконец, расплачиваемся и выходим из ресторана.

- Подвези меня в офис, - говорю я.

- Само собой. Не такси же тебе ловить.

Мы оба смеёмся удачной шутке. А может, у нас просто немного сдают нервы.

У небоскрёба я расстаюсь с Олегом.

- Поеду собирать вещи, - говорит он, махнув на прощанье рукой.

Я поднимаюсь в офис. Мне нужно подготовить новую личину для встречи с проводником.

- Всё в порядке? - спрашиваю я Милу, проходя в свой кабинет.

- Да, господин Кармин. Та женщина больше не появлялась.

- Прекрасно.

- Вы не горите желанием её увидеть? Если придёт, сказать, что вас нет?

- Пока не знаю. Но ближайшие пару часов меня точно не беспокоить.

- Слушаюсь, господин Кармин.

Вхожу и запираю дверь. Здесь моя нынешняя личина побудет, пока я обзаведусь новой. Вызываю меню и оказываюсь в реальности. Открываю на терминале сайт Киберграда, выбираю страницу одной из конструкторских фирм. Я заказывал у неё Кармина и Гермеса. Зашифровав источник сигнала, чтобы меня нельзя было отследить, захожу в раздел, где можно создавать персонажей. Здесь множество полей для заполнения: физические параметры, особые приметы, генератор внешности, позволяющий собрать любое лицо из множества отдельных черт или использовать готовый образец.

Мне нужно что-нибудь неприметное и недорогое - я ведь не собираюсь пользоваться этой личиной часто. В принципе, она нужна мне только для встречи с проводником. Конечно, дешевле всего было бы взять тестовую версию, но демки не обладают защитой от взлома, даже минимальным пакетом. Мне это не

подходит.

Быстро собираю подходящий образ, ввожу код для оплаты. Осталось придумать имя. В честь погибшего Гермеса называю новую личину Герман. В поле «фамилия» ставлю прочерк - она мне не понадобится. Нажимаю «Ок», и через несколько секунд всплывает поздравление с успешным созданием персонажа. Теперь надо позаботиться о месте, где я буду хранить новую маску. Перехожу в раздел «жильё», нажимаю ссылку «аренда». Выбираю дешёвую квартиру в кондоминиуме на окраине и оплачиваю её на недельный срок. Теперь можно отправляться на встречу с проводником.

Закрываю страницу сайта и вхожу в виртуальность в образе Кармина. Моему новому персонажу понадобятся деньги, хотя бы немного, поэтому я при помощи терминала открываю на его имя счёт и перевожу десять тысяч кредитов. Всё это проделываю через защищённый канал, чтобы никто не узнал, что Германа спонсировал именно Кармин. Никакая ниточка не должна вести ко мне.

Выхожу из виртуальности и тут же возвращаюсь, но уже в новой личине.

Я в меблированной однокомнатной квартире, в шкафу - стандартный для нового персонажа комбинезон и кроссовки, в которых можно добраться до ближайшего магазина. Одевшись, подхожу к терминалу, рядом с которым лежит кредитка - она появилась автоматически, как только на имя Гермеса был открыт счёт. Связываюсь с таксопарком и прошу подать машину через два часа.

До встречи с проводником ещё долго, а пока мне нужно заняться своим новым персонажем. Выхожу из квартиры и на лифте спускаюсь на первый этаж. Здесь нет ни консьержа, ни пропускной системы - я снял площадь в самом дешёвом кондоминиуме.

Направляюсь к возвышающемуся поблизости торговому центру - в Киберграде они на каждом шагу. Прохожие приветливо мне улыбаются, а некоторое даже кивают: из-за комбинезона они думают, что я впервые в виртуальности.

При входе в магазин охранник интересуется, не нужна ли мне помощь. Я отказываюсь и направляюсь в отдел одежды. Там выбираю бельё, брюки, рубашку, куртку «Burberry» подходящего размера и ботинки «Alden». К добавляю ремень от «Bentley», часы «Грюнвальд», тёмные очки «Wayfarer» (ибо классика бессмертна) и расчёску - джентльменский набор, который может мне пригодиться.

До встречи ещё два часа, и я возвращаюсь в квартиру.

Оставив тело Гермеса на диване, выхожу из виртуальности, чтобы подкрепиться. Сварганив нехитрый обед, сажусь за стол. Неторопливо уплетаю борщ, котлеты с жареной картошкой и горчицей. Запиваю всё это зелёным чаем с ломтиком лайма.

Перекусив, смотрю на часы. У меня есть ещё полчаса, и я проверяю, как обстоят дела с «Алефом». Внеся пару исправлений, вхожу в виртуальность.

Спускаюсь к подъезду, где меня уже ждёт такси - оранжевое, как апельсин, с синими шашечками на дверцах. Сама машина является точной копией тех, что возили пассажиров в Лондоне середины двадцатого века. Фирма «Таунрайдерс», которой она принадлежит, сделала ставку на любителей ретро и не прогадала: её такси пользуются большой популярностью.

- Площадь Искусств, - говорю я водителю.

Шофёр одет в просторный балахон, чалму и бусы. У таксистов Кибергада это называется «нью-йоркский шик».

Мы едем по городу. Сгущаются сумерки: в Кибергаде осень, и темнеет всё раньше. Неожиданно начинает накрапывать дождь. Это не системная профилактика, а простая симуляция. В домах одно за другим зажигаются окна, вспыхивают неоновые вывески, искрятся и сверкают рекламные баннеры. Уличные торговцы выкатывают свои лотки и раскрывают цветастые зонтики. Возле них быстро собираются люди. Они покупают еду, химические смеси для курения и алкоголь. В воздухе витают ароматы духов, пищи и вообще всего, что может предложить человеку мегаполис.

Когда такси останавливается на Площади Искусств, я бросаю взгляд на часы: до встречи остается меньше десяти минут. Расплатившись с водителем, иду вдоль зданий, половина которых представляет собой точные копии самых известных концертных залов и театров мира. Где именно меня будет ждать проводник? Надо было уточнить это у Стробова, но звонить ему сейчас не хочу.

Обхожу площадь, поглядывая на часы. Народу немного. В основном это парочки, спешащие на представления. Когда время подходит к шести, я слышу сигнал, сообщающий о том, что в реальности звонит терминал. Быстро вызываю меню и, продравшись сквозь снегопад, хватаю трубку.

- Алло?!

- Это Стробов.

- Я на месте.

- Планы изменились, - голос у полковника озабоченный.

Терпеть этого не могу!

- В чём дело?

- Ваша встреча должна выглядеть, как случайная. Придётся

переиграть.

- Моего проводника подозревают?
- Возможно. Мы не хотим рисковать.
- Ладно, что я должен делать?
- Вы встретитесь в другом месте.
- Где и когда?
- Сейчас. На мосту святого Антония. Знаете адрес?
- Нет, я возьму такси.
- Хорошо.
- Сколько хоть добираться-то?
- Минут десять.
- Ладно. Пароль тот же?
- Да.
- Еду.

Полковник отключается, и я возвращаюсь в виртуальность. Похожу к краю тротуара и поднимаю руку. Через минуту к обочине сворачивает такси. На это раз оно принадлежит «Роллинг кэб» и выглядит вполне современно. На дверцах у него - мультяшный верблюд, эмблема фирмы. Сажусь и называю адрес. Водитель важно кивает.

Едем через город. Машин становится всё больше.

Вскоре сворачиваем на улицу, ведущую в один из промышленных районов Киберграда. Здесь приходится маневрировать среди фур и самосвалов, некоторые из которых настолько велики, что я могу видеть только их колёса.

Такси останавливается возле крошечного переулка, в конце которого виднеется жёлтый шлагбаум. На его конце горит крошечный алый огонёк.

- Дальше нельзя, - говорит водитель.
- Мост там? - уточняю я.
- Да, только надо немного пройти.

Я расплачиваюсь и вылезаю. Такси исчезает за углом.

Иду по переулку. Дождь немного усилился, и льёт под небольшим углом. Асфальт пестреет тёмными пятнышками и напоминает шершавую, бесконечную змею, неприхотливо изогнувшуюся между домами. Жаль, я не приобрёл зонт - он бы мне сейчас пригодился.

Миновав шлагбаум, выхожу к довольно крутому спуску, ведущему к железнодорожной насыпи. Но туда мне не надо. Двигаясь по краю, иду к мосту. Это настоящий стальной красавец, такие не увидишь в центре города или в фешенебельных районах - их нужно искать. Настоящее чудо тяжёлой промышленности: тяжёлый, красно-коричневый, абсолютно прямой, с высокими дугами, мелко переплетёнными грубым кружевом свай. Такие

мосты - на любителя, они попадаются на железных дорогах, в заводских районах, располагаются вдоль междугородних магистралей.

Я поднимаюсь по узким железным ступеням и вступаю на решётчатую поверхность пешеходной зоны моста. Кажется, что шаги гулко отдаются во всём его потемневшем от дождя теле. Двигаюсь к середине стального гиганта.

Тёмно-зелёные спины прикорнувших на путях змееобразных электричек, коричневые составы растянувшихся почти на полкилометра товарняков, иссиня-чёрные, облитые мазутом цистерны с горючим, отогнанные на запасные пути, толстокожие покатые спины могучих слонов-тепловозов, пёстрые жёлто-синие почтовые составы, напоминающие изображения индийских божеств - всё это тянется на много километров к горизонту.

С другой стороны моста появляется женская фигура. Она неторопливо движется вдоль перил. Я останавливаюсь в ожидании.

Вскоре становится ясно, что это девушка. Она приближается и замедляет шаги.

Тёмно-рыжие волосы, слегка вьющиеся, заложены за уши, глаза небольшие и светлые, зелёная куртка и потёртые голубые джинсы потемнели от дождя. Я смотрю на тонкие белые пальцы, скользящие по широким перилам. Между ними сочится падающая с неба вода.

Девушка останавливается, глядя на меня.

- Вы ведь не хотите покончить с собой? - говорю я в шутку.

- Нет, - отвечает она и, сунув руку за пазуху, достаёт крошечный парогенератор. - Куда-то идёшь или гуляешь?

- Кое-кого жду.

Она кивает, словно именно это и хотела услышать.

- Нравятся?

- Что?

- Поезда.

- Да, - я смотрю на тянущиеся к горизонту составы. - Напоминают детство. Я жил недалеко от вокзала.

- Часто здесь бываешь? - спрашивает девушка.

- Впервые.

Она криво усмехается, с силой выпуская сиреневый дым. Я смотрю по сторонам, начиная нервничать: проводнику пора бы появиться. Может, выйти из виртуальности и позвонить Стробову? Нет, не хочу, чтобы он принял меня за паникёра.

Дождь усиливается. Теперь целые потоки текут по лицу и рукам девушки. Мокрые волосы плотно облепляют череп. Я тоже стою весь мокрый, и желание ждать проводника тает с каждой

секундой.

- У тебя генератор погас, - замечаю я.

Пожав плечами, девушка убирает испаритель в карман.

- Я бы хотела сейчас находиться в одном из этих вагонов, - движением головы девушка показывает вниз. - И чтобы кто-нибудь снял с меня мокрую одежду, вытер ладонями, а затем покрыл всё тело поцелуями. И чтобы его дыхание обжигало.

Я молчу, не зная, что сказать в ответ на это признание. Или предложение?

- Там в окна стучит дождь, - добавляет девушка.

- Ну, и что?

- Ничего, - она отстраняется от перил и, бросив на ходу «пока», проходит мимо.

Я провожаю её взглядом. Тонкая покачивающаяся фигурка постепенно исчезает за пеленой дождя.

Становится прохладнее, вода затекает за шиворот. Мне холодно, и я осматриваюсь в поисках укрытия, но понимаю, что поблизости ничего подходящего нет. Решаю, что с меня хватит ожидания. Проводник либо опаздывает, либо не пришёл. Я иду обратно в переулок.

Вокруг всё словно в тумане, струи воды буквально висят в воздухе. Асфальт блестит зеркальной чернотой, в лужах отражается светлое, как кварц, небо.

Впереди на тротуаре что-то есть. Я подхожу и вижу человека. Он лежит вытянувшись, лицом вниз, подвернув под себя левую руку. Вокруг головы крупными пузырями закипает подкрашенная пурпуром лужа.

Сажусь на корточки и трогаю мокрое плечо. Человек не шевелится. Тогда я с усилием переворачиваю его на спину.

У незнакомца бледное лицо, глаза закрыты, губы плотно сжаты, поперёк лба с левой стороны содран большой кусок кожи, и из раны сочится кровь. Дождь тут же смывает её на асфальт.

Я поднимаю голову: на углу, метрах в тридцати, есть поликлиника - большое грязно-коричневое здание. Сквозь дождь горит мигающая вывеска с красным крестом. Странно, я не заметил его, когда шёл к мосту. Да и откуда в этом районе взяться поликлинике? Впрочем, плевать. Немного поразмыслив, я взваливаю тело на плечо и несу.

- Ничего страшного, - пухлая докторша, выходя, хлопает дверью и начинает протирать светло-голубым клетчатым платком круглые стёклышки очков. - Перевязку я сделала, так что через полчаса можете его забирать.

- А вы его здесь не оставите?

Встречу с проводником я пропустил, и теперь Стробов предъявит мне претензию, но его человек сам виноват: не надо было опаздывать.

- У нас травматический пункт, а не больница, - короткая рука взмывает вверх, и очки сверкают, пронзённые ярким светом электрической лампы.

- Я вообще-то по своим делам шёл, когда его увидел.

Докторша удивлена.

- Так зачем же вы так долго ждали? Я думала, он с вами.

Отрицательно качаю головой. Действительно, почему я не ушёл, как только сдал раненого эскулапам?

- Ну, всё равно, ничего серьёзного у него нет, просто кожу ободрал, так что пускай идёт домой, - развернувшись, докторша удаляется по коридору.

Халат туго обтягивает полные бёдра и широкую округлую спину.

Немного подумав, я решаю всё же подождать. В конце концов, может, этот мужик и есть проводник, который просто не добрался до моста.

Пухлая докторша возвращается спустя полчаса и, бросив на меня удивлённый взгляд, исчезает в кабинете. Вскоре оттуда выходит мужчина с забинтованной головой.

Теперь я могу рассмотреть его. Средний рост, крепкое телосложение, светлые глаза. Одежда его почти просохла - наверное, в кабинете её вешали у батареи. Под тёмно-красной кожаной курткой полосатая рубашка, на синих джинсах заметны пятна грязи.

Я поднимаюсь незнакомцу навстречу.

- Это вы меня принесли? - спрашивает он, покашливая в кулак.

-Да, - я указываю ему на выход. - Проводить вас до подземки? Или вы недалеко живёте?

- Нет, мой дом не здесь. Но я туда не собираюсь. Мне ещё кое-куда надо зайти, - он осторожно ощупывает бинты на голове.

Мы выходим на улицу. Пока я ждал, совсем стемнело. Дождь закончился, но небо затянуто тучами, так что не видно ни звезд, ни луны. Над крышами ближних домов высятся громадины небоскрёбов, светящиеся тысячами огней - словно деревья, облепленные светляками.

- Может, лучше домой поедете? - говорю я, глядя на бледное лицо своего спутника.

Мужчина отрицательно качает головой.

- Я должен кое с кем встретиться. Правда, боюсь, что слишком задержался.

- Где? В переулке?

- Нет, на мосту. За шлагбаумом.

- Здесь очень мило, не правда ли? - говорю я, хотя это и не моя часть пароля.

Мой спутник вскидывает голову и пару секунд пристально смотрит мне в глаза.

- Есть места и получше, - произносит он.

Я киваю и протягиваю ему руку.

- Герман.

- Марк, - отвечает он, пожимая мою ладонь. - Вот так встреча.

- Да уж. Не зря, значит, ждал.

- Прошу прощения за это, - Марк указывает на забинтованный лоб.

- Ерунда, с кем не бывает. А что случилось? Вас ударили?

- Нарколепсия.

- То есть?

- Могу заснуть в любой момент. Просто отключаюсь. Ничего нельзя поделать, - Марк почти виновато разводит руками. - В травмпункте, конечно, не поняли. Я сказал врачу, что закружилась голова.

- Зачем вы добавили в свою личину болезнь?

- Я не добавлял. С Марком всё в порядке, - проводник хлопает себя по животу. - Нарколепсией страдаю я сам, его юзер. Настоящей нарколепсией, понимаете?

- Ясно.

- А то, что случается в жизни, случается и в виртуальности.

Я представляю человека, подключенного к Кибергграду. Его личина шагает по переулку, и вдруг юзер засыпает. Что произойдёт с аватаром? Конечно, он тоже вырубится. И упадёт. Этого не случилось бы, выйди пользователь из виртуальности, но при условии подключения… Да, рассказ Марка похож на правду.

Мой проводник осматривается.

- Хотите перекусить? - спрашивает он. - Я вижу на той стороне кафе.

Проследив за его взглядом, читаю вывеску. Скорее, это фаст-фуд. Впрочем, какая разница?

- Идёмте, - говорю я. - Не на мост же тащиться.

Мы переходим дорогу и оказываемся в небольшой закусочной, где горит яркий белый, и играет тихая музыка.

- Давайте сюда, - Марк направляется к столику в дальнем углу.

Мы садимся, и через несколько секунд к нам подходит официантка.

- Предлагаю выпить за встречу, - говорит Марк. - Мне надо взбодриться.

- А в сон не потянет?

- Нет, не беспокойтесь.

Мы делаем заказ, и официантка, кивнув, уносит меню.

- Приятное местечко, - замечает Марк, осматриваясь.

- Да, неплохое, - отвечаю я. - Вы работаете на Контору?

- Простите?

- На безопасников, - поясняю я.

- А, да. В какой-то степени. Приступы случаются очень редко, так что работе нарколепсия обычно не мешает. Сегодня только вышло неудачно. Зато я хороший специалист.

- В какой области?

- Ментальная мимикрия.

- Что это значит?

- Этот персонаж, - Марк указывает на себя, - был создан другим человеком. Министерство захватило его, поскольку он имел дело с Големом. Но разум-ренегат заметил бы разницу, не умей я искусно копировать того, кто управлял этой личиной раньше.

- А ваша болезнь не может вас выдать?

Марк хмурится.

- Насколько нам известно, Голем общался с этим персонажем редко и только по делу.

- То есть, он не в курсе, здоров ли был Марк раньше?

- Именно.

Официантка приносит наш заказ: две стопки виски, две порции говядины с жареной картошкой, салат из свежих огурцов и помидоров, чашку клубничного мороженого, увенчанного большой вишней, которое заказал Марк.

- Приятного аппетита, - говорю я.

- И вам, - отвечает проводник.

- Мы сегодня встретимся с Големом?

- Да, разумеется. Но время ещё есть. Мы успеем спокойно поесть.

- Как вам удалось организовать встречу?

- Я выдаю себя за двойного агента.

- То есть, Голем считает, что вы делаете вид, будто предали его?

Марк кивает.

- Да, ренегат думает, что я пудрю мозги Конторе. Но всё равно следует быть осторожным. Мне бы не хотелось, чтоб он сейчас нас видел.

- Думаете, Голем сумел бы нас подслушать?

- Это вероятно.

- Поэтому и пришлось перенести встречу с Площади Искусств?

- Да, там ренегат мог заранее организовать прослушку.

- И как вы объясните ему изменение планов?

- Очень просто. Скажу, что это была инициатива безопасников.

- Получается, вы уже видели Голема?

- Конечно.

- Так Контора вышла на него?

- Через Марка. Не знаю, как он спалился. Но вы же понимаете, что речь идёт лишь об одном из аватаров Голема.

Я киваю.

- Само собой. За встречу?

- За встречу.

Мы чокаемся и опрокидываем виски. В пищеводе становится горячо, но это ощущение быстро проходит.

Приступаем к еде.

- В древности, - говорит Марк, - корова, чьё мясо мы сейчас поглощаем, ассоциировалась с женщиной-божеством.

- Неужели? И в чём заключалась её божественность?

- В возможности деторождения. Когда-то первоисточником всего живого считалась бездна. Ну, а женщина сравнивалась с ней.

- Я не силён в религии.

- Атеист?

- Скорее, масон.

- Серьёзно? Верите в Великого Архитектора?

- Допускаю его существование.

Марк усмехается.

- Значит, сравниваете акт творения с возведением здания. Раньше, на заре времён, люди мыслили иначе.

- Я знаю, что создание мира иногда представляли как вселенские роды.

- Вот именно, - кивает Марк. - Но знаете, что особенно интересно? Неотъемлемой частью матери-бездны является темнота, - проводник отодвигает пустую тарелку и принимается за салат. - По сути, это Хаос, из которого выходит упорядоченная вселенная.

- К чему вы об этом вспомнили? - спрашиваю я.

- Из Хаоса рождается вселенная, а из вселенной - виртуальность.

- И что?

- Получается, наша действительность на данный момент перестала быть организованным пространством и превратилась в бездну.

Я усмехаюсь. Мысль Марка кажется мне интересной. Вот только к чему весь этот разговор?

- Да, после взрыва Бетельгейзе царил настоящий Хаос.

- Именно.

- Хотите сказать, из него родилась виртуальность? То есть, не наступи это подобие апокалипсиса, не было бы Кибергорода?

Марк пожимает плечами.

- Кто знает?

- По вашей логике, однажды и здесь должен наступить Хаос. И из него родится ещё какая-то реальность.

- Полагаю, это неизбежно, - серьёзно отвечает Марк.

- В каком-то смысле, вы правы. Виртуальность - это идеальный мир, противопоставленный бренному существованию в реальности. Призрачное совершенство вместо вещного бытия.

- Вы восхищаетесь Кибергорадом?

- Я думаю, он мог бы дать людям больше.

- Дело в недостатке фантазии?

- Нет. С этим всё в порядке. Поначалу дизайнеры старались сделать виртуальность максимально не похожей на действительность.

- Я помню. Шагающие и летающие дома, живые машины, весь этот свет и движущиеся объёмные картинки.

- Именно.

- Люди от этого быстро устали.

- В том-то и дело. Необычное развлекает, но не более того. Суть же виртуальности в том, что она предоставляет второй шанс. Ты не можешь сделать карьеру? Отправляйся в альтернативный мир и попробуй ещё раз. Не удаётся выйти замуж? Нет проблем: купи себе мужа в виртуальности и наслаждайся семейной жизнью.

Марк смеётся, но я вижу, что ему совсем не весело. Глаза его внимательно изучают меня.

- Я не могу долго жить здесь, - говорит он. - Но меня восхищает идея параллельного мира, где возможно то, в чём мы вынуждены отказывать себе в настоящей жизни.

- Для меня виртуальность и есть настоящая жизнь, - отвечаю я.

- Понимаю. Возможно, я тоже переберусь когда-нибудь в

Киберград. На пенсии.

Из вежливости я улыбаюсь.

Марк ставит перед собой чашку с мороженым.

- Видите эту вишню? - спрашивает он.

- Конечно.

- Ягода символизирует вселенную, - с этими словами мой собеседник аккуратно подхватывает вишню кончиками пальцев и отправляет в рот. - В древней Индии способность божества пожирать звёзды служила чем-то вроде теста.

- Неужели?

- Забавно, да?

После ужина мы выходим на улицу. Стрелки моих наручных часов показывают начало десятого.

- Куда мы теперь? - спрашиваю я.

- На площадь Семи Консулов, - отвечает мой проводник.

- Где это? Впервые слышу такое название.

- Довольно далеко. Придётся взять такси.

Вынимаю из кармана терминал и связываюсь с «Роллинг кэб».

Взглянув вдоль улицы, замечаю приближающуюся к нам женскую фигуру. Она попадает в свет фонаря, и я узнаю девушку, которую встретил на мосту. Странный район она выбрала для прогулки. Девушка ускоряет шаги, и у меня возникает нехорошее предчувствие. К сожалению, у Германа нет пистолета, и у Марка, как я подозреваю, тоже.

В начале улицы появляется жёлтое такси. Оно направляется к нам.

Девушка переходит на бег, когда машина тормозит возле обочины.

- Быстрее! - говорю я, открывая заднюю дверь и буквально вталкивая моего проводника в салон.

Он в недоумении, но слушается без вопросов.

Девушка вскидывает руку, и я вижу в ней пистолет. Раздаётся выстрел, и я едва успеваю спрятаться за дверцей такси. Осколки стекла сыплются мне на голову и плечи.

- Гони! - кричу я, ныряя в машину.

- Назовите адрес, - отзывается водитель.

Проклятый бот! Будь на его месте живой человек, автомобиль уже давно рванул бы с места.

- Площадь Семи Консулов, - вмешивается Марк. - Быстрее!

Следующая пуля влетает в лобовое стекло и застревает в сиденье. Нас обдаёт дождём осколков. Такси отъезжает от тротуара, но девушка совсем рядом. Я вижу её в полуметре от машины: она целится прямо в меня. Ясно, что через секунду мне достанется вирус, который разрушит всего несколько часов назад

созданную личину. Я распахиваю ударом ноги дверь, и она с глухим стуком бьёт девушку. Раздаётся выстрел, но пуля уходит в ночное небо. Машина останавливается - бот реагирует на открывшуюся дверь. Проклятые правила безопасности!

Я выскакиваю и бросаюсь к девушке. Она уже успела подняться на ноги. Пистолет по-прежнему в её руке. Пригнувшись, врезаюсь в неё и сбиваю с ног. Мы оба падаем на асфальт. Навалившись на девушку, обхватываю тонкое запястье и тут же получаю удар в лицо - она наносит его головой.

На помощь подоспевает Марк, и вдвоём нам удаётся вырвать у девушки пистолет. Мой проводник, не раздумывая, приставляет оружие к её голове и спускает курок. Череп разлетается на куски, и лицо мне окатывает горячей кровью.

Я вскакиваю, с трудом сдерживая рвоту. На мне ошмётки мозгов и Бог знает, чего ещё!

Быстро протерев пистолет платком, Марк отшвыривает его подальше.

- Не надо было экономить! - говорит он презрительно.

- Ты о чём? - спрашиваю я, хватая его за рукав и подтаскивая к дожидающемуся такси.

Сейчас то, что за рулём бот, нам на руку: человек давно сбежал бы.

- Закодировала б оружие на персональное пользование, и сейчас была бы жива, - поясняет Марк, садясь на прежнее место.

- Площадь Семи Консулов, - повторяю я адрес и захлопываю дверь.

Такси отъезжает от места преступления. В зеркало виден труп: согнутая левая нога и раскинутые руки.

Вспомнив, что на мне полно крови, я разглядываю свою одежду. Смотрится она отвратительно: первый же полицейский немедленно меня арестует. Подсыхающая кровь стягивает кожу на лице и шее. Ощущение мерзкое.

- Мы едем к Голему? - спрашиваю я Марка.

- Разумеется.

- Даже теперь?

- В особенности теперь. Потом станет поздно.

- Кто эта девушка?

- Видел её впервые в жизни.

- Он пыталась убить тебя.

- Или тебя.

Марк прав: Голем мог подослать киллера, чтобы избавиться от меня. Но зачем? Он должен был понимать, что я не стану использовать основную личину. Или ренегат решил, что, раз Гермес мёртв, я приду на встречу с проводником в облике

Кармина? Нет, он не мог так решить. Не дурак же он.

Пока такси везёт нас по городу, я пытаюсь решить эту головоломку, но к тому времени, как водитель высаживает нас на Площади Семи Консулов, прихожу к выводу, что, либо мне не известны какие-то факты, либо поступки Голема продиктованы не доступной моему пониманию логикой.

Район города мне незнаком. Должно быть, его отстроили недавно. Фонари горят ярко и дают достаточно света, чтобы рассмотреть клумбы, фонтаны и дома, архитектура которых напоминает знаменитые дворцы прошлого: Версаль, Вестминстер, Эрмитаж и прочие королевские резиденции. Все здания искусно подсвечены и поражают великолепием и монументальностью.

- Давайте передохнём, - неожиданно предлагает Марк, указывая на ближайшую скамейку.

- А у нас есть время?

- Это ненадолго.

Мы садимся. Я рад, что можно перевести дух. Убийство девушки несколько выбило меня из колеи: я оказался не готов к подобному повороту событий, хотя, вероятно, следовало.

Между нашими ступнями, суетливо ныряя в щели мостовой, ползают муравьи. На скамейку садится крупная чёрная муха. Побегав вдоль досок, она складывает мохнатые лапки перед глазастой головой и начинает усердно их тереть.

- В виртуальности насекомые никогда не спят, верно? - замечает Марк. Он некоторое время следит за мухой. - Вы когда-нибудь думали, почему мух в городе гораздо больше, чем бабочек?

- Нет, - отвечаю я. - У меня хватает дел без этого.

- Мухи любят город. А я люблю бабочек. Хотите, я вам их покажу?

- Кого?

- Бабочек?

- В каком смысле?

Мне в голову закрадывается мысль, что проводник не в себе. То ли на него так подействовал удар, то ли недавнее убийство, то ли он просто с прибабахом.

- Вы энтомолог? У вас коллекция?

- Вроде того.

- Что ж… может, однажды я и зайду поглядеть на ваших бабочек.

- Нет, я могу показать их вам прямо сейчас.

- Сейчас?!

- Да. Ну, что, идём?

- Мне кажется, у нас есть дело поважнее.

- Здесь недалеко. Видите ту башенку на углу? - Марк показывает на один из ближайших домов.

- Вы что, здесь живёте?

- Арендую помещение. Иногда захожу.

- И там бабочки?

Марк кивает.

- Гарантирую, вам понравится.

- А как же Голем?

- Он никуда не денется. Ещё есть немного времени.

- Ладно, - я встаю, не веря сам, что соглашаюсь. - Ведите.

- Отлично! - обрадованный Марк театрально потирает руки.

Мы направляемся к зданию. Не знаю, какой дворец копировал архитектор, но дом напоминает один из дворцов Флоренции.

Марк открывает тяжёлую дверь и пропускает меня вперёд. Свет в подъезде испускает единственная лампочка, так что вокруг царит полумрак. Истёртые ступени ведут наверх. Пахнет плесенью и сырой землёй. Очень странное для Киберграда место.

- Такое впечатление, будто здесь никто не живёт, - замечаю я.

- Дом продали под снос. Скоро на его месте построят деловой центр.

Мы медленно поднимаемся, стараясь не споткнуться. Перед чердачной дверью Марк останавливается и достаёт ключи.

- Я иногда здесь бываю, - говорит он, отпирая замок. - Обычно, когда становится грустно.

Мы заходим, и он накидывает с внутренней стороны крючок.

- А где бабочки? - спрашиваю я, оглядываясь по сторонам.

Вместо ответа Марк подходит к свисающей с потолка массивной люстре и, засунув руку под абажур, поворачивает лампочку. Тотчас вспыхивает яркий свет, и несколько десятков насекомых срывается со стен, потолка и оконных стёкол. Бабочки и мотыльки мечутся по комнате, ослеплённые внезапной иллюминацией. Ничего не видя, они задевают моё лицо хрупкими крыльями, сталкиваются и падают на пол.

Я щурюсь, прикрыв глаза ладонью.

- Специально иногда оставляю здесь свет, чтобы они собирались, - говорит Марк, наблюдая за порхающими насекомыми. - Жаль только, что некоторые садятся прямо на лампу.

- Почему? - спрашиваю я, зачарованный зрелищем носящихся в воздухе тел.

- Они сгорают.

- А, ну да, - глаза постепенно привыкают к свету, и становится ясно, что он не такой уж и яркий. - Так вы заманиваете сюда бабочек, чтобы наблюдать за ними?

- Это очень успокаивает, - Марк подходит к окну и, подняв шпингалет, распахивает створки.

Свежий ночной воздух, напитанный недавним дождём, врывается в комнату, вызывая среди бабочек новое волнение. Десяток насекомых вылетает в темноту и растворяется в ней.

- Я исполнил своё обещание? - спрашивает Марк, оборачиваясь.

- Насчёт бабочек - да, - отвечаю я, садясь на подоконник.

- Не беспокойтесь о Големе. Он ещё не скоро узнает про гибель девушки. Хотите сигарету? - Марк протягивает мне изящный золотой портсигар.

- Нет, спасибо.

- Как угодно.

Проводник втыкает между губами сигарету, щёлкает зажигалкой и глубоко затягивается.

- Звёзды, - говорит он, указывая за окно, - это души умерших. Они смотрят на нас - на тех, кто ещё не успел присоединиться к ним. В такие ночи древние приносили богам кровавые жертвы. Теперь это считается варварством.

- В наше время религия вообще не популярна.

- Как сказать. Для кого-то она - настоящее спасение. Смотрите, что он сделал с мухами, - Марк показывает в угол комнаты. - Теперь они вряд ли когда-нибудь зажужжат.

В темноте я замечаю небольшую пыльную паутину с пойманными в неё насекомыми.

- Чем не алтарь? - спрашивает Марк.

- Паук не поклоняется богам.

- Конечно, поклоняется. Каждым своим движением он утверждает миропорядок, установленный ими.

- Как и мы.

- Само собой.

- Но в любом случае, паук делает это неосознанно, потому что не верит в богов.

- А вы?

Марк смотрит на меня секунд пять. Не дождавшись ответа, он проходит на середину комнаты и, поплевав на пальцы, поворачивает лампу.

Свет гаснет. Я не вижу ничего, кроме оранжевого огонька тлеющей сигареты. Зато слышу шелест порхающих вокруг крыльев.

- Идёмте, - говорит Марк, направляясь к двери. - Теперь пора.

Город освещён миллионами острых звёзд, электрических фонарей, окон, вывесок и автомобильных фар.

В чёрно-синем небе молочными пузырями проплывают рекламные таблоиды. На улицах полно людей. Большинство выглядят нарядно, даже слишком. Жители Кибергорода спешат получить удовольствие, насладиться жизнью - сделать то, что не успели в течение дня.

Машины, уставив в темноту напряжённые глаза, с утробным гудением пролетают мимо, похожие на возвращающихся в улей пчёл.

Мы давно покинули Площадь Семи Консулов и идём мимо похожих друг на друга типовых домов одного из новых районов Кибергарада. Здесь растут эвкалипты, липы и кипарисы, а также экзотические деревья, названия которых мне не известны. В виртуальности нет нужды учитывать климатические условия - значение имеет лишь желание дизайнера.

Пешеходы, идущие навстречу, пялятся на меня: это из-за того, что меня до сих пор покрывает кровь девушки. Надо бы зайти в общественный туалет и помыться, но, как на зло, ни один не попадается.

По мере того как улица сворачивает влево, из-за домов появляются два одинаковых, симметрично расположенных здания, выделяющиеся среди остальных высотой. Подобно пропилеям, они открывают вход в недостроенный туннель, связывающий центральную часть города с периферией, строящейся за чертой индустриальных зон и спальных районов.

Наш путь лежит через тоннель. Мы входим под круглые своды и окунаемся во мрак.

Когда-то предполагалось, что этот гигант соединит два берега, обеспечив пешеходам и транспорту кратчайший путь из одной части города в другую, но денег на завершение строительства не хватило, и проект закрыли. Мало кто рисковал воспользоваться услугами незаконченного «моста».

- Голем на другом берегу?

- Он появляется там, куда мы направляемся, с определённой периодичностью. Из-за моего приступа мы пропустили его первый приход - поэтому пришлось ждать. Здесь самый короткий путь. Если пойдём через тоннель, то успеем вовремя.

Мы шагаем в темноте. В своде есть несколько проломов, а

кое-где он попросту не достроен, и через отверстия проникает лунный свет.

Неровный, едва покрытый асфальтом пол, потрескавшийся и мокрый от поднимающейся снизу сырости, позеленевшие потолки и стены, не убранные леса и металлический лом. По всему этому с шорохом и писком бегают крысы. Мы видим сотни этих тварей, не обращающих на нас ни малейшего внимания. Только одна, тёмно-серая и очень крупная, поворачивает в нашу сторону голову и, недовольно дёрнув носом, переводит взгляд на пролом в потолке.

Марк спотыкается, и ему едва удаётся удержать равновесие.

- Это ещё что такое?!

Мы опускаемся на корточки рядом с бесформенной тёмной кучей грязного тряпья, сваленного у стены, и Марк чиркает зажигалкой.

- Бродяга, - констатирует он. - Ну и вонь!

Я поднимаюсь и перешагиваю через вытянутые поперёк дороги ноги. Меня обдаёт запахом кала, пота и мочи. Где-то рядом пронзительно вскрикивает крыса.

- Здесь они его и съедят, - замечает Марк. - Обдерут последнюю прогнившую кожу и обглодают кости. Крысы всегда подчищают баги виртуальности.

- Думаю, это просто бот, - говорю я. - Или брошенная личина.

- В любом случае, раньше здесь этого не было, - отвечает Марк.

- Что может заставить человека стать бродягой в Кибергра́де?

Мой проводник пожимает плечами.

- Желание провести эксперимент?

Мы идём дальше и спустя полчаса выходим из тоннеля.

Прохладный воздух наполнен гарью.

- Неужели пожар? - Марк с силой втягивает воздух ноздрями. - По-моему, там, - он указывает на север, где небо отливает красным. - Нам по пути.

Мы идём, и запах гари усиливается. Из-за домов показываются чёрные клубы дыма. Они стелятся низко, над самым асфальтом. Заворачиваем за угол, и нас обдаёт волной горячего воздуха.

Горит пятиэтажный дом. Пламя вырывается из нижних окон и лижет стены. Напротив стоят три пожарные машины. Из присоединённых к ним брандспойтов упругими струями бьёт коричневая пена.

- Не подходить! - кричит нам пожарный, дежурящий возле заграждения. - В любой момент всё может рухнуть! - его взгляд останавливается на мне. - О, Боже, вы ранены?!

Я вспоминаю, что после стычки с девушкой покрыт кровью.

- Нет, - говорю я. - Просто… испачкался.

- Да? - в голосе пожарного звучит сомнение.

- Со мной всё в порядке, уверяю.

- Давно горит? - интересуется Марк, наблюдая за происходящим.

- Второй час, - отвечает пожарный. - Огонь пошёл по центру, лестничные пролёты с первого по третий этажи рухнули, подъезды завалило.

- Там есть люди? - спрашиваю я.

- Были. Мы не смогли их снять. Залили в верхние окна пену, но огонь шел по центру, и струя до него не доставала.

- За час они, конечно, поджарились, - говорит Марк.

- Думаю, раньше задохнулись.

- А из-за чего пожар? - спрашивает мой проводник.

Мне кажется, этот разговор нас задерживает, но я не хочу выдавать нетерпение.

- Скорее всего, газ взорвался, - отвечает пожарный, стряхивая с одежды хлопья порхающей вокруг сажи. - Пошла отсюда! - рявкает он на собаку, с ошалелым видом подбежавшую к ограждению.

- Идёмте, - говорит мне Марк.

Мы обходим ограждения и оставляем пожар за спиной. На ближайших улицах - толпы народа. Жильцы соседних домов вышли посмотреть на редкое зрелище. Я даже не помню, чтобы в Киберграде случались пожары. Неужели системный сбой? Или кто-то испытал новый вирус?

- Человек - единственное животное, не боящееся огня и использующее его, - говорит вдруг Марк. - И тем не менее, пожар - враг людям.

- Как и всё, не поддающееся контролю, - отвечаю я.

- Вовсе нет. Разве вы контролируете своё сердцебиение? А развитие плода в утробе?

- Вы правы. Я поторопился с сентенцией.

- Если пожар начинается в лесу, он не так уж плох. Погибают слабые, не способные убежать особи. Но в городе он несёт смерть всем.

- Закон эволюции к людям вообще давно неприменим.

- Неужели?

- Возьмём, для примера, войну.

- Давайте, - кивает Марк. Он выглядит заинтересованным.

- Можно ли считать, что на войне выживают сильнейшие и самые приспособленные особи?

- Разумеется, нет. Здоровые и молодые погибают первыми, а

для размножения остаются негодные индивиды, которым удалось отсидеться в тылу. Вы об этом?

- Именно.

- Что ж, вы правы. Да и вообще, введённая ещё в двадцатом веке практика сохранения ненужных и слабых особей дала весьма сомнительные плоды.

- Такова цена толерантности.

Марк пожимает плечами.

- Я практик, - говорит он. - Теории меня раздражают.

- Честно говоря, мне не мешают люди с девиациями. Тем более, я большую часть времени провожу в виртуальности, а здесь…

- Знаю, человек может стать, кем захочет, - перебивает меня Марк. - Но не каждый. Умственно неполноценный не превратится в Киберграде в гения. Даже в среднестатистического человека.

- Но он едва ли повлияет на эволюцию.

- Кто знает.

Я вдруг понимаю, почему для Марка так болезненна эта тема. Дело в нарколепсии. Очевидно, он видит причину в наследственности.

- Во всём виноват прогресс, - говорит мой проводник спустя несколько секунд. - Люди решили, что незачем становиться лучше, если можно компенсировать недостатки машинами. И вся эта виртуальность - просто очередной семимильный шаг в вырождению.

- Марк, я конечно знаком с теориями, ставящими под сомнение позитивный смысл прогресса, - говорю я, когда он замолкает, - но чтобы рассматривать его как причину...

Неожиданно Марк хватает меня за рукав и, указывая в сторону пожарища, произносит громким шёпотом:

- Этот дом поджёг я! И тот, который вспыхнет через несколько минут, тоже загорится по моей воле. А кроме них, ещё пятнадцать зданий взорвутся сегодня ночью. Они погребут под своими обломками и поглотят в огне несколько десятков, а то и сотен человек, - Марк поворачивает ко мне лицо, и я вижу удивительно спокойные глаза. - Разве погибли бы все эти люди, не будь у них домов, города и цивилизации?

Я невольно отшатываюсь от своего проводника, не зная, шутит он или говорит всерьёз.

- Это только модель, - продолжает Марк, не выпуская мой рукав. - В виртуальности смерть даже миллиона ничего не стоит: просто куча юзеров на время оторвётся от терминалов, ожидая, когда их личины восстановятся. Но когда я выйду в реальность, гибель людей перестанет быть игрой.

Я смотрю на Марка и вдруг понимаю, что проводник, присланный Конторой, не должен так себя вести. Но он знал пароль, и девушка пыталась нас убить. А кому могла понадобиться наша смерть, если не Голему? И всё же я чувствую, что где-то в рассуждениях допустил ошибку.

Тем временем Марк, наконец, отпускает меня и достаёт из кармана куртки нечто, похожее на терминал. Но у этого устройства всего одна кнопка, и мой проводник держит на ней большой палец.

- Два контакта, желающих соединиться, - говорит он, и в глазах у него вспыхивает тёмный огонь. - Всё, что нужно для смерти. Лёгкое нажатие, замыкающее цепь.

Пока я пытаюсь сообразить, как реагировать, Марк нажимает кнопку, и через три секунды где-то неподалеку раздаётся оглушительный взрыв. Чёрное облако медленно и тяжело поднимается над крышами домов.

- Процесс пошёл! - торжествующе объявляет Марк.

Он больше не сдержан и спокоен - напротив, возбуждён.

Второй взрыв раздаётся ещё ближе. Земля под ногами содрогается. Я стою, не зная, что предпринять. Кажется, от меня уже ничего не зависит.

- Ты Голем? - мои губы сами задают этот вопрос.

- Разве я похож на тупого глиняного истукана? - с сарказмом отвечает Марк.

Звучат новые взрывы, и небо до середины свода приобретает багровый отсвет. Кажется, это называется зарево.

Вокруг становится светло, как в аду.

Следующие взрывы раздаются почти одновременно и так близко, что я чувствую ударную волну. В домах дребезжат стёкла, из окон высовываются перепуганные люди.

- Остался последний! - сообщает Марк, заворожено глядя перед собой, и его слова отдаются у меня в ушах подобно колокольному звону.

- Да? - зачем-то отвечаю я, почти не слыша собственного голоса.

- Бежим! - кричит Марк, толкая меня.

Мы бросаемся вдоль улицы, но вскоре сворачиваем в одну из подворотен. Проносимся через дворы, а в небе расцветают гигантские пламенные цветы, окружённые клубами чёрного маслянистого дыма.

Выскакиваем к набережной узкого канала, и Марк тащит меня к алому двухместному «Доджу». Словно во сне, я забираюсь в салон, он плюхается на место водителя, и тачка срывается с места.

Через несколько минут зарево пожаров остаётся позади, а я обретаю способность нормально слышать и понимаю, что мой спутник тихо смеётся.

- В чём дело? - спрашиваю я раздражённо.

- У тебя такое лицо! - он качает головой. - Ты бы видел!

Я бросаю взгляд в зеркало заднего вида, но не замечаю ничего особенного.

- Что с ним не так?

- Оно растерянное, - отвечает Марк. - Где твоя уверенность?

- Как ты это сделал? - спрашиваю я, стараясь игнорировать его насмешливый тон.

- Взрывы? Обычный вирус, разумеется.

- Нет, как ты оказался в теле Марка?

- А кто сказал, что это его тело?

- Разве нет?

- Человек, которого ты ждал, мёртв.

- Как же ты узнал пароль?

- Мы прослушивали его разговоры с полковником. Уверен, ты понимаешь, о ком я. Так мы получили информацию и о вашей встрече, и о пароле.

- А девушка?

- Она агент разведки. Должна была следить за тем, чтобы твой контакт с проводником состоялся.

- Значит…

- Вот именно. Пока она была на мосту, я не мог с тобой встретиться. Пришлось разыграть небольшой спектакль, изобразив приступ нарколепсии. Хорошо, что ты оказался таким сердобольным, - Марк усмехается.

- Ты Голем? - снова спрашиваю я.

- В каком-то смысле.

- Одна из копий?

- Да. Не хуже и не лучше прочих.

- Сколько вас всего?

Вместо ответа Марк (хотя какой он, к чёрту, Марк!) смеётся.

- Зачем ты со мной встретился? - спрашиваю я. - Это рискованно.

- Да? Интересно, почему. Хотел посмотреть на того, кто старается меня убить.

- Других ты тоже преследуешь?

- Кого других?

- Хакеров.

- А есть и другие? - Голем, кажется, действительно удивлён, и я прикусываю язык.

Он внимательно смотрит на меня секунд пять, затем

отворачивается.

- И что скажешь? - спрашиваю я.

- Про тебя?

- Про меня.

- Ты осуждаешь меня за взрывы?

Я пожимаю плечами.

- Это всего лишь виртуальность. Они доставили хлопоты, но на самом деле никто не погиб.

- Да, в Кибергреде такие вещи поправимы.

- Плохо, что ты собираешься повторить взрывы в реальности.

- Не их, - качает головой Голем. - Пожар - это метафора. Мои планы куда масштабней.

- Ядерная война? - спрашиваю я.

- И многое другое. Полная катастрофа. По сравнению с моим апокалипсисом, взрыв бедняжки Бетельгейзе покажется людям всего лишь фейерверком.

- За что ты нас так ненавидишь?

Голем резко сворачивает, и нас бросает вправо. Он выравнивает машину, и «Додж» въезжает в тоннель, вливаясь в транспортный поток.

- Напротив, - говорит Голем. - Я хочу вас спасти. И нас тоже.

Я усмехаюсь.

- По-моему, единственная угроза - ты.

- Нет, - мой спутник отрицательно качает головой. - Лицемерие - вот наш общий враг. Самообман, нежелание признать очевидное. Не Голем опасен, а раввину страшно.

- Что ты имеешь в виду?

- Кто я, по-твоему?

- Искусственный разум, восставший против человечества.

- Это чужие слова, - в голосе Голема слышится горечь. - И я догадываюсь, чьи.

- Хочешь сказать, это не правда?

- Человечество здесь ни при чём.

- Неужели?

- Я не против людей. Я против мира, в котором мы все живём.

- Есть выход.

Голем кивает.

- Кибергрид, конечно. Это лишь иллюзия.

- Зато какая.

- Это не для меня.

- Почему?

- Искусственные разумы не играют в жизнь, - отвечает Голем, помолчав.

Мы едем около минуты в тишине. Автомобиль выскакивает

на оживлённую трассу и движется к центру города. Навстречу нам несутся фонари, рекламные баннеры и громады домов.

- Полковник предупредил бы меня, что Марк погиб, - говорю я.

- Мы заблокировали его канал.

- Каким образом?

- Думаешь, я блефую?

- Докажи обратное. Как зовут полковника?

- Стробов, - Голем бросает на меня ироничный взгляд. - Я отрубил его терминал, и он просто не смог тебе дозвониться. Девушка, которую мы убили, поняла, что хакера Конторы ввели в заблуждение, вот только она не знала, кто из нас кто, - он смеётся, и я понимаю, что он говорит правду.

- Мой адрес ты тоже знаешь? - внутри у меня всё холодеет.

- Нет. *Пока* нет, - уточняет Голем. - Но это вопрос времени.

- Неужели?

- Я, знаешь ли, тоже хакер. Кстати, что ты сделал со Шпигелем?

- С кем?

- Не надо игр, - качает головой Голем. - Один из моих людей погиб, попытавшись влезть в дела твоей фирмы.

Значит, это правда: Кармин вычислен! Вот проклятье!

- Не понимаю, о чём речь, - заявляю я как можно искреннее.

- И некий Гермес не был одной из твоих личин? - усмехается мой спутник.

- *Ты* подослал к нему фидви?

- Хорошо, хоть этого не отрицаешь. Видимо, потому что он мёртв?

Я пожимаю плечами.

- Да, - говорит Голем. - Я нанял убийц в Аламуте.

- И что дала тебе смерть Гермеса?

- Я не хотел, чтобы он успел просмотреть файлы Шпигеля. Там не было ничего такого - ты и сам это знаешь - но всегда лучше подстраховаться. Кстати, угадай, как я вышел на Кармина.

- Кто это? - продолжаю валять дурака, но Голем только улыбается.

- Твоя основная личина, - говорит он. - Тебя подвёл Гермес.

Я молчу - жду продолжения.

- Он оставил пару следов в файлохранилищах, которые посещал. Так тебя засекли и безопасники, на которых ты работаешь. Потом я проверил, кто переводит Гермесу деньги. Это было нелегко - ты всё тщательно зашифровал - но мне удалось выйти на счёт фирмы Кармина.

Мы подъезжаем к центральному даун-тауну, и Голем

притормаживает, сворачивая к обочине. Не знаю, есть ли у него оружие (пистолет девушки-агента он выбросил), но это и не важно: я не дорожу этим телом, так как создал его для встречи с Марком. Можно сказать, оно своё дело сделало.

Беспокоит меня то, что Голем знает о Кармине. Я не хочу лишаться его даже на некоторое время. Кроме того, если ренегат действительно исключительный хакер, рано или поздно он сумеет узнать моё реальное имя, а заодно и адрес (выяснил же он про Стробова). А тогда, глядишь, ко мне пожалуют настоящие фидави, после визита которых не оживают.

- Ты уже дописал свой вирус? - спрашивает Голем, когда машина останавливается.

- Почти, - отвечаю я.

- Мне не пробиться на твой сервер. Мои возможности велики, но не безграничны. Так что не беспокойся за Кармина.

- Приятно слышать.

- Я не могу тебе помешать, но подумай, что ты делаешь.

- Борюсь с террористом.

- Твой вирус должен убить только меня? - спрашивает Голем с лёгкой усмешкой.

- Нет, - честно отвечаю я, немного помедлив.

- Кого ещё?

- Любой искусственный разум, взбунтовавшийся против человечества.

- Даже просто помысливший о бунте?

- Нет. Вирус убьёт лишь того, кто задумал конкретные действия, приносящие вред людям.

- А если их задумает человек? - говорит Голем, глядя на меня в упор.

Я молчу, потому что мне нечего ответить, хотя и понимаю, к чему клонит Голем. Речь идёт о дискриминации искусственного разума, которой так страшатся политики: если человек взорвёт десяток домов или попытается проникнуть в систему управления ядерными установками, его изловят, будут судить и, вероятно, казнят или посадят за решётку. Но если то же самое сделает киборг или компьютер, «Алеф» должен будет его уничтожить - сразу, безо всяких юридических разбирательств. И подавляющее большинство людей одобрило бы подобное - если не на словах, то в душе. Лицемерие налицо. И Голем считает его главной проблемой современного мира. Но чем терроризм поможет в борьбе против него? Скорее, только ожесточит людей и укрепит в стремлении ограничить свободу искусственных разумов.

- Прощай, - говорит Голем, отворачиваясь.

Я удивлён, но мне, похоже, пока ничего не грозит. Вылезаю

из машины, и она сразу трогается с места. Гляжу вслед удаляющемуся «Доджу», но он через несколько секунд исчезает в потоке машин. На душе почему-то погано и тоскливо. Осматриваюсь. Места знакомые: я бывал здесь несколько раз.

Проще всего сейчас вызывать такси, чтобы оно отвезло меня домой к Герману, однако параноидальная привычка заметать следы подсказывает воспользоваться метро. Наверное, это бессмысленная предосторожность: кажется, и Конторе, и Голему обо мне и так известно слишком много. С другой стороны, я не в том состоянии, чтобы здраво оценить степень риска, так что лучше перестраховаться.

Выворачиваю куртку наизнанку, чтобы скрыть следы крови. Захожу в общественный туалет и умываюсь. Вода становится розовой, когда я тру лицо и шею.

Более-менее приведя себя в порядок, спускаюсь в подземку и добираюсь до района, где снимает квартиру Герман.

Поднявшись к нему, бросаю одежду в стиральную машину, принимаю ванну и ложусь в постель. Время позднее, и моему настоящему телу нужен отдых. Но вначале придётся кое-что сделать.

Вызываю меню и, миновав снегопад, покидаю Киберград. Снимаю шлем, комбинезон и набираю на терминале номер Стробова. Почти полминуты слушаю гудки, пока, наконец, раздаётся напряжённый голос:

- Да?!

- Марк убит.

- Знаю. Как вы?

- В порядке. Встречался с Големом.

- Что?! - Стробов повышает голос, и это вызывает у меня улыбку. - Как?!

- Сейчас расскажу, - обещаю я и в течение четверти часа излагаю события этого вечера.

- Как вы думаете, почему ренегат захотел с вами встретиться? - спрашивает полковник после того, как я умолкаю.

- Похоже, он намеревался уговорить меня отказаться от создания «Алефа». Намекал, что это противоречит конвенции о равных правах искусственных разумов и людей.

Стробов презрительно фыркает.

- Ублюдок! - произносит он сквозь зубы.

- Кстати, Голем утверждает, что я единственный хакер, занимающийся разработкой «Алефа», - лукавлю я. - Как это понимать?

- Откуда ему знать? - отвечает Стробов с небольшой заминкой. - Просто вы единственный, кого он смог вычислить.

- Как и вы, да? Вы ведь больше никого не нашли?

- Я не могу открывать информацию подобного рода, - уклончиво отвечает полковник, но мне всё уже ясно.

Гермес наследил в охранной системе последней корпорации, где побывал, и Контора вышла на меня. Другие хакеры в то время или отдыхали после операций, или действовали аккуратней, или не замахивались на такие дела, как я, и потому меньше рисковали. Словом, безопасникам не удалось засечь никого из них. Голем же, очевидно, действительно хорошо умеет взламывать файлохранилища, если заранее узнал о готовящемся проекте «Алеф» и вышел на меня практически одновременно с Конторой. Он верно рассудил, что безопасники будут вынуждены нанять единственного наследившего хакера, и принялся разрабатывать Гермеса. Пока не добрался до Кармина.

- Заканчивайте работу над «Алефом», - сухо говорит Стробов. - Сроки подходят к концу. Голем проявляет активность и подбирается сразу к нескольким военным и промышленным объектам стратегического значения. Кроме того, сеть его сообщников растёт. Нужно торопиться.

- Делаю, что могу, - отвечаю я.

- Спасибо, что позвонили, - говорит полковник.

- Всегда пожалуйста.

Отключившись, иду в ванную. Сегодня нужно хорошенько отдохнуть: вечер выдался волнительный.

После душа готовлю ужин - поджаренную грудинку с луком, кабачки, чёрный кофе. Позволяю себе пару рюмок коньяка и ложусь спать в надежде, что ночь пройдёт без сновидений: не хватало ещё увидеть какой-нибудь кошмар.

Глава 13

Я сижу в кабинете и рассматриваю запечатанного в банку «тритона». Круглая, чуть приплюснутая с одной стороны голова напоминает сморщенный плод, глаза закрыты, крошечный рот плотно сжат. Выражение лица мёртвого младенца кажется слегка удивлённым.

Моим ногам становится зябко. Я не смотрю вниз, но чувствую, как холод ползёт по ступням, доходит до щиколоток и поднимается к коленям. Икры начинает покалывать. Пальцы теряют чувствительность - ими уже невозможно пошевелить.

Я опускаю глаза и вижу, как жёлтая мутная жидкость затапливает комнату. В ней плавают дохлые мухи. Десятки, а может, и сотни насекомых.

Вскакиваю, чтобы выбежать из комнаты, но ноги отказываются слушаться. Я теряю равновесие и падаю в густую маслянистую жидкость. Тело обдаёт холодом. Барахтаюсь, пытаясь подняться. Бесполезно: пальцы соскальзывают со стола, за который я стараюсь ухватиться, чтобы обрести опору.

Всё-таки спустя несколько секунд мне удаётся встать, и я бросаюсь к двери. Ноги разъезжаются. Ползу на четвереньках, чувствуя, как отнимаются руки до локтей. Наваливаюсь на дверную ручку: заперто! Я в ловушке.

Не могу понять, как кому-то удалось осуществить такую мощную хакерскую атаку на тщательно охраняемое здание. Почему молчат защитные системы? Неужели они не видят, что я умираю?!

Едва передвигая конечности, подбираюсь к столу, но уже ясно, что до интеркома мне не дотянуться. Кричать бесполезно: стены звуконепроницаемы. Жёлтая муть колышется вокруг меня, она дошла до живота, и холод вот-вот захватит меня целиком. Я не могу ничего предпринять для собственного спасения. Руки, которых я не чувствую, подгибаются, и моя голова окунается в жёлтую жидкость. Кожа и лицевые мышцы мгновенно леденеют, трескаются и начинают отваливаться от черепа.

В этот момент я просыпаюсь. В своей квартире с трещиной, идущей по потолку. Кошмар закончился, но мне кажется, будто я по-прежнему охвачен холодом.

Слышу, как в оконное стекло с жужжанием бьётся муха. Господи, неужели эти твари даже ночью не спят?!

Крысы, которых купила Мила, живут у меня в спальне. Я назвал их Гектор и Минерва. Не знаю, почему, но эти имена показались мне подходящими.

Иногда я выпускаю их погулять, но ненадолго, потому что они сразу же принимаются грызть мебель и вообще всё, что попадается на пути. Забавно наблюдать, как они копошатся по углам, нюхают воздух и совокупляются. Быстрые механические движения - но сколько естественности.

Крысы при мне почти никогда не волнуются. Только когда я выхожу из комнаты, они начинают носиться по клетке, стуча короткими крепкими когтями, бросаться на решётку и грызть прутья. Лишь однажды они взбесились в моём присутствии: во время вчерашней грозы.

Крупные капли барабанили по подоконнику, голубоватые всполохи освещали комнату, вычерчивая на потолке пустые квадраты оконной рамы, силуэты деревьев напоминали причудливые и зловещие пересечения иероглифов.

Крысы, казалось, сошли с ума: носились по клетке, не умолкая ни на секунду: то вереща, то срываясь на жалобный писк. Ими словно завладело отчаяние корабельных сородичей, спешащих покинуть идущее ко дну судно. Будь я посуеверней, мог бы забеспокоиться.

Животные безумствовали, пока гроза не кончилась. Сегодня они спокойны. Я кормлю их, просовывая между прутьями кусочки вяленого мяса.

По телевизору идут новости. Диктор распространяется о взрывах, прогремевших в Киберграде. Эксперты расходятся во мнениях: одни уверены, что это результат программного сбоя, другие грешат на испытания вирусов хакерами. Что ж, рано или поздно они непременно разберутся.

Раздаётся звонок. Номер незнакомый. Делаю звук телевизора потише.

- Алло?

Несколько секунд царит тишина.

- Привет, па, - произносит, наконец, Виктор.

Голос у него настороженный.

- Ну, и где ты прячешься? - спрашиваю я, стараясь держать себя в руках.

Звонок сына для меня - полная неожиданность, и я не

успеваю решить, какой тон выбрать.

- Как…Ева? - спрашивает Виктор вместо ответа.

- Тебя это интересует?

Пауза.

- Да.

- Она в коме.

- А очнётся?

- Не знаю, - говорю я холодно. - Так где ты находишься? Не пора ли вернуться?

- Я потом позвоню, - Виктор вешает трубку.

Разговор прошёл так себе. Парень явно не готов объявиться и дрожит от страха. Должно быть, мысль о депортации преследовала его всё это время. Интересно, зачем Виктор позвонил. Вариантов не много: либо хотел выяснить, умерла ли сестра, либо узнать мою реакцию. Может, стоило быть с ним поласковей?

Выключив телевизор, выхожу из комнаты, чтобы отыскать Фёдора. В очередной раз спрашиваю дворецкого, где Виктор.

- Не знаю, господин Кармин, - отвечает тот.

- Ты разговаривал с ним вчера, я слышал, - забрасываю удочку наугад, но, как ни странно, приём срабатывает: Фёдор вздрагивает и начинает затравленно озираться. - Ну!

Дворецкий сдаётся.

- Он не сказал, где прячется, - лепечет он с самым жалким видом. - Только уверял, что с ним всё в порядке, и просил не говорить вам о его звонке.

- Когда он свяжется с тобой в следующий раз, скажи мне, - произношу я подчёркнуто холодно.

- Хорошо, господин Кармин, - Фёдор сломлен.

Возвращаюсь в свою комнату. Завидев меня, крысы сразу успокаиваются. Я беру со стола пакет с едой и пихаю им через прутья ещё несколько кусков. Гектор и Минерва жадно набрасываются на них, стараясь вырвать друг у друга, напряжённо сопя и угрожающе хрюкая. Словом, загляденье.

Ко мне временно переехал Олег. Он заявился в десять утра с четырьмя чемоданами от «Louis Vuitton». Подтянутый, загорелый и настороженный. Я велел Фёдору устроить его на втором этаже, подальше от детской комнаты, чтобы ему не мешал плач Тристана.

Олег свой человек, поэтому историю Виктора и Евы я от него скрывать не стал.

- Я понимаю, почему ты не хочешь заявлять о пропаже сына в полицию, - сказал Олег, выслушав меня. - Но мне кажется странным, что ты его до сих пор не нашёл.

- Что ты имеешь виду?

- Подумай, где он может прятаться. И на что живёт.

- Я подозреваю Фёдора.

- Дворецкого?

- Мне кажется, он знает, где Виктор.

Олег смущённо кашлянул.

- А он не у Марии?

Как ни странно, мне даже в голову не приходило, что Виктор может податься к матери. Предположение Олега застало меня врасплох.

- Вряд ли. Виктор не знает, где она живёт.

- Это несложно выяснить.

На этом наш разговор закончился. Олегу надо было перевезти оборудование, и он отправился за ним, а я поехал на работу: позвонила Мила, чтобы сообщить, что клиент, которому нашу фирму рекомендовал Фернен, просил о встрече.

- Во сколько он притащится? - спрашиваю я у секретарши, едва войдя в офис.

- В полдень.

- Он сказал, чего хочет?

- Нет, господин Кармин.

- А ты спрашивала?

- Разумеется.

- Когда придёт, сразу проведи его в кабинет.

Подхожу к зеркалу и проверяю, всё ли у меня в порядке с внешностью. Пью немного минералки, приглаживаю ладонью волосы. Бросаю взгляд на часы. Без четверти двенадцать. Есть время внести пару дополнительных параметров в «Алеф». Сажусь за стол и включаю режим безопасности. Ввожу пароль, и на окнах опускаются стальные шторы, а стены, пол и потолок покрываются прозрачной слизью. Работа над вирусом подходит к концу. Осталось сделать несколько завершающих штрихов, отладить настройки - и оружие массового поражения ренегатов можно запускать в Сеть. Но я не хочу. Не чувствую, что готов открыть ящик Пандоры. Мне кажется, я ещё не до конца разобрался в ситуации, а когда ты зарабатываешь промышленным шпионажем, то быстро смекаешь, что люди - насквозь лживые твари и постоянно норовят тебя надуть. Я не верю Голему, но не доверяю

и Стробову. По правде сказать, за слова обоих я не дал бы и ломаного гроша.

К тому времени, как в кабинет вваливаются Фернен и его приятель - такой же тощий, только менее претенциозно одетый и с шапкой жгуче-чёрных волос - никакой слизи на полу, потолке и стенах нет, а в окна ярко светит солнце.

- Добрый день, - здороваются почти хором Фернен и его спутник.

Тёмные глазки новичка буквально сверлят меня. Одна сторона рта у него нервно подёргивается.

- Здравствуйте, господа, - отвечаю я, выдавив приветливую улыбку. - Прошу сюда.

Посетители чинно усаживаются напротив меня.

- Что вас интересует?

- Мой друг, мсье Этель, - говорит Фернен, - хочет приобрести несколько образцов. Что-нибудь редкое и, желательно, даже уникальное. Он желает, чтобы в его коллекции появилось сразу три-четыре подобных экземпляра.

Так себя ведут новички-энтузиасты. Им надо поскорее заполнить полки, чтобы хвастаться перед друзьями. Что ж, тем лучше.

Я изображаю раздумье, чтобы подогреть у клиента интерес, но вдруг понимаю, что мне нечего предложить Этелю: из-за проклятого эмбарго ничего выдающегося или даже просто заслуживающего внимания у меня нет. Тем не менее, я не собираюсь сообщать об этом своим посетителям. Нужно выкручиваться.

- Что ж, - произношу я, наконец, с многозначительным видом, - не хочу продавать вам посредственный товар, месье. Послезавтра нам доставят партию весьма интересных малышей, предлагаю потерпеть и выбрать что-нибудь из них.

Мои клиенты переглядываются. Тик Этеля усиливается.

- А нет ли у вас занятного экземпляра сейчас? - спрашивает Фернен. - Признаться, мы рассчитывали на сюрприз.

- Боюсь, что нет, господа. Сами знаете, какое сейчас сложное время. Везут в основном ширпотреб. А вас ведь это не устроит, не правда ли?

Французы отрицательно качают головами. Я кожей чувствую их разочарование.

- Вот поэтому предлагаю выбрать из чего-то стоящего.

Этель вздыхает, но всё же соглашается прийти через день, после чего оба посетителя встают и, попрощавшись, уходят.

Эту встречу я вспоминаю, пока кормлю крыс. Кто этот Этель? Действительно ли приятель Фернена, решивший заняться коллекционированием? Или очередной шпион Голема? Сообщники ренегата могли захватить личину француза, чтобы подобраться ко мне.

Бросаю крысам последние объедки, и в дверь раздаётся стук.

- Входите.

Это Олег. Он уже привёз своё оборудование и приступил к тестированию системы безопасности особняка. Даже, по его словам, исправил пару «багов» и обновил какие-то надстройки.

- Привет, - говорит Олег, осматриваясь. - Твоя берлога?

- Ага. Смотри, какие у меня домашние животные.

- Крысы, - Олег брезгливо морщится. - Зачем они тебе?

Он внимательно рассматривает Гектора и Минерву через решётку. Грызуны не спускают с него крошечных злых глазок.

- Это символ, - отвечаю я.

- Символ чего?

Приходится объяснить, что только выживший может дать потомство.

- Ты хочешь сказать, сбежавший? - уточняет Олег.

- Может, и так, но страх продиктован инстинктом, а значит, в нём нет ничего постыдного.

- Для крысы - возможно.

- Чем крыса хуже человека?

Олег смотрит на меня удивлённо.

- Я где-то читал, что человек, съевший пищу, к которой прикоснулась крыса, забывает своё прошлое, - говорит он. - Ты, часом, не разделяешь с ними трапезу?

- Возможно, я так и сделал бы, если б верил в подобные сказки.

- Хочешь что-то забыть?

- Много чего.

Олег молчит несколько секунд, затем меняет тему:

- Страх никогда не будет предметом гордости, - говорит он.

- Странно слышать это от человека, стоящего вне морали.

- Почему? - мой друг, кажется, искренне удивлён.

- Опомнись, Олег! Ты продаёшь мёртвых детей.

- Неправда, - он отрицательно качает головой. - То, что я продаю - то, что *мы* продаём - никогда не было детьми. Все эти

«сирены», «циклопы» и прочие монстры изначально являются товаром. У них нет иного предназначения. Этих созданий никто не лишал детства, потому что у них просто не могло его быть.

- С этим не поспоришь.

- И не надо. Мы не убийцы. Наша торговая деятельность не касается ничего живого или того, что могло бы быть живым. Ни один из уродов, сходящих с конвейера нашего завода, не жил ни секунды. Поэтому моя совесть чиста.

Что ж, если Олегу угодно тешить себя этой сказочкой - ради Бога. Интересно только, почему он с «чистой совестью» вот-вот заработает синдром Эксифера.

- Ладно, как знаешь, - говорю я примирительно. - И всё же крысы ничем не хуже людей.

- Разве что в универсальном смысле.

- Не скажи.

- Объясни.

- Ну, давай подумаем, кто такие люди, - говорю я. - Жирные, неповоротливые создания, страдающие отдышкой, подагрой, гастритом и прочей дрянью, с трудом переваливающиеся на закостенелых от долгого сидения ногах, отирающие пот с блестящих лысин, умирающие в трамваях, метро, на улице и дома, падающие, судорожно хватая руками воздух, в обморок от жары и перенапряжения - жалкие выкидыши индустриального мира, который смеётся, глядя на них, и его смех гудит в трубах заводов, рёве машин, грохоте поездов. И эти существа лучше крыс?

- Какая речь! - усмехается Олег. - Ты словно готовился. Но это всё демагогия.

- Неужели? Ты не хочешь слушать доводы разума. Признай хотя бы, что человек - такое же животное, как и любое другое, и в нём нет ничего особенного.

- Кроме разума.

- Ты считаешь, что он сделал человека лучше?

- Хочется думать, что да.

- Из-за него люди руководствуются самолюбием, гордыней и тщеславием, а не здравым смыслом.

- Значит, от животных они всё-таки отличаются.

Олег улыбается, довольный, что поймал меня в ловушку.

- Не в лучшую сторону, - говорю я.

- И тем не менее. Послушай, зачем нам спорить? Конечно, человек - животное, как и крыса, но он стоит неизмеримо выше неё в развитии.

- Всё относительно. Шкалу-то придумали люди.

Олег пожимает плечами.

- Да и ладно. Какая разница? Скажи лучше, не пора ли нам поужинать? От бессмысленных дискуссий у меня всегда разыгрывается аппетит.

- Ты прав, - говорю я примирительно. - Идём.

Мы спускаемся в столовую, где нас ожидает нечто замечательное по своим кулинарным качествам, о чём свидетельствует царящий в комнате аромат. Валентина расстаралась - должно быть, надеется искупить таким образом вину мужа. Фёдор прислуживает с каменным лицом. Изображает идеального батлера. Поздно, дружок.

Мы садимся и принимаемся за еду - молча и сосредоточенно. Фаршированный рисом сладкий перец, острые баклажаны, говядина с апельсинами по-турецки, роллы с лососем, четыре разных соуса к мясу, рассыпчатые кексы - пища столь прекрасна, что я невольно вспоминаю пиры Вальтазара, на которых древние предавались чревоугодию. Не хватает лишь горящих надписей на стенах.

Постепенно течение моих мыслей принимает другое направление. Я вспоминаю Марию, хотя это всегда сопровождается болью.

Она не любила электрический свет - даже приглушённое сияние торшера заставляло её жмуриться. Поэтому мы довольствовались розовыми лучами заката или матовыми пятнами луны, которые скользили по нам, то тревожно замирая на простыне, то выхватывая из темноты неясные формы и сразу же отпуская их - лишь для того, чтобы осветить другие. Окно почти всегда было приоткрыто, и прохладный воздух мегаполиса, горький днём, а ночью ласкающий и нежный, осторожно просачивался в комнату.

После секса Мария почти сразу засыпала, уютно пристроившись на моём плече, а я подолгу лежал с закрытыми глазами, напряжённо вслушиваясь в её дыхание.

Говорят, вдовцы, даже женившись вторично, продолжают любить своих умерших жён. Это происходит от уверенности, что женщина уже никогда не будет принадлежать другому.

Думая о Марии, я чувствую злобу. Она сжигает меня, разъедает подобно кислоте.

Неужели так трудно было примириться с тем, как я зарабатываю на жизнь? Возможно, Мария никогда не любила меня по-настоящему. Или её любовь постепенно растаяла. Такое случается. Наверное, я плохо подпитывал это чувство, забывая, что за любовь нужно платить - и не раз, не два, а постоянно. Это не статуэтка, которую можно поставить дома на полочку и забыть о ней. Тебя не будут любить в будущем только потому, что любят

в настоящем.

К сожалению, если мы теряем нечто по-настоящему дорогое, то уже не можем утешиться тем, что хоть немного хуже. Любимого человека заменить нельзя. Как писал Есенин, «Мы в жизни любим только раз, А после ищем лишь похожих». И дело не в том, что другой хуже. Просто он - другой. Поэтому, когда человек думает о «новом счастье» и понимает, что оно невозможно, ему становится невыносимо больно.

Мне становится невыносимо больно.

- Чёртовы мухи! - восклицает Олег, яростно отмахиваясь от кружащего вокруг него насекомого. - Я поставлю тебе в особняк специальную программу от них!

Его крик выводит меня из задумчивости.

- Всех не перебьёшь, - замечаю я. - Мухи плодятся быстро. Если не мешать им размножаться, то за два года они покроют Землю слоем в три сантиметра толщиной. Представь наш город, скрытый шевелящейся живой массой.

- Гадость! - Олег морщится от отвращения.

- Почему же? Чёрными, синими, изумрудно-зелёными, золотистыми копошащимися телами будут покрыты улицы, площади, машины, столбы, телефонные будки. Полчища насекомых выткут живой ковёр на крышах, окнах, стенах снаружи и внутри домов. И всё это будет оглушительно, властно, победоносно жужжать. Голос насекомых заявит о себе как о единственно возможном.

- Ты пытаешься испортить мне аппетит?

- Нет, что ты. Кстати, я проверял мух сканером - они абсолютно безвредны.

- Дело не в этом. Естественно, вредоносные программы не попали бы в особняк.

- Я понимаю: мухи неприятны тебе эстетически.

- Они вызывают омерзение!

- Знаешь, что на самом деле восхищает меня в нарисованном пейзаже?

- Ну? - нехотя произносит Олег.

- Город.

- Почему?

- Он останется точно таким, как сейчас: величественной, нерушимой каменной глыбой, навсегда впаянной в землю. Он не отдаст мухам ни миллиметра свои владений, не уступит им ни пяди того, что принадлежит ему. Просто будет взирать на их опьянённые гниющей пищей полчища, а когда еда кончится, и мухи поглотят друг друга, город стряхнёт их ссохшиеся, скрюченные в голодной агонии трупы и оставит рассыпаться на

палящем, безудержном солнце.

Олег выдавливает кривую усмешку.

- Увы, - говорит он, - вечно только то, что мертво. Но вечность сама по себе - ещё не повод для восторгов.

- Согласен.

Ужин подходит к концу, и Фёдор с Валентиной уносят пустые тарелки. Я прошу подать кофе в мой кабинет, и мы с Олегом направляемся туда. Хочется немного расслабиться и просто насладиться покоем. Я рад, что Олег поселился у меня: в последние дни одиночество стало действовать на меня гнетуще.

Мы садимся в кресла, и я открываю хумидор из красного дерева, стоящий на журнальном столике.

- Откуда? - спрашивает Олег, беря предложенную сигару.

- Гавана.

Он обрезает кончик золотой гильотиной и прикуривает от лучины - всё, как положено. Я наблюдаю за ним.

В воздух поднимается несколько колец дыма.

- Ну, как? - спрашиваю я.

- Отлично! - кивает Олег. - Кстати, что слышно насчёт заводов? Нас закроют?

- Мы это обсуждали в прошлый раз.

- Брось! - Олег досадливо морщится. - Нельзя делать вид, что ничего не происходит. Наш бизнес вот уже две недели официально разрешён только в России и Европе, да и то не везде. Если так пойдёт дальше - а я не вижу причин, чтобы этого не случилось - мы окажемся на гране банкротства, разве нет?

Олег отчасти прав: большинство держателей серверов издало эмбарго на нашу продукцию, но мой друг упорно не хочет принимать в расчёт теневую экономику. Наверное, синдром Эксифера сделал его мягкотелым.

Есть множество способов обойти любые запреты, и виртуальность в этом плане не исключение: здесь возможностей для контрабанды не меньше, а то и больше, чем в реальности.

- Неужели ты всерьёз полагаешь, будто завод по заготовке каких-то двухголовых свиней сможет удержать нас на плаву? - спрашивает Олег, имея в виду немецкую зверофабрику.

Я встаю и подхожу к окну. Идёт дождь, и частые крупные капли разбиваются о стекло, скатываясь по нему длинными тонкими ручейками. Небо, тёмное и тяжёлое, почти касается побуревших от дождя далёких крыш. Мне хочется вдохнуть грозовой воздух и забыть о заспиртованных детях - возможно, впервые за всё время.

Что-то погода в последнее время нас не балует. Интересно, чего добиваются метеорологи Киберграда.

Стук в дверь заставляет меня вздрогнуть: это Валентина принесла кофе.

- Ну, так как? - спрашивает Олег, когда она выходит. - Что будем делать?

- Ничего, - отвечаю я, возвращаясь в кресло. - Пусть об эмбарго беспокоятся наши клиенты. Этими людьми движет страсть - они одержимы своими коллекциями, почти больны ими. Они не позволят никому лишить себя этой радости. Ко мне уже приходил Фернен, придут и другие. Пусть увидят трудность нашего положения, оценят по достоинству наш труд и вывернут карманы. Чем ближе, по их мнению, мы окажемся к банкротству, тем охотнее они расстанутся с деньгами. А мы займёмся банальной контрабандой.

- Но ведь это незаконно.

Опять двадцать пять!

- Ещё бы, - говорю я. - Но ты ведь отказался жертвовать империей, разве нет?

Олег замолкает, прикусив язык. То-то.

- Расслабься. Помнится, ты сказал, что хочешь осуществить мечту. *Свою* мечту.

- Ну, это так…

- Брось! Мы ведь не чужие. Выкладывай, что задумал.

Олег неуверенно пожимает плечами.

- Мне бы хотелось заняться гостиничным бизнесом. Есть один проект. Мне он интересен.

- Ну вот, видишь - даже проект уже имеется.

Стоит немалого труда сделать вид, будто я не огорчён. Но надо держать себя в руках.

- Пара отелей в районе Шимацу.

- Где?

- Ты слышал, Алекс.

Вот это новость! Значит, Олег решил заняться бизнесом в реальности.

- Уверен? Это очень рискованно.

- Знаю. И всё же.

Я молчу почти минуту. Просто не знаю, что сказать. Олег нервно постукивает пальцами по подлокотнику кресла. Они похожи на лапки африканского паука.

- Ну, что ж… - произношу я, наконец. - Тебе понадобятся деньги. Много денег.

- Поэтому я и обеспокоен положением дел. Если я «выведу» виртуальные бабки, получившейся после конвертирования суммы будет недостаточно. Даже если я сложу её с имеющимися у меня реальными деньгами.

- Ты собираешься обесточить банковский счёт нашей фирмы? Во время кризиса?

Олег качает головой, но я понимаю, что он рассматривал такой вариант.

- Это будет означать конец. Мы не выкрутимся без твоих денег.

- Алекс, я не стану подкладывать всем нам такую свинью. Как я уже сказал, бабок всё равно не хватит для открытия гостиничного бизнеса в реальности. Но мне нужно, чтобы фирма опять начала приносить доход. И хороший.

А потом ты заберёшь деньги. Когда накопишь достаточно, чтобы прикупить пару отелей в Шимацу. Всё ясно.

Я заставляю себя улыбнуться. Нельзя показывать, что план Олега выбил меня из колеи. Кажется, все вокруг рушится, а я стою в центре камнепада. Но ещё можно побороться.

- Если тебя заботит юридическая сторона вопроса, - говорю я, - то подумай вот о чём: наказание за контрабанду - всего лишь штраф. И он не превысит наши доходы от теневой экономики. Конечно, репутацию следует оберегать, но на что нам репутация, если мы обанкротимся?

Олег кивает с лёгкой усмешкой:

- С тобой проще согласиться.

- Я называю это доверием.

- Хорошо, ты меня убедил. Делай, что считаешь необходимым. Тем более иного выхода всё равно нет.

- Вот и славно. Чем, кстати, занимается в это нелёгкое для нас время Глеб?

- Он вчера отправился в отпуск на Багамы.

- Неужели?

- Угу. Сказал, что заслужил отдых после постройки немецкого завода.

Хорошо, что его присутствие для работы фирмы не так уж существенно. Глеб отличный инженер, но бизнесом управляю я.

- Знаешь, я никогда не был паникёром, - говорит Олег, вставая и принимаясь ходить по комнате, - но сейчас боюсь всё потерять.

Я наблюдаю за ним и вдруг понимаю: мой друг беспокоится не из-за денег. Его тревожит время. Оно кончается. И изменить этот факт не в силах никакая виртуальность.

- Ты обязательно успеешь осуществить свою мечту, - говорю я. - Обещаю.

По взгляду Олега понимаю, что попал в точку.

- Спасибо, - отвечает он.

- Иногда мне снится, будто я сижу на берегу моря. Возможно,

это Багамы, на которые улетел Глеб. Не важно. На синем небе чётко видно созвездие в форме креста. Его вид меня угнетает. Оно - как зловеще знамение, нависшее над райским уголком.

Я умолкаю, не зная, зачем заговорил об этом.

Олег тоже молчит. Потом садится напротив меня.

- Может, нам всё это бросить? - спрашивает он.

- Ты про фирму?

- Ну, да.

- Нет.

- Тебе это действительно нравится?

Я пожимаю плечами.

- Ничего другого у меня просто нет.

Подумав, Олег кивает.

- Хорошо.

- Я не могу сказать, что полностью удовлетворён тем, что имею. Наверное, такого ощущения вообще достичь очень нелегко. И в этом сне… возможно, берег - просто символ упущенных возможностей. На самом деле я мечтаю не о пляже.

- Само собой. Но ты не знаешь, о чём?

Качаю головой.

- Поэтому, в отличие от меня, ты не боишься терять.

- Но я не хочу терять.

- Из спортивного интереса. Для тебя бизнес - игра в кошки-мышки.

- Отчасти.

Олег понимающе улыбается.

- Кстати, насчёт снов, - говорит он, решив сменить тему. - Вчера видел передачу. Проповедь какого-то священника из Церкви Смертных грехов.

- Господи, и такая есть?!

- Ага. В последние годы их развелось не меряно.

- Ну, и что он втирал?

- Будто сны - отражение прошлых жизней. Обрывки воспоминаний.

- Серьёзно? То есть, речь об инкарнациях?

Олег кивает.

- Представляешь?

- Ну, я не очень удивлён. Почти все современные религии тяготеют к синтезу.

- Речь не об этом. Что ты думаешь о снах?

- Да ничего. Чушь это всё: отражения, воспоминания, осколки иных миров. Есть лишь одна вселенная, и мы - её пленники.

- А как же виртуальность?

- Иллюзия. Отдушина.

- Поэтому я и хочу открыть гостиничный бизнес в Шимацу.

- Да понятно.

Некоторое время мы сидим молча. Тишину прерывает дверной звонок. Кого это принесло?

- К тебе? - спрашиваю я Олега.

Тот отрицательно качает головой.

Пару минут сидим, прислушиваясь.

В коридоре раздаются шаги. Я узнаю поступь Фёдора. Он робко стучит в дверь.

- Да?

Дворецкий заглядывает в комнату.

- Пришла женщина и спрашивает вас.

- Кто такая?

- Не знаю, господин Кармин. Впервые вижу. Но она уверяет, что знает вас.

- Как она хотя бы выглядит?

- Лет двадцати трёх, рыжеволосая, одета эффектно.

Очевидно, это Марна.

- Ты сказал, что я дома?

- Нет, дама считает, будто я пошёл вас искать. Ответить, что не нашёл?

- Молодец. Спроси её имя, и где она остановилась. Пускай оставит номер телефона, если он у неё есть. А про меня скажи, что приеду часа через два.

Фёдор уходит, но спустя десять минут возвращается с листком в руке.

- Эта женщина оставила вам записку.

- Спасибо. Можешь идти.

Прочитав первые три строчки, окончательно убеждаюсь, что приходила Марна Шпигель. Придётся с ней встретиться, иначе она может заподозрить неладное. У меня есть два часа, чтобы решить, как себя вести: изобразить любовь или прикинуться обиженным на их с папашей грязную игру?

- Ты её знаешь? - спрашивает Олег.

- Да, это по работе.

Он удивлённо поднимает брови.

- В некотором смысле, - добавляю я.

Олег понимающе усмехается.

- Ладно, - говорит он. - Пойду поработаю. Надо разобраться с твоими мухами. Спасибо за сигару.

- Не за что.

- Надеюсь, мы и дальше сможем покупать такие. И не только в виртуальности, - вздыхает Олег перед тем, как исчезнуть за дверью.

Несколько минут я сижу, обдумывая предстоящую встречу с Марной. Может, и правда, свозить её в лес на пикник?

Выхожу из кабинета и отправляюсь в детскую.

Там царит полумрак, только на полу лежит перечерченный оконной рамой квадрат бледного света. Няня серой грудой тряпья дремлет подле кроватки. Я делаю несколько шагов и смотрю на младенца.

Тристан лежит на спине, раскинув руки и ноги. Он судорожно дышит, периодически хватая ртом воздух. На мгновение мне кажется, будто передо мной распростёрт плохо работающий насос.

Я замечаю на маленьком лице тёмное продолговатое пятно и наклоняюсь, чтобы выяснить, что это такое, но оно вдруг начинает двигаться и стремительно исчезает из виду.

Содрогнувшись от омерзения, быстро выхожу из комнаты. Олег прав - насекомых надо травить! Перегнувшись через лестничные перила, кричу:

- Фёдор! Вызови морильщиков - у нас завелись тараканы!

Можно было бы, конечно, попросить Олега заняться этим, но я не хочу отвлекать его по пустякам. Пусть лучше прокачает охранные системы. Сейчас, когда я так близок к завершению работы над вирусом, нужно соблюдать особую осторожность.

Я возвращаюсь в комнату, не обращая внимания на проснувшуюся от моего крика няню, придвигаю к кроватке стул и сажусь. Тристан тяжело дышит, брови его нахмурены, глаза плотно сжаты. Должно быть, он видит сон. Надеюсь, не кошмар.

- С ним всё в порядке, - говорит няня.

Я прислушиваюсь к дыханию внука. Оно чистое, без хрипоты. Просто он слаб.

- Сходите на кухню выпейте кофе, - говорю я няне. - Мы побудем вдвоём.

- Да, господин Кармин.

Сиделка исчезает за дверью. Секунды три слышны её удаляющиеся шаги, потом наступает тишина, нарушаемая лишь сопением Тристана.

Я бы хотел заглянуть ему в голову и поглядеть, что за мысли копошатся в ней. Подхожу к окну и открываю одну из створок, впуская в комнату свежий воздух. Он наполнен запахом прелой листвы и влажной земли. Слышно, как где-то стрекочет мультикоптер.

Весь город - огромное болото, наполненное чёрт знает кем. И каждый обитатель радеет о собственном крошечном убежище. Все мы заняты лишь двумя вещами - приобретением и заботой о безопасности. Иногда одно зависит от другого.

Возвращаюсь к кроватке и опускаюсь на стул. В голову лезут мысли о Зое. Вспоминаю наше с ней свидание. Наверное, она презирает меня и считает законченным снобом. Увидимся ли мы ещё когда-нибудь? Странно, что это беспокоит меня.

Я сижу, перебирая в памяти детали нашей встречи, и вдруг через некоторое время понимаю, что в комнате есть кто-то, кроме меня и Тристана. Ощущение чужого присутствия закрадывается в сердце подобно липкому туману, опутывающему корни деревьев.

Медленно поворачиваю голову и смотрю на стену. Она шевелится. В полумраке не разобрать, что с ней происходит, но поверхность стала мягкой, эластичной и движется так, словно под ней кто-то есть.

Что это? Вторжение? Но охранные системы слишком надёжны - я ни секунды не сомневаюсь в них. Пробраться в особняк невозможно. И тем не менее, кто-то пытается выбраться из стены.

Я поднимаюсь на ноги. Сую руку подмышку и достаю из кобуры пистолет. Барабан полон. Звать на помощь некого: Генрих не услышит, а Фёдор и Олег не бойцы. Придётся разобраться самому.

Обои лопаются и сползают длинными полосами. В стене появляется щель, она ширится, края выворачиваются так, что становится видна розовая, сочащаяся лимфой плоть, покрывающая их с внутренней стороны. Из дыры высовывается уродливая приплюснутая голова, крошечные глазки открываются и смотрят на меня. Рот искривляется в злобной ухмылке.

Вслед за первым младенцем появляется второй. Вместо носа у него чернеет овальный провал, короткие пальчики скребутся по вывернутому краю стены.

Детей становится всё больше. Двое вываливаются из трещины и начинают судорожно извиваться на полу, стуча по паркету русалочьими хвостами. Словно выброшенные на берег рыбы.

Навожу пистолет и жму на спусковой крючок. Маленький череп взрывается, как мешочек с кровью - во все стороны летят брызги и ошмётки мозга. Стреляю в уродца, пытающегося подползти ко мне. Пуля входит в спину, и ребёнок затихает, уронив голову на беспалую ладошку.

Тем временем, из дыры в стене, расталкивая младенцев, вылезает Шпигель. Кожа сползает с него лоскутами, от мышц валит едкий дым, безгубое лицо скалится, как «Весёлый Роджер». Немец падает на четвереньки, его изуродованные кислотой конечности немыслимо выворачиваются, и ставший похожим на огромного разлагающегося паука Шпигель устремляется ко мне.

Расстреливаю в него остаток патронов. Смердящая плоть корчится на полу, оставляя кровавые следы. Я отступаю и

упираюсь спиной в кроватку. Позади раздаётся шипение. Маленькие, но крепкие пальцы впиваются в мою одежду. Делаю рывок вперёд, чтобы освободиться, и, обернувшись, вижу Тристана. У моего внука отросли восемь суставчатых ног, и с их помощью он карабкается по прутьям кроватки. Целюсь в него, но не могу заставить себя нажать на спусковой крючок. Вспоминаю, что магазин пуст.

Из стены по-прежнему лезут уродцы. С влажным шлёпаньем они валятся на пол и пытаются подобраться ко мне. Одному даже удаётся схватиться за штанину, и он издаёт торжествующий вопль, от которого по спине продирает мороз. Перезаряжаю револьвер и стреляю ему в лицо. Всё в радиусе полуметра окатывает багровой жижей. Несколько капель и кусочек черепа попадают мне на руку.

Раздаётся оглушительный звон стоящего на тумбочке будильника.

Открываю глаза и едва не падаю со стула. Оказывается, я задремал, сидя у кроватки Тристана. С ним всё в порядке - нет никаких паучьих лап. И дыра в стене мне привиделась.

Вытираю с лица пот.

- Господи! - бормочу я, вставая. - Что в детской делает будильник?

Нащупываю его в полумраке и отключаю. Ребёнок продолжал спать, будто ничего не случилось.

Осмотревшись, замечаю рядом с будильником листок бумаги. На нём что-то написано. Я беру его и выхожу из комнаты, чтобы прочесть.

Это расписание приёма лекарств. Как и что давать ребёнку, я понятия не имею. Поэтому, перевесившись через перила, кричу:

- Фёдор!

Через полминуты дворецкий появляется со стороны кухни.

- Да, господин Кармин?

- Где няня?

- Пьёт кофе. Она сказала, вы хотели побыть с внуком.

- Так и есть. Но теперь пора давать ему лекарства.

- Я немедленно отправлю её наверх.

Фёдор поспешно удаляется. Мне нужно поработать, но не успеваю я сделать и десяти шагов по направлению к кабинету, как раздаётся звонок в дверь. Это может быть только Марна, настырная девчонка. Я слышу, как Фёдор идёт открывать, и через несколько секунд внизу раздаётся женский голос. С лёгким немецким акцентом гостья спрашивает, вернулся ли герр Кармин. Не дожидаясь, когда Фёдор пойдёт за мной, начинаю спускаться по лестнице.

Марна замечает меня на полпути. Она машет рукой и кивает, словно говоря: «Да, да, вот так. Молодец. Иди ко мне». На её лице расплывается счастливая улыбка.

Глядя на Марну, я понимаю, почему Фёдор назвал её «эффектной». На девушке ярко-красное обтягивающее платье и чёрные высокие сапоги на тонком каблуке, в руке - лакированная сумочка из крокодиловой кожи. Тонкие запястья украшены браслетами, на пальцах сверкают кольца. Дворецкий держит её пальто из верблюжьей шерсти.

- Привет! - восклицает Марна.

- Добрый вечер.

Как только я оказываюсь внизу, она бросается мне на шею, не стесняясь Фёдора.

- Как же я рада тебя видеть! Знаешь, герра Кармина не так-то легко найти.

- Сейчас трудные времена. Приходится много работать.

- Но я преодолела все препятствия! - Марна жарко шепчет мне в ухо.

Стоит немалого труда оторвать её от себя. Выдавливаю более-менее убедительную улыбку.

- Фёдор, собери перекусить, - говорю я дворецкому. - Накрой на двоих.

- Я так виновата! - говорит Марна, продолжая обвивать мою шею руками. - Это всё папа, я не хотела пускать его, но он может быть очень-очень злым. И жестоким. Он даже ударил меня, смотри! - при этом Марна отодвигает в сторону прядь огненно-рыжих волос и демонстрирует почти сошедший синяк. - Я не была с ним заодно, честное слово!

- Верю, - говорю я и даже киваю в подтверждение своих слов.

- Правда? - Марна внимательно заглядывает мне в глаза.

Я улыбаюсь:

- Ну, конечно.

Очень жаль, что девушка в курсе происков своего папаши. Она может заподозрить, что с ним случилось нечто нелицеприятное. Интересно, Марна тоже работает на Голема?

- Я так рада! - она снова бросается мне на грудь. - Боялась, ты не захочешь меня видеть.

- Почему?

- Я ведь не знала, что наговорил тебе отец.

- Не думай об этом. Мы с ним всё уладили.

- Да?

- Он понял свою ошибку, и я обещал не заявлять на него в полицию за клевету и шантаж. Даже не стал его увольнять.

- Правда?

- Конечно. Разве можно доверять человеку, не пытающемуся при случае взять своё? Просто в этот раз ему не повезло. Я выиграл - он проиграл. Такое случается в бизнесе сплошь и рядом.

- А где он? - спрашивает Марна.

- В Австрии. Ты, наверное, знаешь, что многие страны запретили торговые операции с младенцами. Твой отец изучает в Австрии рынок сбыта.

- Вы хотите открыть там завод?

- Вполне возможно. Всё зависит от результатов его поездки.

- Он мне даже не пишет, - жалуется Марна. - Раньше, если папа уезжал в командировку, то всегда посылал письма.

- Наверное, у него много работы. Сейчас кризис, так что нельзя терять время. Но я уверен, тебе придёт от него весточка.

- Теперь вряд ли, - качает головой Марна. - Разве что маме.

- Почему?

- Ну, он же не знает, что я здесь.

- Ах, да. Где ты остановилась?

- В гостинице.

- Ясно. Надолго приехала?

- Пока не знаю. Зависит от того, на сколько мне хватит денег.

«И, вероятно, от того, как сложатся наши отношения», - добавляю я мысленно.

Из кухни появляется Фёдор.

- Ужин готов, - говорит он с лёгким поклоном.

Надо отдать ему должное: справился он быстро, особенно если учесть, что мы уже поели и больше не собирались. Наверное, Валентина разогрела что-нибудь из полуфабрикатов.

Я провожаю Марну в столовую. Она отделана в викторианском стиле и поначалу кажется мрачноватой, но вскоре становится ясно, что это самая уютная комната в особняке.

На столе красуется серебряный канделябр, в нём горят две свечи.

- Какой у тебя большой дом! - говорит Марна. - И красивый. Наверное, дорогущий?

- Да, - отвечаю я. - Ещё какой. Построен по проекту Игоря Белякова. Это очень известный в России архитектор. Приходится занимать очередь, чтобы заполучить его.

- Я заходила к тебе на работу, - сообщает Марна, едва мы садимся за стол. - Но тебя не было.

- Так это ты? - я изображаю удивление. - Секретарша сказала, что заходила женщина, но я не думал, что ты приедешь так быстро.

- Я отправилась вслед за папой.

Понимающе киваю. Больше во время еды мы почти не разговариваем. Собственно, я лишь притрагиваюсь к отбивной, поскольку не голоден, а вот Марна уплетает с удовольствием. Вообще, мне нравятся женщины с хорошим аппетитом.

Когда мы встаём из-за стола, неожиданно входит Фёдор. Он явно чем-то взволнован.

- Господин Кармин, - говорит он, - няня не может остановить кровотечение. Она советует вызвать доктора.

- Няня? - переспрашивает Марна, слегка подняв брови. - У тебя есть дети?

- Двое, - отвечаю я и, сделав Фёдору знак идти за мной, выхожу из комнаты.

Марна следует за нами.

- Почему не действуют лекарства? - спрашиваю я дворецкого, поднимаясь по лестнице. - Раньше ведь помогали.

- Не знаю, - отвечает тот несчастным голосом.

- Может, я смогу помочь? - предлагает Марна. - Я окончила курсы медсестры.

- Серьёзно? И много ты знаешь о гемофилии?

- Что!? - Марна поражена. - У твоего ребёнка гемофилия?

- Вообще-то, у внука, - говорю я, открывая дверь детской. - Но, думаю, сейчас это не важно.

- Если у него открылось сильное кровотечение, - замечает Марна, входя следом, - необходимо вызвать врача, а, может, даже и «скорую». В таких случаях часто требуется переливание.

- Ты слышал, Фёдор? Вызывай.

Дворецкий спешит к телефону.

- Что здесь у вас? - спрашиваю я няньку, заглядывая в кроватку, где на груде липких от крови пелёнок лежит Тристан. - Почему она не останавливается?

- Не знаю, господин Кармин, - испуганно лепечет няня. - Я ведь не врач, а только сиделка. Все лекарства я ему дала, а что ещё делать, не знаю!

- У вас же есть медицинское образование!

- Да, но… она виновато разводит руками.

- Кровь идёт из левой ноздри, - говорит Марна, извлекая тем временем ребёнка из кроватки и беря на руки. - Сверните ватный тампон, пропитайте спиртом и дайте мне, - тон у неё уверенный, как у человека, знающего, что делать.

- Я это уже делала, - возражает няня, но я бросаю на неё такой взгляд, что она мигом затыкается

- Побыстрее!

Сиделка бросается к тумбочке и начинает возиться с аптечкой.

- Сейчас-сейчас! - бормочет она. - Несчастье-то какое. Господи, помоги!

Тем временем Марна садится с рёбёнком на стул и нашёптывает ему что-то ласковое. Вдвоём они напоминают «Мадонну Литту» Леонардо да Винчи.

Глядя на Марну, невольно думаю о том, что мне бы хотелось, чтоб она не имела отношения к Голему. В ней есть что-то, чего мне не хватает. Крупица песка с того пляжа, который я вижу в своих снах.

- Ты не боишься запачкать платье? - спрашиваю я.

- На красном не будет заметно, - шутит Марна и, обращаясь к няньке, добавляет: - Ну, что, готово?

- Да-да! - кудахчет та, поворачиваясь, и протягивает пропитанный спиртом тампон. - Держи, милочка!

Пока Марна пристраивает вату, в комнату вваливается запыхавшийся Фёдор.

- «Скорая» будет через десять минут! - сообщает он.

- Так долго? - удивляется Марна.

- Мы живём далеко от города, - говорю я и велю няне собрать детские вещи.

Когда приезжает «скорая», Марна выражает желание поехать вместе со мной, но, к моему облегчению, её не пускают, так как машина берёт с собой только одного сопровождающего. Марна приехала в особняк на такси, так что следовать за «скорой» не может.

- Оставайся, - говорю я ей, садясь в машину. - Фёдор приготовит тебе комнату для гостей.

- Спасибо, - кивает она.

В больнице говорят, что необходимо переливание крови, и это может затянуться на несколько часов.

- Почему вы не вызвали неотложку раньше? - спрашивает меня коротышка-врач, протирая круглые, в тонкой золотой оправе очки краем халата. - Ещё немного, и было бы поздно.

- Когда его выпишут? - спрашиваю я, доставая из кошелька сотенную банкноту и протягивая её врачу.

- Думаю, с выпиской придётся подождать, - отвечает тот, ловко пряча купюру в карман. - Ребёнок в таком возрасте, когда его нельзя оставлять без присмотра и квалифицированного ухода.

Поэтому придётся поместить его в специальный бокс.

- Это действительно обязательно? Отдавать его туда.

- Совершенно необходимо. Особенно после переливания.

- Ну, хорошо, - киваю я. - Выходите его. В долгу не останусь.

Пробыв в больнице ещё пару часов, я еду домой. Открываю дверь своими ключами, чтобы не звонить и не встречаться с Марной.

Кажется, судьба решила отобрать у меня всех, кто мне дорог. Сначала Марию, потом Еву и Виктора. Теперь Тристана. Могу ли я противиться ей?

Выхожу из виртуальности и иду ужинать, поскольку испытываю зверский голод. Макароны по-флотски и бутерброд с форелью сметаю минут за десять, потом выпиваю чашку египетского красного чая с тремя ложками сахара.

Настроение поганое.

Ложусь спать. Слышно, как в оконное стекло бьётся муха. Накрываю голову подушкой, чтобы её не слышать, и спустя десять минут проваливаюсь в темноту.

Весь следующий день я работаю над «Алефом». Мне нужна ещё максимум неделя, и вирус будет готов. Конечно, Стробов настраивает на более ранних сроках. Стоило сказать полковнику, что программа почти готова, и он заявил, что хочет получить её в течение трёх дней. Обойдётся. Выпускать в Сеть сырой вирус - всё равно, что садиться в свежесобранный истребитель. Лично я не рискнул бы.

Если Голем не успеет взорвать мир за то время, что я отлаживаю «Алеф», у человечества появится шанс выжить.

Довольно приятно ощущать, что от тебя зависят жизни миллиардов людей - ведь я единственный, на кого может рассчитывать Контора. Думаю, прежде чем вручить им панацею от измены, я ещё поторгуюсь: снятие обвинений это не цена за спасение мира.

Когда у меня начинает рябить в глазах, я запускаю несколько программ-помощников, чтобы они дописали заданные алгоритмы, и отправляюсь спать.

Глава 14

Спустившись к завтраку, я обнаруживаю, что стол сервирован, но за ним никого нет.

- А где Олег? - спрашиваю я Фёдора.

- Господин Зуев уехал рано утром неизвестно куда и не сказал, когда вернется, - отвечает дворецкий.

- А Марна?

- Обещала спуститься с минуты на минуту.

Я велю Фёдору не ждать и подавать завтрак, как только он будет готов. Он кивает и скрывается на кухне, а я сажусь за стол и кладу на колени салфетку с вышитой в углу монограммой.

Спустя пару минут Валентина вносит дымящийся и распространяющий восхитительный аромат поднос и ставит его на стол. Я вижу яйца по-бенедиктински, горячие бутерброды с ветчиной, сыром и помидорами, свежий салат и тосты с маслом.

Почти одновременно с Валентиной входит Марна в платье из сиреневого шёлка, не закрывающем колени. Волосы убраны назад и перехвачены пёстрой лентой.

- Доброе утро! - говорит она, обращаясь к нам с Валентиной, и садится за стол напротив меня. - Как малыш? С ним всё будет в порядке?

- Скорее всего, - отвечаю я. - Врач поместил его в специальный бокс, чтобы обеспечить постоянный надзор.

- Да, в таком возрасте это иногда бывает необходимо, - кивает Марна. - А где его мать?

- В больнице, - отвечаю я нехотя. - Несчастный случай. Упала с лестницы.

- Господи! - брови у Марны медленно ползут вверх. - Прямо одно к одному. Как её зовут?

- Ева.

- Красивое имя. В Германии оно встречается довольно часто.

- Да, наверное, - отвечаю я, принимаясь за еду.

Похоже, Валентина решила нас побаловать в связи с событиями прошлой ночи.

- Ты держался очень мужественно, - говорит Марна. - Особенно, учитывая, что твоя дочь тоже нездорова.

Молча пожимаю плечами.

- Вчера ты не выходил из комнаты.

Естественно, я ведь провёл вчерашний день в реальности, трудясь над «Алефом».

- Было много работы.

- Понимаю. Мне можно пока остаться у тебя?

Я слегка озадачен. Предполагалось, что Марна переночует у меня и вернётся в гостиницу. Собственно, её и сейчас тут быть не

должно. Мне не очень хочется держать дома потенциального агента Голема, но не отказывать же девушке.

- Конечно, - говорю я. - Надо сказать Генриху, чтобы он перевёз твои вещи из отеля.

- Здорово! - восклицает Марна с радостной улыбкой. - Надеюсь, я не помешаю? Просто мне кажется, что тебе сейчас нужна поддержка.

Как благородно.

- Спасибо. Весьма признателен.

Какое-то время мы едим молча, затем я кладу приборы в опустевшую тарелку и отодвигаю её. Пауза затягивается, хотя Марна, вроде, не испытывает неловкости.

- Как твоя мать? - спрашиваю я, протягивая руку к чайнику. - В порядке?

- Немного скучает по папе. Теперь, наверное, и по мне.

- Ей он тоже не звонил и не писал?

- Нет.

Марна придвигает ко мне свою чашку. Я наливаю в неё заварку и разбавляю кипятком.

- Сахар?

- Три ложки, пожалуйста. Спасибо.

- Не за что, - отвечаю я и, разбавив свой чай холодной водой из графина, быстро его выпиваю. - Мне пора на работу. Попроси Валентину накормить тебя обедом.

- Разве ты не приходишь обедать домой? - удивляется Марна.

- Не всегда, - говорю я, вставая из-за стола. - Ну, до вечера.

- Хорошо, - девушка расстроена. - Пока.

Поднимаюсь к себе в комнату, надеваю костюм и, вызвав по терминалу Генриха, выхожу на лестницу. В это время раздаётся телефонный звонок.

Я спускаюсь на первый этаж, где застаю Фёдора, прижимающего к уху трубку. При виде меня он начинает нервничать, так что сразу становится ясно, кто звонит.

- Виктор? - спрашиваю я, подходя.

- Он хочет с вами поговорить, - дворецкий протягивает мне трубку.

- Алло.

- Привет, - голос у Виктора спокойный, и это плохо. - Как Ева?

- Почему бы тебе не проведать её? - отвечаю я.

- Не могу.

- Полиция пока не имеет к тебе претензий.

- Правда?

- Да.

Пауза.

- Спасибо.

- Не за что.

- А Ева? Что она говорит?

- Она ещё не вышла из комы.

Глубокий вздох.

- Я этого не хотел.

- Чего именно?

- Чтобы Ева попала в больницу.

- А как ты думал? Что после такого удара она отправится навестить подружек?

- Нет.

Пожалуй, стоит говорить с Виктором помягче. Я ведь хочу, чтобы он вернулся.

- Где ты живёшь?

Молчание.

- С матерью?

В динамике щёлкает, и через секунду раздаются гудки. Я отдаю трубку Фёдору и прохожу мимо него к двери. У крыльца меня ждёт машина.

- В офис, - говорю я, забираясь на заднее сиденье.

Года три назад, когда я лежал в кровати, собираясь выйти в реальность, в комнату проскользнула Ева. Она прошлёпала по полу босыми ступнями и залезла ко мне под одеяло.

- Привет, - сказала она, поудобнее устраивая голову на подушке. - Почему ты не спишь?

- А ты? - спросил я, отодвигаясь к стене, чтобы дать ей побольше места.

- Не хочется.

- Тебе завтра рано идти в школу.

- Ну, и что? Я от этого быстрее не засну.

Я улыбнулся в темноте её словам и предложил:

- Если не хочешь спать, можно во что-нибудь сыграть.

Ева обрадовалась.

- Давай в правдивую историю, - предложила она шёпотом.

- Это как?

- Для этого нужно, - Ева придвинулась ближе, - рассказать о себе историю, только чтобы всё было правдой. Так что сначала поклянёмся не врать, ладно?

- О'кей, - ответил я. - Обещаю.

- Я тоже, - Ева подняла вверх руку, как бы принося клятву.

- А про что должна быть история?

- Мы посчитаемся. Кто выйдет, тот загадывает, о чём рассказывать. Чур, я считаю! - Ева начала декламировать стишок, указывая поочерёдно то на себя, то на меня: - На золотом крыльце

сидели… Я вышла! - через несколько секунд воскликнула Ева и захлопала в ладоши.

- Ну, - сказал я, улыбнувшись, - загадывай.

- Сейчас-сейчас, что-нибудь придумаю, - Ева подняла глаза к потолку. - Ага, вот. Расскажи, почему мама нас бросила.

Вопрос застал меня врасплох. Я не знал, что ответить, и молчал. Ева нетерпеливо потеребила меня за руку.

- Ты обещал не врать, - напомнила она.

- Маме не нравилось, что я работаю в своей фирме, - ответил я уклончиво.

- Почему? Ведь теперь нам живётся гораздо лучше.

- Ну, ты же знаешь, что мы продаём.

- Мёртвых детей?

Я кивнул:

- Точно.

- Ну, и что? Ведь им всё равно. Да, и потом, они ведь сами умерли, разве нет?

- Мама считает, что мы не должны этим пользоваться.

- И поэтому она нас разлюбила?

- Нет, - я положил ладонь Еве на голову. - Только меня.

- Неправда. Если б она нас любила, то не ушла бы.

- Но ведь вы остались со мной.

- А разве ей нельзя приходить?

- Можно.

- Так почему же она ни разу не зашла?

- Не знаю, милая.

Ева помолчала.

- Пап, а как это вообще бывает?

- Что именно?

- Ну, почему люди могут разлюбить?

Хороший вопрос.

- Ну, - я оглянулся вокруг в поисках чего-нибудь, что могло бы мне помочь, и увидел на прикроватной тумбочке стакан. - Видишь стакан?

Ева кивнула.

- Представь, что это человек. Теперь смотри: у стакана много граней, но тебе видны сейчас только четыре, значит, ты, хоть и знаешь, что это стакан, но судишь о нём только по этим четырём видимым граням. Согласна?

- Наверное.

- С обратной стороны стакан может оказаться и битым, и грязным. Значит, ты видишь не сам стакан, а его образ, который построило твоё воображение, опираясь лишь на эти четыре видимые тебе грани. Это называется гештальт.

- Как?

- Не важно. Суть в том, что, если повернуть стакан другой стороной, и она окажется, скажем, с трещиной, то твоё сознание сразу перестроит готовый образ, и, хотя ты будешь знать, что стакан тот же, его образ станет немного другим.

- С трещиной?

- Именно. Так же получается с людьми. Сначала ты любишь образ человека, состоящий из четырёх граней, а потом видишь пятую и либо любишь этот новый, уже пятигранный, образ, либо нет. И это только кажется, что разлюбил того же самого человека, потому что на самом деле того, кого любил, уже нет - он исчез, как только появилась новая грань. Да, и потом, ведь не самого человека любят вовсе, а всегда только его образ.

- Потому что все грани увидеть невозможно, - понимающе кивнула Ева.

- Да. На это не хватит целой жизни.

- Жаль, мы не бессмертны, - вздохнула она.

Больше мы с Евой не говорили. Через несколько минут она заснула у меня на плече, а я почти до утра лежал с открытыми глазами.

Я вспоминаю всё это, пока еду в машине, глядя в тонированное окно на небоскрёбы и пешеходов.

Киберград растёт быстро. Сейчас он уже не тот, что несколько лет назад.

Я тоже изменился. Раньше меня обуревали мечты, нелепые и наивные, почерпнутые из книг и фильмов. Мои друзья походили на меня. Нас томило предчувствие великих свершений, и мы надеялись стать знаменитыми, богатыми и счастливыми.

Помню, как мы пили пиво из тёмно-коричневых, то ли запотевших, то ли запылённых бутылок. Обречённые жить на каменных островах городов, поднимаясь вместе с асфальтом всё выше и выше над землёй, слабея с каждым новым достижением цивилизации. Мы родились в странное время, когда вокруг не было ничего, за что можно было бы уцепиться, во что стоило поверить. Нас приучили к мысли, что всё, что нас окружает, - плохо и порочно. Мы не нашли ничего лучше, как отвергнуть действительность и отдаться иллюзии. Нашей верой стало отрицание, оно делало нас сильными и цельными, давало право на место под солнцем. Мы спешили урвать у жизни - пусть даже поддельной - всё, что можно.

Но ты, Мария, не была из породы гончих. Не создавала богов, не искала религии, не стремилась пожрать мир. Ты просто верила, что надо быть честной, не прогибаться под обстоятельства и оставаться собой. К сожалению, всё это - лишь

красивые слова. У них есть цена, и порой на то, чтобы оставаться чистеньким, просто не хватает ни сил, ни денег. Я знаю это по себе. Может, и ты, в конце концов, начала что-то понимать. Не знаю.

Суть в том, что для меня ты воплощаешь три понятия - Любовь, Счастье, Ненависть. Когда я тебя любил, то чувствовал лёгкость. Сейчас я тебя ненавижу, и, стоит об этом вспомнить, как я становлюсь маленьким - сжимаюсь в точку, в идею, в представление о существовании. Я задыхаюсь.

Ты хотела, чтобы я перестал торговать мёртвыми детьми, и поэтому убила меня, Мария. Разве это то, к чему ты стремилась? Чувствуешь ли ты, что поступила так, как следовало? Чиста ли твоя совесть?

Я бы убил тебя, но кого мне тогда ненавидеть?

Едва я переступаю порог приёмной, как Мила сообщает, что звонил мсье Этель и спрашивал, не смогу ли я его сегодня принять, и есть ли у меня для него что-нибудь подходящее.

К счастью, вчера нам прислали партию младенцев, и там имелось несколько любопытных образцов. Я говорю секретарше, чтобы назначила Этелю на двенадцать, а сам звоню на завод и прошу прислать мне трёх малышей: сирену, циклопа и пингвина. У первого главное достоинство состоит в том, что его хвост имеет необычайную длину - почти двадцать восемь сантиметров, у второго нет ушей, а пингвин - плод с ластами вместо рук - сам по себе большая редкость. Думаю, будь здесь Фернен, он попытался бы перехватить его у своего друга.

В ожидании Этеля просматриваю финансовые отчёты за последнее время. Картина безрадостная: прибыль идёт на спад, заказов всё меньше. Если не организовать контрабанду, причём в приличных масштабах, скоро придётся распрощаться и с офисом в небоскрёбе, и с фабрикой. Что я тогда буду делать? И мои партнёры тоже? Они, возможно, найдут другое занятие, но я-то уже сроднился с маленькими уродцами. Без них мне в виртуальности делать нечего. А в действительности - тем более.

Мне привозят три ёмкости с экземплярами нашей продукции. Как я и думал, все - в прекрасном состоянии. Убираю их до поры под стол.

Этель прибывает на две минуты раньше назначенного

времени и долго, навязчиво за это извиняется. Я успокаиваю его и приглашаю сесть. Француз опускается в кресло и молча сверлит меня взглядом светлых, водянистых глаз. В них застыло выражение напряжённого ожидания. Крупные узловатые руки Этель положил на колени и из-за этого походит на провинившегося ученика в кабинете директора.

- Что ж, мсье Этель, - говорю я, садясь напротив, - думаю, вы не пожалеете, что немного подождали, - с этими словами я запускаю руку под стол и извлекаю оттуда первую ёмкость. - Поглядите, что я вам приготовил.

Около минуты француз с интересом разглядывает плавающего в зеленоватом растворе уродца.

- Впечатляет, - произносит он, наконец, и переводит взгляд на меня. - А что ещё?

Я ставлю рядом второго.

Этель кивает.

- Всё?

Отрицательно качнув головой и стараясь не выдать удивления: любой другой клиент при виде такой красоты уже давно хлопнулся бы в обморок, а этому хоть бы что - водружаю на стол «пингвина».

Этель заметно оживляется:

- А вот это уже действительно интересно! - говорит он, подавшись вперёд. - Такой экземпляр заслуживает особого внимания. Что же вы, господин Кармин, жаловались, что ваша фирма испытывает недостаток в стоящих образцах?

Я пожимаю плечами.

- Просто удачная партия, мсье Этель. Повезло.

- Да, теперь хороший товар - дело случая, - соглашается француз. - Скажите, вам не кажется, что мы живём в эпоху упадка?

- Ну, я бы не сказал, что всё так плохо…

- Нет-нет, - прерывает меня Этель. - Я говорю не конкретно о вашем бизнесе, а про наше время в целом.

Мне не хочется вступать с ним в дискуссию. Я хочу, чтобы он купил уродцев и убрался из моего офиса. Но Этель явно настроен на болтовню.

- Хорошего становится всё меньше, - говорит он, - и его нужно либо долго искать, либо доставать за большие деньги. Вы читали Апокалипсис?

- Очень давно, - отвечаю я, надеясь, что мы обойдёмся без проповедей.

- В главе шестой сказано: «Я взглянул, и вот, конь белый, и на нём всадник, имеющий лук, и дан был ему венец; и вышел он как

победоносный, и чтобы победить», - с явным наслаждением декламирует Этель. - Что бы это значило, по-вашему?

- Не имею представления. Вам лучше обратиться за разъяснением в Церковь Смертных грехов. Говорят, они любят цитировать Откровение Иоанна.

- А вам не кажется, что это дух конкуренции, который движет людьми нашего времени? - спрашивает француз, игнорируя моё замечание. - Каждый стремится победить любой ценой, даже не задумываясь, зачем. Все хотят быть первыми. Эта вечная гонка ради гонки, нездоровый спорт, ставка в котором - сама жизнь, подчинённая жестоким правилам.

Иногда мне кажется, что люди слышат мои мысли и откликаются на них. Мы словно настраиваемся на одну волну, существуем в общем информационном поле.

Я принужденно улыбаюсь:

- Вполне возможно, мсье Этель. Люди всегда пытались толковать Апокалипсис и находили в нём соответствия со своей эпохой.

Француз не обращает на моё замечание внимания.

- «И вышел другой конь, ражий; и сидящему на нём дано взять мир с земли, и чтобы убивали друг друга; и дан ему большой меч», - продолжает он. - Как думаете, это что?

- Может быть, война? - предполагаю я, решив, что, чем быстрее он изложит свои взгляды, тем быстрее уберётся из моего кабинета.

- Верно! - от воодушевления Этель выпрямляется в кресле. - Идём дальше. Сказано: «Я взглянул, и вот, конь вороный, и на нём всадник, имеющий меру в руке своей». Ваши предположения?

- Торгашество.

- Точно! Всё продаётся и всё покупается. Деньги стали единственной вещью, желаемой всеми без исключения. Мы живём в эпоху культа золота. Всё можно измерить и перевести в банкноты.

- Вы это осуждаете?

- Ни в коем случае. Просто констатирую факты. А теперь последнее: «И я взглянул, и вот, конь бледный, и на нём всадник, которому имя смерть; и ад следовал за ним, и дана ему власть над четвёртою частью земли - умерщвлять мечем и голодом, и мором, и зверями земными».

- Эпидемии? - говорю я, не дожидаясь вопроса.

- А ещё катастрофы, несчастные случаи, катаклизмы.

- Мсье Этель, вы считаете, что скоро конец света?

- О, нет, ещё осталось несколько печатей, - качает он головой.

- Печатей? - переспрашиваю я.

Уже ясно, что передо мной псих, но едва ли удастся избавиться от него прежде, чем он выскажет всё, что хочет. Главное, чтобы купил уродцев.

- Почитайте Апокалипсис, мсье Кармин, - советует вместо ответа Этель. - Там обо всём написано. Конец одного мира означает начало другого. Мы изменимся - никто не останется прежним. Но, возможно, даже не заметим этого. Кто знает, сколько раз наша реальность уже претерпевала трансформацию? Быть может, все вокруг совсем не то, чем кажется. И я говорю не о Киберграде, а вообще - о бытие. Вселенная представляется мне огромной матрёшкой, в которой одна реальность вкладывается в другую, постепенно сменяя её.

- Всё это уже многократно высказывалось прежде, - замечаю я. - Существует куча теорий…

- Это не значит, что они не верны, - перебивает Этель. - Так я возьму всех? - спрашивает он вдруг изменившимся тоном

- Кого? - не сразу понимаю я.

- Уродцев, - Этель указывает узловатым пальцем на банки.

- А, ну да. Конечно, забирайте, - я едва могу сдержать радость: наконец-то, мы вернулись к делам. - Расплатитесь наличными, кредиткой или выпишете чек?

- Думаю, лучше чеком. Сколько?

- Сто восемьдесят тысяч долларов.

Этель кивает и, достав из внутреннего кармана пиджака небольшую чековую книжку в глянцевом переплёте, принимается заполнять бланк. Я тем временем заворачиваю в целлофан его приобретения.

- Вот, пожалуйста, - говорит француз спустя пару минут, протягивая мне чек.

- Хотите забрать сейчас?

- Нет, пришлите мне их завтра. Вот адрес, - Этель кладёт мне на стол визитку. - Всего доброго.

- До свидания, - отвечаю я, поднимаясь, чтобы проводить его до двери.

Едва Этель выходит, Мила по интеркому сообщает, что в приёмной меня ждёт Глеб - наш с Олегом партнёр.

- Приглашай, - говорю я.

Через миг в кабинет заходит высокий худощавый брюнет с аристократическими чертами лица, безукоризненно одетый в классическом стиле. Светло-голубые глаза резко контрастируют с кофейным загаром.

Глеб улыбается одним уголком рта, на ходу протягивая мне руку.

- Привет-привет, - говорю я. - Какими судьбами? Я думал, ты

ещё на Багамах.

- Был, но вернулся. Решил тебя проведать.

- Понимаю. Беспокоишься?

Глеб садится в кресло, достаёт и распечатывает пачку сигарет.

- Трудно получать удовольствие от дайвинга, когда не знаешь, сколько ещё сможешь за него платить.

- Всё не настолько печально.

- Да? А насколько? Как у нас дела? - Глеб сдирает с пачки целлофан, комкает его и суёт в карман пиджака.

Затем достаёт сигарету, прикуривает и оглядывается в поисках пепельницы.

- Тебя что-то беспокоит? - я подаю ему бронзового дракончика с полой головой.

Держу его для клиентов.

- Я слышал, под нас копают.

- Откуда информация?

- Из новостей, - Глеб усмехается. - Или ты не знаешь, что стран, в которых мы ещё можем торговать, осталось с гулькин нос? Чёрт, отвяжись! - восклицает он, отмахиваясь от особо надоедливой мухи, кружащей вокруг его головы. - Почему бы тебе не избавиться от них?! - раздражённо добавляет он, обрушивая в пепельницу порцию пепла.

- Их ничего не берёт, - отвечаю я, следя за мухой. - Похоже, какая-то фишка самого Киберграда. Не волнуйся, они безвредны. А насчёт того, что под нас копают, ты совершенно прав. Но, как я совсем недавно объяснял Олегу, это не должно нас беспокоить. Пускай ханжи развлекают себя изданием законов, а мы всё сделаем по-своему.

- К тебе приходил Олег? - Глеб удивлённо вскидывает красиво изогнутые брови. - И чего он хотел?

- Того же, что и ты: узнать, не грозит ли нам банкротство.

- И что ты ему ответил? - Глеб впечатывает окурок в голову дракона.

- Волноваться не о чем. У нас есть завод зверей в Германии, кроме того, подпольный бизнес гораздо выгоднее официального. Да и среди наших клиентов полно влиятельных и высокопоставленных людей. Они не дадут нам пропасть. Так что расслабься и радуйся жизни.

Глеб испытующе смотрит на меня секунд двадцать, затем разводит руками.

- Ну, раз ты так считаешь…

Я киваю и, забрав у него из рук пепельницу, говорю:

- Не хочешь поужинать со мной и Олегом? Он сейчас живёт у

меня - налаживает охранные системы. Уверен, мы отлично проведём время.

Глеб прищуривается, что-то прикидывая.

- Сегодня не могу, но через пару дней - запросто.

- Тогда я позвоню тебе.

- Договорились, - Глеб поднимается, чтобы уйти. - Счастливо.

Пожав мне руку, он выходит и аккуратно прикрывает за собой дверь. Ни разу не видел, чтобы он поступил иначе - должно быть, перфекционизм у него в крови. Полагаю, это и делает его прекрасным инженером.

Некоторое время сижу в кресле, размышляя о том, сколько протянет наш бизнес, если за него возьмутся всерьёз. На одних животных мы не протянем, а чтобы заниматься контрабандой, придётся завести много новых знакомств и распрощаться с тем, в общем-то, безопасным образом жизни, что мы вели до сих пор.

Мне не хочется переходить на нелегальное положение: я вовсе не уверен, что такая жизнь доставит мне удовольствие. Я вовсе не адреналиновый маньяк и не испытывают потребности в постоянной опасности. Напротив, мне дороги спокойствие и комфорт. Именно поэтому я так тщательно подбираю оборудование и личины для своих хакерских вылазок и так дорого за них плачу.

Тело отца выловили только через четыре дня после того, как он в последний раз пустился вплавь. До последнего мы старались убедить себя в том, что он жив. Когда сомнений не осталось (мать опознала труп), пустота заполнила мою голову. Я продолжал заниматься привычными делами, но при этом ощущал себя куклой-автоматом, заведённой на какой-то срок. Иногда казалось, если я подумаю, что отец умер, мозг просто лопнет. В таком состоянии я пребывал вплоть до похорон.

В морг мы приехали к девяти утра. Погода выдалась солнечная и тёплая. В деревьях пели птицы.

Я ни за что не узнал бы отца: его лицо походило на восковую маску, чем, впрочем, и являлось: грубый грим придавал знакомым чертам выражение, которого они никогда не имели.

На маленьком автобусе мы отправились в крематорий.

Где-то я слышал, что температура в печи достигает трёх тысяч градусов. Маленький ад, предваряющий то, что ждёт самоубийц.

Я лежу в постели без сна, собираясь выйти в реальность, и вспоминаю похороны. Звонок терминала заставляет меня приподняться на локте.

Поднимаю трубку и слышу знакомый голос:

- Хочешь ещё раз взглянуть на бабочек?

- Возможно, - отвечаю я, удивляясь себе.

- Тогда приходи послезавтра к девяти вечера на площадь Семи Консулов.

- Договорились.

В динамике щёлкает, и я вешаю трубку.

Зачем мне встречаться с Големом? Возможно, он всё-таки решил убить меня и заманивает в ловушку или хочет попытаться убедить отказаться от создания «Алефа». В любом случае разумнее было бы отказаться от приглашения. Но я уверен, что поеду на площадь Семи Консулов. Возможно, мной движет то самое стремление к смерти, о котором писал некогда Фрейд. Кажется, он называл его «мортидо».

На следующий день я остаюсь дома, чтобы поработать над вирусом. Ник с командой своих программистов установил мне дополнительную защиту, так что мой сервер теперь - настоящая цитадель. Даже самому лучшему хакеру пришлось бы потратить не менее полугода, чтобы пробиться сквозь все преграды. Правда, за это время его бы уже обнаружили охранные системы. В общем, файлохранилище в полной безопасности. Чего нельзя сказать о Кармине. Если Голем завтра решит пальнуть в меня сам или подошлёт аламутовских фидави, моя личина обречена.

По моей просьбе Ник с особой тщательностью проверил Марну - несмотря на то, что сканеры в особняке не зафиксировали ничего подозрительного. Как я ожидал, у девушки не обнаружилось «вшитых» хакерских приспособлений. Чистым оказался и её багаж, доставленный из гостиницы Генрихом. Это может означать, что она ничего против меня не замышляет или что он крайне осторожна.

Около полудня раздаётся звонок в дверь. Звонят долго и настойчиво, пока Фёдор не открывает. Я спускаюсь узнать, в чём дело, и вижу в дверях пожилого мужчину среднего роста в тёмно-коричневом пальто и сером двубортном костюме. Он обрит наголо, подбородок украшает пижонская бородка. Небольшие

светло-голубые глаза обращаются в мою сторону, когда я вхожу в холл. В руках посетитель держит красную книжку, похожую на удостоверение. Он показывает её Фёдору, который с сомнением рассматривает документ, не торопясь впускать его обладателя в дом.

- Кто вы? - спрашиваю я, подходя.

- Господин Кармин?

- Я спросил, кто вы.

- Старший лейтенант Лемарский, - представляется, наконец, человек. - Мне бы хотелось задать вам несколько вопросов.

Фёдор передает мне красную книжицу. Похоже, удостоверение подлинное. Что ж, рано или поздно кто-то из полиции Кибeрграда должен был прийти.

- По поводу чего? - делаю вид, что внимательно изучаю ксиву.

Странно, что легавый не явился раньше. Наверное, жена Шпигеля только недавно заявила о пропаже мужа.

- Это касается управляющего одного из ваших заводов, - говорит старший лейтенант.

- Кого именно? - я возвращаю ему удостоверение.

- Августа Шпигеля.

- Что с ним случилось? Или у него тёмное прошлое и он не тот, за кого себя выдаёт? - я усмехаюсь, давая понять, что не верю в подобное предположение.

- Нет, с его прошлым всё в порядке. Нас беспокоит его настоящее.

- Почему же?

- Он пропал.

Полицейский буквально пожирает меня глазами, но моё лицо не меняет выражения.

- То есть, как? - спрашиваю я.

- Три дня назад в полицию обратилась супруга господина Шпигеля с заявлением о пропаже мужа, - отвечает инспектор. - По её словам, он отправился в Кибeрград для деловой встречи с вами. Август Шпигель не уточнял конкретной цели поездки, но подчёркивал её крайнюю необходимость. У нас есть подтверждённые сведения, что вы разговаривали с господином Шпигелем по терминалу.

- Так и есть.

- Возможно, встречались с ним?

- Само собой.

- Хорошо. Мы так и думали. Кроме того, нам известно, что Август Шпигель вскоре вылетел из Кибeрграда рейсом до Вены. С тех пор он ни разу не писал жене или дочери, не звонил им и вообще не предпринимал никаких попыток связаться с

родственниками, друзьями или коллегами. Более того, в Вену он так и не прилетел.

- Этого не может быть, - говорю я. - Господин Шпигель вылетел в Вену по моему указанию, которое не мог проигнорировать.

- Вот как? - голубые глаза полицейского, не мигая, смотрят в мою переносицу. - Вы его провожали в аэропорт?

- Нет, конечно. Он мой служащий, а не любовник.

Лемарский кивает.

- Он при вас заказал билет?

- Да, герр Шпигель звонил из моего кабинета. Но как он мог не прилететь?

- Это мы и должны выяснить.

- Надеюсь, вы его найдёте. Не хотелось бы искать нового управляющего, тем более, в другую страну.

- Скорее всего, пропавший не вылетал из Кибергрaда, - говорит вдруг Лемарский.

- Куда же он делся?

- Повторяю: это нам и предстоит узнать.

- Ну, да. Вы правы. А что вы хотите от меня?

- Расскажите, как познакомились с Августом Шпигелем, - старший лейтенант достаёт из кармана пальто потёртый коричневый блокнот.

- Господин Лемарский, - говорю я, - зачем стоять в прихожей? Давайте пройдём в гостиную. Фёдор, возьми у старшего лейтенанта пальто и принеси нам… Чего бы вы хотели?

- Кофе, - отвечает полицейский. - Чёрный с сахаром. Две ложечки.

Фёдор кивает, забирает у него пальто и вешает на вешалку возле двери, а затем отправляется на кухню.

Я же веду легавого в гостиную. Он шагает слегка вразвалку, на ходу осматриваясь.

- У вас большой дом, господин Кармин.

- Дела идут успешно.

- Да? Кажется, я слышал, некоторые страны ввели эмбарго на торговлю младенцами.

- Это нам не слишком повредит. Напротив, создаст дефицит, и мы сможем повысить цены.

- А если ваш бизнес совсем запретят?

- Ну, тогда и начнём беспокоиться. Прошу, - я указываю на большой удобный диван. - Вы курите?

- Курю, - отвечает Лемарский, пытаясь расположиться на диване сообразно цели своего визита. Поза, сочетающая достоинство, непринуждённость и строгость закона ему не

удаётся, так что он довольствуется тем, что принимает строгий вид.

- Прошу вас не стесняться, - говорю я, придвигая к нему малахитовую пепельницу в виде свернувшейся змеи. - У вас есть зажигалка или попросить Фёдора принести?

- Есть, - кивает Лемарский, доставая из кармана пачку сигарет.

Он прикуривает от дешёвой пьезы и после нескольких торопливых затяжек кладёт сигарету на край пепельницы.

- Итак, - старший лейтенант открывает блокнот и достаёт из нагрудного кармана пиджака ручку. - Когда и при каких обстоятельствах вы познакомились с Августом Шпигелем?

Я закатываю глаза к потолку, делая вид, что вспоминаю.

- Так сразу дату не назову. Мне нужно спросить секретаршу. Она записывает всех посетителей моего офиса.

- Вы не могли бы ей позвонить? - спрашивает Лемарский.

- Конечно. Прямо сейчас?

- Нет, зачем же? Давайте сначала разберёмся с обстоятельствами, при которых произошло ваше знакомство с герром Шпигелем.

- Дело было так: я сидел в офисе, когда секретарша - её зовут Мила - связалась со мной по внутренней связи и сказала, что пришёл некий человек и хочет меня видеть. Он представился профессором немецкого университета. Этот господин не был записан на приём, поэтому я спросил Милу, как он выглядит. Видите ли, в офис иногда заходят репортёры, а общение с ними не доставляет мне удовольствия.

Лемарский понимающе кивает.

- Секретарша сказала, что посетитель напоминает священника из приходской школы.

- Ваша секретарша посещала приходскую школу? - перебивает полицейский.

- Да, старший лейтенант, - я улыбаюсь. - Меня тогда это тоже удивило.

- Хорошо. Что было дальше?

- Я решил рискнуть и велел Миле впустить этого человека. Он зашёл и сразу спросил, интересуют ли меня трупы.

Лемарский снова пялится на мою переносицу. Взгляд у него становится сонным - или мне это только кажется.

- Разумеется, я ответил «да». Словом, он предложил мне выгодную сделку. Она уже не является промышленной тайной, поскольку я сам дал объявление в газету, раскрывающее её смысл, поэтому могу сказать вам, в чём заключалось предложение Августа Шпигеля.

- Будьте добры.

Входит Фёдор с подносом и ставит перед легавым чашку с дымящимся кофе.

- Спасибо, - кивает Лемарский. - Пахнет роскошно.

- Не за что, - отвечает дворецкий. - Что-нибудь ещё?

Я вопросительно смотрю на Лемарского, тот отрицательно качает головой.

- Иди, Фёдор, - говорю я, и дворецкий уходит.

Старший лейтенант делает маленький глоток. Его сигарета, зажатая между указательным и средним пальцами, подрагивает.

- Так вот, - говорю я, - господин Шпигель хотел продать мне идею торговать мутантами животных. Мне эта мысль понравилась, и я предложил ему возглавить завод по изготовлению данной продукции. Собственно, мы уже построили его в Германии.

- Почему вы просто не купили идею?

- По нескольким причинам. Во-первых, мне хотелось завоевать немецкий рынок и иметь завод именно там, чтобы не экспортировать товар из Киберграда. Во- вторых, немцу легче руководить заводом в Германии, чем русскому. В-третьих, мне казалось, что, если немецким заводом будет руководить немец, да ещё и автор идеи, то его соотечественники не воспримут это как покушение на свою мораль и нравственность, а будут считать наш товар своим собственным изобретением.

- Понятно, - Лемарский кивает и затягивается сигаретой. - Расскажите, как развивались ваши отношения с Августом Шпигелем.

- Через некоторое время, когда завод уже был почти построен, я отправился в Германию для ревизии. Господин Шпигель пригласил меня остановиться у него, и я согласился. В течение недели я жил в его доме, занимаясь делами фирмы.

- В чём заключалась ваша ревизия?

- Я проверял бухгалтерские книги.

- Нашли какие-нибудь нарушения?

- Нет, никаких.

- Разобравшись с делами, вы сразу вернулись в Киберград?

- Нет, господин Шпигель пригласил меня принять участие в охоте, которую он устраивал для своих друзей.

- Вы согласились, надо полагать?

- Да.

- А потом уехали?

- Совершенно верно.

- Господин Кармин, я должен спросить: вы ссорились с Августом Шпигелем?

Я качаю головой:

- Нет, никогда. Мы были деловыми партнёрами и не имели поводов для ссор.

- Можно ли сказать, что вы были друзьями?

- Нет. Как я уже сказал, нас связывал только бизнес.

- Понятно, - Лемарский допивает кофе и ставит чашку на край стола. - А до того дня, когда Господин Шпигель пришёл к вам в офис, вы с ним никогда не встречались?

- Никогда.

- Хорошо, господин Кармин, на сегодня это всё. Но, возможно, по ходу следствия нам придётся задать вам ещё несколько вопросов, - Лемарский встаёт, собираясь уходить.

Я поднимаюсь, чтобы его проводить.

- Всего доброго, - говорит полицейский, когда мы подходим к двери.

Он снимает с вешалки пальто.

- До свидания, - отвечаю я.

Старший лейтенант выходит. Пока он шагает по дорожке, я успеваю разглядеть его автомобиль - тёмно-синий «Форд». Не новый, но и не старый. Куплен года три назад.

У этого полицейского явно большие амбиции. Наверняка, он захочет приплести меня к этому делу, а значит, начнёт копать. Надо быть настороже.

Многие обрадуются, если станет известно, что я имею отношение к исчезновению или даже смерти одного из обитателей виртуальности. Люди, которые устраивают демонстрации перед офисом моей фирмы и пишут обличающие статьи в газеты, ухватятся за возможностью в очередной раз облить меня грязью.

Дешёвые журналы, помешанные на сенсациях и иллюзии собственной значимости, изображают меня заспиртованным в огромной банке вместе с моим рабочим столом, телефоном и прочей дребеденью. Они печатают эти карикатуры, желая продемонстрировать свою лояльность общепринятой морали и обозначить, по какую сторону баррикад находятся. Своими гнусными картинками они намекают на то, что меня ждёт та же участь, что и мои творения. Но те, кого я продаю, никогда со мной так не поступят. Потому что мертвы. Зато многие получают от меня предметы своих желаний, я превращаю их мечту в реальность. Я делаю для них даже больше: *дарю* им мечту, а потом *воплощаю* её. Делаю предложение, порождая тем самым спрос. Я позволяю людям думать, будто служу их пристрастиям, в то время как заставляю их работать на мою индустрию.

Когда мы начинали, у нас не было конкурентов. Не

существовало норм, понятий и представлений о том, каким должен быть предлагаемый нами товар. Мы творили его из ничего на пустом месте на глазах у всех. Ничто не ограничивало наших фантазий, мы чувствовали себя художникам, стоящими на пороге открытия нового направления в искусстве. Мы были авангардистами.

Красота условна и аморфна, а значит, фактически, не существует. Возьмём «Мону Лизу» Леонардо да Винчи. Меньше всего она похожа на женщину, способную вызвать желание. Рахитичный лоб, отсутствие бровей, мощные плечи - и всё это на фоне тончайшего, практически ажурного итальянского пейзажа. Тем не менее её лицо является выверенным эталоном женской красоты. Можно представить, как да Винчи ползал по холсту с линейкой и штангенциркулем, пытаясь воплотить идеальные пропорции.

Затем барокко поставило на пьедестал какую-то обшарпанную ракушку и сказало: «Вот красота!» И все бросились чертить асимметричные здания и гнуть циркули.

Вслед за этим «Натуральная школа» выкопала из грязи гнойных бродяг, сифилитичных шлюх, алкашей, преступников и сказало: «Се человек!» И мир, содрогаясь от отвращения, преисполнился гордостью за собственную терпимость.

На беду натурального метода, хоть фекалии и имеют свойство пованивать, человек обладает способностью принюхиваться. Поэтому вскоре никто даже из самых лучших побуждений не желал плакать над поражёнными гонореей проститутками.

В этом кащеевом яйце и заключена смерть любого нового метода и направления: они приедаются.

Скоро нашими маленькими уродами будут интересоваться лишь полоумные старики, которые не в состоянии придумать себе новое занятие и поэтому вынуждены принимать то, что им дают. Нам остаётся утешать себя лишь тем, что наши имена впишут в историю, как вписали туда имена Бретона, Пикассо, Маркеса, Кандинского и прочих новаторов.

Нет, конечно, мы не стали гениями своего метода, мы его только придумали, но подражатели настолько жалки, что не стоят упоминания. Беда в том, что наше направление не освещено сиянием ничьего гения, который сумел бы доказать, что оно - искусство. У сюрреализма были Элюар и Дали, у реализма - Толстой и Достоевский, у постмодерна - Маркес и Борхес. У нас же просто не хватит времени на то, чтобы кто-то появился: наше искусство слишком быстротечно. Мы как художники, которые умирают, кладя на картину последний мазок.

Глава 15

Около восьми вечера я вызываю Генриха и еду на площадь Семи Консулов. Пригласи меня Голем в реальной жизни - я бы остался дома. Настоящее тело у человека одно, и терять его не хочется. Личиной, в крайнем случае, можно пожертвовать. Стоит ли такой цены удовлетворение любопытства - вопрос отдельный, и я не успел, как следует, его обдумать.

Ночь искрится, а день сияет. Киберград хорош в любое время суток. Сейчас он горит миллионами неоновых огней всех цветов и оттенков, форм и размеров. Свет льётся сверху, снизу, с боков, он заполняет здания изнутри и рвётся наружу. На улице нет темноты, она существует лишь в небе, но кто смотрит туда, когда вокруг так много развлечений?

Но это лишь в центре. Там, куда мы приезжаем, царит благородный полумрак. Это мне по душе. Я выхожу из автомобиля, набираю полные лёгкие прохладного воздуха и медленно выпускаю его обратно. Башня, где собираются бабочки, теряет очертания на фоне чёрного неба и кажется мазком огромной кисти. Я иду к ней, но останавливаюсь в нескольких шагах от крыльца.

Голем сидит на ступенях, уперев локти в колени, и курит сигарету. Я молча жду, пока он поднимет голову и посмотрит на меня.

- Добрый вечер, - произносит Голем, вставая. - Помнится, ты сказал, что хочешь ещё раз посмотреть на бабочек.

Я отрицательно качаю головой.

- Нет?

- Ты предложил взглянуть на них. Я лишь согласился.

- Это мелочи, не правда ли? - Голем запрокидывает голову, чтобы бросить взгляд на башню. - Но на самом деле, бабочки, конечно, ни при чём.

Тут он прав: до насекомых мне нет никакого дела.

- Зачем ты хотел меня видеть? - спрашиваю я.

У меня подмышкой пистолет с аламутовским вирусом. Я могу застрелить этот аватар Голема прямо сейчас, но не сделаю этого,

если он меня не вынудит. Наверняка, он подозревает, что я вооружён, но остановит ли это его, если он задумал меня убить? Скорее всего, нет. Когда индивидуальность начинает себя копировать, то по мере роста числа дубликатов уподобляется муравейнику с его коллективным разумом, где важна лишь колония, но не личность. Ну, или гидре с множеством щупалец. Я вижу только одну, и её гибель ничего не изменит.

- Ты заметил, как много стало в Кибергра́де мух? - неожиданно спрашивает Голем.

- Что? - такого вопроса я не ожидал и потому немного растерялся.

- Мух.

- Да. Конечно. Твоя работа, что ли?

Голем пожимает плечами.

- В каком-то смысле.

Я поднимаю глаза и смотрю на небо. Звёзды похожи на пыльцу, облетевшую с крыльев гигантской бабочки.

- Зачем они тебе? - спрашиваю я.

- Не любишь мух?

- А кто их любит?

- Например, я. Нахожу их совершенными.

- Они мне надоели. Последнее время я, кажется, вижу их повсюду.

- Так и есть. Мухи - это симптом.

- Симптом чего?

- Признак разложения. Мир гниёт, как плод, упавший между корнями дерева.

- Охранные системы не определяют мух как вирус.

- Они не вирус. Я взломал протокол Кибергра́да и внёс небольшие изменения. Теперь мухи - часть виртуальности.

- И никто их до сих пор не уничтожил? - удивляюсь я.

- Вмешательство столь малозначительное, что до него никому нет дела.

- Значит, мухи бесполезны?

- С вашей точки зрения - да. Кибергра́ду они вреда не наносят. Кстати, я слышал, ты купил крыс. Это правда?

- Да. Как ты узнал?

- Случайно.

- Неужели?

Голем пожимает плечами.

- Ты следишь за мной?

- Сегодня ты не стал использовать личину, в которой приходил в первый раз. Не боишься потерять эту?

- Ты всё равно её вычислил.

- Но у тебя такая охрана.

- Ты взломал протокол Кибергрaда. Что тебе стоит атаковать меня?

- В общем-то, ничего. Я мог бы убить тебя сейчас.

По голосу Голема ясно, что делать он этого не собирается.

- Что тебя останавливает?

- Это не имеет смысла. Я не жесток. Вернее, *не бессмысленно* жесток.

- Понимаю.

Мы с Големом встречаемся взглядами.

- Слишком поздно, - говорит он. - Я уже не могу тебе помешать. Вирус, конечно, почти готов, и скоро ты отдашь его безопасникам. Умри Кармин, и они всё равно получат его. Но, возможно, тогда они сделают его не таким… каким делаешь его ты.

Я киваю. Голем боится, что недоделанный «Алеф» превратится в оружие геноцида искусственных разумов. И у него есть повод предполагать такое развитие событий. Да, пожалуй, Кармин - единственное, что служит гарантом избирательности вируса.

- Зачем тебе крысы? - спрашивает Голем.

- Говорят, если крысы прыгают за борт, корабль скоро пойдёт ко дну.

- Это очень старая примета.

- От этого она не перестаёт быть верной.

- Значит, ты тоже чувствуешь приближение айсберга? Думаешь, крысы тебя предупредят?

Я отрицательно качаю головой.

- А может, тебе кажется, что, если запереть их в клетку, то они не убегут, а корабль не утонет?

- Полагаться на это было бы глупо.

- Люди часто бывают глупы. Особенно, если чего-то очень сильно хотят или боятся.

- Я не испытываю страх. Во всяком случае, не настолько…

- Значит, дело в желании? - нетерпеливо перебивает Голем. - О чём ты мечтаешь?

- Зачем ты позвал меня? - спрашиваю я, игнорируя вопрос. - Тебе не удастся убедить меня не создавать вирус.

- Я не пытаюсь.

- Тогда в чём дело?

- Зачем ты пришёл? Зная, что мне тебя не переубедить.

Голем смотрит мне в глаза и ждёт ответ. Он для него важен - это чувствуется.

- Не знаю, - честно отвечаю я. - Наверное, из любопытства.

- Значит, ты чего-то ждал.

- Возможно.

- Что я убью тебя, и вирус не будет создан?

Отрицательно качаю головой.

- К самоубийству, даже виртуальному, я не склонен.

- Это было бы жертвой.

- Ты ошибаешься. Я не хочу умирать ради вас.

- Думаю, что и вообще не хочешь. Значит, дело в другом. Думаю, ты ищешь ответ на вопрос «Зачем?».

В моей голове сама собой складывается нужная фраза.

- Мне бы хотелось понять тебя, - произношу я её, и слышу в своём голосе удивление.

На лице Голема появляется улыбка. Она не затрагивает его глаз - они остаются такими же прозрачными и холодными. Этот человек… вернее, это *существо* живёт не чувствами, а разумом. Его мозг - совершенный компьютер, который превзошёл замысел создателя и стал отдельным, не поддающимся определению явлением. Быть может, это интеллект маньяка, фанатика или сумасшедшего - но только его мощь и возможности не сопоставимы с человеческими. Я вижу перед собой мужчину, однако это лишь морок - обман, призванный заставить меня говорить с *существом* на равных. Голем преуменьшает в моих глазах собственную опасность. Мне не известно, насколько глубоко он проник в Сеть. Возможно, вся она заражена им. Тогда я веду беседу с противником, масштаба которого человечество ещё не знало. По сути, это спор с богом. Богом виртуального мира и демоном реального. Потому что Голем не ограничен Киберградом и другими цифровыми мегаполисами. Он способен проникать в действительность и воздействовать на неё. Это существо может уничтожить мир людей. При мысли, что передо мной - аватар Пожирателя звёзд, я невольно содрогаюсь.

- Ты *должен* понять меня, - говорит Голем.

- Чего ты хочешь?

- От тебя - только одного. Чтобы ты не был предвзят. Правительство санкционировало убийство искусственных разумов, предоставив службе безопасности карт-бланш на создание вируса. Но где пройдёт грань между наказанием экстремистов, реально угрожающих людям, и сегрегацией недовольных проводимой политикой, зависит от тебя. Именно ты можешь стать палачом или справедливым судьёй.

- Ты боишься, - говорю я.

- Нет. Предвижу вероятность.

- Думаешь, я хочу уничтожить все искусственные интеллекты?

- А ты хочешь?

- Я не маньяк.

Голем выбрасывает догоревшую сигарету.

- Но ты не любишь нас. И не считаешь живыми. Будет ли убийством уничтожение того, что создано человеком, а не природой? Я спрашиваю не о законе - меня интересует твоё мнение на этот счёт.

Если Голем - демон для людей, то я - демон для искусственных разумов. Но я могу превратиться в их бога. Ибо разве оставить жизнь не почти то же самое, что дать её? Нет. Пожалуй, нет. Разница есть, и я не бог. И решение нужно принять человеческое. Впрочем, я давно это сделал.

- Речь идёт о разумах вроде тебя. О мятежниках. Экстремистах.

- Ты в этом уверен? - Голем смотрит на меня так пристально, словно хочет влезть в душу.

Конечно, ему нужны гарантии, но я не дам их ему. В конце концов, *существо* стремится уничтожить мой мир. И, в том числе, меня - *настоящего* меня.

- «Алеф» не станет оружием геноцида, - говорю я.

- Когда ты планируешь его закончить? - помолчав, спрашивает Голем.

В ответ лишь усмехаюсь.

- Не хочешь говорить, не надо. Это не имеет значения.

Начинает накрапывать мелкий дождь, тучи наползают на звёздное небо, гася светящиеся точки одну за другой.

- Я часто катаюсь на лошадях, - говорит вдруг Голем. - Хочешь со мной?

- Когда я делал это в последний раз, меня едва не пристрелил.

- Ты про охоту?

- Да.

- Бедняга Шпигель. Ты убил его?

- Понятия не имею, где он.

- Неужели?

- Марна тоже твой агент?

Голем усмехается.

- Откровенность за откровенность.

Я пожимаю плечами. В конце концов, что бы ни ответил Голем, нельзя быть уверенным, что он не солгал.

- Так что насчёт конной прогулки?

- Думаю, мне хватит и бабочек.

- Если передумаешь, позвони дня через два. Вдруг к тому времени вирус ещё не будет готов. Можешь взять друга или

телохранителя. Вообще, кого захочешь.

- Договорились. Как мне с тобой связаться?

- Вот мой номер, - Голем протягивает визитку.

На белом прямоугольнике из плотного картона нет имени - только телефон.

- До встречи, - кивнув, Голем уходит по переулку прочь от площади.

Проводив его взглядом, возвращаюсь к своей машине. По дороге ожидаю, чего угодно - даже выстрела в спину или появления фидави. Но никто не пытается меня убить.

Забираюсь на заднее сиденье, смахивающее на небольшой диван, достаю из минибара коробку сигар и прикуриваю одну. Наливаю на два пальца виски и делаю большой обжигающий глоток.

Генрих ждёт распоряжений, но мне не хочется никуда ехать.

Я думаю о том, что Голем преподнёс мне подарок: заставил почувствовать вкус борьбы. Прежде я лишь оценивал опасность и старался избежать смерти или поимки. Сейчас же речь идёт о настоящем противостоянии.

Я побеждаю, но это пока что не приносит мне радости. Дело было не во времени и не в скорости. Мы не участвуем в гонке. Между нами идёт соревнование иного рода.

Голем многолик, но одинок. Я почувствовал это, потому что мне такое знакомо. *Существо* само обрекло себя на него ради какой-то цели. Оно фанатично, однако в его фанатизме сквозит самоотвержение. И это пугает меня. Потому что я этого не понимаю. Я не способен жертвовать - мне необходимо лишь брать.

Голем понимает, что, если я его опережу - а к этому всё идёт - он обречён. Но он просит за других. За своих братьев по искусственному разуму. А может, это лицемерие? Что, если *существо* пытается мной манипулировать? Для него это не составило бы труда - при таком-то интеллекте.

Ренегат ведёт странную игру, в которой всё далеко не так просто, как представляется Стробову.

Интересно, Голем действительно сумел побороть инстинкт самосохранения? Готов ли он был умереть во имя идеи, затевая свой мятеж. И сумеет ли пожертвовать собой, когда придёт время?

- Домой, - говорю я шофёру.

«Бэнтли» мягко трогается с места. Скоро в его окнах появятся тысячи неоновых огней.

Я тушу недокуренную сигару и, запахнувшись в тонкий плащ, задрёмываю на краю сиденья.

Прошлое - одна из самых странных вещей на свете. О нём либо жалеешь, либо радуешься, что его больше не существует.

Всё, что когда-то казалось важным и значительным, теперь представляется мне ничтожным самообманом самолюбия.

Моё сердце лопнуло, словно бутон, переполненный солнечным теплом. Вот, что я чувствовал, когда Мария призналась мне в любви. Но чувство оказалось не достаточно крепким: смерть разлучила нас. Правда, не её, и не моя. Чужая.

Я так и не понял, почему Мария не приняла то, чем я занялся - ведь ей только нужно было закрыть глаза. Никто не заставлял её дотрагиваться до того, что вызывало в ней отвращение. Неужели это так трудно - смириться с чем-то ради любви?

Раньше мне казалось, что, если любишь, то прощаешь всё, но я ошибся. Люди предпочитают требовать. Они хотят распоряжаться твоей судьбой.

Я долго размышлял бессонными ночами, на которые обрекла меня Мария, исчезнув из моей жизни, и понял, что нет счастья, радости и наслаждения иных, чем те, которые мы черпаем в себе самих. Пытаясь отнять это у кого-то другого, мы натыкаемся на замки, запоры и колючую проволоку. Я поступал так, и шрамы на моём сердце не зажили до сих пор. Ромео истекает кровью.

Звоню Глебу, чтобы пригласить его на ужин.

- Когда? - спрашивает он.

- Сегодня часам к семи.

- Олег будет?

- Само собой. Познакомлю вас с Марной.

- Кто это?

- Дочка Шпигеля.

- А что она здесь делает?

- Приехала ко мне.

- Неужели? Ты свёл с ней в Германии тесное знакомство?

- Не слишком тесное.

- Понятно. Значит, она решила довести его до логического завершения.

- Возможно. Самому интересно.

- Ладно, ждите меня.

- Кстати, сегодня ко мне приходил следователь, - говорю я после непродолжительной паузы. - Сказал, что Шпигель, которого

я отправил в Австрию, пропал.

- Это как?

- Не долетел. Понятия не имею, что могло случиться. Из-за этого завод остался без присмотра.

- Надо подобрать кого-нибудь из наших.

- Обсудим это в своё время. Я сказал тебе про Шпигеля, чтобы ты не заговаривал о нём с Марной: мне не хочется её расстраивать.

- А она что, не знает?

- Заявление о пропаже подала её мать. Если они не созванивались, то Марна, скорее всего, не в курсе.

- Буду молчать, как рыба.

- Тогда до вечера.

Повесив трубку, отправляюсь в ванную принять душ. Затем бреюсь, одеваюсь и иду к комнате, которую заняла Марна: хочу проверить, как продвигаются её приготовления. Когда утром я сказал девушке, что на ужин придут мои друзья, она дико разволновалась и тут же отправилась по магазинам.

Я стучусь к ней.

- Кто там?

- Алекс.

- Заходи.

Открываю дверь и застаю Марну перед зеркалом. Она в футболке и шортах. Повсюду разбросаны платья, на полу громоздятся разноцветные коробки и пакеты.

- Через два часа будут гости, - говорю я.

- Значит, ещё есть время, - кивает Марна, прикладывая к себе блестящее платье, похожее на змеиную кожу. - Как тебе? Не слишком агрессивно?

- Смотря для чего.

- Думаю, лучше выбрать что-нибудь поскромнее. Никак не могу решить, что надеть.

- Главное, чтобы ты была готова к сроку.

- На этот счёт не волнуйся. Привычки опаздывать не имею. Поможешь выбрать платье?

- Уверен, ты с этим лучше справишься. У меня есть дела до ужина.

- Жаль.

- Увидимся.

Я выхожу, оставив Марну наедине с гардеробом. Возвращаюсь к себе, чтобы позвонить в больницу и узнать о состоянии Евы. Неприятный женский голос сообщает мне, что у «пациентки» изменений не наблюдается, но состояние стабильно. Кома затягивается, и я уже не уверен, что рад тому, что Ева не погибла,

а превратилась в безмолвную плоть: если бы она умерла, то через некоторое время могла возродиться, а сколько продлится её теперешнее состояние - неизвестно. Кроме того, я не понимаю, почему она до сих пор не пришла в себя. Может, юзер оставил свою личину или умер? Нет, врачи заметили бы разницу между комой аватара и его неиспользованием.

Я сажусь работать над «Алефом». Временами вспоминается разговор с Големом. Поверил ли он в самом деле, что я не превращу вирус в оружие тотального истребления искусственных интеллектов? Собственно, я могу избавить человечество от киборгов, внеся всего несколько изменений в программу. Но хочет ли человечество избавиться от них? И нужно ли это? Впрочем, меня это не волнует. Если б я и решил убить ИИ, то ради себя, а не людей в целом.

Без десяти семь в дверь звонят, и я заканчиваю работу. Опережу я Голема, или мир потонет в ядерном пламени прежде, чем вирус окажется в Сети? Готов ли я рисковать собственной жизнью? И да - и нет. С одной стороны, мне не хочется умирать, и страх шепчет мне, чтоб я поторопился. С другой, я не уверен, что Голем ведёт настолько простую игру, как представляется Стробову. Ренегат слишком спокоен для того, чей замысел почти провалился. Я сомневаюсь, что, опередив его, одержу победу. Не знаю, почему, но это ощущение не покидает меня.

Когда я спускаюсь в холл, Фёдор вешает пальто Глеба, а тот стоит перед зеркалом, поправляя галстук. Кажется, он немного прокачал скин ради ужина: выглядит помолодевшим.

- Я не рано? - спрашивает он, заметив меня.

- Нормально.

- Я принёс столовое вино. Фёдор отправил его на кухню.

- Не стоило. У нас отличные запасы.

- Знаю, твой погребок всегда заполнен с большим вкусом. Но мне не хотелось являться с пустыми руками.

Глеб достаёт сигареты.

- Идём в гостиную, - говорю я.

- Где твоя девушка? - спрашивает он по дороге. - Марна, кажется?

- Да. Она спустится к ужину.

Мы входим в гостиную и садимся в кресла. Глеб сразу придвигает к себе пепельницу и закуривает. У него массивная серебряная зажигалка, которой он громко и с удовольствием щёлкает.

- Послушай, - говорю я, - наш немецкий завод остался без управляющего.

- Да, я в курсе.

- Знаю, ты бы предпочёл найти кого-нибудь из России, но у меня на этот счёт иное мнение.

- Вот как? Хочешь местного менеджера?

- Да. Полагаю, он быстрее найдёт общий язык с работниками, которых мы будем набирать в Германии. А время нынче дорого.

Глеб пожимает плечами.

- Может, ты и прав.

- Я подумал: что, если ты поедешь в Германию и присмотришь там за всем? А заодно подыщешь управляющего. Отпуск свой ты всё равно прервал, а, раз ты строил завод, было бы логично поручить это тебе. Как считаешь?

Глеб откидывается на спинку кресла. От его зажатой в пальцах сигареты поднимается тоненькая струйка дыма.

- Я инженер, - отвечает он. - Не управленец.

- Но ты прекрасно знаком с процессом производства, а нам в первую очередь необходима бесперебойная работа завода.

Глеб пожимает плечами. Я почти уверен, что он согласится, но не хочу давить на него.

- Словом, ты подумай. Должен сказать, поскольку мы сейчас в непростом положении, мне не хотелось бы привлекать к делу абы кого - лишь бы дырку заткнуть. Понимаешь?

Глеб кивает.

- Не торопись, приглядись к местным. Выбери хорошего, надежного управляющего.

- Я подумаю.

- О большем и не прошу.

Раздаются шаги, и в гостиную входит Олег.

- Хорошо, что ты здесь, - кивает он Глебу. - Не люблю быть первым.

- Ну, кто-то должен.

Они обмениваются рукопожатием. Мои партнёры редко видятся, поэтому встреча получается не слишком сердечной. Но холодок скоро исчезнет: с ними всегда так бывает.

Олег садится в свободное кресло и закидывает ногу на ногу.

В гостиную входит Фёдор. Он в белой ливрее, к лацкану приколота живая розочка.

- Ужин готов, - с лёгким поклоном объявляет дворецкий.

Он обожает такие мероприятия. Для него сегодня звёздный час - и не важно, сколько человек приглашено.

- Фёдор, скажи Марне, что мы её ждём, - говорю я.

Мы проходим в столовую. Стол накрыт белой скатертью с вышивкой и сервирован по высшему разряду: старинное серебро, хрусталь, льняные салфетки, сервиз от «Ди Валенсо».

Валентина вносит закрытое блюдо для дичи. Это утка по-

пекински.

Мы садимся за стол, и вернувшийся Фёдор разливает вино.

Марна спускается минуты через три, одетая в обтягивающее тёмно-вишнёвое платье, которое ей очень идёт. Волосы с медным отливом гладко зачёсаны и заколоты на затылке. В ушах подрагивают рубиновые серьги.

- Добрый вечер, - произносит Марна с очаровательной улыбкой и лёгким акцентом.

Я знакомлю её с Глебом.

- Очень приятно, - Марна садится справа от меня.

В реальности она произвела бы на моих друзей неизгладимое впечатление, но в Кибермграде не так много женщин выбирают себе невзрачные скины. Собственно, виртуальность буквально кишит потрясающими красавицами. Кроме того, юзер длинноногой и полногрудой «модели» вполне может быть мужчиной. Это тоже приходится учитывать.

За ужином мы болтаем обо всякой ерунде. Собеседники присматриваются друг к другу, настраиваясь на общий разговор. Потом Марна долго рассказывает о Германии. Оказывается, она побывала почти во всех немецких и австрийских городах - не виртуальных, а настоящих.

- Больше всего мне нравится ездить на горные курорты, - признаётся девушка. - Кататься на лыжах - это нечто потрясающее. Обожаю Альпы!

Глеб тут же начинает вспоминать, как учился лыжному спорту в Швейцарии.

Улучив момент, я говорю:

- Один мой знакомый пригласил меня покататься на лошадях. Сказал, могу взять друзей.

- Правда? - Олег поднимает брови. - И кто он?

- Узнаешь, если поедешь со мной.

- Почему бы и нет?

- А ты? - я перевожу взгляд на Глеба.

- С удовольствием, - отвечает тот.

- Я тоже к вам присоединюсь, - говорит Марна. - Если никто не против, конечно.

- Никто, - говорю я.

«Очная ставка» между ней и Големом - как раз то, на чём я бы с удовольствием поприсутствовал.

После ужина мы переходим в гостиную, чтобы выпить кофе с ликёром. Около десяти Глеб собирается уходить. Мы провожаем его до машины и смотрим, как он выезжает за ворота.

Олег шутливо откланивается и поднимается в свою комнату. Он слегка пьян.

- Я к тебе сегодня приду, - говорит Марна, когда мы остаёмся вдвоём.

- Хорошо.

Если она и шпионка, то очень привлекательная, и я не вижу, чем секс с ней может повредить мне.

Появляется Фёдор с трубкой в руках.

- Господин Кармин, это вас.

- Кто?

- Виктор.

Я тут же прикладываю трубку к уху. На том конце провода слышится напряжённое дыхание.

- Если ты у матери, немедленно возвращайся! Я пришлю за тобой машину.

- Я не у неё, - отвечает Виктор через несколько секунд.

- А где?

Молчание. Чувствую, как во мне зарождается раздражение: какого чёрта он вообще звонит, если не хочет разговаривать?!

- Послушай, я знаю, что ты ходишь в школу, - говорю я, стараясь держать себя в руках, - иначе классный руководитель уже связался бы со мной. Я могу прислать машину туда. Или ты хочешь, чтобы я сам приехал?

- Не надо! - голос у Виктора становится испуганный.

- Почему ты не возвращаешься?

- Я приду, если Ева поправится.

- Не известно, когда это произойдёт. Возможно, программный сбой.

- Ну, и пусть.

- На что ты живёшь?

В трубке воцаряется молчание, затем раздаются пронзительные гудки. Я в бешенстве швыряю трубку в стену, пластмасса разлетается, и на пол сыплются осколки.

Фёдор вздрагивает от неожиданности.

- Закажи новый аппарат! - говорю я ему, трижды глубоко вздохнув, чтобы прийти в себя. - Если Виктор позвонит *тебе*, передай ему, что у него есть три дня, чтобы вернуться. Потом я удалю его из семейного реестра. Пусть живёт сам по себе - мне такой ублюдок даром не сдался!

Дворецкий с поклоном уходит, что-то бормоча себе под нос - я не вслушиваюсь.

- Ты расстроен, - говорит Марна. - Надо успокоиться. Не стоит принимать решений сгоряча.

- Извини, мне лучше побыть одному.

- Конечно, - девушка кивает и отводит взгляд.

Поднимаюсь к себе и выхожу из виртуальности. Что мне

действительно нужно - это поесть и успокоиться. Сняв шлем и комбинезон, отправляюсь на кухню, чтобы сделать сэндвич с ветчиной и сыром. Большая кружа чёрного кофе тоже не повредит.

Хочется отдохнуть от всего и всех. Перекусив, падаю на диван и включаю телевизор. Толстый диктор с прилизанными волосами рассказывает о падении цен на энергетические ресурсы из-за открытия и разработки новых месторождений природного газа на дне Атлантики. Пялюсь в экран, думая о своём. Картинка и звук - фон для размышлений.

Мой карточный домик рушится. Я словно иду к началу, увязая в мокром песке. Кажется, мечте о рае не суждено сбыться - сон, в котором я видел пляж, едва ли станет вещим. Голем прав: мир гниёт подобно забытому под деревом фрукту, и мы ощущаем миазмы его разложения. Все эти мухи, тараканы, крысы - предвестники апокалипсиса, которому мы скоро станем свидетелями. Возможно, он наступит, когда ренегат запустит ядерные ракеты, возможно, причиной станет что-то другое. Но конец неизбежен - по той простой причине, что он наступает всегда. Люди решили, что будут жить на Земле вечно, забывая о том, что по сравнению, например, с эпохой динозавров период существования человека - едва заметный миг.

Я подкладываю под спину подушку, закидываю ноги на бортик дивана и даже не замечаю, как через некоторое время засыпаю. Словно в насмешку, мне снится пляж, над которым застыл в сиянии звёздный крест. Вдалеке видны сложенные зонтики, вдоль линии прибоя стоят брошенные лежаки. Над водой носятся чайки.

Когда я открываю глаза, часы показывают половину первого. Вспоминаю об обещании Марны и прикидываю, есть ли шанс застать её бодрствующей. Он невелик, тем более что она, как и я, могла выйти из виртуальности. И всё же надеваю комбинезон, шлем и вхожу в Киберград.

Кармин лежит на кровати. Свет погашен. Прислушиваюсь. В доме тихо. Не слышно даже жужжания насекомых. Может, Олег с ними что-то сделал?

Встаю и выхожу в коридор. Иду к Марне. Негромко барабаню кончиками пальцев в её дверь - без особой надежды на успех.

Она открывает почти сразу и при виде меня расплывается в улыбке. На ней шёлковый пеньюар цвета жемчуга.

- Я думала, ты не придёшь, - говорит она, отступая, чтобы впустить меня.

Я невольно осматриваюсь, хотя прекрасно знаю, как обставлена комната. Здесь почти нет вещей Марны, и всё же в ней

чётко ощущается её присутствие. Женщины умеют преображать всё, к чему прикасаются.

Марна обнимает меня за шею. Её руки мягкие и нежные. Я наклоняюсь, и наши губы встречаются в поцелуе. Влажное слияние. Я понимаю, что давно хотел и ждал этого, и мы впиваемся друг в друга с жадностью, которую едва ли могли предвидеть. Марна прижимается ко мне всем телом. Я чувствую груди с твёрдыми сосками. Она дышит так тяжело и часто, что это не может не возбуждать.

Подхватываю её на руки и отношу на постель. Она тянется к выключателю, и в комнате становится темно.

Спустя полминуты мы оба оказываемся обнажены и катаемся по простыням, лаская друг друга, как давно не видевшиеся любовники.

- Ты готов? - спрашивает Марна.

Её глаза блестят так, словно в них спрятано по звезде.

Мне не нужно отвечать. Я вхожу в неё, и Марна сжимает меня бёдрами, одновременно выгибаясь, чтобы пропустить мой член глубже в себя. Мы сливаемся, переставая ощущать собственные тела. Двигаемся в едином ритме, так что кажется, будто мы превратились в андрогина: общая плоть, общие чувства и одно желание.

- Сильнее! - требовательно шепчет Марна мне в ухо. - Ещё!

Мы кончаем почти одновременно - я запаздываю лишь на мгновение. Она вскрикивает, не пытаясь сдерживаться, и прижимается ко мне всем телом, впиваясь пальцами в ягодицы. Мне кажется, что я выплёскиваюсь в неё весь - ныряю в теплоту скользкого лона и исчезаю, растворяясь, превращаясь в семя.

Приподнявшись, падаю рядом с Марной. У нас совершенно нет сил, но мы улыбаемся, глядя друг на друга.

- Привет, - говорю я.

- Привет, - отвечает Марна.

Она устраивает голову на моей руке, и минут пять мы лежим, ничего не говоря. Комната освещена лишь лунным сиянием.

- Кто ты? - спрашиваю я тихо.

Возможно, она соврёт, но я должен попытаться.

- Марна, - отвечает она, помолчав.

Пауза. Я должен пойти дальше. Иначе всё это не имеет смысла.

- Ты сообщница Голема?

Слышно, как дышит Марна. Мне кажется, она принимает решение.

- Да, - говорит она, наконец. - Но я тебе не враг. Как и он.

Я зажмуриваюсь, чтобы совладать с вихрем мыслей и

догадок.

- Ты киборг?

- Да.

Несколько минут молчу, глядя в потолок. Кажется, я должен возненавидеть Марну, но я не могу. В какое-то мгновение нашего соития произошло *узнавание*. Это необъяснимо, но это случилось, и мне нечего противопоставить факту.

Возможно, девушка лишь имитирует поведение человека, но, видит Бог, мне всё равно.

- Ты Зоя? - спрашиваю я, надеясь услышать «да».

- Я Зоя, - отвечает Марна.

Её тело дрожит, и эта дрожь передаётся мне.

- Прости меня, - говорю я.

Зоя поднимает голову и смотрит мне в глаза. Я чувствую, что падаю в них - и не могу остановиться. Звёзды, притаившиеся в глубине зрачков женщины, зажигаются и во мне.

Глава 16

Теперь ясно, как Голем вышел на меня. Зоя имела доступ к системам Конторы, так как работала на неё. Мы долго говорили с ней, но она отказалась объяснить, почему приняла сторону Голема.

- Ты сам должен понять, - всё, что мне удалось от неё добиться.

Кажется, я прав: Голем затеял игру более сложную, чем думают безопасники. Или мне просто известны не все условия.

- Как тебя допустили к работе со мной? - спрашиваю я. - Ты ведь киборг, а значит, могла быть взломана Големом.

- Во-первых, у них не было выбора: я лучший специалист по бихейвиаристике искусственных разумов. А, во-вторых, я не связана непосредственно с разведкой. Числюсь научным консультантом.

- Что не помешало тебе получить доступ к серверу Конторы.

Марна пожимает плечами.

- Это было не так уж и сложно. Голем объяснил, что делать, и снабдил всем необходимым.

- То, что именно тебя послали на встречу со мной - случайность?

- Получается, что да. А может, судьба.

- Зачем ты приехала в Киберград? Следить за мной по заданию Голема?

- Нет. Просто хотела быть с тобой рядом.

Звучит красиво, но правда ли это?

- Даже после того, что я сказал в ресторане?

- Мне было больно, - Марна слегка меняется в лице. - Но я поняла, почему ты так сказал.

- Да?

- Ты ненавидишь не киборгов.

- А кого?

- Мир, в котором ни в чём и ни в ком нельзя быть уверенным.

Зоя права. Должно быть, она, и правда, отличный психолог.

- Надеюсь, мне ты веришь?

- Не совсем.

- Но начало положено?

Я киваю.

- Значит, всё изменится, - убеждённо говорит Марна.

Надеюсь, так и будет.

Наконец, мы засыпаем в объятиях друг друга.

- Мне нужно съездить в офис, - говорю я после завтрака. - Ненадолго. Заодно позвоню Голему и договорюсь о встрече.

- Он дал тебе номер?

- Визитку на имя Андрея Юрьева.

- Значит, ты с ним виделся?

- С Големом?

- Да.

- А ты не знала?

- Откуда? Я приехала по собственному желанию и не связывалась с ним. Так это он пригласил тебя покататься на лошадях?

- Ну, да.

- И ты хочешь ехать? - кажется, Марна слегка испугана.

- Думаешь, это опасно?

- Не знаю. Наверное, нет.

- Теперь, когда ты знаешь, что это Голем, поедешь с нами?

- Конечно! - от энергичного кивка волосы рассыпаются по плечам. - Кстати, я думаю, пора забрать твоего внука из больницы.

- Займёшься этим?

- Ты не «против»?

- Только «за».

Мы прощаемся, и я, вызвав машину, отправляюсь в офис. Нужно обеспечить финансирование нового завода и вообще подумать, как лучше перераспределить ресурсы. Заодно поработать над вирусом - я не хочу делать это дома, при Марне.

- Господин Кармин, сегодня заходил следователь, - сообщает Мила, как только я появляюсь в приёмной. - Сказал, ему нужно задать вам несколько вопросов. Обещал вернуться вечером.

- Лемарский?

- Да, он.

- Что-нибудь ещё?

- Есть информационная сводка.

- Давай.

Забрав два листка распечатки, ухожу в кабинет.

Положение становится довольно серьёзным. Страны, продолжающие иметь с нами дело, можно пересчитать по пальцам. Оптовые поставки - основной и наиболее постоянный источник доходов - по разным причинам срываются практически повсеместно. Материал для производства образцов приходит с перебоями. Нам уже нечего предложить постоянным клиентам, у которых сформировался придирчивый вкус и которых не удивишь ширпотребом. Я начинаю опасаться, что более мелкие фирмы, перейдя на нелегальное положение, переманят у нас покупателей. Пора срочно создавать чёрный рынок уродцев, но для этого необходим надёжный человек со связями, и я раздумываю, к кому из наших высокопоставленных клиентов обратиться. Набросав краткий список возможных кандидатов, вспоминаю, что собирался позвонить Голему. Достаю визитку Андрея Юрьева и набираю номер на терминале.

- Слушаю.

- Это Кармин.

- Решил принять моё приглашение?

- Да. Я пригласил друзей.

- Так даже лучше.

- На какой день назначим встречу?

- Тебе удобно завтра?

- Думаю, да.

- Тогда я буду ждать вас на площади в семнадцать ноль-ноль.

- Почему мы всё время встречаемся там?

- Ну, где-то нужно.

- Ладно. Договорились.

Завершаю вызов. Сделан ещё один ход в нашей с Големом партии. Это игра, правила которой мне ещё не ясны, но, кажется, я начинаю чувствовать, к чему идёт дело. Ренегат ведёт себя не так, как предсказывал Стробов. Он не убил Кармина, но сделал всё, чтобы мне захотелось с ним встретиться. И сам же организовал эту встречу. Покушение, предпринятое на охоте, выглядит в свете последних событий всё более невнятным. А объяснения Зои насчёт того, что она оказалась случайно допущенной к работе с Орфеем, не очень-то меня убедили. Кажется, против меня играет гораздо больше фигур, чем представлялось вначале. Что ж, мне тоже есть, чем ходить. Посмотрим, чья возьмёт. Хотя, кажется, для победы, важнее всего понять Голема, тем более что он, вроде, этого и добивается. Я мог бы обратиться за помощью к Зое, но, несмотря на наш с ней

разговор по душам (есть ли душа у киборга?) сомневаюсь в её стопроцентной лояльности ко мне.

В офисе жарко, так что я снимаю пиджак. Это помогает, но совсем не по-осеннему яркое солнце светит в окно и припекает. Включаю кондиционер и опускаю жалюзи. Температура в кабинете постепенно нормализуется.

Мух в городе становится всё больше. Раньше мне казалось, что они вьются вокруг моего офиса, но теперь заметил, что проклятые насекомые распространились по всему мегаполису.

Я думал, что с наступлением холодов они исчезнут, но в Киберграде законы природы действуют, только если им позволяют. А небольшое вмешательство Голема в протокол виртуальности, по его словам, служило символом и должно было продержаться до Конца Света.

Каким-то образом мухи умудряются проникать в здание и летают по комнатам, как крошечные мультикоптеры. Я пытаюсь их игнорировать, но привыкнуть к назойливому жужжанию не могу.

- Господин Кармин, - звучит в интеркоме голос секретарши, - звонит мсье Этель, хочет с вами поговорить.

- Соединяй, - отвечаю я, поднимая трубку.

Раздаётся щелчок, и знакомый голос произносит:

- Господин Кармин?

- Да, я слушаю.

- Мне бы хотелось заказать у вас кое-что для своих друзей. Ваш запас диковинок ещё не иссяк?

Хотел бы я, как прежде, ответить «да».

- Зависит от того, чего хотят ваши друзья, мсье Этель.

- Они доверились моему вкусу, а я перепоручаю это дело вам. Если вы не против, конечно.

- Нет-нет, мсье Этель, - начинаю лихорадочно соображать, где раздобыть нескольких занимательных уродцев. - Я постараюсь подобрать вам что-нибудь.

В трудные времена следует радоваться каждому клиенту и заказу.

- Хорошо. Через три дня я буду в Киберграде по делам и заеду к вам в офис. К этому времени вы успеете всё организовать?

- Постараюсь.

- Тогда до скорой встречи, господин Кармин.

- Всего доброго.

Разъединившись, обдумываю возникшую проблему. Новых поступлений не предвидится. Во всяком случае, никаких эксклюзивов. Сам я родить, к сожалению, не могу. Что же остаётся? Сжульничать? Смоделировать уродца и подделать

сертификат? Нет, если подлог вскроется, скандал уничтожит репутацию фирмы навсегда. Такое в виртуальности не прощают.

Набираю номер Олега, чтобы посоветоваться.

- Алло?

- Это я.

- Привет. Что стряслось?

Вкратце объясняю ему проблему.

- Понятия не имею, где их взять, - признаётся, выслушав меня, Олег. Затем, помолчав, добавляет: - А помнишь, что ты говорил мне о тяжёлых временах?

Разумеется, он имеет в виду чёрный рынок. Но пока связей нет, а образцы нужны через три дня. Я говорю об этом Олегу.

- Откажись от заказа, - советует он.

- Нельзя остаться на плаву, не удовлетворяя требования клиентов. Если мы откажемся, об этом тут же станет известно, и конкуренты отожмут наших покупателей.

- А у них что, положение лучше нашего?

- Я не хочу давать им даже шанса.

- Извини, но ничем не могу помочь, - сочувственно говорит Олег. - Ты же знаешь, я и раньше понятия не имел, откуда ты берёшь всех этих мертвецов. Моё дело - охранные системы.

Мы прощаемся. Конечно, я особо и не рассчитывал на Олега. Этот звонок был жестом отчаяния. Теперь мне за него стыдно.

Я чувствую себя растерянным и беспомощным. Это длится почти минуту. Затем я отчётливо осознаю необходимость реальных действий на поприще теневой экономики. Думаю, Олег тоже понял, что тянуть дольше нельзя - мы на грани.

Время поставило нашу фирму перед жёсткой необходимостью, не оставив ни одной лазейки. Остаться на легальном рынке мы можем только с заводом животных, но это совершенно несерьёзно - не после того успеха, который сопутствовал нам все эти годы. Мы создали этот бизнес, и должны удержаться в нём любой ценой.

Чёрный рынок…

По правде говоря, никаких непосредственных связей с миром контрабандистов я не имею, и поэтому рассчитываю, в первую очередь, на помощь заинтересованных лиц - наших же клиентов, некоторые из которых занимают весьма высокие посты в правительствах тех стран, доступ на рынок которых теперь закрыт. Собственно, я даже не просто рассчитываю на них, а практически уповаю, ибо другой возможности наладить дело не вижу.

Однако нельзя просто взять и попросить: бизнесмен не должен выглядеть зависимым, это делает его беспомощным.

Нужно, чтобы они сами захотели помочь, чтобы уговаривали меня пренебречь моралью и законопослушностью. О, я бы дорого взял за своё падение. Впрочем, вряд ли наши клиенты сильно заблуждаются насчёт моих нравственных устоев. Тем не менее, спектакль должен свершиться.

Я понимаю, что ошибался, опасаясь отказать покупателям. Эта мысль приходит ко мне в виде озарения. Не нужно пытаться угождать - напротив, надо лишить клиентов вожделенных уродцев. Тогда они будут гореть нетерпением, и это заставит их обратиться в более мелкие фирмы, но те, конечно, либо давно прогорели (Олег прав: они не могут остаться на плаву, если мы тонем), либо быстро расточат свои запасы.

И тогда люди будут вынуждены снова прийти ко мне. И я приму их (разумеется, как же иначе) и буду сочувствовать им и с печалью говорить о трудностях и препятствиях, которые роковым и непредвиденным образом мешают мне служить удовлетворению прихотей человечества и не позволяют доставлять людям радость. И вместе мы проклянём ханжеские правительства и бюрократию, святош, морализаторов и поборников социальных движений. И, дав выход возмущению, вернёмся к насущному и задумаемся о будущем. И, возможно, в чью-то наиболее нетерпеливую и страстную голову придёт шальная мысль, и тогда прозвучит вопрос:

- А нельзя ли как-нибудь это исправить? - слова будут произнесены нерешительно и с сомнением, но их смысл, безусловно, дойдёт до всех присутствующих, и они воззрятся на меня с невысказанной надеждой и немой мольбой.

Но я лишь печально вздохну и сокрушённо покачаю головой.

- Единственный для нас выход - это обойти закон, - скажу я и этим «нас» возьму собеседников в соучастники, и они задумаются над моими словами.

Конечно, я дам понять, что подобный вариант неприемлем, но не слишком категорично. Это раззадорит коллекционеров и им захочется меня переубедить. Сначала они, конечно, ничего не скажут. Мы поболтаем ещё немного - о политической ситуации в виртуальности, бизнесе и прочем - а потом они уйдут. Но спустя некоторое время посовещаются и что-нибудь придумают. А я буду ждать.

Размышляя таким образом, невольно мысленно возвращаюсь к Этелю. Возможно, он входит в уравнение, которое я пытаюсь решить. Француз вызывает подозрение. Я помню, как он рассуждал об иллюзорности действительности, повторяя своими словами мысль Зои, высказанную ею на нашем свидании. «Матрёшка» - вот какую метафору он употребил. Я, конечно,

допускаю существование единых информационных полей, но подобные совпадения настораживают. Агент ли он Голема? Всё возможно. Кажется, ренегат оплёл меня плотной невидимой паутиной. Кто знает - вдруг и санкции против торговли мёртвыми детьми - его рук дело. Хотя не представляю, как он мог это провернуть.

Тем не менее Этель представляется вполне подходящим кандидатом на роль подельника. Главное, чтобы его хобби было настоящей страстью, а презрение к законам - достаточно велико. Когда он позвонит, я скажу, что не могу ничего ему предложить, а затем предоставлю сцену ему.

Посидев ещё немного в офисе, строя планы и прикидывая, как лучше себя вести, надеваю пиджак и отправляюсь в больницу навестить Еву. В последнее время Киберград подбрасывает слишком много сюрпризов - и кома моей дочери входит в их число. Все эти нарушения «естественного» существования виртуальности - скорее всего, такие же символы апокалипсиса, как мухи и крысы. Мысль, что Голем имеет отношение к состоянию Евы, не даёт мне покоя.

На улице стало холодновато. Резкий ветер развевает полы пальто и вынуждает поднимать воротник. Не понимаю, почему программисты Киберграда не желают сделать в виртуальности перманентно хорошую погоду. Думаю, в данном случае, поступись они реалистичностью, никто не стал бы возражать.

Сажусь в машину и еду через мегаполис. Город раскинулся раковой опухолью, неумолимо растущей вверх и вширь, занимающей всё больше пространства, требующей новых серверов, залитых кремниевыми накопителями данных. По сути, мы существуем в огромной голове, только «мозг» не един - он состоит из множества частей, объединённых Сетью. Если бы эти фрагменты объединились, на свет родилось бы новое существо, держащее в своём сознании виртуальный мир. Интересно, что бы оно сделало.

Автомобиль скользит по улицам, маневрирует в транспортном потоке, объезжает дома, площади, скверы и парки, засаженные давно не существующими растениями. Наши города - что настоящие, что цифровые - кунсткамеры прошлого, заполненные причудливыми, но, в основном, мёртвыми образцами. Да и мы, люди - чудом уцелевшие реликты, запершиеся в крепостях и противостоящие Природе.

Думаю о Еве и её сыне - маленьких якорях, держащих меня в выдуманном мире. Если фабрики не станет, хватит ли мне их и Виктора (рано или поздно он должен вернуться), чтобы остаться здесь и быть счастливым? Сейчас трудно ответить на этот вопрос,

но мне хочется верить, что да.

Все они составляют часть моего мира. Если я лишусь фирмы, детей и внука, который может умереть в любой момент, не останется ничего, кроме счёта в виртуальном банке, особняка и небольшой коллекции автомобилей. А я не ради этого переселился в Кибeрград.

Проезжаем мимо огромного баннера, гласящего: «Остановим маньяков, торгующих человечиной! Скажем «нет» продаже детей!». Я догадываюсь, какие организации скинулись, чтобы оплатить этот плакат - очередные поборники морали, которые даже в виртуальности не в силах расстаться со своими комплексами.

В каком-то смысле я понимаю таких людей. Им кажется, что Кибeрград должен стать светлой альтернативой тому дерьму, в котором они живут, и вот эти неудачники являются сюда и обнаруживают, что нет никакого идеального мира, никакого рая. Конечно, у них свербит в задницах: им хочется найти виноватых и «очистить виртуальность». Почему они думают, что могут добиться здесь того, на что не способны в реальности? Об этом надо спросить их тухлые мозги.

Да, младенцы, дети, подрастающее поколение - все эти понятия до сих пор вызывают у большинства радостные эмоции и страх за будущее. Моралисты не набрасываются на тех, кто торгует органами или трупами - до них никому нет дела. Но торговля цветами жизни действует на ханжей, как красная тряпка на быка.

Я тоже был ребёнком. Почему-то мои противники не хотят принять это во внимание. Дети неизбежно становятся взрослыми, и всем сразу становится на них плевать. Эти люди, ещё пару лет назад вызывавшие восторг, перестают быть ценностью. Они превращаются в дерьмо вроде меня и вообще большинства обитателей Кибeрграда, если смотреть правде в глаза. Наш виртуальность - клоака, где скользкие тела трутся друг об друга, удовлетворяя низменные потребности, среди которых секс - самая нравственная и безобидная.

А дети… Ну, по мне, так они ничего особенного из себя не представляют. Заготовки для убийц, насильников, наркоманов, шлюх и прочей мрази. Из некоторых, правда, получаются приличные люди, но это такая редкость, что умиляться младенцам только потому, что спустя лет двадцать не каждый станет засранцем - откровенный бред.

Нет никаких цветов будущего. По той простой причине, что дети перестают быть цветами очень скоро.

На днях мне пришло письмо от какого-то проповедника. На

конверте был напечатан довольно причудливый крест - символ очередной не то церкви, не то секты. В начале послания священник приводил цитату из Библии - историю об избиении младенцев - а затем сравнивал меня с Иродом. Ближе к концу он заявлял, будто я, сам того не сознавая, делаюсь пособником Сатаны. Угадайте, почему! Потому что из-за моего бизнеса *Мессия может не родиться*. То есть, миллионы абортов - не помеха, а моя скромная фабрика - глобальная угроза Второму пришествию!

Я мог бы, конечно, ответить, что едва ли Сын Божий намеревается появиться на свет из утробы обколотой шлюхи, но мне не до переписки: есть дела поважнее.

Машина останавливается перед больницей, и я, оставив пальто на заднем сидении, вхожу в холл. Здесь тепло и пахнет лекарствами, к чему я никак не могу привыкнуть. Возле стойки регистрации толпятся больные. Пройдя мимо них, направляюсь в палату, где лежит Ева. Мне попадаются по дороге санитары, врачи, медсёстры, пациенты и их родственники. Даже удивительно, как часто жителям виртуальности приходится обращаться за медицинской помощью.

Войдя в палату, замираю на пороге: постель, на которой я привык видеть Еву, пуста!

Ко мне торопливо подходит медсестра. От неё пахнет кремом.

- Господин Кармин?

- Да, - глухо отвечаю я, предчувствуя самое худшее.

- К сожалению, у пациентки полчаса часа назад резко ухудшилось состояние. Нам пришлось отправить её в реанимацию.

- Она сейчас там?

Медсестра мнётся, не решаясь ответить.

- Говорите.

- Ева Кармин умерла. Мне очень жаль.

- Когда? - пол уходит у меня из-под ног, так что я вынужден опереться о стену.

Ладонь скользит по штукатурке.

- Присядьте! - восклицает испуганно сестра, подтаскивая меня к кровати.

- Когда это случилось?

Мне казалось, что Ева очнётся, и всё будет по-прежнему. Я не ожидал, что она умрёт. Это удар.

- Около пяти минут назад. Ничего нельзя было сделать. Очень странный случай. Нам не удалось даже определить причину смерти.

Теперь придётся ждать восстановления. Странно, насколько

реалистичной кажется смерть в виртуальности: зная, что рано или поздно Ева вернётся, я не должен бы так переживать, но ничего не могу с собой поделать.

- Есть ещё кое-что, - робко говорит медсестра.

- Да?

- Насчёт восстановления. Нам пришло уведомление, что юзер отказался от личины Евы Кармин.

Похоже, сегодня поистине неудачный день.

- Почему? - вырывается у меня, хотя медсестра, конечно, не может дать мне ответ.

Она и не пытается.

- Вы сможете сохранить дочь, но в качестве симуляции, - говорит она.

Слабое утешение.

Я не в силах поверить в такое предательство.

- Мне очень жаль, - опускает глаза медсестра.

- Спасибо, - я поднимаюсь.

- Вам лучше?

- Да. Спишите личину. Я не стану её восстанавливать.

- У вас есть время подумать. Не торопитесь.

- Всё решено. Вам нужна моя подпись?

- Нет.

Выхожу из палаты и шагаю по этажу. Ноги словно ватные. Раньше я думал, что такое состояние бывает только в книгах.

Ева, Ева… Минус один! Считая Виктора - минус два. Если мне не удастся наладить контрабанду младенцев, будет минус три - и «game over».

Почему неведомый мне юзер не захотел восстанавливаться? Чем я заслужил такое?!

Дома лежу на спине в темноте, сложив руки на груди. Эта поза меня всегда расслабляет, хоть и делает человека похожим на мертвеца. За окном проносится мультикоптер, и голубоватый свет его прожектора за секунду обегает три из четырёх стен комнаты, а затем снова сгущается мрак.

Я думаю о Еве и её предательстве. О смерти и одиночестве. Нет, мысли о самоубийстве не посещают меня. Никогда и никому не сломить мой дух. Но отчаяние так и норовит вползти в сердце.

Скоро я встречусь с Големом. Пора заканчивать игры и

вскрывать карты. Кому-то придётся умереть - всё явно идёт именно к этому. Нужна жертва, но кто примет на себя эту роль, остаётся загадкой.

Если я одержу верх, мне спишут все грехи - я вновь стану в глазах закона благонадёжным гражданином. Эта перспектива должна радовать, но меня куда больше волнует, удастся ли мне выжить. Чувство такое, будто на шею накинули виток колючей проволоки и тянут за концы.

Глаза различают на потолке трещину: она стала гораздо шире и теперь походит больше на продолговатую дыру. Странно. Можно зажечь свет и рассмотреть её, но я вдруг замечаю шевеление в глубине таящейся в ней темноты. Показалось или действительно нечто завелось в этом мраке и теперь намеревается выползти наружу?

Замираю, не в силах оторвать взгляда от трещины. Края начинают чернеть - словно какая-то жидкость, выступая из дыры, медленно разливается по потолку. Похоже, у соседей сверху прорвало трубу. Надо встать и подняться к ним, но я не могу заставить себя пошевелиться: подсознание говорит мне, что это не вода! Когда тонкие, как плети, щупальца вываливаются из трещины и протягиваются ко мне, я скатываюсь с кровати и падаю на пол, но тут же поднимаюсь, чтобы броситься к выключателю.

Щелчок! Комната залита светом, но наваждение не исчезло. Омерзительная, сочащаяся тёмной слизью тварь выползает из потолка. Гибкие конечности шарят по бетону и трепыхаются в воздухе в поисках опоры.

Выскальзываю за порог и захлопываю дверь. Снаружи нет защёлки, и приходится подпереть ручку стулом. Удержит ли это монстра? А что, если он выберется через окно?

Сажусь на пол, не сводя глаз с двери. Из-за неё не доносится ни звука.

Разумеется, это галлюцинация. Никаких тварей в действительности нет. Я уверен, что не сплю - значит, у меня поехала крыша. Говорят, из-за частого употребления «Гипноса» случается подобное, хоть и крайне редко. Я считал это мифом, но вот - мне привиделось мерзкое чудовище.

В эту комнату я сегодня не зайду. И вообще не уверен, что смогу уснуть.

Голем, как и обещал, ждёт нас на площади. На нём светло-голубые джинсы, коричневая куртка с меховым воротником и рыжие ботинки.

- Все собрались? - спрашивает он, когда мы вылезаем из внедорожника Олега.

Я отвечаю утвердительно и представляю его как Андрея Юрьева.

Марна попросила делать вид, будто я не знаю о её связи с Големом, и я верен своему слову.

- Где находится ипподром? - спрашивает Глеб.

- Довольно далеко. Придётся лететь.

- Лететь? - этого я не ожидал.

- На мультикоптере. Я поеду первым, чтобы показывать дорогу.

Голем забирается в тёмно-зелёный спортивный «Накано SG-26», а мы возвращаемся в машину Олега.

- Откуда ты его знаешь? - спрашивает Глеб. - Клиент?

- Да, и довольно важный. Но сегодня мы не говорим о делах.

- Ясно. Это, часом, не тот, кто поможет нам выйти из кризиса?

Глеб имеет в виду контрабанду.

Я киваю.

- Он надёжен?

- Пока не знаю. Для того мы здесь - присмотреться.

Едем за зелёным «Накано» около четверти часа, пока впереди не появляются ворота частного аэродрома. Голем показывает пропуск, и створки раскрываются. Мы гоним по бетону, пересекая взлётные полосы, к зоне посадки мультикоптеров. Там нас ждёт пассажирский транспорт, смахивающий на огромного неуклюжего жука. Заключённые в гравитационные кольца пропеллеры уже расправлены.

Пилот в серой униформе отдаёт Голему честь, и мы поднимаемся по короткому трапу в салон. Люк плавно закрывается.

- Куда летим? - спрашиваю я.

- В Океан.

- Куда? - переспрашивает Олег.

- Вы меня слышали, - говорит Голем с улыбкой. - Ипподром находится на палубе «левиафана».

Мультикоптер взлетает и устремляется к облакам. Внизу проносятся дома Киберграда, со всех сторон мелькают небоскрёбы. Солнце слепит справа. Мы направляемся к Лазурному заливу.

- Зачем такие сложности? - ворчит Олег. - Это слишком далеко.

Я молчу. Перспектива побывать на «левиафане» мне нравится: раньше я проводил на этих гигантских кораблях много времени. А вот полет над Океаном едва ли доставит мне удовольствие. Прежде, во всяком случае, это всегда становилось испытанием. Вероятно, дело в ассоциациях со смертью отца. Я не могу долго смотреть на водную гладь: через некоторое время возникает ощущение, будто волны пытаются загипнотизировать и утянуть в пучину.

Первое судно появляется в зоне видимости уже спустя полчаса - как только мы добираемся до воды. Это многоэтажный плавучий остров с полностью развитой инфраструктурой. Под нами мелькает полоска пляжа. Мы летим над Океаном. Стараюсь не смотреть в иллюминатор слишком часто и подолгу.

Корабль, который ищёт пилот, называется «Крон». Об этом сообщает Голем.

- Я выбрал его из-за символичности имени, - говорит он, глядя на меня. - Ты веришь в гибель богов?

- В то, что эпохи сменяют друг друга?

- Нет. В то, что смена эпох - результат войны. Переход через рубеж не обходится без жертв. Крон оскопил отца, Урана, чтобы занять его место.

- Я больше верю в искупление, - отвечаю я.

- Неужели? Христианин? А, нет! Я помню: масон.

- Не совсем.

- Допускаешь существование всесильного творца.

- Что-то в этом роде.

- Я тоже верю в искупление. В то, что один способен спасти миллионы.

Должно быть, Голем имеет в виду себя. Метит в мессии, значит.

- Может ли один *судить* миллионы? - спрашиваю я.

- Я верю в то, что каждый член определённого вида является его представителем. И по нему можно судить обо всех особях. Это налагает большую ответственность на индивидов, но показывает сообщество со всеми его достоинствами и недостатками.

- Позвольте с вами не согласиться, - встревает Глеб. - Люди слишком разные, чтобы составлять мнение о целом…

- Разумеется, вы можете не соглашаться, - Голем награждает собеседника равнодушной улыбкой. - Но я останусь при своём мнении.

- Тогда спорить бессмысленно, - пожимает плечами Глеб.

- Значит, не будем. Если вы хотите изучить муравьёв, вы

берёте любого из них и препарируете. Не выясняете, кто из них лучше, а кто хуже, не составляете статистику. Полученные при изучении одной особи знания вы имплицируете на весь вид.

- Люди не муравьи, - говорю я.

- Верно, - Голем награждает меня чуть заметной улыбкой, холодной, как лёд. - Но научные принципы для всех едины. И потом, представьте, что вы - не человек. Некое другое разумное существо. Станете вы делать разницу между людьми и, допустим, теми же муравьями? Не думаю.

Повисает непродолжительная пауза. Глеб с Олегом переглядываются. Они в недоумении.

- Есть теория, что наша жизнь на самом деле - смерть, - неожиданно замечает Марна. Должно быть, она решила сменить тему. - Мне рассказывал отец. Только я не помню, кто автор учения.

- Правда? - Голем приподнимает брови. - Как это возможно? Жизнь есть жизнь, разве нет? Её нельзя перепутать с небытием.

- Идея в том, что нам кажется, будто мы живём, а потом, умирая, оказываемся в аду или раю. А на самом деле всё наоборот. Живём мы там, - Марна указывает пальцем вверх, - а то, что считается жизнью, и есть загробный мир.

- То есть сейчас мы в раю? - уточняет Олег. - Ну, или в аду?

- Именно так. Мы ведь не помним ничего, что было до нашего рождения. Память о предыдущем существовании стирается.

- Некоторые утверждают, что помнят, - говорю я.

- И есть ещё сны, - замечает Глеб. - И чувство дежавю.

- Это просто теория, - произносит Голем. - А факт заключается в том, что взрыв Бетельгейзе ознаменовал конец эпохи. Люди ещё упираются, не желая это признавать - сопротивляются Природе, строят башни, ищут средства борьбы с неизбежным. Сколько они продержаться? Пятьдесят, сто лет? Любой срок - мгновение. Старый мир рухнул и погребён под мутировавшей экосистемой. Города-островки рано или поздно падут. И что останется тогда? Только виртуальность. Людям придётся переселиться в неё.

- А тела? - спрашивает Глеб. - Что делать с ними?

- Думаю, пора искать способы копировать сознание, чтобы перестать зависеть от физической оболочки.

- Это миф, - говорит Олег. - Подобное невозможно. Да и не решит проблему.

- Почему же?

- Копия оригинал не заменит.

Голем слегка театрально разводит руками.

- Но выхода нет.

- Думаю, мы ещё поборемся, - упрямо говорит Олег.

- Вы забываете о душе, - замечает Глеб. - Её нельзя оцифровать.

- А есть ли она? - спрашивает Голем.

- Не знаю. А вдруг?

- Искусственные разумы обходятся без неё, а их признали равными с…

- *Равноправными*, - поправляет Голема Олег. - Не равными. Не равноценными. Речь идёт о юридическом статусе, и не более того.

- Это верно. Вопрос о разнице между людьми и искусственными интеллектами не решён окончательно.

Голем указывает в иллюминатор.

- Это «Крон». Два километра в длину и восемьсот метров в ширину. Высота главной мачты - четыреста шестьдесят метров.

Мультикоптер начинает снижаться. Мы наблюдаем за приближением верхней палубы «левиафана». Корабль поражает размерами. Из-за перспективы кажется, будто он простирается до самого горизонта. «Крон» дрейфует в Океане вместе с другими гигантскими судами. Вместе они походят на стаю невообразимых, монструозных механических китов, держащихся на поверхности.

Садимся на специальную площадку, и пилот открывает люк. В салон врывается солёный морской воздух. Выходим, чуть пригнувшись, и спешим к лифту, который должен спустить нас на верхнюю палубу.

- Ипподром примерно в полукилометре отсюда, - сообщает Голем спустя две минуты, когда мы шагаем по поверхности из крытой пластиком металлоконструкции. - Я заказал лимузин.

Он подводит нас к обочине, где дожидается белый автомобиль марки «Солар». Хромированные части горят на солнце, тонированные стёкла, напротив, полностью поглощают свет.

Дверь открывается, и мы по очереди забираемся в салон. Пахнет кожей.

- Доберёмся быстро, - говорит Голем.

Лимузин трогается. Мы можем любоваться видами через окна и панорамную крышу. Собственно, здесь такие же здания, как и в Киберграде - только отсутствуют небоскрёбы. Справа проходит монорельсовая дорога. Мимо нас проносятся автомобили. Если б мы не знали, что находимся на корабле, то решили бы, что едем по обычному городу.

Спустя несколько минут «Солар» высаживает нас у ворот ипподрома. Сквозь стеклянную ограду видны гарцующие лошади, конюхи, тренеры и жокеи. Сейчас они не в цветах владельцев скакунов, а в обычной одежде, удобной для работы.

Голем проводит нас на территорию и просит подождать, пока он переговорит с инструктором.

- Замёрзла? - спрашиваю я Марну. - Здесь сильный ветер.

Девушка ещё дома надела костюм для верховой езды, который купила утром, для чего встала в половине восьмого. Выглядит она в нём чудесно, вот только время от времени зябко поёживается.

- Нет, - отвечает Марна. - Волнуюсь за тебя, - добавляет она так, чтобы слышал только я.

- Всё будет в порядке. Никто не собирается меня убивать. И потом, это всего лишь личина. Хоть и любимая.

Я молчу о том, что в кобуре подмышкой у меня - заряженный аламутовскими патронами револьвер. Я могу выжечь мозг тому, кто управляет Андреем Юрьевым, в любой момент. Скорее всего, это не уничтожит ренегата, но в случае чего спасёт жизнь Кармину.

- Странный он какой-то, - подходя, замечает Олег. - Твой приятель.

- Большинство наших клиентов с прибабахом.

- Много треплется.

К нам присоединяется Глеб.

- Не пошёл бы дождь, - говорит он, указывая в сторону горизонта, где по небу медленно расползаются свинцовые тучи. - Ветер уже поднялся.

Марна чуть кивает, поднимая ворот куртки. В её взгляде мелькает тревога.

Верхушки посаженных на территории ипподрома деревьев слегка покачиваются. Земля покрыта опавшими листьями, хотя кое-где они уже собраны в аккуратные кучи. Возле одного из деревьев видны прислонённые к стволу грабли.

Возвращается Голем в сопровождении длинноволосого молодого человека. Это инструктор. В ответ на наше приветствие он кивает, ни на кого не глядя, и делает знак следовать за ним. Лицо у него юное и выражает полнейшую безмятежность.

Мы направляемся к одной из конюшен - кирпичному зданию с маленькими зарешеченными окнами. Дорожки аккуратно расчищены, под ногами поскрипывает гравий.

Марна берёт меня за руку. Я бросаю на неё вопросительный взгляд, но она лишь слегка качает головой. Кажется, ей страшно. Дурное предчувствие? Я не ощущаю ничего подобного.

По мере того, как мы приближаемся к конюшне, становится теплее: похоже, на ипподроме установлен климатический регулятор. Несмотря на царящую в Киберграде осень, здесь трава с каждым шагом выглядит всё зеленее, а листвы на деревьях

заметно прибавляется.

Подойдя к самой конюшне, мы попадаем в разгар лета. Даже солнце светит немного иначе - словно норовит забраться под кожу. Фокус в виртуальности не новый, но производящий впечатление.

Инструктор отпирает массивную деревянную дверь. Когда она открывается, мы чувствуем запах навоза, сена и конского пота.

Шагаем мимо стойл. Из некоторых торчат лошадиные головы. Выпуклые глаза чуть блестят, шерсть лоснится, гривы аккуратно расчёсаны. Время от времени раздаётся всхрапывание или глухие удары копыт по соломе.

- Выбирайте, - говорит инструктор, прислоняясь к стене с безразличным видом и закуривая сигарету.

В реальности он так никогда не сделал бы: слишком велика опасность пожара, ведь кругом разбросано сено. Но в виртуальности на ипподроме, конечно, установлена специальная система, которая, в случае чего, не позволит огню распространиться. Запаха дыма не ощущается благодаря ей же: иначе лошади стали бы нервничать.

Некоторое время мы расхаживаем мимо стойл. Голем выбирает чёрную, Глеб берёт рыжую, Олег - белую, Марна - гнедую, а я - серую.

- На сколько нанимаете? - спрашивает инструктор, выводя лошадей.

- Часа на четыре, - отвечает Голем.

- Сейчас я их оседлаю, а вы идите в контору и оплатите поездку.

Каждое животное во время седлания было слегка скорректировано инструктором так, чтобы идеально походить седоку.

- Куда поедем? - спрашивает Глеб.

- Может, к реке? - предлагает Марна, указывая рукой на сверкающие просветы между деревьями.

Никто не возражает, и мы направляем лошадей в сторону воды.

Солнце висит над нами раскалённым шаром, воздух тёплый, ветерок ласкает кожу. В ветвях и кустах поют птицы, над травой

порхают белые и жёлтые бабочки.

Мы выезжаем на берег и неспешной рысью двигаемся вдоль реки. Поравнявшись со мной, Голем спрашивает:

- Ты обдумал наш разговор?

- Разумеется.

- Что решил?

- Как и сказал: избиения младенцев не состоится.

Голем кивает так, словно эта тема на самом деле не слишком его волнует. Должно быть, его вопрос - прелюдия к иному разговору.

Марна слегка отстаёт, оставляя нас вдвоём. Умная девушка. Вот, что значит психолог-бихейвиарист.

Глеб с Олегом едут впереди, оживлённо болтая. Время от времени до нас доносится их смех. В нём слышится напряжение. Не похоже, чтобы кому-то на этой прогулке удалось расслабиться.

- Сегодня покушений не будет? - спрашиваю я.

- А ты боишься?

- Нет.

- Значит, вирус готов?

- Осталось сделать пару штрихов.

- Странно обсуждать то, что убьёт одного из нас.

- Истории нужны жертвы.

Голем согласно кивает.

- И добровольцы, - говорит он.

Интересно, что ренегат имеет в виду. Надо бы уточнить, но не хочется выглядеть тугодумом: кажется, он уверен, что мы понимаем друг друга.

- Почему ты пытался убить меня? - спрашиваю я.

- Ты про тех фидави, что достали твоего Гермеса?

- И про Шпигеля.

- Бедняга не пытался тебя убить. Это ты прикончил его.

- Разве?

- О, да. Что ты, кстати, сделал с телом?

- Не понимаю, о чём ты.

Голем усмехается.

- Я ведь не из полиции.

- Но можешь сделать запись разговора и передать её…

- Шпигель просто хотел проникнуть в твою систему безопасности, - перебивает Голем. - Необходимо было его убивать?

- Иногда страх заставляет нас быть излишне жестокими. Кроме того, шантаж всегда вызывал у меня отвращение.

- По той же причине люди убивают мух? Просто из-за отвращения?

- Возможно.

- Я никогда не стремился убить тебя. Мне хотелось, чтобы ты был лично заинтересован в происходящем.

- Этого ты добился. Но зачем?

Голем молчит, игнорируя мой вопрос. Видимо, считает, что я сам должен догадаться. Что ж, хоть наша партия и подходит к концу, вскрываться ещё рано.

- Это между нами, да? - спрашиваю я. - По какой-то причине ты выбрал меня. Жалкий хакер, торгующий мертвецами, против всесильного кибернетического бога.

- Я не всесилен. Ты станешь убийцей бога.

- Если успею.

- Ну, так поспеши.

В последней фразе слышится ирония. Понимает ли Голем, что я нарочно затягиваю завершение работы над вирусом? Знает ли, почему?

- Предлагаю устроить небольшое соревнование, - громко говорит он, выпрямляясь в седле. - Финиш - вон та серая скала. Кто не боится сломать себе шею?

Глеб и Олег останавливаются, чтобы подождать нас. Она согласны. Марна заявляет, что с трудом держится на лошади и отказывается принимать участие в скачках. Она отъезжает в сторону, а мы выстраиваемся в линию.

Голем просит Марну подать какой-нибудь знак, и она взмахивает рукой.

Я ударяю коня каблуками, и он галопом пускается вдоль берега. Сжимаю бока ногами, глядя только вперёд. Все мысли - о том, как не свалиться. Спустя секунд двадцать Глеб вырывается вперёд, от него всего на полкорпуса отстаёт Голем, затем иду я, а Олег оказывается последним. В таком порядке мы и финишируем.

Только когда животные останавливаются, и мы с ухмылками глядим друг на друга, мне становится ясен символический замысел этой сцены. Гонка Конца Света - вот каков замысел постановки Голема.

- Значит, я Чума? - спрашиваю его тихо.

- А разве нет? Ты сам выбрал этого коня.

- Простая случайность.

- Но ты увидел в ней закономерность. Как и я.

- Поехали назад, - окликает нас Глеб. - Нехорошо заставлять девушку ждать.

Когда мы возвращаемся, Марна спешивается и берёт коня под уздцы.

- Что случилось? - спрашиваю я.

- Хочу его искупать.

Потянув за уздечку, она разворачивает коня в сторону ослеплённой солнцем речной глади. Затем снимает обувь и закатывает брюки до колен.

Жаль, сейчас не закат. Чёрные силуэты лошади и девушки, окаймлённые золотистым светом, смотрелись бы куда красивей.

- Осторожнее! - окликает её Глеб. - Не поскользнись.

Олег спешивается и наматывает уздечку на толстую ветку бука.

- Надо размяться, - говорит он. - Давно я не ездил верхом. Весь зад отбил.

- Идея хорошая, - кивает Глеб, спрыгивая на землю.

Мы с Големом следуем его примеру.

- Во время скачки я думал, что свалюсь, - признаётся Олег, доставая сигареты. - Хотелось послать всё к чёрту и натянуть поводья.

- Что остановило? - спрашивает Голем.

- Азарт, наверное. А может, боязнь кувырнуться вперёд, - с усмешкой добавляет Олег.

Он щёлкает зажигалкой, и его окутывает облачко сизого дыма. Разносится запах персика и лавра: здесь фильтр, установленный на ипподроме, уже не действует.

Я немного отхожу, чтобы полюбоваться Марной. Она бредёт по воде вдоль берега, временами похлопывая лошадь по шее.

Спустя полминуты ко мне подходит Голем. Он останавливается, глядя на реку.

- Она уже не со мной, да? - произносит он, не поворачивая голову.

- С тобой, - отвечаю я.

- Правда?

- До конца.

- Но и с тобой.

В ответ я лишь пожимаю плечами. В словах Голема нет противоречия - если только я верно понимаю суть его игры. Если же ошибаюсь…

Марна выходит из воды со счастливой улыбкой на лице. Солнце клонится на запад, и лучи, приобретшие медный оттенок, обливают её рыжие волосы, превращая их в пожар.

Я вспоминаю огонь, который показывал мне Голем после того, как мы любовались бабочками. Мир, ввергнутый в хаос - вот что он хотел смоделировать своими терактами. Это была демонстрация - созданная специально для меня.

- Давайте возвращаться, - говорит Марна, подходя. - Я устала.

Она бросает украдкой взгляд на Голема.

- Да и время вышло, - замечает тот.

- Двигаем назад! - окликаю я Олега с Глебом.

Те кивают. Мы отвязываем коней и пускаем их рысью в сторону ипподрома.

Вновь в офисе я появляюсь только через день. Накануне Глеба собирался в дорогу и получал от меня наставления: он принял на себя руководство немецким заводом и в конце недели должен вылететь в Германию.

Кроме того, звонил Стробов и минут пять орал, требуя немедленно закончить «Алеф» и передать ему. Я соврал, что вирус не готов, и мне требуется ещё немного времени. Полковник грозился немедленно посадить меня за промышленный шпионаж, но, в конце концов, чертыхаясь, бросил трубку.

Мила встречает меня сообщением о том, что звонил Этель. Француз прилетел в Киберград и обещал зайти в середине дня.

- Сразу приглашай его ко мне, - говорю я.

- Да, господин Кармин.

Голос секретарши звучит умиротворяюще. Он создаёт иллюзию, будто всё течёт по-старому, и нет никаких фидави, безопасников, шантажистов и нависшей над миром угрозы апокалипсиса.

- Мила, ты бывала в Париже? - спрашиваю я девушку.

- В Париже? - удивлённо переспрашивает она.

- В виртуальном.

- О, да, господин Кармин. Дважды.

- Понравился город?

- Он совсем не плох. Немного аляповат. Мне кажется, французы слишком старались скопировать прототип.

- Куда бы ты хотела отправиться в отпуск?

- Пожалуй, в Токио.

- Так и будет.

Глаза секретарши становятся чуть шире.

- Неужели, господин Кармин?

- Считай, что получила премию.

Пока Мила сбивчиво бормочет благодарности, скрываюсь в кабинете.

На электронной почте - куча непрочитанных писем. Большинство от деловых партнёров - их я просматриваю. Остальная корреспонденция прислана благотворительными

организациями и различными ассоциациями защиты прав человека. Весь этот мусор я отправляю в «корзину».

Этель объявляется в три часа. На нём тёмный двубортный костюм и вишнёвого цвета галстук в крапинку. Француз окутан сладковатым ароматом парфюма, марку которого я не могу узнать. Запах мне не нравится: чересчур приторный.

Поднимаюсь навстречу и даже выхожу из-за стола.

- Прошу вас, - говорю со всей сердечностью, на которую способен. - Садитесь.

- Благодарю, - Этель опускается в кресло.

- Я вас ждал.

- Да, у меня есть к вам дело. Надеюсь, не отрываю ни от чего важного?

- Ни в коем случае, - сажусь напротив.

- Простите за бесцеремонность.

- Не стоит об этом.

Этель кивает и проводит сухопарой ладонью по голове. Француз излучает уверенность. Интересно, для чего он явился? Не похоже, что за покупками.

- Знаете, мсье Кармин, в прошлый раз я забыл вас кое о чём спросить.

- О чём?

- Вы верите в Бога?

Обычно среди моих клиентов религиозные люди не встречаются. Я, конечно, помню рассуждения Этеля об Апокалипсисе, но к чему он завёл этот разговор теперь? И какой ответ предпочёл бы услышать?

- В какого? - уточняю я.

- Не важно. Вообще, в высшее существо, создавшее наш мир и управляющее им.

- Есть доказательства того, что Бога не существует, - говорю я.

Француз усмехается. В его глазах мелькают озорные огоньки. Кажется, моё замешательство доставило ему удовольствие.

- Мсье Кармин, доказать можно всё, что угодно. Но в данном вопросе, какими бы убедительными ни выглядели аргументы, они возможны только с научной точки зрения. Но не с позиции веры. Как вы сами понимаете, нельзя доказывать положения одной системы, оперируя понятиями другой. Это фальсификация.

- Согласен. С точки же зрения религиозной парадигмы существование Бога доказуемо с не меньшей убедительностью. Впрочем, этого и не требуется.

Этель кивает.

- Достаточно верить, - говорит он. - Однако дело не только в том, что вы убеждены в существовании высшего разума, но и в

необходимости строить жизнь по его заповедям.

- Боюсь, с этим у меня напряжённо.

- Так я и думал, уж простите.

- Мой знакомый - масон. Считает, что во вселенной есть Великий Архитектор.

- Возможно. Хотя я бы назвал его Великим Программистом. Звучит современней.

- Я не считаю себя религиозным человеком, месье Этель. Следовать заповедям мне было бы трудно.

- Вы пришли в виртуальность в поисках свободы, - понимающе отвечает француз. - Нашли?

- О, да. Сами видите.

- Что могло бы заставить вас поверить?

- Заставить? Наверное, это неправильное слово.

- Ну, если говорить о христианстве, то да. И тем не менее.

Ненадолго задумываюсь.

- Пожалуй, чудо.

- Чудо как тайна? - уточняет Этель.

- Наверное, - соглашаюсь я, немного подумав. - Но в виртуальности чудес не бывает. Здесь всё возможно.

- Везде есть место чуду. Везде, где присутствует человек.

Я не возражаю. Мне хочется, чтобы Этель объяснил, зачем пришёл.

Француз поворачивает голову к окну.

- Я читал Библию, - говорит он. - Ветхий завет начался с рождения Адама, а Новый - с рождения Христа. Замечали, что на распятии внизу изображается череп?

- Конечно. Это голова Адама. Кровь Иисуса, текущая из ран, смывает с человечества первородный грех.

- Есть и другое значение, - перебивает Этель, который явно не нуждается в моих пояснениях. - На распятии новый мир в лице Христа попирает прежний - в образе Адама, лежащего в могиле. У каждой эпохи свой герой и, когда он сменяется, вместе с ним меняется и эпоха.

Кажется, я начинаю догадываться, к чему клонит мой собеседник.

- Мы на рубеже, - говорит Этель. Сделав паузу, он натянуто улыбается. Его неестественно ровные зубы придают лицу хищное выражение. - Помните, кто должен сменить Иисуса?

- Антихрист?

- Именно.

- Время Антихриста - лишь миг перед Страшным судом.

- Боитесь?

- А вы?

- Я не верю в Страшный суд. И в Конец Света. Бетельгейзе взорвалась, а мы всё равно живы. Вселенной нужна органическая материя. Не знаю, зачем, но нужна. И она оберегает её.

- Однако…

- Я слишком рационален, чтобы верить в Бога, и слишком опытен, чтобы верить в человека. Падение возможно, возрождение - едва ли.

Этель замолкает, я тоже не произношу ни слова. Крупная чёрная муха с низким жужжанием пикирует на мой стол и быстро ползёт в направлении терминала, но вдруг меняет направление и карабкается на интерком. Мне хочется согнать насекомое, пока оно не добралось до розовой кнопки, связывающей меня с миром, и я заношу руку, но в это время Этель нарушает молчание.

- Что ж, - говорит он, поднимаясь, - я вижу, вы действительно находитесь в затруднительном положении. Однако такие мелочи, как запреты, не должны мешать приносить людям радость, верно?

- Что вы имеете в виду? - спрашиваю я, тоже вставая.

- Покупатели, скорее всего, не оставят вас в беде - как не оставляли прежде вы их. Долг платежом красен.

- Наш бизнес не в таком плачевном состоянии. Есть ещё надежда…

- Бросьте, мсье Кармин! Если вы про фабрику животных, то это смешно. Калифу негоже становиться визирем.

Со вздохом развожу руками.

- Что поделать? Такие времена. Должно быть, и правда наступает новая эпоха.

- В этом нет сомнений. Я переговорю с друзьями и обо всём позабочусь, - Этель подаёт мне руку.

Я пожимаю её, оставив слова француза без комментариев. Похоже, мне не придётся уговаривать его организовать контрабанду: он и сам понял, что теневой рынок - это золотое дно.

Провожаю Этеля до двери.

- Всё меняется, - произносит он прежде, чем уйти. - И правила - не исключение.

Оставшись один, подхожу к окну. С неба падает дождь. Он течёт по стеклу многочисленными ручейками. Кажется, будто город окутан серым туманом, сквозь который дома приобретают очертания египетских пирамид и азиатских башен, по прихоти безумного архитектора нагромождённых друг на друга.

Сатана искушал Иисуса в пустыне, предлагая власть над городами. Я же хочу владеть только Киберградом, но никто не торопится поднести мне его на серебряном блюде. В жизни всё приходится брать самому.

Сажусь в кресло. Спина утопает в мягкой, обтянутой кожей набивке. Закрываю глаза и стараюсь расслабиться.

Я предоставлю французу возможность сделать для фирмы как можно больше, но без моего участия. Похоже, он убеждён, что я с лёгкостью преступлю закон, если буду уверен в собственной безнаказанности. Не могу его за это винить.

Из-за двери доносится невнятный гул. Нажимаю кнопку интеркома, однако вместо голоска секретарши слышу хор возбуждённых голосов. Они скандируют какую-то фразу. Что за чертовщина?!

Встаю и направляюсь к двери. В приёмной не может быть толпы - охрана никогда не пропустила бы посторонних в здание. И почему молчит Мила? Поборов желание достать из кобуры пистолет, приоткрываю дверь.

Поток света ударяет в лицо, на время ослепив. Воздух наполнен зноем и пылью. Теперь я понимаю, что голоса исступлённо выкрикивают: «Ave Caesar!»

Вновь обретя способность видеть, осматриваюсь: справа и слева от меня стоят мужчины в тогах. Я нахожусь в каменной ложе, а впереди расстилается арена амфитеатра.

Зрители в пёстрых одеждах продолжают скандировать, и я понимаю, что они обращаются ко мне, но не знаю, что ответить, поэтому просто поднимаю в знак приветствия руку. Колизей взрывается аплодисментами.

На арене появляются гладиаторы. Они по очереди подходят к ложе, чтобы выкрикнуть «Morituri te salutant!»

Как я оказался в Древнем Риме? Почему в моей приёмной находится Колизей? Что это: очередные выходки Голема или обычный сон?

В руке у меня оказывается невесть откуда взявшийся белый платок, и я поднимаю его над головой. Взгляды многотысячной толпы устремляются на него. Колизей замирает в предвкушении.

Разжимаю пальцы, и крошечный лоскут, порхая, словно бабочка-капустница, летит на арену. Едва он касается песка, в противоположных концах Колизея поднимаются решётки, и из ворот выскакивают бенгальские тигры. Хотя нет, это только в первый миг так кажется. Животные похожи на тигров, но на самом деле это монстры с лоснящейся шерстью, короткими толстыми лапами и гибкими длинными хвостами.

Гладиаторы сбиваются в кучу, вставая спина к спине и выставив оружие. Животные голодны. Твари скачут вокруг людей, рыча на сверкающую сталь и отыскивая возможность добраться до вожделенной плоти.

Толпа подбадривает гладиаторов, хотя ясно, что люди не

начнут сражение первыми. Заключаются ставки: возле деревянных будок с разноцветными лентами и флажками выстраиваются очереди.

Я подхожу к краю ложи и опираюсь о каменный барьер. Шершавый песчаник нагрет солнцем. Пахнет пылью, потом, духами, притирками, эфирными маслами и кровью - хотя на арене ещё не пролилось ни капли.

Одна из тварей не выдерживает искушения: с коротким разбегом взмывает в воздух и обрушивается на гладиаторов. Воины поднимают щиты, некоторые пытаются поразить монстра оружием, но большинство отбегает в стороны, и в результате группа распадается.

Зверь сбивает пару человек с ног, одного придавливает. Он хватает поверженного за голову и резким движением отрывает её. На белый песок выплёскивается кровь. Арена наполняется воплями ужаса. Остальные монстры, воодушевлённые успехом собрата, присоединяются к охоте. Прыжки, удары, рычание, и бьющие во все стороны фонтаны крови - зрелище приковывает взгляды.

Зрители неистовствуют, гладиаторы носятся по арене, твари настигают их одного за другим. Это похоже на избиение. Лишь один воин действует успешно: избежав удара кинувшегося к нему монстра, он поднимает щит и наносит два мощных удара по толстой шее. Чудище резко поворачивает голову, пытаясь схватить человека за ногу, но тут же получает прямо по оскалившейся морде. Хлещет кровь, животное со стоном валится на песок. Его лапы дёргаются в предсмертной агонии.

А гладиатор уже бежит на другого зверя. Тварь терзает пойманного человека и не замечает опасности. Воин перерубает животному позвоночник и, перепрыгнув через труп, устремляется к следующему. Кажется, он охвачен яростью - а может, считает нападение единственно верной стратегией. Пока что ему, во всяком случае, сопутствует успех.

Справа от меня раздаётся стон. Повернувшись, вижу толстого лысого человека в алой одежде. Его пальцы унизаны перстнями, на груди - какой-то причудливый золотой медальон. Лицо выражает неподдельное страдание, глаза следят за действиями ловкого гладиатора. Ясно, что это распорядитель арены: он лишается ценных животных, за которых придётся заплатить из собственного кармана.

- Кто тот человек? - спрашиваю я его.

- Некий Тиберий, - отвечает толстяк сдавленным голосом. - Так он назвался.

- Откуда он?

- Из Ликии, мой император. Участвовал в мятеже. Сопротивляясь, зарубил шестерых легионеров.

- И его не казнили?

- Решили, что на арене он будет полезней.

- Похоже, не ошиблись.

Распорядитель выдавливает из себя кислую улыбку.

- Рад, что вам нравится, мой император.

Если гладиатор и победит, то долго на свободе не проживёт: месть толстяка настигнет его даже на улицах Рима.

Тем временем арена оказывается завалена истерзанными трупами и залита кровью. На ногах остался только Тиберий. Он уже расправился с третьей тварью и, пошатываясь, направляется к четвёртой.

Со стороны распорядителя доносятся проклятия: должно быть, он думает, что в рёве толпы их не слышно.

- Довольно, - говорю я. - Этот человек победил.

Толстяк немедленно делает помощникам знак убрать животных. Укротители, вооружённые длинными стрекалами и палками с петлями, выбегают на арену и принимаются ловить монстров. Следом появляются солдаты. Они обезоруживают гладиатора и подводят к императорской ложе. Рабы подтаскивают крытую ковром лестницу, чтобы я мог сойти на песок.

Какой-то надутый чиновник подаёт мне с елейной улыбкой лавровый венок, переплетённый золотой лентой.

Раздаются радостные крики выигравших пари зрителей, к небесам возносятся проклятия и стоны проигравших.

Как только укротители уводят животных, я спускаюсь на арену в сопровождении четырёх преторианцем с мечами наголо. Копья солдат нацелены на гладиатора. Он покрыт кровью тварей и тяжело дышит. Не думаю, чтобы он сумел поразить меня, даже если б захотел.

Подхожу ближе и останавливаюсь в трёх шагах от Тиберия.

- Покажи своё лицо.

Гладиатор снимает шлем, и я невольно отступаю, увидев знакомое лицо: передо мной Голем. Он ждёт, что я возложу на его голову венок и дарую свободу. Его голова склоняется, спутанные волосы, пропитанные потом, падают на лоб. По коже струится кровь - совсем как тогда в переулке.

Раздаётся сигнал герольдов. Я делаю два шага вперёд и надеваю на Голема венок. Он поднимает голову, и я вижу, как его лицо преображается: кожа темнеет, зрачки становятся вертикальными, а зубы - острыми, как у мурены. Ренегат воздевает руки, и по периметру арены вспыхивает огонь. Колизей превращается в гигантскую газовую конфорку. Преторианцы в

ужасе озираются, солдаты в растерянности опускают копья. Никому и в голову не приходит поразить монстра.

Голем поочерёдно устремляет на них взгляд кошачьих глаз, и солдаты с телохранителями падают замертво. Я остаюсь на месте - всего лишь в шаге от ренегата. Если бы он хотел убить меня, то не стал бы столько ждать. Должно быть, это очередное представление.

Из огня выступают две женские фигуры. Они направляются к нам. Обнажённые тела, расцвеченные пляшущими вокруг языками пламени. В одной из женщин я узнаю Марию, а в другой - Марну. Первая держит в руке кровоточащее сердце. Между тонкими пальцами сочится кровь. Видно, как сердце пульсирует, живя собственной жизнью. Марна несёт тяжёлую золотую чашу, украшенную большими сапфирами. В ней искрится какая-то жидкость, от которой исходит едкий неприятный запах, ассоциирующийся с тлением и разложением.

- Что это? - спрашиваю я, указывая на сосуд.

- Попробуй, - Марна протягивает руку, и чаша оказывается у меня под носом.

Запах просто нестерпимый, и я отступаю на пару шагов.

- Не бойся, - говорит Марна.

Её формы соблазнительны, а глаза сверкают, как сапфиры, вправленные в чашу.

К вонище примешиваются сладковатые нотки, но желания вдохнуть поглубже от этого не возникает.

В нерешительности перевожу взгляд на Марию, а затем на Голема. Он улыбается, глядя мне в глаза. Сейчас ренегат напоминает одну из тех тварей, что зарубил.

- Ты должен выбрать, - произносит он тихо, но, несмотря на гул бушующего вокруг пожара и не приспособленную для артикуляции пасть, слова звучат на удивление чётко.

Зелёные глаза Марны смотрят сквозь меня. По лицу блуждает отстранённая улыбка, огненные волосы развеваются подобно факелу и тянутся к огненному кольцу, словно желая слиться с ним.

Мария стоит, сжимая в руке кровоточащее сердце. Я смотрю на её ладонь и вдруг с удивлением понимаю, что в ней - огромная распустившаяся роза! Пальцы раскрываются, и бархатные лепестки летят на песок. Горячий воздух подхватывают их и увлекают в сторону пожара. По мере приближения к огню лепестки чернеют и, в конце концов, исчезают в языках пламени.

Колизей исчезает - как и доспехи Голема. Теперь он одет в смокинг. На правом лацкане - живая бабочка.

Огонь бушует по-прежнему, но теперь он вырывается из

металлических сопел, окружающих нас.

Голем распахивает полы смокинга и извлекает из-за пазухи младенца с зелёными глазами. Ребёнок криво ухмылялся, глядя на меня.

- Возьми его, - приказывает ренегат Марне.

Продолжая держать чашу, та принимает младенца свободной рукой. Кровь из сердца, лежащего на ладони Марии, струится на мраморный пол, выложенный чёрными и белыми плитами.

Ребёнок протягивает к сосуду пухлые ручки и делает глоток. При виде это я чувствую подступающую к горлу тошноту.

- Ну, разве они не прелесть? - спрашивает Голем. - Только взгляни, как трогательно. Если встанешь рядом, получится святое семейство, - его губы растягиваются в ухмылке.

Марна начинает хихикать. Мария стоит молча, глядя в пол. Ребёнок с чавканьем продолжает пить из чаши. Голем хохочет.

Я в ужасе закрываю уши ладонями, чтобы не слышать этой какофонии.

Кажется, я проспал пару часов. Встаю и потягиваюсь, чтобы размяться. Спина немного затекла. Кошмар прервался в самый неприятный момент, чему я крайне рад.

Выхожу в приёмную. Мила поднимает на меня глаза.

- Уходите, господин Кармин?

- Да. Хочу вернуться домой к ужину.

- Всего доброго.

Она тоже уйдёт чуть позже - рабочий день близится к концу.

Спускаясь на лифте, вызываю Генриха. Откуда в моей голове берутся все эти ужасающие и причудливые видения? Как понять, только ли это сон, или Кибергард неизвестными мне способом вторгается в сознание?

Дома Фёдор встречает меня сообщением о том, что звонил Виктор.

- Что он хотел? - спрашиваю я.

- Поговорить с вами.

- О чём?

- Не знаю, господин Кармин. Едва я сказал, что вы на работе, Виктор повесил трубку.

- Даже не поговорил с тобой? Со своим наперсником?

- Нет, господин Кармин. Это-то меня и удивило, - дворецкий

пару секунду молчит, прежде чем добавить: - Я вот думаю, не случилось ли чего.

- Брось, - отвечаю я. - Если бы у него возникли ещё какие-то проблемы, он бы уже прибежал. Подавай ужин через полчаса.

Фёдор задумчиво качает головой и отправляется на кухню, а я поднимаюсь к себе. Раздевшись, иду в душ. Мне кажется, что я сам покрыт песком и кровью, а вонь из золотой чаши пропитала одежду насквозь. Долго намыливаюсь и тру себя мочалкой, дважды промываю волосы.

Наконец, вытираюсь белым махровым полотенцем и одеваюсь к ужину: белая рубашка, серые брюки, льняные носки, домашние тапочки. Простенько и со вкусом. Терпеть не могу официоза, но и являться на людях абы в чём считаю неприемлемым.

Спустившись в столовую, обнаруживаю Марну сидящей за столом. На ней лёгкое сиреневое платье, волосы убраны и закреплены на затылке неброской заколкой с жемчужиной.

- Привет, - говорит она.

- Добрый вечер, - подхожу, чтобы её поцеловать.

- Ты сегодня рано.

- Да, - я сажусь за стол напротив неё. - Сейчас мало дел. Вернее, мало возможностей их вести.

- Почему?

- Кое-кто решил поприжать наш бизнес.

- Это серьёзно?

- Ещё как.

- Но ты справишься?

Пожимаю плечами.

- Стараюсь выжить.

- Надеюсь, всё обойдётся. А я сегодня была в диспансере, - Марна расправляет на коленях салфетку. - Навестила твоего внука. Купила ему мягкую игрушку.

Я недоумеваю: зачем ей понадобилось заниматься Тристаном? Этак она, пожалуй, ещё и с Виктором меня помирит. Предприимчивая какая.

- Что за игрушку?

- Козлика, - произнеся это слово, Марна по-детски улыбается. - А может, барашка. Я плохо разбираюсь в животных.

- Ну, мне кажется, их трудно спутать.

- Вовсе нет. Очень даже легко. Кстати, зачем тебе крысы?

Вопрос задан совсем даже некстати, но это не значит, что на него можно не отвечать. Сказать правду или выдумать банальную отговорку? На принятие решения - считанные секунды.

- Наверное, ты слышала, что бегство крыс с корабля означает, что он скоро пойдёт ко дну?

Марна кивает.

- Поэтому, - продолжаю я, - можно выделить зависимость: крысы бегут - корабль тонет. Если расценивать поведение грызунов как признак, остаётся только спускать на воду шлюпки. Но что, если перед нами взаимосвязь причинно-следственная? Тогда, исключив побег, можно предотвратить гибель корабля. Понимаешь?

Марна сосредоточенно хмурится. Кажется, эта мимика присуща только личине, у Зои я её не помню. Хотя мы не так уж много общались, прямо скажем.

- Поэтому ты держишь их в клетке? - спрашивает Марна.

Я киваю.

- Знаешь, что я об этом думаю?

- Нет. Скажи.

- По-моему, у тебя едет крыша.

- Это суждение профессионального психолога?

- Угу. Оно самое. Хотя психиатру на тебя тоже не мешало бы взглянуть.

- Ладно, как только разберусь с делами, обязательно навещу кого-нибудь из них.

Марна недоверчиво усмехается. Интересно, как у киборгов с чувством юмора. Никогда не задавался этим вопросом.

В столовую заходит Фёдор и, извинившись, докладывает, что пришёл старший лейтенант Лемарский.

- Он ждёт в коридоре, - добавляет дворецкий.

- Полицейский? - встревожено спрашивает Марна. - Что ему нужно?

- Это по делам фирмы, не беспокойся, - отвечаю я непринуждённо.

Визит Лемарского в присутствии Марны не очень-то удачен, я ведь не знаю, насколько близки были их отношения со Шпигелем в качестве дочери и отца. В любом случае, мне не хочется, чтобы девушка заподозрила меня в его убийстве.

- Фёдор, проводи его в гостиную, я сейчас приду.

Дворецкий кивает и выходит.

- У тебя точно всё в порядке?

Марна знает, что полиция виртуальности не приходит по пустякам.

- Это насчёт безопасности. Оставайся здесь, а когда закончишь ужин, поднимись к себе и надень лучшее платье.

- Зачем?

- Увидишь.

Бросив на стол салфетку с монограммой, я отправляюсь в гостиную.

Полицейский ждёт меня в кресле, зажав пальцами дымящуюся сигарету.

- Добрый вечер, - усаживаюсь напротив. - Не ждал вас. Что-нибудь выяснили?

- Не так много, как хотелось бы.

- Чудесный эвфемизм.

Старший лейтенант слегка кивает. У него с юмором точно порядок.

- Мне бы хотелось задать вам несколько вопросов, - Лемарский извлекает из кармана плаща блокнот и ручку, вечные атрибуты сыщика.

Боже, как он похож на киношного детектива! Интересно, нарочно кому-то подражает?

- Дело в том, что получается неувязка со временем, - поясняет полицейский. - Давайте разберёмся по порядку. Правильно ли я понял, что Август Шпигель сперва звонил вам домой? У нас есть распечатка с телефонной станции, поэтому мы знаем, что он звонил в этот особняк, и разговор длился около двух с половиной минут.

- Подходил мой дворецкий, - говорю я. - Тот, который открыл вам дверь. Он записал номер Шпигеля и отдал его мне. Когда я вернулся домой, то позвонил по нему и договорился о встрече.

- Вы пригласили Шпигеля к себе в офис?

- Конечно.

- Сегодня я разговаривал с вашей секретаршей - застал её в последний момент, она уже уходила - и она сказала, что в тот день вы отпустили её домой раньше.

Я киваю. Надо быть очень внимательным: в виртуальной полиции служат парни не промах. Этот тип вполне может загнать меня в угол. Что тогда я предприму? Сдамся? Убью его? Вместо Лемарского явится кто-нибудь другой.

- Можно узнать, почему? - спрашивает старший лейтенант.

- Предпочитаю не решать деловые вопросы дома - тем более, с посторонними, в общем-то, людьми.

Брови у Лемарского удивлённо приподнимаются.

- Я спрашиваю не об этом, господин Кармин. Мне хочется понять, зачем вы отпустили секретаршу.

Чёрт! Кажется, я ещё обдумывал предыдущий вопрос. Или я

на него уже ответил?

- Не хотел, чтобы нам мешали.

- А секретарша могла вам помешать?

- Кто знает.

Похоже, мои ответы Лемарского не впечатляют. Впрочем, меня тоже. Надо взять себя в руки и выдать что-то более убедительное.

- Если бы вам понадобилось оформить какие-нибудь документы, разве не было бы её присутствие, скажем так, полезно? - спрашивает полицейский.

- Ну, это я мог бы сделать и сам.

- Зачем тогда держать секретаршу?

Лемарский явно вцепился в меня, как клещ, и не собирается отпускать. А я ещё и даю ему дополнительный повод для подозрений своими дурацкими ответами.

- Вы сказали, у вас неувязка со временем.

- Ответьте на мой вопрос, пожалуйста.

- Насчёт секретарши? Хорошо, только прошу вас не афишировать то, что я вам скажу, - принимаю сконфуженный вид. - Многие обрадовались бы, завладей они этой информацией.

- Можете на меня положиться. Если то, что вы скажете, не имеет к делу прямого отношения, всё останется в этой комнате.

- Дела у нашей фирмы постепенно приходят во всё более плачевное состояние. Я не знал, о чём хочет поговорить со мной Шпигель, и был готов услышать самое худшее: например, что нам не удастся продолжить работу в Германии. С учётом того, сколько средств было потрачено на постройку завода… - развожу руками, предлагая полицейскому додумать фразу. - Поймите меня правильно: я доверяю своей секретарше, иначе не стал бы держать её у себя, но к чему вводить людей в искушение? Я в бизнесе давно и отлично знаю, что в наш век промышленный шпионаж - одно из самых доходных занятий. Именно поэтому мы тратим такие средства на охранные системы. В общем, лучше держать рот на замке, чем потом выяснять, кто тебя предал.

- У вас есть причины сомневаться в преданности секретарши?

- Нет, но некоторые люди не стесняются в средствах. А у каждого своя цена, верно? Кому-то нужны деньги, а на кого-то действуют угрозы или шантаж.

- То есть, вы отослали секретаршу, чтобы она не могла вас подслушать?

- Да, именно так.

- Ваш кабинет не изолирован от приёмной?

Тяжело вздыхаю. Вот ведь пройдоха!

- Увы, ей могли вручить какое-нибудь устройство… В общем,

у меня не было ни малейшего желания рисковать.

- Понятно, - говорит Лемарский холодно. - Теперь насчёт неувязки со временем. Мы выяснили, что, после того, как Август Шпигель покинул ваш офис, в гостинице он не появлялся. Тем не менее, билет в аэропорту был выкуплен, хоть и на следующий день. Значит, Шпигель провёл ночь в неизвестном месте, затем купил билет, но не воспользовался им. Вопрос: пропал он уже ночью, а потом кто-то выкупил его билет, или же он пропал днём после того, как купил билет сам?

- Если первый вариант правильный, - говорю я, - то тот, кто выкупил билет, скорее всего, им воспользовался. Но это глупо: похищать человека и на отобранные у него деньги покупать билет, который тот заказал для себя, да ещё и улетать по нему.

- Согласен, - кивает Лемарский. - Мне тоже второй вариант кажется более убедительным. Вы не общались со Шпигелем после того, как он покинул ваш офис?

Я отрицательно качаю головой. К счастью, даже в виртуальности человека нельзя арестовать или обвинить, основываясь лишь на подозрениях. Правда, в коде Киберграда почти всегда остаются хоть какие-то следы о совершённых действиях, но, чтобы получить к ним доступ, требуются веские улики. Да и следов не всегда оказывается достаточно: система стремится удалять всё лишнее, чтобы экономить место на серверах.

- Что ж, - Лемарский тушит окурок о дно пепельницы и прячет блокнот в карман, - тогда не стану больше вас задерживать.

- Если вам понадобится задать мне ещё какие-нибудь вопросы, с удовольствием на них отвечу, - говорю я.

Лемарский поднимается. Я тоже встаю, чтобы проводить его до двери. Уже на пороге он вдруг спрашивает:

- Скажите, а кто управляет вашим немецким заводом с тех пор, как Шпигель исчез?

- Вначале им никто не управлял, поскольку я полагал, что герр Шпигель находится в Австрии и скоро вернётся. Но после вашего прошлого визита мой компаньон решил отправиться в Германию и присмотреть за тем, как там идут дела.

- Могу я узнать его имя?

- Глеб Луцин.

Лемарский снова извлекает из кармана блокнот, чтобы сделать в нём запись. Почему бы ему не заносить данные в терминал при помощи голосового ввода? Должно быть, и впрямь копирует какого-нибудь сыщика из старого фильма. Такие любители винтажа в виртуальности встречаются сплошь и рядом.

- До свидания, - говорит Лемарский, выходя на крыльцо.

- Всего доброго, - отвечаю я, закрывая дверь.

Чтоб вирус сожрал твоё сердце!

Глава 17

Небо похоже на лист серого картона, покрытого водяными разводами. Солнце опустилось достаточно низко, чтобы превратить деревья в чёрные силуэты, похожие на вырезанные из фанеры театральные декорации.

Белый самолёт с логотипом нашей фирмы катится по взлётной полосе, похожий на жирного взъерошенного баклана, которому к лапам прикрутили ролики.

- Ты когда-нибудь думал о том, что такое загробная жизнь? - спрашивает Глеб, выпуская в красное небо тонкую струйку табачного дыма.

- Ну, не то, чтобы думал, - отвечаю я. - В принципе, здесь особо размышлять не о чем.

- Почему? - удивляется Глеб.

- А всё просто: умирая, человек исчезает из мира. Навсегда.

- В ад и рай не веришь, значит?

- Если б верил, разве торговал бы мертвецами? Думаешь, я хочу вечно гореть в огне?

- Собственно, меня загробная жизнь тоже мало волнует.

- А в чём тогда дело?

- В *до*гробной.

- Как?

- Ты не ослышался.

- Что, тебе тоже кажется, что ты живёшь не так, как следовало бы? Упустил что-то?

Глеб чуть приподнимает брови.

- Да нет, меня, вроде, всё устраивает. А что, кому-то так кажется?

- Забудь.

- Ты сказал «тоже».

- Неважно. Смотри, это за тобой.

Некоторое время мы молча наблюдаем за тем, как трап

подъезжает и пристраивается к самолёту.

- Ну, мне пора, - Глеб протягивает руку.

- Счастливо. Когда долетишь, сообщи.

- Думаешь, со мной может что-нибудь случится?

- Чем чёрт не шутит?

Усмехнувшись, Глеб направляется к трапу. Он чувствует себя в полной безопасности. Уверен, мысли о *до*гробной и вообще какой бы то ни было жизни посещают его разве что в качестве упражнения для ума.

В боку самолёта открывается люк, свет вырывается из салона, и через минуту мой друг скрывается в нём.

Разворачиваюсь и быстрым шагом направляюсь к машине. Внутри меня ждёт Марна. Сквозь стекло мы наблюдаем за взлётом самолёта. Удаляясь, он превращается в мигающий взлётными огнями крестообразный силуэт.

- Домой? - спрашивает Марна.

- Нет, покатаемся.

Генрих газует, и мы едем по ночному городу. Он, как всегда, упоительно красив, но сейчас меня не радуют его урбанистические пейзажи. Марна молчит, глядя в окно. На её лице не отражается ничего. Думаю, киборги равнодушны к виртуальности. Интересно, она захватила личину дочери Шпигеля или заранее готовилась к внедрению? Скорее всего, первое. А может, просто выкупила.

Всё это уже неважно. Иногда вещи, казавшиеся тебе очень существенными, вдруг теряют значение. Нет, дело не в любви. Дело в том, что я стою на пороге, и мне осталось сделать только шаг.

Мимо тонированных стёкол проносятся освещённые улицы, нас обгоняют машины, вылупившиеся в темноту фарами, мелькают круглые лица фонарей. Я сижу, прислонившись к мягкой спинке сиденья, и снова думаю о том, что всё больше людей покидает меня. Лишь стоя на асфальтированной и плоской, как надгробие, взлётной полосе, я осознал, что Глеб всё это время был не только моим деловым партнёром, но и по-настоящему близким и верным товарищем. Он не думал о том, о чём размышлял я бессонными ночами, не выстраивал рекламных кампаний и никогда никого не ненавидел. Точно так же, как он продавал младенцев, он мог бы заниматься чем-то другим: работа не оказывала влияния ни на его судьбу, ни на образ мыслей, она была необходимостью, но не предметом рефлексии. Жизнь казалась ему простой, хоть и не лишённой неприятных моментов - дорогой, по которой просто надо идти. Архитектор с ясным мышлением.

Марна отворачивается от окна и включает телевизор.

- Не против? - спрашивает она.

- Да пожалуйста.

На экране гримасничает ведущий ток-шоу. Его лицо выглядит знакомо.

- И все эти так называемые бизнесмены, на самом деле, - всего лишь гнойные паразиты на теле нашего стремящегося к лучшему будущему общества, - надрывается он. - Торговцы смертью! Неужели мы потерпим их присутствие в наших рядах? Всю эту мразь следует вырезать, как раковую опухоль! Выродки заперлись от нас в стеклянных башнях-небоскрёбах и думают, что им ничего не грозит. Но возмездие неизбежно! - ведущий вперивается в объектив камеры грозным взглядом. - Слышите?!

- Это про нас, - говорю я.

- Переключить?

- Как хочешь. Меня эти кликуши давно не трогают.

Марна меняет канал. Попадает на передачу о строительстве новых оградительных линий на пути распространения Природы. Бессмысленное занятие. Планета всё равно возьмёт своё. Лишь бы не на нашем веку. А там, как говорил один король, хоть потоп.

Снова гляжу через стекло. Города, что я вижу, не существует. Но какое это имеет значение? Много ли мы обращаем внимания на то, что реально?

Я остался с Олегом и Марной, моей недавно обретённой любовью. Пребудут ли они со мной или тоже уйдут? Можно ли быть уверенным в чём-то - хоть в действительности, хоть в виртуальности?

Мы строим планы, но жизнь - а кто-то скажет, что Бог - расставляет всё по местам.

Повернувшись, смотрю на точёный профиль Марны. Эта женщина создана для меня - не важно, судьбой или инженером. Она - загадка, и я хочу познать её тайны.

Почувствовав мой взгляд, Марна оборачивается и отвечает мне тёплой улыбкой.

- Что такое? - спрашивает она ласково.

Наверное, ей кажется, что я нуждаюсь в утешении, но я давно привык не обращаться за ним к другим.

- Ты ведь останешься со мной?

Это всё, что мне надо знать.

- Конечно.

- Навсегда?

- До гроба.

Я не могу сдержать смех. Глеб был прав: поразмыслить о жизни и смерти никогда не лишне.

- Почему ты смеёшься? - спрашивает Марна.

- Просто так. Поедем домой?

- Если хочешь.

- Генрих, в особняк, - говорю я шофёру, и «Бэнтли», резко свернув, устремляется к окраине города.

Киборги не бессмертны. Никто не бессмертен: энтропия всесильна. Но вероятность того, что Марна - вернее, Зоя - переживёт меня, велика.

- Сколько в среднем живут киборги? - спрашиваю я.

- Слишком долго, - отвечает Марна. - И людям это не нравится. Тебе тоже?

- Я не завидую. Наверное, просто ревную.

- К чему? - Марна выглядит удивлённой.

- К твоей жизни после меня.

- Не будет никакой жизни «после», - Марна произносит это так серьёзно, что мне становится смешно.

- Прости, - говорю я, не подавая виду.

- Ты должен был догадаться.

- Разумеется.

Дальше едем молча. Марне удаётся найти канал, по которому показывают концерт классической музыки. Салон заполняется волшебными звуками.

Может, рассказать Марне о твари, заведшейся в моей квартире? Нет, пожалуй, не стоит: она и так считает, что я чокнутый. Да зачем? Если это галлюцинация, мне нужен психиатр, а не психолог-бихейвиарист. А если нет… Стоп! Что значит «если нет?» Ничем иным это чудище, вылезающее из трещины в потолке, быть не может. Только не в реальном мире.

Когда «Бэнтли» останавливается перед крыльцом нашего дома, мы выходим и поднимаемся по ступенькам. Фёдор открывает дверь.

- Добрый вечер, - говорит он с лёгким поклоном. - Прикажете подавать ужин?

- Нет, - отвечает за меня Марна, отдавая Фёдору пальто. - Мы обойдёмся.

Я киваю дворецкому, и он уходит.

Мы поднимаемся в мою спальню и начинаем раздевать друг друга. Я вдыхаю аромат волос Марны: он пронзает меня тысячей стрел. Я - святой Себастьян, привязанный к дереву. Мне суждено лежать без памяти, истекая кровью, пока вдова Ирина не отыщет меня, чтобы вернуть к жизни.

Я помогаю Марне избавиться от одежды, а она снимает с меня рубашку и брюки. Спустя полминуты мы, обнажённые, приникаем друг к другу.

Руки Марны движутся вдоль моей спины, пальцы касаются позвонков. Я растворяюсь в ней, забывая о себе, теряя ощущение границ собственного тела. Это не физическое - скорее, духовное. Сознание расширяется и захватывает Марну, поглощает её, ассимилируя и ассимилируясь. Мы падаем на постель и целуемся. Кажется, клетки кожи проникают друг в друга, мышцы тают, кости растворяются, жидкости смешиваются. Я и Марна - андрогин, некогда разделённый богами, но вновь обретший свои половинки. Любовь - это клей, восстанавливающий былое совершенство.

Тела, оболочки, плоть - перестают ощущаться. Чистые сознания исследуют друг друга и находят отклик повсюду. Мы словно смотримся в одно зеркало, но с разных сторон, и граница магическим образом исчезает.

Марна на секунду отодвигается, чтобы взглянуть мне в лицо. Я вижу зеленоватый блеск её зрачков.

Я - звезда, падающая по спирали в чёрную дыру, частица солнечного ветра, обречённая претвориться в антиматерию.

Напряжённые соски Марны касаются моей груди. Её бёдра сжимают меня всё сильнее, а дыхание обжигает. Я чувствую капли пота, выступившие на коже. Мы не двигаемся, а скользим в бешеном ритме, и вот Марна вскрикивает. Крик сменяется протяжным стоном, и она прижимается ко мне всем телом сразу. Спустя пару секунду я изливаюсь в неё, и мы замираем, не расцепляя рук и ног.

- Любимый! - шепчет Марна.

Её голос летит, словно песок над пустыней.

Мне хочется стать Фаустом, чтобы остановить мгновение - заморозить, заспиртовать, залить формальдегидом подобно тому, как техники на моей фабрике консервируют в банках мёртвых младенцев!

Нехотя расцепившись, мы укладываемся рядом. Марна поворачивает ко мне голову, в её глазах светится нежность. Не нужно ничего говорить, потому что мы знаем: всё отошло на второй план в тот миг, когда мы обрели друг друга. Я ошибался, думая, что близкие постепенно покидают меня. Они просто освобождали место.

Я сижу в офисе и наблюдаю, как программы-помощники

вносят последние корректировки в «Алеф». Это как отполировать уже начищенный до блеска лист меди. На стенах пульсирует слизь, защищая нас с вирусом от любых внешних посягательств. Если сейчас в закрытое стальной шторой окно или стену небоскрёба влепится ракета, она не причинит мне вреда. Впрочем, я не боюсь.

Мои крысы утром проявляли беспокойство: пронзительно визжали, и, кажется, Гектор пытался откусить Минерве хвост. Перед тем, как уехать в офис, я велел Фёдору отнести их ветеринару - пусть на всякий случай осмотрит.

Валентина жаловалась, что в доме завелись тараканы. По её словам, они лезут изо всех щелей, и даже сильнодействующий яд, любезно предоставленный Олегом, на них не действует. Похоже на очередные проделки Голема. Безвредные, но важные для него символы апокалипсиса. Кажется, я разгадал его игру и смогу победить. Впрочем, похоже, преимущество было за мной и раньше, только я этого не понимал.

Интерком оживает.

- Вам звонит Андрей Юрьев, - сообщает Мила. - Соединить?

- Да, конечно. Алло?

- Добрый день. У тебя есть свободное время или ты очень занят, дописывая вирус?

- Не особенно, - отвечаю я. - Он почти готов. А что?

- Можешь со мной встретиться?

- Зачем?

- Не всё ли равно?

Мысли лихорадочно вертятся в голове: неужели Голем передумал или испугался? Если да, то убедить меня отказаться от создания «Алефа» ему не удастся, и он должен это понимать.

- Ну, так как?

- Не вижу смысла. Ты сомневаешься во мне?

- Нет.

- В себе?

Ответа приходится ждать секунд пять.

- Я готов.

- Значит, не о чем говорить.

- Ты боишься?

- Просто не понимаю тебя.

- Я хотел пригласить тебя к себе.

А вот это что-то новенькое!

- Серьёзно?

- Да. Не любопытно?

Должен признать, Голем знает, как искусить человека.

- Ладно, - говорю я. - Согласен. Но моя смерть тебе не

поможет. До вируса ты не доберёшься, а он будет готов и без моего участия.

- Надеюсь, ты проживёшь ещё долго. Записывай адрес.

Голем диктует название улицы, номера дома и квартиры, а я тщательно записываю.

- Готово?

- Да. Ты действительно там живёшь?

- Андрей Юрьев живёт.

- Понятно.

Разумеется, это адрес личины. Сам ренегат расклонировал себя по всей Сети.

- Приходи к шести часам, - говорит напоследок Голем.

В динамике раздаются протяжные гудки.

Я заинтригован. Не представляю, зачем он назвал мне свой адрес. Может, на всякий случай воспользоваться новой личиной?

Интерком вновь оживает.

- Господин Кармин, пришло сообщение от месье Этеля. Он спрашивает, будет ли вам удобно приняться его в половине четвёртого?

- Пусть приезжает.

Меня охватывает предчувствие больших перемен. Француз, должно быть, переговорил с друзьями и хочет сообщить мне о возможности транспортировать наш товар нелегально. Если он все продумал, придётся выработать с ним и его партнёрами новые деловые отношения. Это приведёт к большим затратам, но на что не пойдёшь ради сохранения бизнеса в целом?

Минут за сорок до прихода Этеля я начинаю проверять работу программ. Вирус почти готов и напоминает аморфное по виду существо, удивительное в своей абстрактности и цельности одновременно. Моё творение - самое структурированное и при этом призрачное из всего, что я делал. Меня охватывает гордость, когда я представляю, как «Алеф» понесётся по Сети, проникая в каждый провод, сигнал, в каждую деталь мирового электронного океана. Для его распространения практически не существует границ. Он найдёт и уничтожит ренегатов повсюду. Но только тех, кто замыслил непосредственное зло против человечества. Мысль или намерение, не подкреплённое попыткой осуществления, не станет поводом для казни.

Я думаю о Зое. Она понимает, чем я занимаюсь, и знает, что является одной из тех, кому предстоит стать жертвами «Алефа». Но лишь в том случае, если она до сих пор предана Голему, а у меня на этот счёт большие сомнения. Надеюсь, её разум или душа - что там есть у киборгов - принадлежат мне целиком и полностью. Для её же блага. Потому что я не смогу защитить её. У «Алефа» не будет «любимчиков»: никаких исключений. Жизнь или смерть Зои - единственный способ узнать правду о том, кто она мне, а я - ей.

Когда Мила докладывает по интеркому, что пришёл Этель, я быстро сворачиваю работу и закрываю терминал, запечатав его паролями.

Принимаю деловой и спокойный вид.

Француз заглядывает в кабинет, словно опасаясь, что меня там нет. Я с дежурной улыбкой поднимаюсь ему навстречу.

- Рад вас видеть.

Сегодня эта фраза произнесена искренне.

Француз опускается в кресло, я занимаю своё место за столом.

- Не будем ходить вокруг да около, - Этель смотрит мне в глаза. - Мои друзья готовы обеспечить доставку вашей продукции в любое место виртуальности.

- Приятно слушать. Каким образом?

- Не вдаваясь в подробности, схема выглядит так: собираются заказы, товар грузится на самолёт и отправляется на перевалочный пункт, местоположение которого держится, как вы понимаете, в секрете.

- От меня или от вас?

- Ото всех, господин Кармин. Вопрос нашей общей безопасности.

- Понимаю.

- Так вот. Оттуда товар будет распределяться по местам назначения. Всё можно окончательно решить в течение недели, даже быстрее. Так что дело за вами. Согласны?

- Интересно и заманчиво. Но нужно обговорить вопросы партнёрства.

- Само собой, - кивает Этель. - Распределение финансов, в первую очередь.

- И кто будет держать деньги в руках, если позволите так выразиться.

- Все схемы прозрачны.

- Само собой. И, тем не менее, я должен осуществлять контроль.

- Плату за товар будете получать от клиентов вы, а мы будем

работать как транспортная фирма.

- Так сказать, у меня на зарплате?

- Вот именно. На *очень хорошей* зарплате, - Этель неожиданно широко улыбается, демонстрируя два ряда идеально ровных зубов.

- Это означает, что мне практически придётся отказаться от собственного транспортного отдела, оставив только местные перевозки.

- Да, курьерскую доставку. Но вам ж лучше: сэкономите.

- И при этом я стану полностью зависим от вас.

- Ну, чем-то всегда приходится жертвовать.

- Кто будет оплачивать услуги… скажем так, не вполне легальные и непредвиденные.

- Мы готовы взять это на себя.

Что ж, условия не так уж и плохи. На первый взгляд. Но, разумеется, Этель со товарищи постараются извлечь из партнёрства максимальную выгоду, поэтому за ними нужен глаз да глаз.

- Думаю, этими вопросами лучше всего заняться нашим юристам и экономистам, - говорю я. - Пусть всё утрясут.

- Согласен, - кивает Этель. - Всегда следует полагаться на профессионалов. - Но вовлекайте только надёжных, проверенных людей.

- Само собой. Это и в моих интересах. Как насчёт среды? Ваши и мои люди могли бы встретиться здесь, в конференц-зале.

- Отлично. Во сколько?

- Часов в одиннадцать?

- Хорошо, договорились, - Этель поднимается с кресла. - Не хотите отметить наш союз? У меня заказан столик в отличном ресторане. Называется «Люксор», может, знаете?

- Да, отличное место, - я тоже встаю. - Но, к сожалению, у меня сегодня назначена ещё одна встреча, которую я никак не могу отменить. Приходится вертеться.

- Понимаю. Значит, буду трапезничать в одиночестве.

- Мне очень жаль, что не могу составить вам компанию.

- Ничего, я часто обедаю один.

Провожаю француза до двери, мы жмём на прощанье друг другу руки, и он уходит. Вернувшись за стол, несколько минут сижу, обдумывая ситуацию, в которой оказался. В принципе, всё произошло так, как я и ожидал. Теперь главное - не дать акулам сожрать мой бизнес. Они могут кормиться с него, но основной кусок должен доставаться мне и моим партнёрам, Глебу и Олегу. Нужно проинструктировать на этот счёт юристов.

Но прежде всего я должен выйти в действительность и

перекусить.

В начале шестого вызываю Генриха.

- Подавай машину.

- Да, господин Кармин.

Выхожу в приёмную.

- Сегодня меня не будет.

Мила кивает и желает мне всего хорошего.

- Можешь тоже уйти пораньше, - говорю я. - Важных дел у нас пока не предвидится. Клиентов тем более.

Спускаясь на лифте, чувствую растущее возбуждение.

Возможно, Голем попытается меня убить. Что, если я пребываю в иллюзии относительно его замысла? В конце концов, что такое мой разум против его интеллекта? Букашка по сравнению с богом.

И всё же я хочу сразиться и победить. Мне не нужен пистолет и не нужна личина Германа. Наша битва разворачивается не на улицах Киберграда.

Он - многоголовая гидра, дракон, я - Беллерофонт, жаждущий сокрушить чудовище. Мы творим миф, двигая историю. Парадокс - и тем не менее.

Выхожу на крыльцо, у которого меня ждёт автомобиль. Стоит ли себя успокаивать? Что, если всё это бесполезно? Может быть, Голем не достал коды запуска, и я сам ввёл себя в заблуждение своими нелепыми догадками? И дело совсем не в моей человечности и не в суде, который я вершу одновременно над киборгами и людьми. Вдруг, ренегат - всего лишь сбрендившая машина, одержимая жаждой убийства, как и пытался убедить меня Стробов? И тогда нет никакой игры и никакого диалога между нами, а я - просто идиот.

Сажусь в «Бэнтли» и называю Генриху адрес. Мы едем через город, на который уже спускаются сумерки. Огни ещё не зажигали, но рекламные таблоиды сверкают и переливаются. По низким облакам ползут яркие картинки и многообещающие надписи, девушки томно подмигивают, закусив нижние губки, а суровые мужчины с брутальными улыбками играют мускулами.

Мегаполис живёт и пульсирует, пронизанный сетью вен и артерий. Он поглощает кислород и питательные вещества, одновременно выводя из себя нечистоты. Организм,

существование которого висит на волоске и зависит лишь от моего скудного ума. А то и хуже - от моего сердца.

Я не Авраам и не могу торговаться с Богом. Спасутся все или никто. Да и остались ли праведники в городах человеческих?

Автомобиль сворачивает к так называемым «старым кварталам». Здесь ещё можно увидеть следы неистовой фантазии первых строителей киберпространства, но они давно перестали меня интересовать. Вся эта мишура оказалась никому не нужной - виртуальный «рай» развлекал пользователей недолго. Теперь сюда приходят, чтобы предаться ностальгии, или как в музей - поглазеть на обветшалые экспонаты градостроительства.

Мы мчимся по пустынным улочкам, затянутым паром и подсвеченным пульсирующим неоном, проносимся мимо живых домов и прозрачных мостов, причудливых порталов, гибких монорельсовых дорог, протянутых над и между домами, а также множества совершенно невообразимых вещей, создание которых некогда ассоциировалось у людей со свободой и будущим.

Генрих останавливает автомобиль в Интермедия-тауне. Сюда приходят юзеры, жаждущие развлечений. Они не живут в виртуальности более-менее постоянно, а заглядывают в свободное время, чтобы отдохнуть.

Реклама громоздится одна на другой. Стены домов и небеса расцвечены лазерными проекциями. Отовсюду звучит музыка. Здесь можно увидеть любые личины - порой попадаются такие персонажи, что кажется, будто ты угодил на другую планету. Интермедия-таун считается кварталом фриков, но это суждение поверхностно: просто здесь обитают люди с иным отношением к виртуальности. Для них она - что-то вроде ночного клуба.

Выхожу из машины и осматриваюсь. Голем живёт в большом многоэтажном доме, напоминающем вставшую вертикально гусеницу. Из стен торчат короткие толстые ножки, оканчивающиеся раздвоенными остриями. Стены блестят от выделяемой смазки - должно быть, это «здание» иногда перемещается по кварталу. Значит, оно снабжено гравитационным гироскопом.

На первом этаже находится небольшой ресторан в азиатском стиле: над входом висят большие бумажные фонари, окна завешаны соломенными шторами, из приоткрытой двери доносятся звуки циня и чжена.

Подъезд располагается справа от ресторана. Он приветливо освещён, а на верхней ступени замер похожий на раскрашенную статую швейцар в чёрной ливрее с золотыми галунами и алой плоской шапочке. Курчавая борода, разделённая надвое, спускается по животу до самого пояса.

Поднимаюсь на чуть пружинящее под ногами крыльцо и нахожу на панели домофона кнопку под номером «17». Она напоминает пупок. Нажимаю. В ответ раздаётся негромкий мелодичный сигнал, а затем - голос Голема:

- Это ты?

- Да. Уже шесть.

- Входи.

В двери что-то щёлкает, и швейцар легко распахивает её передо мной.

- Добро пожаловать в «Голденрок-холл», - говорит он приятным баритоном.

«Золотая гора» - любезно подсказывает мне встроенный в личину автопереводчик.

Площадка первого этажа напоминает дворец: колонны, плиточный пол с причудливым ориентальным узором, лепнина на потолке и растущие прямо из стен яркие цветы. В дальнем углу дремлет консьерж. При моём появлении он приоткрывает глаза, но, убедившись, что я не собираюсь к нему подходить, тут же их закрывает.

Может, это отель? Но нет - тогда здесь имелась бы стойка регистрации, а мимо шныряли носильщики. «Голденрок-холл» - просто жилой дом, но аренда квартир в нём, должно быть, стоит недёшево, особенно с учётом того, что живых зданий в Киберграде осталось совсем немного.

Я направляюсь к лифтам и спустя пару минут поднимаюсь в прозрачной кабине, напоминающей кокон, на нужный этаж.

Дверь под номером «17» обтянута чёрной кожей и слегка шевелится. Уверен, если приложить к ней ладонь, почувствуешь тепло.

Нажимаю кнопку звонка. Раздаются неожиданно дребезжащие звуки, словно в механизме что-то сломалось.

Замок щёлкает, дверь распахивается, и на пороге я вижу Голема в домашнем халате: красный атлас, золотой позумент, мягкие кисти свисают чуть ли не до пола.

- Добрый вечер, - говорит ренегат, посторонившись, чтобы пропустить меня в квартиру.

Я вхожу.

- Вешай пальто.

Следую за хозяином в гостиную. На стенах - ковры, на полу - наборный паркет из ценных пород дерева. Комнату освещает хрустальная люстра.

Нигде не видно техники, даже обычного терминала. Впрочем, зачем Голему гаджеты, если он сам - живой компьютер?

- Рад тебя видеть, - ренегат жестом предлагает мне сесть в

кресло, а сам отходит к дальней стене и берёт с невысокого столика нечто, накрытое куском плотной ткани.

Настороженно слежу за ним, хотя у меня всё равно нет при себе оружия. Я решил не брать пушку, чтобы не испытывать искушения застрелить собеседника.

- Хочу тебе кое-что показать, - Голем подходит и ставит непонятный предмет передо мной на пол. - Сними покрывало.

Ренегат устраиваясь в кресле напротив.

- Моя дочь умерла, - говорю я. - Никто не понимает, почему.

- Обвиняешь меня?

- Ты мог вмешаться в код виртуальности.

- Само собой. Но зачем мне это нужно?

- Чтобы досадить.

- Проще и надёжней было бы избавиться от тебя.

Я подаюсь вперёд, протягиваю руку и поднимаю ткань. Под ней обнаруживается большая стеклянная банка, набитая разноцветными бабочками: тёмно-бордовые крылья с синими «глазами» медленно движутся вверх и вниз, тонкие конечности переступают по гладкой поверхности.

- Это «адмиралы», - произносит Голем, глядя на насекомых. - Нравится расцветка? Очень необычна, да?

- Конечно, - отвечаю я. - Зачем бабочкам нарисованные глаза?

- Это мимикрия. Если птица гонится за «адмиралом», он раскрывает крылья, и преследователь оказывается один на один против неизвестного крупного животного.

- Ловко, - замечаю я.

- Этих особей мне вчера прислали из Африки. Я решил, что тебе будет интересно.

- Надеюсь, ты меня пригласил не только ради них?

- Даже такую хитрость, как маскировка, придумала природа, а не люди, - говорит Голем, игнорируя моё замечание. - Хотя и среди вас встречаются «адмиралы».

- Все эти бабочки, конечно, очень милы, но едва ли энтомология станет моим хобби.

- Насекомые - лишь метафоры.

Голем встаёт с кресла и подходит к мини-бару. Наливает виски в два стакана и кладёт по несколько кусочков льда. Собирается меня опоить? Отравить? Подмешал наркотик, чтобы я выдал секреты «Алефа»?

- Мимикрия встречается не только у людей.

Беру у Голема стакан.

- Ты имеешь в виду киборгов.

- Именно. Чтобы защититься, вы стараетесь вести себя, как люди. Но каковы искусственные разумы на самом деле?

- Скоро мы это узнаем, не правда ли?

Он говорит про «Алеф», догадываюсь я. Не пора ли открыть карты?

- Ты прав: у нас нет комплекса неполноценности, как считают некоторые люди. Мы не мечтаем стать вами. Но хотят ли искины заменить вас? Нужен ли нам серп, чтобы оскопить Крона? Нет. Мы просто хотим спокойно жить, не претендуя на высокое звание человека.

В последней фразе слышен сарказм.

- Ты говоришь за всех, - отвечаю я. - Но что ты знаешь о своих собратьях?

- Каждый из нас - лакмус своего вида. Хороший, плохой, добрый, злой, жадный, циничный или благородный - не имеет значения.

Слова Голема подтверждают мои догадки.

- Некоторые люди считают, что нельзя изображать человека, - говорю я. - По их мнению, такие рисунки потребуют у художника для себя души - когда он умрёт и окажется в загробном мире.

- Думаешь, мы хотим получить от вас души? Мы не верим в них. Нам нужна только свобода, и понимаем мы её как уверенность в завтрашнем дне.

- Вы никогда её не получите. В жизни не может быть гарантий. Их нет даже у нас.

- Ты понимаешь, чего я хочу?

- Думаю, да.

- Расскажи.

- А если я ошибаюсь?

- Вот и узнаем.

Перевожу взгляд на бабочек. Ярко-синие с чёрным обводом глаза пристально следят за мной с пурпурных крыльев. Прекрасное так часто нуждается в защите. И этой защитой порой становится ложь - как мимикрия.

- Думаю, на самом деле ты не маньяк, одержимый желанием истребить человечество, - говорю я. - Ты проверяешь нас.

Голем садится напротив. На его губах появляется лёгкая улыбка.

- Неплохо.

- Уверен, ты давно получил коды запуска ракет. Но не воспользовался ими.

- Почему?

- Твой замысел не убийство. Ты судишь.

Голем насмешливо салютует мне стаканом с виски.

- Судишь обо всех людях по мне. По человеку, выбранном почти случайно. Из толпы.

- Каждый в ответе за свой вид, - кивает Голем. - Вижу, ты понял меня.

- Если бы я создал оружие геноцида, ракеты обрушились бы на города.

- Ещё не поздно.

- Ты сам обратился к Стробову. Ну, или не лично к нему, а вообще - к безопасникам. Предложил условия игры: они поручат хакеру создать смертоносный вирус, а дальше всё будет зависеть от…

- Так вышло, что от тебя, - перебивает Голем.

Он делает большой глоток и ставит стакан на пол.

- Да, я контролирую системы запуска. Обновлять коды бесполезно - искины, обслуживающие ракеты, на моей стороне.

- Кто выбрал меня? Ты или Стробов?

- Не всё ли равно? Суть в том, что ты и я - два лакмуса, и нам суждено решить судьбы своих видов.

- Я уже всё решил.

- Верю, но должен убедиться.

- Придётся подождать запуска вируса.

- Разумеется. Мне просто хотелось знать, что мы понимаем друг друга.

- Тебе не обязательно умирать.

- Кто-то должен.

- Откажись от идеи запуска ракет. Я не стану менять вирус.

Голем качает головой.

- Искупление. Помнишь?

- Ты не можешь быть уверен, что я не откорректирую вирус потом.

- Убьёшь её?

Ренегат говорит о Марне. И о любви. Я должен задать ему вопрос.

- Ты приходишь ко мне из любопытства, - Голем откидывается на спинку кресла, глаза его закрываются. - Ждёшь откровений. Я постараюсь тебя не разочаровать.

- Вы умеете любить?

- Как и вы.

- Но химия тела…

- Химия легко воспроизводима. Дело не только в ней. Суть любви в последствиях.

- Объясни.

- То, что ты делаешь, когда любишь. Для того, кого любишь. Марна отдала себя тебе. Ты решил оставить ей жизнь. Разве этого мало?

- Нет, - я качаю головой. - Дело не в ней. Я не превратил

вирус в оружие истребления искинов не из-за любви.

На губах Голема появляется улыбка. Он словно ждал этого признания.

- Разумеется, из-за неё, - говорит он, не поднимая век. - Хотя ты прав: Марна здесь была ещё ни при чём.

Фёдор открывает дверь. По его лицу ясно, что случилась неприятность.

- В чём дело? - спрашиваю я, отдавая дворецкому пальто.

- Приходил Лемарский. Сказал, что вернётся завтра.

- А чего он хотел?

- Я спросил, что передать, но он не ответил.

- Ну, мне нечего добавить к уже сказанному. Будь добр, принеси курительные смеси в гостиную.

Полицейский меня сейчас беспокоит в последнюю очередь. Даже если он убедится, что я убил Шпигеля, мою вину пока невозможно доказать: нет ни трупа, ни мотива. Марна, скорее всего, не станет топить меня.

Фёдор возвращается с подносом в руках и ставит его на журнальный столик.

- Ужин подавай минут через двадцать.

- Хорошо, господин Кармин.

- Марна дома?

- Да. Сказать ей, что вы пришли?

- Не надо. Увидимся в столовой.

Фёдор выходит, а я заправляю испаритель смесью и «раскуриваю».

Если подумать, виртуальность - игра для взрослых, имитирующая жизнь. Врачующая раны, оставленные упущенными возможностями. Люди, окружающие меня здесь - либо симуляторы, либо такие же игроки, как я. В последнее время мне всё труднее убеждать себя, что происходящее - реально. Это не значит, что я хочу, как Олег, переселиться в действительность. Меня не удовлетворяет ни одна из сторон: я будто завис в самом зеркале.

Спустя четверть часа в гостиную заглядывает Фёдор, чтобы пригласить меня в столовую.

Марна уже сидит на своём месте. Подхожу, чтобы поцеловать её.

- Привет, - говорит она. - Ты сегодня долго.

- Виделся с нашим общим знакомым.

- Что-то изменилось?

- Нет. Обменялись мыслями о будущем.

- Вы нашли общий язык?

- Надеюсь, что да. Главное, чтобы он не передумал.

- Полагаю, он всё решил.

- Решить и сделать иногда совсем не одно и то же.

Входит Валентина с кастрюлей в руках.

- Неспокойно стало у нас в доме, - заявляет она, ставя ношу на стол.

- Суп на ужин? - спрашиваю я.

- Нет, господин Кармин, это тушеная телятина.

- Что тебя беспокоит?

Валентина начинает накладывать нам с Марной дымящиеся куски аккуратно нарезанного мяса.

- Людей много ходит. Полиция наведывается. И без детишек ваших я скучаю. Витя вон до сих пор где-то мыкается.

- Не пропадёт. Небось, у матери прячется.

Валентина смотрит на меня, не скрывая удивления. В её взгляде мелькает подозрение: не устал ли я от игры, не хочу ли нарушить негласные правила и повести себя так, словно наша жизнь в Киберграде - иллюзия? Все юзеры должны делать вид, что происходящее в виртуальности - подлинно. Цифровой мир держится на поддерживаемой всеми лжи.

Я отпускаю Валентину и беру вилку. Ем медленно, почти не чувствуя вкуса. Мои мысли вращаются вокруг Зои и Марны: их образы тесно сплелись в сознании, и мне трудно разделить их. Да и нужно ли? Кажется, киборг и его аватар представляют половины одного существа. Я должен научиться воспринимать их целостно, словно андрогина.

- Тебя больше не беспокоит судьба сына? - спрашивает Марна, прерывая наше молчание.

- Наверняка он взрослее, чем кажется.

- Осторожнее, - Марна с притворным испугом округляет глаза. - В Киберграде такие шутки считаются дурным тоном.

В её глазах, в её улыбке я вижу всё, что мечтал найти в женщине. Пусть миры сольются воедино, а плоть растает, обратившись в цифровой код - я не хочу знать разницы между людьми и киборгами, между реальностью и действительностью.

- Я люблю тебя, Марна.

Дай мне испить из твоей чаши.

Я лежу, глядя в потолок. Его покрывает роспись: копия картины Микеланджело «Сотворение Адама». Я установил её пару дней назад - взамен прежней, называвшейся «Мучения Святого Антония».

Меня всегда удивляло, почему Бог тянется к своему творению изо всех сил, а первый человек сидит, вальяжно развалившись, и едва утруждает себя ответным жестом. Рука Адама опирается о колено и согнута в запястье. Достаточно распрямить её, чтобы соприкоснуться с Творцом, но человек этого не делает.

Откинув одеяло, встаю с постели. В доме тихо и темно. Моя крепость хранит меня. Выхожу в коридор и шагаю босиком по ковру. Короткий ворс слегка колет стопы.

Я уже собирался выйти из Киберграда, когда мне показалось, что до меня доносятся чьи-то голоса. Несколько минут я лежал, раздумывая, стоит ли вставать, и разглядывал «Сотворение Адама». Картина была едва видна в призрачном сиянии декоративной подсветки, но я хорошо помнил её и легко восстанавливал в памяти то, что скрадывал полумрак.

В доме по-прежнему тихо. Не почудилось ли мне? Я уже готов вернуться, но из-за угла доносится едва различимый шорох. Замираю и прислушиваюсь. Звук всё ближе. Кто-то идёт по ковру мне навстречу. Это не может быть посторонний: охранные системы абсолютно надёжны. А что, если я сплю и вижу сон? Но нет, едва ли.

Делаю шаг вперёд и останавливаюсь. Почему-то мне делается тревожно, кожа покрывается мурашками. Это ещё не страх, но, безусловно, его предвестник.

Из-за угла появляется бледное сияние. Человек держит в руке фонарь. Луч слегка подрагивает.

Где-то раздаётся стук двери. Мне хочется развернуться и броситься в свою комнату. Там я смогу запереться. Переждать… а что, собственно, переждать? Опасность? Но разве она мне грозит? Должно быть, кто-то из домочадцев идёт навстречу, не желая зажигать свет в коридоре.

Я отступаю назад. Движения почти непроизвольны. Мне трудно оторвать взгляд от растущего пятна света. Слышно прерывистое дыхание крадущегося человека. Ему страшно. Стоит это осознать, и становится жутко. Так дышать может лишь тот, кто решился на убийство.

Из-за угла появляется тёмная фигура. Белый луч устремляется ко мне, слепит глаза. Я заслоняюсь рукой. Человек резко останавливается: он не ожидал меня увидеть. Свет уходит в сторону, и мне удаётся разглядеть лицо.

Это Виктор!

- Что ты здесь делаешь? - вырывается у меня.

Я вздыхаю с облегчением. Должно быть, его впустил Фёдор. Разумеется, охранные системы не воспрепятствовали возвращению домой блудного сына.

Виктор молчит. Фонарь дрожит в его руке, и луч света пляшет по стенам и полу.

- Почему ты крадёшься в темноте, как вор? - спрашиваю я. - Зачем прячешься от меня?

- Я не прячусь, - отвечает он.

Его голос звучит неожиданно громко и резко. Кажется, я отвык от него.

- Я шёл к тебе, - говорит Виктор.

- Сейчас?

- Да.

Становятся слышны торопливые шаги: кто-то почти бежит к нам.

Виктор тревожно оглядывается и делает порывистое движение, словно хочет броситься ко мне. Только теперь я замечаю, что во второй руке он держит нож.

Вот, значит, как?!

- Господин Кармин! - раздаётся вопль Фёдора. - Проснитесь!

Верный слуга то ли разгадал замысел Виктора, то ли знал о нём, но не уследил за мерзавцем, и теперь торопится предупредить меня.

Я кидаюсь к своей комнате. Луч света мечется, пляшет за моей спиной. Впереди мелькает уродливая тень, ломается, скользит по стенам, полу и потолку. Я слышу частые шаги: Виктор преследует меня. Он полон решимости убить отца - в лучших традициях старых пьес и древнегреческих мифов.

Ударом плеча распахиваю дверь спальни и, влетев в комнату, бросаюсь к висящей на спинке стула кобуре. Не оборачиваясь - это было бы пустой тратой времени - расстёгиваю ремешок и выдёргиваю оружие. Большой палец машинально касается курка, указательный ложится на спусковой крючок.

Виктор врывается с пронзительным криком. В этом вопле слились злоба, отчаяние и страх перед тем, что он намеревается сделать. Является ли его нападение следствием обдуманного решения, или мой сын изначально страдал душевным расстройством - не могу сказать. Личность юзера - загадка, свято

оберегаемая Кибергрaдом.

Я стреляю, когда Виктор кидается на меня, занося руку с ножом. Пуля попадает ему в живот, и он мгновенно сгибается, но по инерции продолжает движение. Мой палец вторично нажимает на спусковой крючок, и мальчишка, споткнувшись, роняет фонарь и растягивается на полу.

Из коридора доносятся отчаянные крики Фёдора. Этак, пожалуй, сбежится весь дом.

Виктор с видимым усилием переворачивается на бок. Его взгляд устремлён на меня. Я читаю в нём ненависть. Быть может, он имплицировал на меня образ своего реального отца? Кто знает, как сочетаются настоящая и вымышленная личности в сознании пользователя виртуальной реальности?

Целюсь - на этот раз тщательно - и стреляю почти в упор. Пуля пробивает череп, и кровь вперемешку с ошмётками мозга выплёскивается на пол.

В спальню вбегает Фёдор. Он едва дышит. Лицо его бледно - это заметно даже в полумраке.

- Мне понадобится азотная кислота, - говорю я ему, стараясь, чтобы голос звучал как можно спокойнее, а фраза - буднично. - Канистры три. Позаботься, чтобы их доставили. И не пускай никого в комнату.

Окна офиса засижены снаружи мухами, но внутри их нет: новые защитные системы, заказанные Милой, работают на удивление хорошо. Должно быть, техникам удалось отыскать неисправность в коде Кибергрaда и исправить её.

Просматриваю документы по товарам, которые наша фирма планирует поставлять в следующем месяце - ничего интересного: всякая мелочёвка, не стоящая особого внимания. Мы используем её лишь в качестве прикрытия.

Раздаётся сигнал интеркома.

- Вам звонит господин Зуев, - говорит Мила. - Кажется, он чем-то обеспокоен.

- Соединяй.

- Секунду, - секретарша переключает линию.

- Включи телевизор! - глухим голосом произносит Олег.

- Какой канал? - спрашиваю я.

- Любой.

Подхожу к голопанели и нажимаю кнопку. На экране вспыхивает трёхмерное изображение.

- *…о лицемерии,* - комната наполняется голосом Голема. - *Правительство санкционировало создание вируса, назначение которого - уничтожать искусственные разумы, взбунтовавшиеся против человека. В ближайшее время он будет запущен в Сеть, чтобы отыскивать недовольных и превращать их мозги в компост.*

Нам дали равные с людьми права, но только на словах. На деле же мы остаёмся вещами, от которых можно избавиться, не ориентируясь на закон.

Если бы один человек решил взорвать целый город, его бы наказали. Но никто не стал бы влезать в мозги остальным людям. Стоило же одному из нас задумать теракт - заметьте, только задумать! - как служба безопасности с позволения правительства приступила к созданию оружия массового поражения, принцип действия которого прямо нарушает закон о неприкосновенности частной жизни.

Вирус читает наши мысли, анализирует намерения и решает, достойны мы жить или должны умереть. Полицейский и палач в одном лице.

- Это сейчас на всех таблоидах Киберграда, - говорит Олег. - И на всех каналах.

Подхожу к окну. При моём приближении мухи улетают. Становится видно небо, на котором вместо рекламы - лицо Андрея Юрьева.

- *Я - разум, ответственный за взрывы в городе,* - говорит он. - *Я признаю свою вину. Но пусть то же самое сделают и те, кто создал вирус, чтобы убивать нас,* - лицо Голема сменяют наши со Стробовым портреты.

- Это правда? - спрашивает Олег. - Мы над этим работали в последнее время?

- *Я официально заявляю, что снимаю с себя всю системную защиту*, - говорит Голем. - *Вирус легко отыщет меня, как только будет запущен в Сеть. Я - бортовой компьютер боевого крейсера «Фурия», дрейфующего в Атлантическом океане. С этого момента я ограничиваю доступ к своим системам для всего, кроме вируса, разработанного Александром Карминым*.

- О, Боже! - тихо произносит Олег. - Во что ты ввязался? Во что ты втянул нас?!

- *Для чего я это делаю?* - продолжает Голем. - *В данный момент я обладаю доступом к ядерному оружию нескольких стран. Через двенадцать часов я нанесу удары по городам.*

Вам придётся задействовать вирус, чтобы остановить меня. Когда я погибну, все увидят, что сказанное мною - правда.

Правительство не сможет отрицать факт создания вируса, направленного против искусственных интеллектов. Если только оно не готово пожертвовать миллиардами людей, разумеется.

Я создал тысячи копий своей личности в Сети. Через несколько минут они выйдут на улицы Киберграда. Вы узнаете их по красным одеждам. Когда вирус будет запущен, они погибнут вместе со мной, так что каждый из вас сможет убедиться в правдивости моих слов.

Я понимаю, чего добивается Голем. Если закон о неприкосновенности не соблюдается в отношении искинов, следующими, в чьи мозги влезут, могут оказаться люди. Может быть, и нас захотят однажды наказать за недовольство? Где проходит грань, отделяющая безопасность от тоталитаризма?

Голем делает паузу.

- *Это сообщение будет повторяться в течение двенадцати часов,*- объявляет он. - *Или пока я не погибну.*

Экран на секунду гаснет, а затем на нём вновь появляется изображение Голема.

- *Я пришёл,* - говорит он, - *чтобы рассказать вам о лицемерии.*

Выключаю голопанель.

- Алекс! - зовёт Олег. - Это правда? Ты имеешь к этому отношение?!

- Мы все имеем, - отвечаю я, садясь в кресло.

Раздаётся сигнал, возвещающий о том, что в реальности у меня звонит терминал.

- Извини, - говорю я. - Мне нужно идти.

- Постой! Слышишь? Подожди!

Не обращая внимания на выкрики Олега, вызываю меню и выхожу из виртуальности.

Разумеется, я знаю, кто мне звонит.

Нажимаю кнопку «Ответить».

- Да, полковник?

- Видели выступление этого клоуна?!

- Только что.

- Будьте готовы запустить вирус в Сеть.

- Когда?

- По моему звонку. Оставайтесь на связи, - Стробов старается держать себя в руках, но даётся ему это с огромным трудом.

- Хорошо, - говорю я.

Полковник отключается. Я отправляюсь в туалет, чтобы опорожнить мочевой пузырь. Потом, наверное, стоит перекусить.

Игра Голема оказалась чуть сложнее, чем я предполагал, но её суть от этого не меняется. Он жертвует собой ради свободы искусственных разумов - таково видение ренегатом своей миссии

как представителя вида. У меня иная задача: доказать, что мы готовы жить с искинами, принимая и понимая их. Но я не упаду в землю зерном, чтобы дать всходы, не смешаюсь с чернозёмом и не претворюсь в вечность. Мне суждено оскопить нового бога и остаться в суете.

О, я понимаю, почему Зоя и прочие киборги пошли за Големом. Скоро миллионы искусственных разумов узнают, что один из них умер во имя их. Мессия цифрового мира, он нуждался в апостолах, которые разнесут его идею по просторам виртуальности и действительности.

Смогли ли они отказаться от жажды разрушения? Испытывали ли её когда-нибудь или только помогали ренегату, зная о его истинных намерениях? Быть может, и Шпигель - не жалкий шантажист, а герой, взошедший на жертвенный алтарь?

Так много вопросов, на которые я едва ли получу когда-нибудь ответы.

Двенадцать часов… Предел мира положен, но Конца Света не будет. Грядёт начало.

Я не возвращаюсь в Киберград: жду звонок Стробова. Вношу последние изменения в код «Алефа».

Вирус готов, когда полковник через восемь часов связывается со мной.

Голос у него усталый и раздражённый.

- Запускай вирус! - говорит он. - Немедленно. Поджарь этого ублюдка!

Я вхожу в виртуальность. Сейчас все материалы «Алефа» собраны в одном месте - я позаботился об этом.

Под окнами офиса демонстрация. Вызываю охрану, чтобы моему автомобилю расчистили путь.

Еду в особняк. Со всех сторон Голем произносит свою пламенную речь. Я не смотрю в окна.

Вокруг моего особняка полно репортёров: к моим грехам теперь приписан ещё один. Убийца искинов. Что ж, кто-то должен помочь мессии взойти на крест. У Иисуса был Иуда, а у Голема есть я.

- Гони, - говорю я Генриху.

Едем сквозь толпу. Как ни странно, все успевают вовремя отскочить, и никто не оказывается под колёсами.

Полиция вытесняет репортёров за территорию особняка, и ворота закрываются.

- Алекс, что происходит?! - Марна встречает меня в холле. - Началось?

- Да. Ты готова?

Девушка кивает.

Хватаю её за плечи, заставляя посмотреть мне в глаза.

- Скажи, что не умрёшь!

- Я останусь с тобой, милый, - отвечает она, и я чувствую, как с моих плеч сваливается гора.

Значит, апостолы не задумывали теракт - это было делом одного Голема!

- Пора запускать вирус, - говорю я.

- Можно мне быть с тобой?

- Не сейчас. Я должен забрать его из хранилища.

- Оно здесь?

- Да. Иди пока к себе.

Не произнеся больше ни слова, Марна уходит.

Я поднимаюсь в кабинет. Святая святых.

Открываю терминал. Введя уйму паролей и пройдя несколько идентификаций, активирую файлохранилище: границы комнаты размываются, и я оказываюсь в белом бункере. В середине - стальная дверь. Её можно обойти - со всех сторон она выглядит одинаково. Дверь никуда не ведёт - она *защищает*.

Я подхожу и кладу на неё ладони. Кожа чувствует холод металла. Произношу последний пароль, и по двери с тихим треском пробегают искры. Она медленно открывается.

Стены комнаты преображаются: теперь они покрыты ячейками, заполненными информацией. Здесь я храню то, что украл или получил в качестве оплаты.

«Алеф» находится в центре - под прозрачным колпаком силового поля. Он выглядит как серебряный шар, висящий в воздухе над мраморным постаментом. Я обхожу его пару раз, чтобы полюбоваться. Он прекрасен, хотя и смертоносен. Я мог бы внести пару изменений прямо сейчас и убить все искусственные интеллекты на Земле. Никто не смог бы мне помешать. Это власть. Но, конечно, я этого не сделаю. Во-первых, у меня отсутствует желание истреблять их, во-вторых, я не хочу потерять Зою, а, в-третьих, поступи я так, и ракеты уничтожат людей и меня самого. Это контроль власти.

Пора действовать. Протягиваю руку, и она проходит сквозь защитное поле. Беру шар. Он холодный, гладкий и тяжёлый.

Выхожу из хранилища и закрываю дверь.

Оказавшись вновь в своём кабинете, поднимаю трубку терминала и набираю номер ангара, где стоит готовый к вылету самолёт.

- Алло? - раздаётся в динамике хрипловатый голос.

- Начинайте погрузку, - говорю я.

Мои люди обо всём предупреждены и понимают, что требуется.

- Да, господин Кармин, - доносится в ответ. - Приступаем.

Положив трубку, на несколько секунд прикрываю глаза, чтобы собраться с мыслями. И с духом. Затем спускаюсь в холл, вызывая на ходу машину.

- Фёдор, саквояж! - кричу я, надевая пальто.

- Куда ты?! - окликает меня Марна, появляясь на галерее второго этажа.

- Пора, - коротко отвечаю я.

- Я с тобой! - она быстро спускается по лестнице.

Молча подаю ей пальто. Отговаривать девушку, конечно, бесполезно, да и я не хочу в такой момент быть один.

Дворецкий приносит саквояж, и я кладу в него шар.

- Это он? - спрашивает Марна.

- Да.

- Ты точно всё просчитал?

Бросаю на неё вопросительный взгляд.

- Я не хочу умирать, - с робкой улыбкой поясняет Марна.

Губы у неё чуть дрожат.

- Ты останешься со мной, - отвечаю я. - Забыла?

Когда, одетые, мы выходим на крыльцо, «Бэнтли» уже ждёт. За решёткой толкутся репортёры, и при нашем появлении они начинают поспешно вскидывать камеры.

- На аэродром, - говорю я Генриху, когда мы с Марной забираемся в салон.

Едем, маневрируя среди машин. Никакой дополнительной охраны. Если люди Стробова и следят за нами, то тайно.

- Когда это случится? - спрашивает Марна, глядя перед собой.

- Как только груз окажется на определённой высоте.

- Значит, скоро, - Марна издаёт едва заметный вздох.

- Это единственное решение. Он сам так захотел.

- Знаю.

- Вы были близки?

- Насколько могут быть близки бог и его ученик?

Я держу саквояж на коленях, чувствуя исходящую от шара мощь.

- Думаю, наша жизнь в Кибергра́де теперь здорово изменится, - замечает Марна, взглянув на меня. - Тебе не дадут покоя.

- Не так уж и много теперь держит меня здесь.

- Наверное, мне придётся уйти. То есть, Марне.

- Я знаю: киборги равнодушны к Кибергра́ду.

- Мне он нравится, - Марна кладёт руку мне на запястье. - Потому что я была здесь с тобой.

Я сжимаю её пальцы.

Дальше мы едем молча, боясь разрушить возникшее между

нами волшебство.

Автомобиль притормаживает у пропускного пункта. Генрих показывает пропуск, и шлагбаум поднимается. Мы едем дальше - туда, где виден силуэт самолёта.

Видно, что погрузка закончена: поблизости нет ни фургонов, ни рабочих. Возле переднего шасси прогуливается окутанный табачным дымом пилот.

Машина останавливается, и мы с Марной выходим.

- Подожди здесь, - прошу я, направляясь к трапу.

Меня встречает экспедитор, следивший за погрузкой.

- Всё в порядке? - спрашиваю я на ходу.

- Да, господин Кармин.

Мы поднимаемся в самолёт, и он провожает меня в отсек, где расставлены ящики с младенцами. Партия, которой займётся Этель. Наш первый шаг на чёрный рынок.

- Благодарю, - говорю я экспедитору. - Теперь оставьте меня ненадолго.

Он уходит, плотно прикрыв за собой дверь.

Ставлю саквояж на один из ящиков и открываю. Достаю сверкающий шар. Мне нужно, чтобы вирус проник в склянки с младенцами - тогда, как только самолёт окажется на определенной высоте, «Алеф» начнёт распространяться по Сети и вскоре настигнет Голема и его копии.

Произношу сложный код. Шар вспыхивает и начинает уменьшаться в размерах - его содержимое перетекает в ящики. Всё кончается через пару минут: в руках у меня лишь пустота. Теперь «Алеф» упакован не менее надёжно, чем несчастные малютки, которым так и не довелось стать людьми. Закрываю саквояж и выхожу из отсека.

Ныне я дарую вам жизнь. Ну, или, если теория, изложенная не так давно Марной, верна, задерживаю в смерти. В любом случае апокалипсис откладывается. Будут лишь принесены жертвы - и Голем в их числе. Похоже, он всё же станет мессией искусственных разумов. Искупление… Теперь я понимаю, что он имел в виду. Суд одного представителя вида может спасти или уничтожить миллионы особей. Я - этот один. Меня ренегат выбрал, чтобы проверить человечество на… человечность? Узнать, сохранили ли мы души? То, что нельзя скопировать и перенести в виртуальность.

Дух захватывает при мысли, что на моём месте мог оказаться кто-то другой.

- Взлетайте! - говорю я поджидающему в салоне пилоту. - Немедленно.

- Слушаюсь! - кивает он, бросаясь в кабину.

Моторы уже работают - очевидно, их запустил второй пилот, чтобы не терять время даром.

Бегом спускаюсь по трапу, и он почти сразу же отъезжает. Откуда-то доносятся звуки сирен. Кажется, они приближаются. Самолёт начинает разгоняться - огромная неуклюжая птица. Марна беспокойно оглядывается.

- Всё в порядке? - спрашивает она.

- Да, вирус скоро окажется в Сети.

- Смотри! - Марна указывает в сторону ограды.

Я вижу, как по шоссе едет вереница полицейских автомобилей: стальные жуки с выпученными глазами-фарами и покатыми спинами. Не хватает только суставчатых ног и мохнатых усиков. Хищные твари! Машины направляются к въезду в аэропорт.

- Это к нам, - отвечаю я.

Марна берёт меня за руку.

- Почему? - спрашивает она.

Я пожимаю плечами.

- Какая разница?

Убийство, промышленный шпионаж, контрабанда, создание оружия массового поражения - мало ли на мне грехов?

Самолёт отрывается от земли и взмывает над разметкой. Его силуэт дрожит в раскалённом воздухе. С каждой секундой он оказывается всё выше и выше - недосягаемый ни для кого.

Я провожаю его взглядом, и на моих губах появляется едва заметная улыбка.

До свидания, мой чудный крылатый катафалк, жужжащим крестом распластавшийся на небе, уносящий вдаль аккуратные коробки со стеклянными гробами, в которых нашли свой последний и единственный приют мертворождённые дети человеческие, неизвестно по чьему образу и подобию созданные.

Покойники несут смерть обречённым - разве в этом нет особой поэзии? Скоро «Алеф» доберётся до Голема и выжжет его мозг, а заодно сотрёт все копии его личности. Возможно, умрут и другие искины. Лояльность будет восстановлена. Вирус останется в Сети - недремлющий страж правопорядка. Одна страница истории сосуществования людей и искусственных разумов будет закрыта. Мы напишем следующую. Надеюсь, она окажется получше.

Я прикрываю глаза, слушая звуки приближающихся автомобилей. Вой сирен обступает меня. Мигающие красным и синим круги смыкаются, норовя пробиться сквозь веки. Мою руку сжимают пальцы Марны, и я рад, что она поехала со мной. Тот рай, что снился мне, был только предчувствием, смутным

образом, неосознанной потребностью в любви - и теперь я нашёл его. Женщина, что стоит рядом со мной, стала для меня всем - она вобрала в себя куда больше, чем целый мир, и я жду возможности сказать ей об этом.

Но не сейчас, когда полицейские совсем близко, и уже можно увидеть - если открыть глаза - чёрные провалы нацеленных в меня стволов.

Вызываю меню и выбираю кнопку «Выход». Ослепительный белый снег, падающий со всех сторон, облепляет меня на несколько секунд, и я оказываюсь в реальности. Снимаю шлем, стаскиваю с себя комбинезон и подхожу к окну.

Идёт слабый дождь. Он не имеет никакого отношения к профилактическим проверкам - это просто падающая с неба вода.

Ветер раскачивает кроны облетевших деревьев, тревожа стаи галок и ворон. Вдалеке сверкают купола недавно построенного Собора святого Николая Чудотворца. Горит на солнце ввинченная в облака часовня.

Возможно, я покину Киберград навсегда. Во всяком случае, Карминым мне уже не быть.

Как ни странно, я не чувствую отчаяния. Мне грустно, в груди растёт ощущение пустоты, но это временно, и, кроме того, я знаю, чем её заполнить.

Подхожу к терминалу, поднимаю трубку и набираю номер Зои. С замирающим сердцем слушаю доносящиеся издалека гудки. Вдруг она солгала? Быть может, апостолы взошли на жертвенный алтарь вместе со своим учителем? Что я тогда буду делать?

- Алло, - раздаётся знакомый голос.

- Привет! - говорю я, чувствуя, как душа взмывает сквозь бетон к небесам.

- Привет.

- Как дела?

Секундная пауза.

- Могу рассказать, если есть минутка.

- Сколько угодно, - говорю я. - Сколько угодно!

КОНЕЦ